

С.А. Денисов

Политическая элита
Эпирского
царства
в 1205 – 1261 гг.

Sergey Denisov

Political Elite
in the Principality
of Epirus
in 1205–1261

С.А. Денисов

Политическая элита
Эпирского
царства
в 1205 – 1261 гг.

Центр гуманитарных инициатив
Москва – Санкт-Петербург
2017

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

Д33

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ФЕНОМЕН.

[series minor]

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Денисов С.А.

Д33 Политическая элита Эпирского царства в 1205—1261 гг. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. — 398 с. (MEDIAEVALIA [series minor])

ISBN 978-5-98712-656-1

Книга посвящена истории политической элиты Эпирского царства, одного из трех греческих государств, боровшихся за восстановление Византийской империи в 1205—1261 гг. Исследуются система распределения власти внутри правящей династии Дук, состав и функции приближенных государя, рассматривается значение родственных и дружеских связей как факторов консолидации аристократии и духовенства. Отдельное внимание уделено становлению идеологии Эпирского царства и ее рецепции представителями политической элиты.

Книга предназначена для специалистов и всех читателей, интересующихся историей Византийской империи.

© Денисов С.А., 2017

© Гладков А.К., составление серии, 2017

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2017

Оглавление

Введение	7
Глава I. Источники и историография	19
Глава II. Формирование структуры политической элиты в Эпирском царстве	
§ 1. Распределение власти между правителем и его ближайшими родственниками	67
§ 2. Состав и функции приближенных правителя	80
§ 3. Факторы консолидации правящей элиты (родственные, дружеские и патронатные отношения)	121
Глава III. Процессы деконсолидации политической элиты	
§ 1. Проблема дезинтеграции империи и становление власти Михаила I	162
§ 2. Развитие системы «уделов», принадлежащих членам династии Дук	181
§ 3. Лавирование местной элиты между эпирскими и никейскими правителями	188
§ 4. Обособление митрополий и епархий	198
Глава IV. Легитимация власти эпирскими Дуками	
§ 1. Титулатура правителей	220
§ 2. Родовая и территориальная принадлежности	230
§ 3. Иконография эпирских Дук и их небесных покровителей	242
§ 4. Санкция со стороны элиты	258
§ 5. Самоидентификация представителей высшего духовенства и аристократии	276
Заключение	320
Список условных сокращений:	325
Библиография	326
Приложения	355

Введение

Четвертый крестовый поход, завершившийся в апреле 1204 г. взятием Константинополя, положил начало новому периоду в истории Византии. Падение столицы и утверждение на византийских землях латинского владычества стали импульсом для создания нескольких греческих государств. В Малой Азии возникла Никейская империя, возглавляемая Феодором I Ласкарисом (1205—1221), в Причерноморье под властью Алексея I Великого Комнина (1205—1222) была создана Трапезундская империя, на западе Балканского полуострова появилось Эпирское царство, которым правил Михаил I Дука (1205—1215). Событиям 1204 г. предшествовала дезинтеграция Византийского государства, предпосылками которой стал кризис внутри династии Комнинов¹, а также постепенное обособление друг от друга столицы империи и провинций². Небольшие территории отделились от центральной власти еще до падения Константинополя³.

Лидеры новых греческих государств сражались с крестоносцами за освобождение ромейских земель, и не менее активно соперничали друг с другом за право стать императором. Борьба за возрождение Византии растянулась на полстолетия и была осложнена вмешательством болгарского, сербского царей, иконийского султана, венецианцев и сицилийского короля. Наиболее успешной в этом противостоянии,

несмотря на изначально неблагоприятные условия, оказалась Никейская империя, которая рассматривалась современниками как преемница державы ромеев, «империя в изгнании». Никейские императоры, опираясь на поддержку Вселенского патриарха и экономические реформы, смогли к середине XIII столетия подчинить значительную часть византийских владений⁴. В 1261 г. никейский император Михаил VIII Палеолог (1259—1282) торжественно въехал в Константинополь, что означало возрождение единой империи, хотя в Эпире и на Пелопоннесе процесс укрепления центральной власти занял еще почти столетие.

Падение Константинополя и борьба греческих государств за восстановление державы ромеев означали не только перестановку сил в составе политической элиты или смену династии, как было до сих пор. События 1204 г. явились катализатором развития внутренней жизни в отдельных регионах империи, ставших независимыми греческими центрами и обладавших спецификой внутреннего устройства и политической культуры. Борьба между Никейской империей, Трапезундским государством и Эпирским царством означала таким образом не только соперничество Ласкарисов, Великих Комнинов и Дук за константинопольский престол, но и противостояние отличающихся друг от друга моделей политического устройства, находившихся в рамках византийской традиции. Изучение данных моделей как возможных путей развития византийского государства позволит лучше понять политическую организацию империи в период правления династии Палеологов (1261—1453).

Одним из самых сильных соперников Никейской империи стало Эпирское царство, расположенное на западе Балканского полуострова. Историческое ядро государства составляли области: Старый Эпир, располагавшийся между Амбракийским заливом и горным массивом Акрокераун, и Новый Эпир, занимавший территорию к северу от Акрокерауна до реки Дрин. Административными центрами Старого Эпира были города Арта и Янина, а Нового — Берат и Дирахий⁵. Помимо Эпира, в состав царства входили в разное время крупные балканские области (Фессалия, Фракия, Македония), острова Корфу (Керкира), Кефаления, Левкада, а также Фессалоника, второй по величине город Византии после Константинополя⁶.

До 1204 г. Эпиром и Фессалией управлял севастократор Иоанн Дука, дядя императоров Исаака II (1185—1195, 1203—1204) и Алексея III (1195—1203) Ангелов⁷. Мужская линия рода Дук пресеклась в X в. после неудачного переворота Константина Дуки в 913 г.⁸ В XI в. род вошел в состав клана Комнинов после брака Ирины Дукены и Алексея I Комнина (1081—1118)⁹. Патроним Дука, как более древний, чем Ангелы, использовался позднее потомками Алексея I, в том числе Иоанном Дукой и его сыновьями, принадлежавшими «по крови» к ветви Ангелов.

Внебрачный сын севастократора Иоанна, Михаил I Дука (1205—1215), создал на месте отцовских владений независимое государство, значительно расширив их границы, и взял патроним, который носил его отец¹⁰. Используя выгодное географическое положение области, защищенной от внешних вторжений с востока горами Пинд, и лавируя между Венецией, Латинской империей и Римским престолом, Михаил I в скором

времени присоединил к собственным владениям Фессалию, Диррахий и о. Корфу. Его брат Феодор I Дука (1215—1230), приняв власть после убийства Михаила I, освободил от латинян в 1224 г. Фессалонику¹¹, где через три года был помазан на царство¹², тем самым бросив вызов никейскому императору, другому претенденту на константинопольский престол. В 1227—1230 гг. Феодору I удалось распространить свою власть на Македонию и часть Фракии¹³. Однако поражение в 1230 г. от войск болгарского царя Ивана II Асеня (1218—1242) не позволило эпирскому правителю освободить византийскую столицу. Мануил Дука (1230—1237), сосредоточивший в своих руках власть после поражения Феодора I, отказался от претензий на объединение ромейских земель. Новый этап участия эпирских Дук в борьбе за константинопольский престол начался в правление Михаила II (1230—1266/67), сына Михаила I. Заручившись поддержкой короля Сицилии Манфреда (1258—1266) и Ахейского принца Гийома II де Виллардуэна (1246—1278), он попытался в 1250-х гг. вернуть утраченное влияние царства, однако столкнулся с противодействием Никейской империи, позиции которой на Балканах к этому времени значительно упрочились. В 1259 г. Михаил II потерпел поражение от Михаила VIII Палеолога в битве при Пелагони, что положило конец дальнейшим претензиям правителей царства на лидерство в деле восстановления империи. Перечисленные события определяют хронологические рамки нашего исследования как период 1205—1261 гг., т.е. от времени создания государства до фактического прекращения борьбы Дук за константинопольский престол.

Несмотря на открытое противостояние с Никейской империей, Эпирское царство на протяжении

всего своего существования оставалось неотъемлемой частью византийской политической истории и культуры. Поэтому при изучении этого государства основное внимание привлекает его политическая элита — носительница традиций Византийской империи. Под политической элитой мы понимаем высшие слои аристократии и духовенства, представители которых обладали публичной властью¹⁴. Применительно к Эпирскому царству речь идет о представителях родов, связанных с фигурой правителя родственными отношениями, удостоенных титулами и/или занимающих высшие должности в светском и церковном управлении (деспотах, севастократорах, главах диоцезов, мецадзонах, императорских грамматиках и др.).

Основная проблема исследования состоит в том, чтобы определить степень политической и общественной значимости элиты Эпирского царства, её места как посредника между правящей династией и остальным обществом. Для этого, определив круг источников и историографии (глава I), рассмотрим следующие вопросы:

1) процесс структурирования политической элиты, что подразумевает исследование её состава и иерархии (глава II);

2) консолидация элиты, предполагающая изучение принципов, на которых строились отношения между её представителями и правителем, а также отношения внутри правящих кругов царства (глава III);

3) идеологическое обоснование власти, побуждающее проанализировать принципы легитимации власти Дук и их восприятие представителями элиты (глава IV);

Поставленные в нашей работе задачи подразумевают изучение максимального числа источников

разных видов и определяют методологию исследования. Наряду с традиционно используемыми в исторической науке сравнительно-историческим и типологическим методами, мы задействуем специальные методики: просопографический анализ, принципы анализа формуляра писем¹⁵.

Вместе с тем, охватывая широкий комплекс материала, необходимо учитывать связь рассматриваемых явлений и процессов, происходивших в Византии XII в. и греческих государствах в 1205—1261 гг. Именно в этом случае решение названных задач позволит определить структуру политической элиты царства (включая состав, связи, идеологию), что поможет установить её место в истории высших слоев византийского общества в первой половине XIII в.

Хотел бы, пользуясь случаем, выразить сердечную благодарность М.В. Бибикову, С.В. Близиюк, Ю.Я. Вину, Д.А. Коробейникову, М.А. Курышевой, Т.В. Куц, Н.П. Чесноковой за помощь в подготовке исследования.

Примечания

¹ *Angold M. The Byzantine Empire 1081—1204. A political history.* L.; N.Y., 1984. P. 280; *Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations à Byzance (963—1210).* P., 1990. P. 459—465; *Magdalino P. The empire of Manuel I Komnenos (1143—1180).* Cambridge, 1993. P. 111; *Angold M. The road to 1204: the Byzantine background to the Fourth Crusade // Journal of Medieval History.* 1999. Vol. 25. № 3. P. 276—277; *Cheyne J.-C. Bureaucracy and aristocracies // The Oxford Handbook of Byzantine studies / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cornack.* Oxford, 2008. P. 524; *Magdalino P. The empire of the*

Komnenoi (1118—1204) // The Cambridge history of Byzantine Empire / Ed. by J. Shappard. Cambridge, 2008. P. 654.

- ² Успенский Ф.И. Центробежные и центростремительные силы в истории Византии // ИАН СССР. Отд. обществ. наук. 1931. Сер. VII. №4. С. 455—470; Успенский Ф.И. История Византийской империи XI—XV вв. Восточный вопрос. М., 1997 (1-е изд.: М., 1948). С. 295—296; Hoffman J. Rudiemente von Territorialstaaten in Byzantinischen Reich (1071—1261). Berlin, 1974. S. 171—172; Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'empire Byzantin. P., 1975. P. 90; Dujčev I. Le grand tournant historique de l'an 1204 // ЗРВИ. 1975. Т. 20. P. 64; Oikonomidès N. La décompositon de l'Empire Byzantin a la veille de 1204 et des origines de l'empire Nicée: a propos de la Partitio Romaniae // XVe congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. Т. 1: Histoire. P. 22; Карнов С.П. От фемы Халдия — к империи Великих Комнинов // АДСВ. 1982. Вып. 19. С. 54—61; Kazhdan A.P., Constable G. People and power in Byzantium. An introduction to modern Byzantine studies. Washington, 1982. P. 136—137; Радућ Р. Обласни господари у Византији крајем XII и у првим деценијама XIII век // ЗРВИ. 1986. Т. 24—25. С. 256—257.
- ³ Oikonomidès N. La décompositon de l'Empire Byzantin... P. 13—28; Laiou A.E. Political-historical survey, 1204—1453 // The Oxford Handbook of Byzantine studies. P. 280.
- ⁴ Oman C.W.C. The Byzantine Empire. New York; L., 1908. P. 301; Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 440; Glykatzi-Ahrweiler H. La politique agraire des empereurs de Nicée // Byz. 1959. Т. 28. P. 54—55; Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963. S. 379—382; Литаврин Г.Г. Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи // История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1967. Т. 3. С. 31—36; Angold M. Byzantine government in exile: Government and society of Nikea under Lascarids. Oxford, 1975. P. 97—120; Карнов С.П., Жаворонков П.И. Особенности социально-экономического и политического развития греческих земель в эпоху политической раздробленности и латинского владычества // Культура Византии XIII—XV вв. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 34; Лебедев А.П. История Византии (842—1453). М., 2005. С. 378—379; Angold M. The rump Greek states and recovery of Byzantium // The Cambridge history of Byzantine Empire /

Ed. by J. Shappard. Cambridge, 2008. P. 740—741; *Angold M. Byzantium in exile // New Cambridge Medieval History. Cambridge, 2008. Vol. 5: c. 1198—c.1300 / Ed. E. Abulafia. P. 543—568; Laiou A.E. Political-historical survey... P. 282—283.*

- ⁵ Топографические данные приводятся по монографии Д.М. Найкола, см.: *Nicol D.M. The Despotate of Epiros. Oxford, 1957. Подробнее об исторической топографии Эпира см.: Soustal P. Nikopolis und Kephallenia // TIB. Wien, 1981. Bd. III. S. 41—42, 101—283.*
- ⁶ Приложение 1. Карты 1, 2, 4.
- ⁷ *Nicol D.M. The despotate. P. 11; Литаврин Г.Г. Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи // История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1967. Т. 3. С. 42—43; Βάρζος Κ. Η γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Τ. 1. Θεσσαλονικὴ, 1984. Σ. 649; Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations... P. 471; Приложение 1. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки. По мнению Г. Принцинга, об этом факте, как и о земельных владениях Иоанна Дуки, следует говорить предположительно (*Prinzing G. Studien zur Provinz und Zentralverwaltung im Machtbereich der epirotischen Herrscher Michael I und Theodoros Dukas // Ἠπειρωτικὰ χρονικά. 1982. №24. S. 105. Далее: Prinzing G. Studien I*), однако его мнение во многом основано на более поздней датировке акта 1206 г. (см. ниже).*
- ⁸ *Polemis D.I. The Doukai. A Contribution to the Byzantine prosopography. L., 1968. P. 21—25; ODB. Vol. 1. P. 655.*
- ⁹ *Βάρζος Κ. Η γενεαλογία... Τ. 1. Σ. 27.*
- ¹⁰ Об использовании эпирскими правителями патронима Дука см.: *Stiernon L. Les origines du despotat d'Épire // REB. 1959. Т. 17. P. 117—120 (далее: Stiernon L. Les origines. I); Polemis D.I. The Doukai... P. 89—91; Nicol D.M. To the prosopography of the late Byzantium // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries / Ed. M. Angold. Oxford, 1984. P. 82). Этот патроним используется в современной историографии в отношении эпирских правителей (см.: *Prinzing G. A quasi-patriarch in the state of Epiros: The autocephalos archbishop of "Bulgaria" (Ochrid) Demetrios Chomatenos // ЗРВИ. 2004. Т. 41. С. 165—182; Λάππας Ν.Αθ. Πολιτικὴ Ἱστορία τοῦ κράτους τῆς Ἠλείρου κατὰ τον 13 αἰ. Θεσσαλονικὴ, 2007; Целебџић Д. Писма Јована Апокавка Теодору Дуке // ЗРВИ. 2008. Т. 47. С. 125—140); Приложение 1. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки.**

- ¹¹ О том, когда точно произошло это событие — осенью или зимой 1224 г. — в историографии нет единого мнения (см.: Longnon J. La prise de Salonique par les Grecs en 1224 // Actes du VIe Congrès d'études Byzantines. P., 1950. Vol. I. P. 141—146; Sinogowitz B. Zur Eroberung Thessalonikis im Herbst 1224 // BZ. 1952. Bd. 45. Hft. 1. S. 28; A Chronology of the Byzantine Empire / Ed. by T. Vennig. New York, 2006. P. 569; Λάππας Ν.Αθ. Πολιτική Ιστορία τοῦ κράτους τῆς Ἠλείρου... Σ. 119).
- ¹² Год, когда произошла коронация Феодора I стал предметом обсуждения в историографии. Исследователями выдвигались различные точки зрения на эту дату: назывался 1222 г. (Goschew I. Zur Frage der Krönungszeremonien und die zereemonielle Gewandung der byzantinischen und die bulgarischen Herrscher im Mittelalter // Byzantinobulgarica. 1966. 2. S. 168); 1223 г. (Muralt E. de Essai de chronographie Byzantine. St. Petersburg, 1871. Vol. II. P. 332); 1224 г. (Vacalopoulos A.E. A history of Thessaloniki. Thessaloniki, 1972. P. 48); 1225 г. (Karpozilos A.D. The ecclesiastical controversy between the kingdom of Nikaia and the principality of Epiros (1217—1233). Thessaloniki, 1973. P. 75; Karpozilos A.D. The Date of Coronation of the Theodore Doukas Angelos // Byzantina. 1974. Vol. 6. P. 251—261; A Chronology... P. 569); 1225/1226 (Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καὶ Ἠπίρος τὸν 13ο αἰῶνα. Ἰδεολογικὴ ἀντιπαράθεση στὴν προσπάθεια τοὺς νὰ ἀνακτήσουν τὴν αὐτοκρατορία. Ἀθῆναι, 1991. Σ. 69); 1227 г. (Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Συμβολὴ στὸ ζήτημα τῆς ἀναγόρευσης τοῦ Θεόδωρου Δούκα // Ἀφιέρωμα στὸν Ε. Κριαρά. Θεσσαλονικὴ, 1988. Σ. 44; Prinzing G. Das byzantinische Kaisertum im Umbruch: zwischen Regionaler Aufspaltung und erneuter Zentrierung in den Jahren 1204—1282 // Legitimation und Funktion des Herrschers. Stuttgart, 1992. S. 25—30; Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki (1224—1242). Thessaloniki, 1995. P. 112), 1227—1228 гг. (Stiernon L. Les origines du despotate d'Épire // Congrès international des études byzantines. XIIe. Ochride. Actes. Ochride, 1961. T. 2. P. 202; George Acropolites. The History / Trans. with introd. and comment. by R. Macrides. Oxford, 2007. P. 164. Note 5 (далее: Macridis R. George Acropolites). Наиболее вероятной нам представляется версия о 1227 г., т.к. о более раннем времени сведений в источниках не имеется.
- ¹³ Приложение 1. Карта 2.
- ¹⁴ Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. С. 11.

- ¹⁵ *Karlsson G. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie Byzantines. Textes du X-e siècle, analysés et comments. Uppsala, 1962; Сметанин В.А. Теоретическая часть эпистологии и конкретно-исторический эфармосис поздней Византии // АДСВ. Свердловск, 1979. С. 58—93; Сметанин В.А. Эпистология поздней Византии, проэлевсис // АДСВ. Свердловск, 1980. С. 68—72; Сметанин В.А. Византийское общество XIII—XV вв. по данным эпистолографии. Свердловск, 1987; Куц Т.В. Эпистолярная практика в поздней Византии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 5—15.*

Глава I
Источники
и историография

Источники, использованные в нашем исследовании, можно разделить на несколько групп, обладающих равной ценностью для решения поставленных задач.

Первую группу составляют *акты*, к которым относятся, в первую очередь, жалованные грамоты эпирских правителей, подтверждающие привилегии светских и духовных лиц.

- 1) Документы, подтверждающие привилегии рагузийцев и венецианцев в торговле с землями царства. К ним относятся: хрисовулы Михаила I, пожалованные Дубровнику в 1206 г.¹ и венецианцам 20 июня 1210 г.², орисмос этого же правителя, предоставленный венецианскому дожу Петро Зиани (1205—1229) в 1210 г.³, а также простагма Мануила Дуки 1234 г.⁴ и орисмос Михаила II Дуки купцам Рагузы 1237 г.⁵
- 2) Грамоты, гарантирующие отдельным диоцезам освобождение от налогов и неприкосновенность имущества. В их число входят: хрисовулы Феодора I Дуки, пожалованные в 1228 г. Навпактской⁶ и Керкирской митрополиям⁷, простагма этого же правителя (датируется 1227—1230 гг.), пожалованная митрополии Лариссы⁸, два хрисовула Михаила II Дуки от 4 января⁹ и 4 февраля 1246 г.¹⁰ Керкирской митрополии. К ним можно также отнести хрисовул и аргировул Димитрия Дуки (1244—1246), упоминания о которых сохранились только в перечне документов афонского монастыря Хиландар. Документы подтверждают дарение монастырю земельных владений, принадлежащих этому правителю¹¹.

- 3) Документы, гарантирующие освобождение от налогов и неприкосновенность имущества светских лиц. К ним относятся акты Михаила I и Феодора I, гарантировавшие компенсацию имущества аристократам, поселенным в Янине (грамоты упоминаются в письме Иоанна Апокавка)¹², а также хрисовулы Михаила II Дуки от 10 декабря 1236 г. жителям Корфу¹³ и от мая 1246 г. Константину Малиасину¹⁴.

Сохранившиеся документы представлены аутентичными копиями, находящимися в составе кодексов XIV—XV вв. и составлены субъективно, т.е. от первого лица. Хрисовулы обладают более упрощенной структурой, чем аналогичные документы XII в., что, в целом, характерно для грамот XIII в.¹⁵ Так, протокол в документах представлен только “*invocatio*”, тогда как ранее добавлялись также “*inscriptio*” и “*intitulatio*”, в основном тексте документа отсутствует *sanctio*, также используемое в предшествующий период¹⁶. Простагмы практически полностью повторяют черты формуляра, общего для документов данного вида, состоящего из “*invocatio*”, “*dispositio*”, “*narratio*”, менологемы¹⁷. В противоположность данных документов орисмос Михаила II серьезно отличается от норм составления тем, что содержит сразу три элемента, не предусмотренных формуляром: “*invocatio*”, “*prooimion*”, “*sanctio*”¹⁸.

Перечисленные жалованные грамоты содержат сведения, позволяющие определить элементы государственной идеологии (титулатуру правителей, родственные отношения с предшествующими императорами и т.д.). Кроме того, они свидетельствуют о привилегии экскуссии¹⁹, регламентирующей отношения между правителем и представителями политической элиты царства.

Следующая группа документов — патриаршие акты, регулирующие отношения внутри эпирской Церкви и отражающие важный процесс становления церковной автономии²⁰. Отдельно в группе актового материала находятся несколько документов.

- 1) Договор о перемирии сроком на год, заключенном в августе—сентябре 1228 г. между регентом Латинской Романии Наржо де Туси (1228—1231) и Феодором I. Документ содержит сведения о титулатуре, родовом имени Феодора I, демонстрирует принципы его внешней политики, а также свидетельствует о связях элит Эпира и Пелопоннеса²¹.
- 2) Договор о мире между Феодором I и Петро Зиани, заключенный в 1218 г. на пять лет²², также свидетельствующий о внешней политике эпирского правителя.
- 3) Письменные распоряжения Фридриха II Гогенштауфена (1212—1250), касающиеся приема послов Михаила II, прибывших для установления отношений с германским императором²³. Документ содержит сведения о титулатуре и родовом имени эпирского правителя, говорит о направлении его внешней политики.

Следующую группу составляют *письма* Навпактского митрополита Иоанна Апокавка, Охридского архиепископа Димитрия Хоматиана и Керкирских митрополитов Василия Педиадита и Георгия Вардана. Они адресованы к разнообразному по составу кругу лиц и различаются по тематике.

Византийская эпистолография, основанная на античной традиции²⁴ и обладавшая вместе с тем отличиями в языке²⁵ и стиле²⁶, была тесно связана с рито-

рическим искусством: многие его приемы и фигуры активно употреблялись византийскими интеллектуалами при создании писем. В сборниках риторических упражнений, т.н. прогимнасм, использовался прозаический энкомий со всеми жанровыми обязательствами энкомия как похвального слова²⁷. Данное понятие стало, помимо прочего, основой для особого вида писем — посланий к императору, в котором оно использовалась для восхваления василевса²⁸. Энкомий способствовал формированию в общественном мнении идеала императора как философа, справедливого законодателя, благочестивого правителя²⁹. Похвала также была своего рода завуалированной рекомендацией правителю.

Высказанные замечания справедливы для рассматриваемых писем.

Для анализа сведений о правителе, представленных в таком специфическом источнике как письма, была использована методика, предложенная В.А. Сметаниным и подразумевающая изучение архитектоники (структуры) письма. В источнике выделяются две основные части: формульная, представляющая собой цепь стандартных, устойчивых фраз³⁰, и содержательная (апангелия), т.е. собственно сообщение³¹.

Письма Навпактского митрополита, особо отмечаемые исследователями как памятник византийской литературы XIII в.³², адресованы Феодору I Дуке, и представителям высшего духовенства: патриарху Герману II (1223—1240), Афинскому митрополиту Михаилу Хониату, Керкирскому митрополиту Георгию Вардану, Охридскому архиепископу Димитрию Хомагиану, дуке фемы Ахелоя Николаю Горианиту и другим архиереям и аристократам³³.

В качестве адресатов эпистол Димитрия Хоматиана выступают Феодор I Дука, патриарх Герман II, митрополит Георгий Вардан. Кроме того, активная переписка велась Димитрием Хоматианом с епископами Пелагонии и Скопье, и некоторыми аристократами (Иоанном Плитом)³⁴.

Письмо Керкирского митрополита Василия Педиадита адресовано Римскому папе Иннокентию III (1198—1216)³⁵. Письма преемника Василия Педиадита, Георгия Вардана, адресованы Феодору I Дуке, Мануилу Дуке, Иоанну Дуке, патриарху Герману II, а также Иоанну Апокавку и Димитрию Хоматиану³⁶.

Перечисленные письма освещают сразу несколько проблем, рассматриваемых в нашем исследовании.

1) Легитимность власти правителя. Речь идет, прежде всего, о письмах архиереев к Феодору I и патриарху Герману II, датируемых периодом 1215—1230 гг. В посланиях к правителю Иоанн Апокавк, Димитрий Хоматиан и Георгий Вардан выражают поддержку его действий, а в письмах к патриарху обосновывают право Феодора I на византийский престол, формулируя тем самым «концепцию» внешней политики Эпирского государства.

2) Церковная автономия эпирского духовенства и связанные с ней изменения в организации деятельности клира. Эту проблему освещают письма названных архиереев к Феодору I и Мануилу I Дукам, а также эпистолы, адресованные патриархам Мануилу Сарантину (1217—1222) и Герману II, датированные 1215—1237 гг.

3) Отношения архиереев с другими представителями духовенства и аристократами: конфликты относительно обладания собственностью, дружба, духовное наставничество и т.д. Данные проблемы раскрывают письма, датируемые периодом 1215—1237 гг.

4) Вопросы имущественного положения представителей аристократии освещают письма архиереев, разъясняющие судебные постановления (1216—1236).

Помимо перечисленных эпистол, к рассматриваемой группе источников следует отнести:

- 1) Письма Вселенских патриархов (Мануила Сарантина и Германа II) к представителям эпирского духовенства³⁷. Послания содержат сведения о становлении автономной Церкви Эпира и отношениях архиереев с патриархом в период 1205—1230 гг., а также — о восстановлении власти главы Церкви над западом Балкан после 1232 г.
- 2) Письма Михаила Хониата к Иоанну Апокавку и Георгию Вардану. До 1204 г. Хониат являлся Афинским митрополитом, а после падения Константинополя покинул город и поселился на о. Кея. Эпистолы архиерея содержат информацию о взаимоотношениях внутри эпирского духовенства³⁸.
- 3) Письмо Никифора Влеммида, обращенное к Михаилу II и содержащее сведения об обстоятельствах принятия эпирским правителем титула деспота³⁹.
- 4) Письма Иннокентия III к латинским императорам и католическому духовенству. Эпистолы понтифика посвящены вопросам организации католической Церкви в Латинской Романии, координации деятельности духовенства и светских правителей. Источники содержат информацию о внешней политике Михаила I Дуки, его отношениях с Римским престолом и латинскими государствами⁴⁰.
- 5) Письма Римского папы Гонория III (1216—1227), посвященные отношениям Феодора I Дуки с католической Церковью⁴¹.

- 6) Циркулярное письмо латинского императора Генриха I д'Эно (1206–1212), датированное 1212 г. В документе сообщается об основных политических противниках императора, среди которых назван Михаил I Дука. Говорится об истории противостояния эпирского правителя и Генриха I⁴².
- 7) Письмо трех аристократов о. Корфу, Калайни, Комиано и Ватаци, к рагузийцам, датированное периодом 1230—1240-х гг.⁴³ Послание содержит сведения относительно состава и самоидентификации представителей элиты острова.
- 8) Питтакий Ефимия Торника, митрополита Патрдо до 1204 г., а затем клирика епархии Дринополь, к Константину Дуке. Документ, датированный 1200—1205 гг., содержит сведения о патрониме адресата⁴⁴.

Третью из рассматриваемых групп источников составляют *хроники, мемуары и исторические сочинения*.

Одним из главных исторических сочинений, касающихся Эпирского царства, как и других греческих государств в XIII в., является «История» Георгия Акрополита, служившего при дворе никейских императоров Иоанна III Ватаца (1221—1254), Феодора II Ласкариса (1254—1258) и Михаила VIII Палеолога⁴⁵. Сочинение было составлено в 1262—1265 гг., охватывает период 1203—1261 гг. и касается внешней политики эпирских правителей, а также взаимоотношений внутри представителей эпирской элиты. Важно, что труд принадлежит современнику событий. По мнению многих исследователей, сочинение Георгия Акрополита является, в целом, точным и объективным источником⁴⁶.

Будучи придворным никейских императоров, Георгий Акрополит не разделял претензии эпирских

правителей, соперничавших с никейскими императорами за константинопольский престол. Наибольшей критике со стороны историка подверглись коронация Феодора I Дуки в 1227 г. и последующее введение им придворных титулов⁴⁷. Подобная позиция связана с тем статусом, который в глазах элиты Никейской империи получило Эпирское государство. Царство представляло собой не более чем периферию византийской политической жизни, его правители необоснованно претендовали на константинопольский престол. Можно говорить, что в высказанной оценке Георгий Акрополит следует за более ранними историками, освещавшими ход событий с «проникейских» позиций. Прежде всего, это касается Никиты Хониата. Аналогичная ситуация наблюдается и в том, как Георгий Акрополит повествует о Трапезундской империи — другом конкуренте Никейской империи⁴⁸.

Труд Георгия Акрополита вошел в состав двух исторических сочинений: хроники Феодора Скутариота, составленной во второй половине XIII в. и охватывающей период от Адама до 1261 г.⁴⁹, и хроники Ефрема, повествующей о событиях от правления римского императора Калигулы (12—41 гг.) до 1261 г., единственный список которой датируется XIV столетием⁵⁰. Данные произведения, несмотря на то, что основаны на труде Акрополита, содержат сведения, касающиеся структуры эпирской элиты и дополняющие «Историю».

Остальные сочинения можно разделить на две группы, в зависимости от того, какое время они охватывают. Первую из них составляют памятники, касающиеся начального периода существования Эпирского

царства, т.е. 1205—1215 гг. Они содержат сведения о становлении власти Михаила I, военной организации царства, внешней политике эфирского правителя:

- 1) «История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина» Никиты Хониата, охватывающая период 1118—1206 гг., завершенная в начале XIII в.⁵¹.
- 2) «Завоевание Константинополя», мемуары маршала Шампани Жоффруа де Виллардуэна, созданные около 1210 г. В них освещен период 1201—1210 гг.⁵²
- 3) Хроника Анри де Валенсье, придворного историка латинского императора Генриха I⁵³. Сочинение было составлено около 1210 г. и охватывает 1208—1209 гг.
- 4) Хроника Альберика из Труа-Фонтена, написанная в 1227—1251 гг. и охватывающая период от Сотворения мира до 1241 г.⁵⁴
- 5) Хроника Рикардо из Сан-Германо, составленная в середине XIII в. и проливающая свет на период 1189—1243 гг.⁵⁵
- 6) Хроника Эрнуля, затрагивающая период 1101—1231 гг. Заключительный этап создания источника относится к 1230—1250 гг.⁵⁶
- 7) Продолжение хроники Робера Аутиссиодоренского, освещающее период с 1211—1220 гг.⁵⁷ и завершенное в 1220-е гг.
- 8) Хроника Галаксиди, написанная в 1703 г. монахом Ефимием из монастыря Христа Спасителя в городе Галаксиди (северное побережье Коринфского залива)⁵⁸. Содержит сведения о периоде 981—1690 гг.
- 9) Сочинение Ансберта «О походе императора Фридриха», охватывающее период 1187—1197 гг. и составленное в конце XII в.⁵⁹

- 10) Хроника Андреа Дандуло, составленная в середине XIV в. и повествующая о событиях 46—1280 гг.⁶⁰

Вторую группу составляют труды, из которых можно извлечь данные о заключительном этапе существования Эпирского царства в выбранных нами хронологических рамках (1250-е гг.). Источники содержат информацию об отношениях Михаила II и политической элиты царства:

- 1) «История о Михаиле и Андронике Палеологах» Георгия Пахимера, составленная в начале XIV в. и охватывающая период 1259—1308 гг.⁶¹
- 2) «Римская история» Никифора Григоры. Сочинение было написано в 1351—1359 гг. и освещает период 1204—1359 гг.⁶²
- 3) Морейская хроника, написанная неизвестным автором в середине XIV в. Существует несколько версий источника: греческая, французская, арагонская, итальянская. Наиболее ранними из них являются первые две, датируемые XIV в. Сочинение охватывает период 1097—1292 гг.⁶³
- 4) «История Романии» Марино Санудо Торселло, составленная в 1326—1333 гг. и затрагивающая период второй половины XIII в.⁶⁴

Важной чертой перечисленных трудов является взгляд авторов на Эпирское царство, который во многом схож с позицией Георгия Акрополита: Дуки рассматриваются как незаконные претенденты на престол, выступающие в качестве лишь местных правителей. Такой взгляд характерен как для старших византийских современников никейского историка, таких как Никита Хониат, так и для более поздних авторов (Георгия Пахимера, Никифора Григоры) и связан с «проникейской» ориентацией историков.

Аналогичная точка зрения западных латинских авторов также связана с политическим статусом Никейской империи как преемницы Византии.

Указанная особенность во многом обусловила выбор проблем, затрагиваемых в перечисленных сочинениях. Рассматривая эфирских правителей как незаконных претендентов на престол, как лидеров местной аристократии, историки и хронисты не уделяют достаточного внимания подвластной им области, затрагивают лишь наиболее заметные для них отношения в среде высшей аристократии и духовенства, которые выделяются вследствие активной внешней политики Дуков: в военных кампаниях, при заключении договоров и т.д.

Авторы всех приведенных трудов, в отличие от сочинения Георгия Акрополита, лишь изредка упоминают об Эфирском царстве как об одном из независимых государств. Данное отличие связано, прежде всего, с тем, что внимание никейского аристократа было сконцентрировано на истории Никейской империи, в событиях которой он принимал непосредственное участие. Соперничество никейских императоров с Дуками, являющееся одним из главных противостояний для этого государства, побудило Акрополита более подробно рассказать об Эфирском царстве.

Отдельно в группе письменных источников находится *агиографическая литература*, к которой относятся:

- 1) Житие святой Феодоры, составленное монахом Иовом во второй половине XIII в.⁶⁵ Источник подробно освещает отношения между Дуками и представителями крупной землевладельческой аристократии.

- 2) Житие св. Симеона Немани. Источник составлен в 1216 г. Стефаном Первовенчанным, ставшим затем сербским королем (1217—1228). Сочинение сообщает о наступлении войск Михаила I на Сербию, которое завершилось битвой при Скодре, а также о последующей смерти эпирского правителя⁶⁶.

Следующая группа рассматриваемых источников представлена *нумизматическими и сфрагистическими коллекциями*, а также *эпиграфическим материалом*.

Печати эпирских правителей дошли до нас небольшим числом сохранившихся свинцовых и восковых оттисков, относящихся к правлению Михаила I, Михаила II, Иоанна Дук. Небольшое число печатей можно связать с малым количеством сохранившихся актов, которые они заверяли: уцелело только 12 грамот, изданных эпирскими правителями, в то время как в Никее — около 236 документов, из которых 27 — хрисовулы, 110 — простагмы и орисмосы⁶⁷.

Публикация эпирских печатей велась, в целом, в рамках создания византийских сфрагистических каталогов, а также в контексте изучения отдельных связанных с ними жалованных грамот. Одним из первых эти печати издал Г. Шлюмберже, опубликовавший два экземпляра, датируемых правлением Михаила I⁶⁸. Еще три печати (одна принадлежащая Михаилу I и две — Михаилу II) опубликованы М. Марковичем⁶⁹. Количество введенных в научный оборот печатей пополнилось также буллой Иоанна Дуки, которая была представлена сначала Г. Закосом и А. Веглери⁷⁰, а затем — Н. Икономидисом в каталоге печатей, хранящихся в собрании Дамбартон Оукс (Вашингтон)⁷¹.

Позднее В. Зайбтом и М.Л. Зарницц опубликовали вторую известную печать Иоанна Дуки⁷².

Рассмотрим далее монеты, отчеканенные при правителях царства. Несмотря на циркуляцию в Эпире некоторого числа монет, относящихся к периоду XII—начала XIII в., денежное обращение в царстве, в целом, характеризуется эмиссией при каждом из его правителей⁷³. Первоначально, в период 1205—1224 г., монеты чеканились в Арте как в столице царства. После освобождения Фессалоники и перемещения туда центра государства эфирские правители чеканили монеты и в этом городе, и в Арте. Данная ситуация сохранялась до 1246 г., после чего выпуск монет полностью перешел в Арту. При том наибольшее число монет было выпущено в период 1224—1246 гг.

В области денежного обращения Эфирское царство, как и Никейская империя, унаследовало систему, существовавшую в период правления Комнинов. Монеты Комнинов разделяются, согласно реформе Алексея I Комнина 1092 г., на золотой иперпир, электровые (т.е. изготовленные из сплава золота и серебра) и серебряные номисмы, медные тетартерон и полтетартерона. Из перечисленных монет в Эпире чеканились все, кроме золотого иперпира⁷⁴. На западе Балканского полуострова, и в Никейской империи, происходило, с одной стороны, обращение монет XII в., с другой, — появлялись деноминированные электровые и биллоновые (изготовленные из меди, содержащей включения серебра) монеты⁷⁵, что являлось продолжением процессов, наблюдаемых в конце XII в.⁷⁶ Отличием Эпира в данном случае являлось большое число монет Алексея III, что связано с наличием в этой области земельных владений, пожалованных императором своим родственникам⁷⁷.

В Трапезунде, где связь с империей была менее сильна, еще в конце XI—XII вв. сложилась собственная чеканка монеты по образцу поздних византийских фоллисов (вторая половина XI в.)⁷⁸. Опыт чеканки собственной монеты повлиял, вероятно, на то, что в XIII в. трапезундские правители смогли не следовать системе, введенной Комнинами, а чеканить монеты, ориентируясь на те центры, экономическое и культурное влияние которых испытывал регион — Румский султанат и армянские княжества в Киликии⁷⁹. Это послужило основанием для некоторых исследователей сопоставить только монеты Эпира и Никеи как центров, придерживавшихся традиций, сложившихся при Комнинах⁸⁰. Однако необходимо отметить, что монеты первых правителей Трапезундской империи Иоанна (1235—1238) и Мануила (1238—1268) Комнинов следуют в области иконографии традициям XII в. и поэтому их сопоставление с изображениями на монетах Эпирского царства представляется возможным⁸¹.

Эпирские монеты были опубликованы во многих каталогах византийских монет, дополняющих друг друга.

Ф. Сольси одним из первых представил изображения и описания четырех монет, относящихся к правлению Феодора I, Мануила и Иоанна Дук, пересмотрев точку зрения, согласно которой эти источники относились к периодам правления Алексея I Комнина (1081—1118), Мануила Комнина (1148—1180) и Иоанна III Дуки Ватаца⁸². Позднее Ж. Сабатье представил в своем каталоге описания и изображения двух медных монет, относящихся к правлению Феодора I, пяти медных монет, датируемых периодом правления Мануила Дуки, а также двух монет, отчеканенных при Иоанне

Дуке⁸³. Более полно монеты Эпирского царства были опубликованы в каталоге, подготовленном У. Вротчем на основе фондов Британского музея. Исследователь опубликовал типы монет, из которых 2 относились к правлению Михаила I, 4 — к правлению Феодора I Дуки, 4 — к правлению Мануила Дуки, по одному — к правлению Иоанна и Димитрия Дук⁸⁴. При этом исследователь пересмотрел атрибутацию ряда монет, предложенную Ж. Сабатье. Так, были атрибутированы правлением Михаила I, Феодора I и Димитрия Дуки монеты, которые Ж. Сабатье (основываясь на предшествующей традиции) отнес к правлению Михаила VIII Палеолога, Феодора II Ласкариса и Исаака Ангела⁸⁵.

Позднее Т.Д. Герасимов подготовил специальный каталог, включавший изображения и описание 47 монет, выпущенных в Фессалонике в 1224—1246 гг. (на основе собраний, хранящихся в болгарских музеях)⁸⁶. Сведения, представленные в данной публикации, были значительно дополнены в работе М.Ф. Хенди, который, используя материалы коллекции, хранящейся в Дамбартон Оукс, опубликовал около 50 монет, отчеканенных при Феодоре I, Мануиле, Иоанне и Димитрии Дуках. Данные монеты исследователь разделил на 34 типа, согласно их отличительным иконографическим признакам⁸⁷. Предложенная система классификации была позднее использована в работах П. Уайттинга⁸⁸, Ф. Грирсона⁸⁹ и Д.Р. Сира⁹⁰. При этом Ф. Грирсон опубликовал ранее не изданные источники: одну электровую номисму Михаила I, две серебряные номисмы Михаила II, а также по одной монете Феодора I и Мануила, отчеканенные до принятия ими императорского титула⁹¹. Д.Р. Сиром введена в научный оборот одна монета Михаила II, не изданная Ф. Грирсоном⁹².

М.Ф. Хенди был подготовлен каталог монет Эпирского царства, хранящихся в собрании центра Дамбартон Оукс и в Виттмарской коллекции. Каталог значительно отличался от предшествующей работы исследователя тем, что содержал изображения и описания монет, выпущенных не только правителями Фессалоники, но и отчеканенных при Михаиле I и Михаиле II, а также при Феодоре I в период 1215—1224 г.⁹³

Позднее еще один тип монет, относящийся к правлению Иоанна Дуки, был опубликован С. Морриссон⁹⁴. В каталоге византийских монет, хранящихся в Национальном музее Белграда, подготовленном к изданию В. Радичем, представлено несколько типов монет, относящихся к правлению Феодора I и Мануила Дук. Типы, к которым они принадлежат, были до этого описаны в работах Т.Д. Герасимова и М.Ф. Хенди⁹⁵.

В каталоге монет, хранящихся в Ашмолеанском музее Оксфорда, который был подготовлен Е. Лиантой, зафиксированы, в основном, типы, опубликованные в своде М.Ф. Хенди. Исключение составил один тип монет, отчеканенный в период правления Михаила II⁹⁶.

Параллельно с изданием каталогов осуществлялась публикация отдельных типов монет, отчеканенных в Эпирском царстве. Данное направление получило своё развитие в работах М. Керамиссини-Икономидиса⁹⁷ и В. Иванишевича⁹⁸.

Эпиграфический материал представлен рядом надписей, сохранившихся в светских и церковных зданиях.

- 1) Метрическая надпись на воротах Диррахия, датируемая 1224—1225 гг. и содержащая сведения о генеалогии Феодора I⁹⁹.

- 2) Надпись в церкви Като Панагии Вриони, расположенной вблизи Арты. Граффити представляет собой монограмму имени Михаила II Дуки¹⁰⁰.
- 3) Надпись на саркофаге Никифора Дуки (1266/1267—1290), расположенном в церкви Успения Богоматери во Влахернском монастыре (Арта)¹⁰¹. Граффити содержит сведения о патронимах и титулатуре Никифора и его матери Феодоры.

Рассматриваемые примеры относятся к типу исторических надписей, сделанных на монументальных сооружениях и несущих информацию о правителе, при котором здание было построено, ктиторах, мастерах и т.д.¹⁰².

К сфрагистическому и эпиграфическому материалу относятся также источники, отражающие самоидентификацию представителей высшей аристократии и духовенства.

- 1) Печати высшего духовенства (Димитрия Хоматиана¹⁰³ и Иоанна Ксира, Навпактского митрополита¹⁰⁴);
- 2) эпитафия, сделанная Мануилом Оловолом на могиле Константина Малиасина, позволяющая говорить об идентификации эпирского аристократа¹⁰⁵;
- 3) надпись на серебряной рамке иконы Христа Спасителя, сделанная по распоряжению Димитрия Хоматиана¹⁰⁶.

Рассматриваемая группа источников содержит информацию, позволяющую, как и сведения жалованных грамот, определить элементы государственной идеологии. Такие аспекты, как выбор изображения на монете и печати, титулатура правителя, используемая в легендах и надписях, позволяют по-

нять, как представляли свою власть эфирские государи перед подданными и за пределами царства.

Отдельное место среди источников занимает запись на богослужебной книге (колофон писца), относящаяся к правлению Димитрия Дуки. Данная запись, сделанная в монастыре св. Богоматери Одигитрии священником Матвеем, позволяет раскрыть родовую и территориальную принадлежности правителя¹⁰⁷.

Обратимся далее к истории изучения эфирской политической элиты. Впервые её состав и положение были затронуты в труде Ш. Дюканжа, который рассмотрел элиту как единую группу, представители которой связаны между собой родственными узами¹⁰⁸. Занимая главенствующее положение в обществе, Дуки укрепили отношения с крупным аристократическим семейством, Петралифами, заключив брачные союзы: Феодор I был женат на Марии Петралифине¹⁰⁹, Михаил II — на Феодоре Петралифине¹¹⁰.

Позднее исследователи сосредоточили внимание на взаимоотношениях правителя и элиты в контексте становления власти Михаила I.

Одним из первых обратил внимание на эту проблему Ш. Лебо. Автор отметил, что Михаил I пришел к власти на западе Балканского полуострова, воспользовавшись благосклонностью наместника Эпира, пригласившего его к себе. Михаил, женившись на дочери наместника, в скором времени отнял власть у тестя¹¹¹. При этом ученый допустил фактологическую ошибку: Михаил I женился не на дочери, а на вдове Сенахерима после убийства наместника жителями области.

Несколько иную версию об утверждении власти Михаила I Дуки предложили Э. Гиббон и Л.Ф. Се-

гюр. Исследователи отметили, что аристократ входил в состав свиты одного из лидеров крестового похода Бонифация Монферратского (1150—1207) и, воспользовавшись случаем, вместе с другими греками-участниками свиты создал независимое государство в Эпире, опираясь на поддержку местного населения¹¹².

Обе точки зрения совместил в своей работе Г. Джервис. Автор подчеркнул: эпирский правитель, приходясь внебрачным сыном севастократору Иоанну Дуке, вошел после 1204 г. в состав свиты Бонифация Монферратского, а позднее — покинул окружение маркиза и направился в Диррахий, где женился на дочери местного правителя, Сенахерима, став главой города. Опираясь на албанские кланы и греков, эмигрировавших в Эпир после 1204 г., Михаил I подчинил Акарнанию и Этолию¹¹³. Однако исследователь допустил фактологическую ошибку: Михаил I направился не в Диррахий, принадлежавший венецианцам, а в Арту, столицу фемы Никополь. Кроме того, ошибкой, которую отметил П. Аравантинос, стало то, что Михаил I женился не на дочери, а на вдове Сенахерима¹¹⁴.

Последнюю поправку учёл К. Гопф¹¹⁵, который, кроме того, отметил браки Дук с Петралифами, способствовавшие становлению власти Михаила II¹¹⁶. Последний из указанных выводов был сделан также в работе Г.Ф. Герцберга¹¹⁷.

Браки с представительницами крупных аристократических родов и происхождение Михаила I стали в дальнейшем рассматриваться в историографии как основные факторы, способствовавшие утверждению его власти в Эпире в 1205 г.¹¹⁸ Это положение было дополнено Дж. Финлеем, согласно мнению которого, Михаил I пользовался поддержкой городского на-

селения¹¹⁹. Суждение Дж. Финлея было поддержано Ч. Оманом¹²⁰ и М.В. Левченко¹²¹.

Другим вопросом, привлекавшим внимание исследователей, стало положение представителей аристократии, входивших в состав политической элиты царства.

Первым на этот аспект обратил внимание П. Аравантинос, отметивший активное участие приближенных Феодора I Дуки и Мануила Дуки в борьбе за власть между братьями¹²².

Состав приближенных правителя был конкретизирован в работах Б. Ферьянчича, Г.Г. Литаврина и А. Дюселье. Речь идет, в первую очередь, о представителях семейств Малиасинов и Петралифов, для которых отношения с династией Дук стали важнейшим фактором роста благосостояния. Аристократы получили от правителей за свою поддержку новые земли и привилегии¹²³. Владения Петралифов и Малиасинов являлись практически экзимирированными территориями, собственники которых обладали высшей административной, судебной и военной властью¹²⁴. Данное положение характерно также для албанских земель, которые представляли собой, по существу, конгломерат владений полунезависимых князей, происходивших из состава местной знати¹²⁵.

Детальное исследование положения и статуса аристократических родов, составлявших элиту царства, было проведено Б. Ферьянчичем, который пришел к следующим выводам:

1) многие из потомков семейств, входивших в византийскую элиту XII в., нашли место в Эпире в составе правящей династии, часто занимая в иерархии более высокое положение в сравнении с тем, которое имели их предки;

2) крупные роды (Малиасины, Петралифы и правящие Дуки) с максимальной для себя выгодой использовали сложившееся положение и оказались на самом верху иерархии в обществе;

3) использовали «удобный случай» и представители местной аристократии, получившие таким образом общественное признание;

4) среди эпирской аристократии наблюдался процесс социально-имущественного расслоения: с одной стороны, существовали очень богатые семьи, высокое общественное положение которых основывалось на обширных земельных владениях и тесных связях с правящей династией, с другой, — менее знатные роды, располагавшие значительно меньшим имуществом, и потому обладавшие меньшим авторитетом в обществе¹²⁶.

Изучение более широкого состава политической элиты потребовало поиск факторов, способствовавших установлению их связей с правящей династией, что было сделано в работах П. Магдалино, Ф. Бреденкампа, Д. Кирицеса. Условиями для вхождения в состав элиты представителей менее родовитой аристократии, чем Петралифы и Малиасины (таких как Иоанн Тарон)¹²⁷, стали природные условия местности, разбивавшие государство на отделённые друг от друга области, разветвленная структура правящей династии, позволяющая включать в свой состав большое количество местной аристократии, политическая нестабильность в приграничных областях царства¹²⁸. Помимо этого, установлению связей способствовали распределение новых привилегий и земель отвоеванных у латинян, а также принесение клятвы верности государю¹²⁹. После поражения эпирского правителя в

битве при Клокотнице в 1230 г. власть Дук в Фессалонике ослабла, поэтому пришлось опираться больше на внешнеполитические союзы, чем на внутренние силы¹³⁰, что, в конце концов, завершилось взятием города Иоанном III Дукой Ватацем¹³¹. Не в последнюю очередь разрыву связей с местной элитой способствовала миграция аристократов из западных областей Балкан на восток, в Фессалонику, усилившаяся в 1240-е гг.¹³²

Выводы Б. Ферьянчича дополнил Д. Джелебжич, который выделил три группы аристократии: 1) семейства, представлявшие византийскую элиту XII в.; 2) аристократы, чьи семейства не были известны до 1204 г., но которые вошли в состав эпирской элиты и в состав высшего слоя византийского общества при Палеологах; 3) семейства, о чьем высоком положении в обществе сведения имеются только применительно к периоду 1205—1261 гг.¹³³

В историографии также исследовалось положение отдельных персон, входивших в политическую элиту. Так, Д.М. Найкол и А.Е. Лайу отметили стремление Феодоры Петралифины, жены Михаила II Дуки, к проведению собственной политической линии, направленной на сближение Эпира и Никеи, за что она была отправлена в монастырь¹³⁴.

Отдельной проблемой в историографии стал вопрос об участии представителей элиты в управлении государством.

Долгое время ученые считали, что Эпирское царство полностью сохранило административное устройство существовавшей на его месте византийской провинции¹³⁵, однако состав и функции чиновников подробно не исследовались.

Одним из первых данного вопроса коснулся Ф.И. Успенский, сделавший вывод, что в период царствования Феодора I Дуки власть в областях сосредотачивалась в руках наместников, назначаемых правителем (согласно их положению). При этом защиту от несправедливых действий наместников осуществляли представители высшего духовенства¹³⁶. Данное наблюдение уточнил Д. Ангелов, который отметил, что Дуки стремились противостоять нарастающим процессам усиления аристократов на местах путем укрепления родственных связей с крупными семьями и частой ротацией местных правителей. Однако эта политика, по мнению автора, не была успешной¹³⁷. Выводы Ф.И. Успенского и Д. Ангелова разделили Г.Г. Литаврин и Г. Принцинг, отметившие: при сохранении прежней системы административного устройства в Эпирском царстве наблюдалось усиление власти правителей крупных областей, таких как Константин и Мануил Дуки¹³⁸. Указанные особенности административного управления (выделение правителем родственникам в управление отдельных территорий) Г.Г. Литаврин, а затем Е. Койчева и С.А. Иванов связали с влиянием Болгарского царства¹³⁹.

Другим важным вопросом стало положение в составе политической элиты представителей высшего духовенства. В данной проблеме можно выделить два аспекта: отношение представителей высшего духовенства к претензиям эпирских правителей на титул императора и создание автономной Церкви в царстве.

Изучая первый из них, исследователи отметили активное участие архиереев в политике. В основном, речь идет о правлении Феодора I Дуки, претензии которого поддерживали Димитрий Хоматиан, Иоанн Апокавк и Георгий Вардан. Указанная поддержка

выражалась как в отстаивании претензий перед Вселенским патриархом Германом II, так и в проведении церемонии коронации¹⁴⁰. В правление Мануила Дуки активное участие в государственных делах принял Георгий Вардан¹⁴¹

Касательно второго вопроса исследователи (А. Милиараки, А.А. Васильев, В.Е. Вальденберг Н.А. Лаппас) отметили активное участие правителя в делах Церкви, выражавшееся в назначении епископов на свободные кафедры без санкции патриарха и обусловленное стремлением Дук создать независимое государство¹⁴². При этом духовенство, в лице Димитрия Хоматиана, пыталось придать этим действиям законное обоснование. По мнению Охридского архиепископа, главенство императора в церковных законах, описанное в новеллах Юстиниана I (527—565) и своде Василик, позволяло правителю назначать епископов на кафедры или перемещать архиереев с одной кафедры на другую¹⁴³.

Перечисленные выводы были уточнены Д.М. Найколом и Б. Ферьянчичем, которые показали неоднородность становления автономной Церкви. В частности, несмотря на практически независимое существование духовенства в период правления Михаила I Дуки, официально такая идея, соответствующая самостоятельному политическому статусу, была сформулирована только при Феодоре I Дуке¹⁴⁴. Кроме того, некоторые фессалийские митрополиты и епископы признавали юрисдикцию Вселенского патриарха в Никее, вместо того, чтобы подчиниться Охридской архиепископии, являвшейся главным церковным центром Эпирского царства¹⁴⁵.

Неоднородность указанного процесса сделала необходимым подробное изучение его составляющих,

что было осуществлено в исследованиях А.К. Карподзилоса и М. Энгольда.

Первый из них отметил, что Феодор I Дука расширил привилегии епископов и игуменов, что укрепило их положение, вел активную политику по замещению свободных кафедр в освобожденных территориях¹⁴⁶. В качестве одного из главных нововведений исследователь отметил усиление роли синода, ставшего высшим церковным органом в условиях автономии эпирского духовенства. При этом синод сохранил также другую характерную для него функцию, выступая в качестве суда по гражданским и уголовным делам¹⁴⁷. Кроме перечисленных выводов, А.К. Карподзилос отметил изменения в положениях Иоанна Апокавка и Димитрия Хоматиана. Ослабление роли Навпактского митрополита и Навпакта как церковного и судебного центра, а также усиление позиций Охридского архиепископа, было связано, по мнению автора, с консервативным отношением Иоанна Апокавка к церковной политике Феодора I Дуки, и её поддержкой со стороны Димитрия Хоматиана¹⁴⁸. Автономная церковная политика, поддерживаемая большинством архиереев, основывалась на принципе икономии, допускавшем отступления от канона при необходимости¹⁴⁹.

Позднее М. Энгольдом были рассмотрены отношения Георгия Вардана, Иоанна Апокавка и Димитрия Хоматиана с представителями власти и местным обществом. Характеризуя отношения в Навпактской митрополии, возглавляемой Иоанном Апокавком, автор отметил стремление духовенства защитить себя от притеснений со стороны представителей власти (к которым относится также конфликт Иоанна Апо-

кавка и Константина Дуки). М. Энгольд отметил, что противостояние между духовенством и светской властью проходило зачастую вне рамок закона, и успех в борьбе зависел от морального авторитета епископа¹⁵⁰. Характеризуя отношения между представителями духовенства и аристократии в Керкирской митрополии, возглавляемой Георгием Варданом, М. Энгольд отметил, что налоговые льготы, распространявшиеся на духовенство этого диоцеза, отражались на контактах епископов с подвластным им духовенством и представителями местной аристократии. В первом случае подвластное епископу духовенство, опираясь на привилегированное положение, сопротивлялось усилению власти иерарха. А во втором, — льготы становились причиной для членов знатных родов завладеть имуществом епархии¹⁵¹. Рассматривая имущественное и социальное положение духовенства в Охридской архиепископии, главой которой являлся Димитрий Хоматиан, исследователь, отметив наличие тех же проблем, что и в Навпактской митрополии (плачевное состояние некоторых монастырей¹⁵², притеснения духовенства¹⁵³), обратил внимание на активную судебную деятельность Димитрия Хоматиана. Большое число дел, рассматриваемых Охридским архиепископом и выходявших за рамки церковной юрисдикции, позволило М. Энгольду сделать заключение о постепенном исчезновении границы между светской и церковной юрисдикциями и, как следствие, — о гармоничном сосуществовании Церкви и местного общества¹⁵⁴.

Выводы об активном участии архиереев в политике и об их роли как представителей и защитников местного сообщества поставили вопрос о соотно-

шении занимаемого ими положения и места аристократии в составе политической элиты. Этот вопрос был рассмотрен Г. Принцингом, Ф. Бреденкампом и А. Ставриду-Зафракой.

Г. Принцинг, развивая положение, высказанное В.Е. Вальденбергом, отметил, что духовенство выступало активным сторонником автономии Церкви, что нашло отражение в постановлениях синода¹⁵⁵. Опираясь на представителей светской и церковной властей, Феодор I Дука смог оформить претензии на титул императора¹⁵⁶. Потеря одной из важнейших составляющих государственной независимости, церковной автономии, сопровождалось постепенной утратой эфирскими правителями названных претензий, что наиболее ярко проявилось в правление Михаила II Дуки¹⁵⁷. Утверждение о некоем соглашении между представителями перечисленных групп относительно признания легитимности власти Дук стало главенствующим в историографии¹⁵⁸. Вместе с тем, ученые (Г. Принцинг, А. Ставриду-Зафрака) отмечали неравное положение групп политической элиты и неодинаковые отношения архиереев с правителем. В условиях постоянной войны, наивысшие позиции занимали представители военной знати, и после них — остальные аристократы, а также духовенство¹⁵⁹. Несмотря на поддержку правителя, архиереи (и, особенно, Иоанн Апокавк) протестовали против повышения налогов и распоряжений относительно избрания епископов¹⁶⁰.

Отдельным вопросом в изучении статуса духовенства стало положение в составе правящей элиты отдельных архиереев — Иоанна Апокавка и Димитрия Хоматиана.

Наибольшее внимание в историографии уделено Охридскому архиепископу, высокое положение которого связывалось исследователями (М. Дринов, Д. Драгойлович, Д.М. Найкол, Г. Принцинг) с несколькими факторами:

1) поддержкой Димитрием Хоматианом автономии Церкви и расположением к нему эфирских правителей¹⁶¹;

2) дружескими отношениями с другими представителями элиты, включая аристократов (Иоанн Плит¹⁶², Григорий Комона¹⁶³) и архиереев (Иоанн Апокавк и Георгий Вардан)¹⁶⁴;

3) конфликт между Навпактским митрополитом Иоанном Апокавком и Константином Дукой, который вызвал ухудшение отношений митрополита с главой государства Феодором I Дукой¹⁶⁵;

4) сохранение архиереев Охридской архиепископии, рукоположенных в период пребывания земель диоцеза под властью Болгарского царства¹⁶⁶.

Основополагающим тезисом в историографии стало утверждение, что, используя эти факторы, Димитрий Хоматиан выступал как глава эфирской Церкви, претендуя на права патриарха¹⁶⁷ и распространяя своё влияние (в частности, юрисдикцию) на другие диоцезы, что было отдельно изучено в работах И. Снегарова¹⁶⁸ и Л. Максимовича¹⁶⁹.

Несколько меньшее внимание в научной литературе уделили Иоанну Апокавку, отношения которого с правителем и его приближенными были рассмотрены в работах Е.А. Черноусова, М. Велльнхофера, К. Ламбропулоса. Первый из них отметил, что с одной стороны, Иоанн Апокавк выражал подчинение центральной власти, но с другой, — Феодор I Дука с по-

дозрением относился к митрополиту, т.к. тот часто превышал свои полномочия¹⁷⁰. Говоря об отношениях митрополита с властью, Е.А. Черноусов и М. Велльнхофер отметили конфликт митрополита и Константина Дуки, наместника в южном Эпире¹⁷¹. Большое освещение получили дружеские отношения Иоанна Апокавка с широким кругом аристократов и архиереев, входивших в политическую элиту царства (с Николаем Горанитом¹⁷², Димитрием Хоматианом и Георгием Варданом¹⁷³, Георгием Хониатом¹⁷⁴ и другими).

Следующей важной проблемой, касающейся политической элиты и затронутой в историографии, стала легитимация власти эпирских Дук. Детальный разбор интересующих нас вопросов находим в трудах А. Ставриду-Зафраки.

Исследовательница выделила основополагающие принципы идеологии, существовавшие при Феодоре I и широко представленные в письмах, актово, нумизматическом и эпиграфическом материалах¹⁷⁵. Это: 1) Божественное происхождение власти правителя; 2) поддержка его претензий на императорский титул со стороны всех политических сил царства (к которым исследовательница отнесла сенат, армию и духовенство); 3) представления о правителе как о воине, сражающемся с врагами, и как о покровителе Церкви; 4) родство правителя и византийских императоров XII в.¹⁷⁶ Автор отметила также существование претензий на титул императора в период 1230—1246 гг., т.е. после поражения Феодора I, которые выдвигались Мануилом Дукой и Иоанном Дукой (1237—1242)¹⁷⁷.

Соблюдение данных принципов сделало возможным фактическое сосуществование двух императоров. Если никейская сторона не признавала право

Феодора I на титул императора, то эфирские архиепиеи, представлявшие правителя на переговорах, допускали возможность сосуществования двух императоров, которые, объединив силы, смогут освободить Константинополь от власти латинян, после чего будет выбран тот из них, кто более достоин принять титул василевса¹⁷⁸.

Представления Иоанна Апокавка о правителе стали предметом отдельного исследования Д. Джебелжича. Ученый выделил две группы писем митрополита: документы, составленные до и после провозглашения императором и коронации Феодора I Дуки в 1225—1227 гг.¹⁷⁹ Различие между документами заключалось в том, что в эпистолах первой группы митрополит использовал не все риторические приемы, характерные для жанра писем к императору и задействованные им во второй группе посланий¹⁸⁰. Выделенные приемы (сравнение правителя с Солнцем, Моисеем, Давидом, Иисусом Христом, указания на мудрость, мужество и благородство государя), были сходны с используемыми также в сочинениях интеллектуалов Никейской империи¹⁸¹.

Итак, предшествующие исследования в полной мере осветили вопросы отношений внутри высших слоев эфирского общества, их роль в управлении государством и формировании идеологии. Однако перечисленные аспекты были изучены по отдельности, что не позволяет проследить основные процессы складывания и развития эфирской политической элиты.

Примечания

- ¹ Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosisch et I. Müller. Vindobonae, 1855. Vol. III. Res graecas italiasque illustrantia. P. 59 (далее: ММ. III); Датировка документа вызвала в историографии дискуссию. Г.Л.Ф. Тафель и Г.М. Томас датировали акт 1206 г. (*Tafel G.L.F., Thomas G.M. Griechische Original-Urkunden zur Geschichte des Freistaats Ragusa. Wien, 1851. S. 9*). Эту датировку использовали Ф. Миклошич и И. Мюллер при издании документов, а также разделили А. Милиаракис и Ф.И. Успенский (*Miliaraki A. Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου... Σ. 55—56; Успенский Ф.И. История Византийской империи XI—XV вв... С. 403*). М. Маркович предположил, что документ является более поздним и датировал его 1251 г. (*Марковић М. Византијске повеље Дубровачног архива // ЗРВИ. 1952. Т. 1. С. 231—236*). Также к более позднему времени относил данный документ Б.Т. Горянов, датировавший хрисовул 1267 г. (*Горянов Б.Т. Поздневизантийский иммунитет (окончание) // ВВ. 1957. Т. 12. С. 103; Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М., 1962. С. 174*).
- ² Urkunden zur älteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig / Hgb. G.L.F. Tafel, G.M. Thomas. Theil II (1205—1255). Wien, 1856. P. 119—120 (далее: ТТ. II); Успенский Ф.И. История Византийской империи XI—XV вв... С. 403—404; Nicol D.M. The Despotate of Epiros. P. 30.
- ³ ТТ. II. P. 120—123; Успенский Ф.И. История Византийской империи XI—XV вв... С. 403—404; Nicol D.M. Byzantium and Venice. A study in diplomatic and cultural relations. Cambridge, 1988. P. 160.
- ⁴ ММ. III. P. 66—67; Miliaraki A. Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας... Σ. 322.
- ⁵ ММ. III. P. 67—68; Miliaraki A. Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας... Σ. 328—329; Nicol D.M. The Despotate of Epiros. P. 133.
- ⁶ Пападопуло-Керамевс А.И. Noctes petropolitanae. СПб., 1913. С. 250.21—254.7 (далее: Noctes); Miliaraki A. Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου... Σ. 240; Острогорский Г. К истории иммунитета в Византии // ВВ. 1958. Т. 13. С. 77—78; Nicol D. The Despotate of Epiros. P. 105; Angold M. Church and Society in Byzantium... P. 220.
- ⁷ Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosisch et I. Müller. Vindobonae, 1887. Vol. V. Acta et diploma-

- ta monasterium et ecclesiarum orientis. T. 2. P. 14—15 (далее: ММ. V); Документы по социально-экономической истории Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1952. С. 34—37; Горянов Б.Т. Византийское крестьянство при Палеологах // ВВ. 1950. Т. 3. С. 91; Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. С. 174; Nicol D. The Despotate of Epiros. P. 106.
- ⁸ Noctes. С. 291—292.
- ⁹ Lemerle P. Lemerle P. Trois actes du despotate d'Épire Michel II concernant connus en traduction latine // Ελληνικά. 1953. Vol. 4. Προσφορά εις Στ. Π. Κυριάκην / Επ. εκδ. Ι. Κακρίδης. Θεσσαλονική. P. 418—423; Hopf K. Geschichte Griechenlands... S. 285; Ίδρωμένος Α.Μ. Συνοπτική ιστορία της Κερκύρας. Κερκύρα, 1893. Σ. 65; Miliaraki A. Ιστορία του βασιλείου της Νικαίας... Σ. 240—241; Nicol D. The Despotate of Epiros. P. 143; Angold M. Church and Society in Byzantium... P. 232.
- ¹⁰ Ρωμάνος Ι. Άνδηγαϊκόν δίπλωμα του Ταραντίνου ηγεμόνος Φιλίππου του Β περιέχον μετάφρασιν χρυσοβούλλου Μιχαήλ του δεσπότη της Ήπείρου // ΔΙΕΕ. Τ. 2. P. 594—597; Lemerle P. Trois actes... P. 421—423; Ίδρωμένος Α.Μ. Συνοπτική ιστορία της Κερκύρας. Σ. 65; Angold M. Church and Society in Byzantium... P. 233.
- ¹¹ Solovjev A. V. Un inventaire de documents byzantins de Chilandar // SK. 1938. Вып. X. С. 31, 32; Archives de l'Áthos. T. 20: Actes de Chilandar / Ed. par. M. Živojinović, V. Kravari, Ch. Giros. P. 1. P., 1998. P. 15—16, 33.
- ¹² Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Περί συνοικισμού των Ίωαννίνων μετά την φραγκικήν κατάκτησιν της Κωνσταντινουπόλεως // ΔΙΕΕ. 1891. Τ. 3. Σ. 451—455.
- ¹³ Perrat Ch., Lognon J. Actes relatifs à la principauté de Morée (1289—1300). P., 1967. P. 79—83. № 79; Lemerle P. Trois actes... P. 416—418; Miliaraki A. Ιστορία του βασιλείου της Νικαίας... Σ. 327—328; Nicol D.M. The Despotate of Epiros. P. 122—123; Jacoby D. La féodalité en Grèce Médiévale. Les "Assises de Romaine": Sources, application et diffusion. P., 1971. P. 254—255; Λάμπας Ν. Αθ. Πολιτική Ιστορία του κράτους της Ήπείρου... Σ. 160—161.
- ¹⁴ Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosich et I. Müller. Vindobonae, 1871. Vol. IV. Acta et diplomata monasterium et ecclesiarum orientis. T. 1. P. 345—349 (далее: ММ. IV); Miliaraki A. Ιστορία του βασιλείου της Νικαίας και του Δεσποτάτου της Ήπείρου... Σ. 355—356; Горянов Б.Т. Крупное феодальное землевладение в Византии в XIII—XV вв. // ВВ. 1956. Т. 10. С. 130—131; Nicol D. The Despotate of Epiros. P. 142; Морозов М.А. Монастыри средневековой Византии. С. 84;

- Ферјанчић Б. Тесалија у XIII—XIV веку. С. 66; Баришић Ф. Дипломатар тесалијских манастира Макринитиса и Неа Петра // ЗРВИ. 1975. Т. 16. С. 69—103.
- ¹⁵ Dölger F., Karayannopoulos J. Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968. S. 123—125.
- ¹⁶ Ibid. S. 124—125.
- ¹⁷ Ibid. S. 110.
- ¹⁸ О формуляре орисмосов см.: Ibid. S. 127—128.
- ¹⁹ Право екскусии ослободило его оцадатељет от налогових выплат в пользу государства (См.: Острогорский Г. К истории иммунитета в Византии. С. 55—106; ODB. Vol. 2. P. 770—771).
- ²⁰ Les registes des actes du patriarcat de Constantinople. P., 1970. Vol. I. Les actes des patriarches. Fasc. IV. Les registes de 1208 á 1309 / Par. V. Laurent. (Далее: Laurent V. Regestes).
- ²¹ Il liber Communis detto anche plegiorum. Regesti / Ed. R. Predelli // Archivio Veneto. Venezia, 1872. Т. 3. P. 2. P. 184—185; Hendrickx B. Régestes des empereurs latins de Constantinople (1204—1261/1272) // Вуџавџа. 1988. Т. 14. P. 111—112, № 164; P. 112—113, № 166; Setton K.M. The Papacy and the Levant (1204—1571). Philadelphia, 1976. Vol. 1: The Thirteenth and Fourteenth Centuries. P. 54; Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 146—147.
- ²² Nicol D.M. Byzantium and Venice... P. 163. Note 1.
- ²³ Historia Diplomatica Friderici Secundi / Coll. J.L.A. Huillar-Bréholis. P., 1858. Т. 5. Pt. 1. P. 586.
- ²⁴ Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur. München, 1897. S. 455; Hunger H. Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 200—202; Mullet M. The classical tradition in byzantine letter // Byzantium and the classical tradition / Ed. M. Mullet, R. Scott. Birmingham, 1979. P. 74—93; Kennedy G.A. Greek rhetoric under the Christian emperors. New Jersey, 1983. P. 325; Куц Т.В. Эпистолярная практика... С. 6; Takács S.A. Ancient Rome and Byzantium. The Rhetoric of Empire. Cambridge, 2009. P. 119—154.
- ²⁵ Böhlig G. Untersuchungen zum rhetorischen Sprachgebrauch der Byzantiner. Berlin, 1956. S. 248—250.
- ²⁶ Sykutris J. Epistolographie // Paulys Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1930. Suplbd. 5. S. 219; Karlsson G. Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie Byzantines... P. 14—33; Сметанин В.А. Эпистолагафия. Свердловск, 1970. С. 35—41; Сметанин В.А. Из истории эпистолагафии // ВИ. 1971. № 3. С. 215—216; Византийская литература. Л., 1974. С. 207—209; Tinnefeld F. Zum Entstehung von Briefsammlungen in der Palaiologenzeit // Πολύπλευρος Νοῦς. Miscellanea für

P. Schreiner zu seinem 60 Geburtstag / Hgb. C. Schulz, G. Markos. München, 2000. S. 365, 381.

- ²⁷ *Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1960. Bd. 1. S. 532—533; *Hunger H.* Die Hochsprachliche profane Literatur... S. 90—132; *Аверинцев С.С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1991. С. 261—262, 267—271, 295—301; ODB. Vol. 3. P. 1728—1729; *Mullet M.* Rhetoric, theory and the imperative performance in Byzantium and now // Rhetoric in Byzantium: Papers from the thirty-fifth spring symposium of Byzantine studies, Exeter College (University of Oxford, March 2001). Oxford, 2003. P. 157; *Progymnasmata. Greek Textbook of Prose Composition and Rhetoric / Trans. with Introd. and Notes by G.A. Kennedy.* Atlanta, 2003; *The Oxford Handbook of Byzantine studies...* P. 832—833.
- ²⁸ *Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur. S. 455; *Kennedy G.A.* Greek rhetoric... P. 320; *Radošević N.* L'Oecumène byzantine dans les discours imperiaux du XIe et XIIe siècle // Byzantium and its neighbours from the mid 9th till the 12th centuries. Papers read at the International byzantinological symposium. Bechyně, September 1990 / Ed. V. Vavřínek. Prague, 1993. P. 156; *Progymnasmata...* P. 50—52, 81—83, 108—111, etc.; *Куц Т.В.* Роль интеллектуалов в придворном мире поздней Византии // Известия Уральского государственного университета. 2009. №4 (66). С. 239—241.
- ²⁹ *Чекалова А.А., Поляковская М.А.* Интеллектуалы и власть в Византии // ВО. 1996. С. 23; *Куц Т.В.* Роль интеллектуалов... С. 241.
- ³⁰ *Сметанин В.А.* Теоретическая часть эпистологии... С. 58—93; *Он же.* Византийское общество XIII—XV вв... С. 195.
- ³¹ Там же. С. 206
- ³² *Черноусов Е.А.* Из византийского захолустья XIII века. С. 35; *Жаворонков П.И.* Культура Эпирского царства // Культура Византии. XIII—первая половина XV вв... С. 136; *Magdalino P.* The literary perception of everyday life in Byzantium // BS. 1987. 47. P. 34. *Радосевич Н.* Эпистолагафија Јована Апокавка // ЗРВИ. 1991. Т. 29—30. С. 155—167.
- ³³ *Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Περί συνοικισμού... Σ. 451—455; *Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi XIII // ВВ. 1896. Т. 3. С. 233—299; *Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Керкураϊκά. Ἰωάννης Ἀποκαύκος καί Γεώργιος Βαρδάνος // ВВ. 1907. Т. 13. С. 334—351; *Idem.* Συμβολή εἰς ἱστορίαν τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Ἀχρίδος // Сборник статей, посвященных В.И. Ламанскому. СПб., 1907. Ч. 1. С. 227—250; *Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συνοδικὰ γράμματα Ἰωάν-

- νου τοῦ Αποκαυκου // Βυζαντίς, 1909. 1. Σ. 5—47; *Pétridès S.* Jean Apokaukos, letters et autre documents inédits // ИРАИК. 1909. Т. XIV. Ч. 2. С. 1—32; Noctes. С. 249—284; *Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolit von Naupaktos (in Aetolien) // BNJ. 1976. Bd. 21. S. 56—247; *Δελημάρη Ι.Κ.* Ἄπαντα Ἰωάννου Ἀποκαυκου. Ναυπάκτος, 2000.
- ³⁴ *Demetrii Chomateni* Ponemata diaphora // CFHB. Vol. 38 / Rec. G. Prinzing. Berolini; Novi Eboraci, 2002 (далее: Chom).
- ³⁵ *Μανάφης Κ.Α.* Ἐπιστολὴ Βασιλείου Πεδιαιδίτου, μητροπολίτου Κερκύρας πρὸς τὸν πάπαν Ἰννοκέντιον Γ' καὶ ὁ χρόνος πατριαρχείας Μιχαήλ Δ' Ἀυτωρειάνου // ΕΕΒΣ. 1975—1976. Т. 42. Σ. 429—440; *Prinzing G.* Das Papsttum und der orthodoxe geprägte Südosten Europas 1180—1216 // Das Papsttum in der Welt des 12. Jahrhunderts / Hgb. von E.-D. Hehl, H. Ringel, H. Seibert. Stuttgart, 2002. S. 181—183.
- ³⁶ *Moustoxides A.* Delle cosa Corciresi. Corfu, 1848. Appendice. Di documenti; *Loenetz R.-J.* Lettre de Georges Bardanès, mètropolit de Corcyre, au patriarche oecumenique Germain II 1226—1227 // ΕΕΒΣ. 1964. Т. 33. P. 104—118; *Hoeck J.M., Loenertz R.J.* Nikolaos-Nektarios von Otranto, Abt von Casole: Beitrage zur Geschichte der ost-westlichen Beziehungen unter Innozenz III. und Friedrich II // *Studia patristica et byzantina.* Ettal, 1965. Hft. 11. S. 146—235.
- ³⁷ *Kurtz E.* Christophoros von Ankyra als Exarch des Patriarchen Germanos II // BZ. 1907. Bd. 16. S. 137—139.
- ³⁸ *Michaelis Choniatae* Epistulae // CFHB. Vol. 41 / Rec. F. Kolovou. Berolini; Novi Eboraci, 2001.
- ³⁹ *Theodori Ducae Lascaris* Epistulae CCXVII / Ed. N. Festa. Firenze, 1898.
- ⁴⁰ *Innocentii III Romani pontificis* regestorum sive epistolarum (1209—1213) // PL / Ed. J.-P. Migne. P., 1875. Т. 216.
- ⁴¹ *Baronius C.* Annales Ecclesiastici. Bar-le-Duc, 1870. Т. 20; *Pressuti P.* I regesti del pontifice Onorio III dall'anno 1216 all'anno 1227. Roma, 1884. Vol. 1. P. 261—262. № 981—982 (далее: *Pressuti P.* Regesti).
- ⁴² *Buchon J.A.C.* Recherches et matériaux pour servir à une histoire de la domination française aux XIIIe, XIVe et XVe siècles dans les provinces démembrées de l'empire grec à la suite de la quatrième croisade. P., 1840. Т. 2. P. 211—213; *Prinzing G.* Der Brief Kaiser Henrichs von Konstantinopel vom 13. Januar 1212 // Byz. 1973. Т. 43. P. 395—431. По мнению Ф. ван Трихта, документ датируется 1213 г. (См.: *Tricht F. van* La politique éntragère de l'empire de Constantinople, 1210 à 1216 (1e partie) // *Moyen Age.* 2001. Vol. 107 (9). P. 219—227).

- ⁴³ *Hoeck J.M., Loenertz R.J. Nikolaos-Nektarios von Otranto... S. 234.1—235.30.*
- ⁴⁴ *Noctes. C. 202.1—23.*
- ⁴⁵ *Georgii Acropolitae Opera / Rec. A. Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MCMIII corrector cum P. Wirth. Stuttgart, 1979 (далее: Асроп.).*
- ⁴⁶ *Krumbacher K. Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453). München, 1897. S. 287; Каждан А.П. Источники // История Византии. Т. 3. С. 8; Hunger H. Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. S. 445; Жаворонков П.И. Культура Никейской империи // Культура Византии. XIII—первая половина XV вв. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 65—66; Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. С. 222—226.*
- ⁴⁷ *Асроп. S. 34.8—12; Nicol D.M. The despotate of Epirus. P. 69.*
- ⁴⁸ *Карпов С.П. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII—XV вв. // ВВ. 1975. Т. 34. С. 156.*
- ⁴⁹ *Σύνοψις χρονική // Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη / Εκδ. Κ.Ν. Σάθα. Βενέτια, 1894. Σ. 1—556 (далее: Scout.); Hunger H. Die Hochsprachliche profane Literatur... Bd. 1. S. 477—478.*
- ⁵⁰ *Ἐφραΐμου χρονικοῦ Καίσαρες // PG. P., 1891. T. 143. Coll. 12—380 (далее: Ephraim); Hunger H. Die Hochsprachliche profane Literatur... Bd. 1. S. 478—479.*
- ⁵¹ *Nicetae Choniatae Historia // CFHB. Vol. 11. P. I. / Rec. I.A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975 (далее: Chon); ODB. Vol. 1. P. 428.*
- ⁵² *Villehardouin Geoffroi de. La conquête de Constantinople avec la continuation de Henri de Valenciennes / Ed. par M.N. de Wailly. P., 1882 (далее: Villehard); Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. С. 23; OBD. Vol. 3. P. 2169; Andrea A.J. Contemporary Sources for the Fourth Crusade. Brill; Leiden; Boston, 2008. P. 203, 223.*
- ⁵³ *Henri de Valenciennes. Histoire de l'empereur Henri de Constantinople / Publ. par J. Longnon. P., 1948.*
- ⁵⁴ *Albricus Monachus. Chronica Albrici Monachi Trium Fontium // MGH. 1925. Bd. 23. S. 631—950; Andrea A.J. Contemporary Sources... P. 265—266.*
- ⁵⁵ *Ryccardi de Sancti Germano notarii chronica // MGH. 1925. Bd. 19. S. 321—384.*
- ⁵⁶ *Chronique d'Ernoult et de Bernard de Trésorier / Par M.L. de Mas Laitre. P., 1861.*

- ⁵⁷ *Roberti Autissiodorensis chronici continuatio* // MGH. 1925. Bd. 23. S. 278—289.
- ⁵⁸ *Εὐθυμῖος*. Χρονικὸν ἀνέκδοτον Γαλαξειδίου // Χρονικὸν ἀνέκδοτον Γαλαξειδίου: ἡ Ἱστορία Ἀμφίσσης, Ναυπάκτου, Γαλαξειδίου, Λοιδορικείου καὶ τῶν περιχώρων ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων μέχρι τῶν καθ' ἡμᾶς χρόνων / Εκδ. Κ.Ν. Σάθα. Ἀθήνα, 1865. Σ. 192—227; ODB. Vol. 1. P. 445.
- ⁵⁹ *Ansbert*. De expeditione Friderici imperatoris // MGH. Bd. 5. S. 1—115.
- ⁶⁰ *Andreae Danduli Ducis venetiarum Chronica per extensum descripta* aa. 46—1280 d. C. / A cura di E. Pastorello // RIS / Ord. de L.A. Muratori. Bologna, 1938. T. 12. P. 1. P. 9—327; *Simonsfeld H.* Andreas Dandolo und seine Geschichtswerke. München, 1876. S. 19—39.
- ⁶¹ *Georges Pachymères*. Relationis historiques / CFHB. Vol. 24. P. I / Ed. par A. Failer. Berolini; Novi Eboraci, 1984 (далее: Pachym); *Каждан А.П.* Источники... С. 8; *Hunger H.* Die Hochsprachliche profane Literatur... Bd. 1. S. 447—453.
- ⁶² *Nicephori Gregorae Byzantina historia* / Ed. J. Schopen. Bonnae, 1829. Vol. I (далее: Greg); *Каждан А.П.* Источники... С. 9; *Hunger H.* Die Hochsprachliche profane Literatur... Bd. 1. S. 453—464.
- ⁶³ *The Chronicle of Morea* / Ed. J. Schmit. L., 1904 (далее: Chron of Morea); *Каждан А.П.* Источники... С. 11—12; ODB. Vol. 1. P. 445—446; *Shawcross T.* The Chronicle of Morea: Historiography of Crusader Greece. Oxford, 2009. P. 31—41.
- ⁶⁴ *Marino Sanudo Torsello*. Istoria del regno di Romania // *Hopf Ch.* Chroniques Greco-Romanes. Berlin, 1873. P. 99—170; ODB. Vol. 3. P. 1840.
- ⁶⁵ *Job monachi Vita St. Theodora* // PG / Ed. J.-P. Migne. P., 1864. T. 127. Coll. 902—907. Вопросы об авторстве и датировке жития до сих пор обсуждаются в историографии. Выдвигались различные точки зрения: источник был составлен в XVII в. (*Μουστοξύδης Α.* Περί τινῶν πονημάτων καὶ ὑπομνημάτων ἀναφερόμενων εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Ἡπείρου, Αἰτολίας, Ἀκαρνανίας καὶ τῶν παρακειμένων νήσος // *Ελληνομνήμων ἡ σύμμικτα ἑλληνικά: σύγγραμμα ἑλληνικόν*. 1843. T. 1. Σ. 41), во второй половине XIII в. Иовом Иаситом (*Pétridès S.* Le moine Job // EO. 1912. T. 15. P. 40—48; PLP. Nr. 7959; ODB. Vol. 2. P. 1042); Иовом, настоятелем монастыря Геромери, упоминаемом в 1330 г. (*Nicol D.M.* Despotate of Epirus. P. 243; *Patlagean E.* Une Sainte souveraine grecque: Theodora impératrice d'Épire (XIIIe siècle) // BS. 1995. Vol. 46. № 2. P. 459—460); неким монахом Иовом, жившим в первой половине XIV в. (*Life of Saint Theodora*

- of Arta // *Holy women of Byzantium: Ten Saint's Lives in English Translation* / Ed. A.-M. Tallbot. Washington, 1996. P. 324—325). На наш взгляд, наиболее убедительной является вторая из указанных версий.
- ⁶⁶ Život Sv. Symeona od krále Štefana. Z rukopisu XIII. století / Vyd. P.J. Šafárik. Praha, 1865. С. 1—30.
- ⁶⁷ Нустазонуло-Пелекиду М. О византийской дипломатике в период Никейской империи // ВВ. 1987. Т. 48. С. 65.
- ⁶⁸ Schlumberger G. Sigillographie de l'Empire Byzantin. P., 1884. P. 426—427.
- ⁶⁹ Марковић М. Византијске повеље... С. 219. Сл. 2а—2б; С. 224. Сл. 4а—4б; С. 237—238. Сл. а—6б.
- ⁷⁰ Zacos G., Vegler A. Byzantine lead seals. Basel, 1972. Vol. 1. P. 72. №115.
- ⁷¹ Oikonomides N. A collection of dated Byzantine lead seals. Washington, 1986. № 132. P. 124—125.
- ⁷² Seibt W., Zarnitz M.L. Das Byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Katalog zur Ausstellung. Wien, 1997. S. 42—43. №1.1.11.
- ⁷³ Nicol D. M. The Despotate of Epiros. P. 203—211; Laiou A.E. Use and Circulation of Coins in the Despotate of Epiros // DOP. 2001. Vol. 55. P. 206—211.
- ⁷⁴ Ibid. P. 225—228; Hendy M.F. Byzantium 1081—1204: The Economy revisited. Twenty years on // Hendy M.F. The Economy Fiscal Administration and Coinage of Byzantium. Northampton, 1989. III. P. 38; Laiou A.E. Use and Circulation of Coins... P. 211; Nishimura M. Propaganda and Denominations of the Byzantine Successor States and the Crusader States (1205—1261): An Essay on the Political History of the Empire in Exile // Mediterranean world. 2006. Vol. 18. P. 198; Laiou A.E., Morrisson C. Byzantine Economy. P. 215.
- ⁷⁵ Grierson Ph. Byzantine coins. P. 11.
- ⁷⁶ Papadopoulo P. Coinage and Economy at the End of the Twelfth Century: An Assesment // Byzantium, 1185—1204. "The sad Quarter of a Century?" / Ed. by A. Simpson. Athens, 2015. P. 180—184, 189—192.
- ⁷⁷ Ibid. P. 193.
- ⁷⁸ Гурулева Н.Н. Монеты Трапезунда конца XI—начала XII в. в собрание Государственного Эрмитажа // ВВ. 1991. Т. 52. С. 233—236.
- ⁷⁹ Hendy M.F. Coinage and money... P. 224; Grierson Ph. Byzantine coins. L., 1982. P. 11—12; Бутырский М.Н. Византийская нумизматика (общий обзор) // Нумизматический альманах. 1999. №3. С. 25; Morrisson C., Papadopoulo P. L'éclatement du monnayage dans le monde byzantin: apparence ou réalite? // 1204, la qua-

- trième croisade. De Blois à... Constantinople / Ed. I. Vilella-Petit. P., 2006. P. 139—140.
- ⁸⁰ *Hendy M.F.* Coinage and money... P. 224; *Grierson Ph.* Byzantine coins. P. 11—12.
- ⁸¹ Имеются в виду монеты Трапезундской империи, несущие на одной стороне изображения императора в церемониальном облачении, на другой — изображение св. Богородицы или св. Евгения. См.: *Wroth W.* Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Vandals and of the Empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British museum. L., 1911. P. 234—255. Pl. XXXII—XXXV. 1—14, 1—6.
- ⁸² *Saulsy F. de.* Essai de classification des suites monétaires byzantines. Metz, 1836. P. 405—410.
- ⁸³ *Sabatier J.* Description générale des monnaies byzantines. P., 1862. P. 302—306.
- ⁸⁴ *Wroth W.* Catalogue... P. 193—203, 206.
- ⁸⁵ *Ibid.* P. 193—196, 203, 206.
- ⁸⁶ *Герасимов Т.Д.* Принос към нумизматиката на Солунската империя // Изследвания в чест на М. Дринов. София, 1960. С. 381—398.
- ⁸⁷ *Hendy M.F.* Coinage and money in the Byzantine Empire (1081—1261). Washington, 1969. P. 268—282.
- ⁸⁸ *Whitting P.* Byzantine coins. L., 1973. P. 214.
- ⁸⁹ *Grierson Ph.* Byzantine coins. P. 258—264.
- ⁹⁰ *Sear D.R.* Byzantine coins and their values. L., 1987. P. 428—439.
- ⁹¹ *Grierson Ph.* Byzantine coins. P. 256—257.
- ⁹² *Sear D.R.* Byzantine coins... P. 438. №2233.
- ⁹³ Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks and in the Whittemore collection / Ed. by A. Bellinger and P. Grierson. Washington, 1999. Vol. 4. Alexius I to Michael VIII / Ed. by M.F. Hendy. Part. 2. P. 543—598, 621—624.
- ⁹⁴ *Morrisson C.* The Emperor, the Saint, and the City: Coinage in Thessaloniki from the Thirteenth to the Fifteenth century // *DOP.* 2003. Vol. 57. P. 168—169.
- ⁹⁵ *Радић В.* Византијски новац из Народног музеја у Београду. Београд, 2006. С. 216—217.
- ⁹⁶ *Lianta E.* Late Byzantine Coins (1204—1453) in the Ashmolean Museum University of Oxford. London, 2009. P. 182. № 470.
- ⁹⁷ *Ceramissini-Oeconomides M.* Contribution à l'étude du monnayage de Michel II d'Épire // XIV Congrès international des études byzantines. Bucarest, 6—12 septembre. Actes / Publ. par les soins M. Berza, P. Stănescu. Bucarest, 1974. T. 3. P. 187—189.

- ⁹⁸ *Иванишевић В.* Остава “електрон” трахеја Теодора Анђела из Нишке области // ЗРВИ. 2003. Т. 57. С. 47—62.
- ⁹⁹ *CIG. Vol. 4. P. 99; Miliaraki A.* Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠλείου... Σ. 145—146; *Nicol D.M.* The Despotate of Epiros. P. 71; *Stiernon L.* Les origines I. P. 200; *Fundić L.* Art and Political Ideology in the State of Epirus during the Reign of the Theodoros Doukas // BYZANTINA ΣΥΜΜΕΙΚΤΑ. 2013. Т. 23. P. 220.
- ¹⁰⁰ *CIG. Vol. 4. P. 101; Nicol D.M.* The Despotate of Epiros. P. 201.
- ¹⁰¹ *Nicol D.M.* Symbiosis and integration... P. 135.
- ¹⁰² *Баришић Ф.* Грчки натписи на монументалном живопису // ЗРВИ. 1967. Т. 10. С. 52.
- ¹⁰³ *Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συμβολή εἰς ἱστορίαν... С. 6
- ¹⁰⁴ *Schlumberger G.* Sigillographie l'Empire Byzantin. P. 1883. P. 175
- ¹⁰⁵ *Treu M.* Manuil Holobolos // BZ. 1896. Bd. 5. Hft. 2. S. 550—553.
- ¹⁰⁶ *Иванов Й.* Български старини из Македония. София, 1931. С. 35.
- ¹⁰⁷ *Politis L.* Eine Schreiberschule im Kloster τῶν Ὁδηγῶν // BZ. 1958. Bd. 51. Hft. 2. S. 269; P. Деврессе отождествляет его с Матвеем, монахом одного из Афонских монастырей XIV в., однако указание в колофоне на правление Димитрия Дуки опровергает это предположение (*Devreese R.* Le Fond Coislin. P., 1945. P. 37—38. №41).
- ¹⁰⁸ *Du Cange C. Du F.* Historia Bysantina, duplici commentario illustrata. Parisiis, 1680. Vol. 1. P. 206—208.
- ¹⁰⁹ *Ibid.* P. 207.
- ¹¹⁰ *Ibid.* P. 208.
- ¹¹¹ *Le Beau Ch.* Histoire du Bas-Empire. P., 1781. Т. 21. P. 38.
- ¹¹² *Gibbon E.* History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Basil, 1782. Vol. 6. P. 22—23; *Segur L.F.* Histoire du Bas-Empire. P., 1826. Т. 4. P. 6—7.
- ¹¹³ *Jervis H.* History of the Island of Corfu. L., 1852. P. 95.
- ¹¹⁴ *Ἀραβαντίνοσ Π.* Χρονογράφια τῆς Ἠλείου. Ἰωάννινα, 1856. Σ. 58.
- ¹¹⁵ *Hopf K.* Geschichte Griechenlands von Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit // Allgemeine Encyclopädie / Erst. S. Escher, G. Gruber. Leipzig, 1867. Bd. 85. S. 212.
- ¹¹⁶ *Ibid.* S. 258.
- ¹¹⁷ *Herzberg G.F.* Geschichte Grieschenlands seit dem Absterben des antiken Lebens. Gotha, 1877. Bd. 2. S. 106.
- ¹¹⁸ *Ρωμάνοσ Ι.* Περί τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠλείου. Κερκύρα, 1895. Σ. 6; *Miliaraki A.* Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠλείου 1204—1261. Ἀθήναι, 1898. Σ. 66; *Miller M.A.* The Latin in the Levant. A History of Frankish Greece (1204—1566). N.Y., 1908. P. 41—42; *Nicol D.* The Despotate of

- Epiros. P. 12—13; *Литаврин Г.Г.* Социально-экономический и политический строй... С. 42—43; *Prinzing G.* Epiros 1204—1261: Historical Outline — Sources — Prosopography // Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204 / Ed. J. Hérin, G. Saint-Guillain. L., 2011 (1st ed. — 1988). P. 82; *Cheyne J.-C.* Pouvoir et contestations... P. 471; *Prinzing G.* Das byzantinische Kaisertum im Umbruch... S. 178.
- ¹¹⁹*Finlay G.* A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time. Oxford, 1877. Vol. 3. P. 122—123.
- ¹²⁰*Оман С.В.С.* The Byzantine Empire. P. 300.
- ¹²¹*Левченко М.В.* История Византии. М.;Л., 1940. С. 234.
- ¹²²*Ἀραβαντινός Π.* Χρονογράφια τῆς Ἠπείρου. Σ. 67.
- ¹²³*Ферјанчић Б.* Породица Малиасина у Тесалији // Зборник Филозофског факултета. Београд, 1963. Т. VII. Ч. 1. С. 248; *Ферјанчић Б.* Тесалија у XIII—XIV веку. Београд, 1974. С. 71—73.
- ¹²⁴*Литаврин Г.Г.* Социально-экономический и политический строй... С. 43—44.
- ¹²⁵*Ducellier A.* La façade maritime de l'Albanie au Moyen Age. Thessaloniki, 1981. P. 203.
- ¹²⁶*Ферјанчић Б.* Плећство у Епирској држави прве половине XIII века (1205—1261) // Глас САНУ. Отд. истор. наука. 1986. Кн. 5. С. 177—178.
- ¹²⁷*Magdalino P.* Between Romaniae: Thessaly and Epirus in the Later Middle Ages // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204 / Ed. B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. L., 1989. P. 92.
- ¹²⁸*Ibid.* P. 90—91.
- ¹²⁹*Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 180, 189.
- ¹³⁰*Ibid.* P. 259.
- ¹³¹*Ibid.* P. 266—271.
- ¹³²*Kyritses D.* The Byzantine Aristocracy in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries. Cambridge, 1997. P. 139.
- ¹³³*Целебуић Д.* Друштво у Епирској држави прве половине XIII века. Докторска дисертација. Београд, 2012. С. 205—206.
- ¹³⁴*Nicol D.* The Despotate of Epiros. P. 131; *Laiou A.E.* Addendum to the report on the role of women in byzantine society. 1981 // *Laiou A.E.* Gender, Society and Economic Life in Byzantium. Adelshot, 1992. P. 200.
- ¹³⁵*Finlay G.* A History of Greece... Oxford, 1877. Vol. 3. P. 121; *Histoire generale du IV-e siecle à nos jours* / Ed. E. Lavissee, A. Ramboud. P., 1893. Т. 2. P. 365—366; *Васильев А.А.* Латинское владычество на Востоке... С. 19; *Андреева М.А.* Очерки по культуре византийского двора. Прага, 1923. С. 6.

- ¹³⁶Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 416.
- ¹³⁷Ангелов Д. К вопросу о правителях фем в Эпирском деспотате и Никейской империи // ВВ. 1951. Т. 12. №1. С. 63—64.
- ¹³⁸Литаврин Г.Г. Социально-экономический и политический строй... С. 44—45; Prinzing G. Studien zur Provinz und Zentralverwaltung im Machtbereich der epirotischen Herrscher Michael I und Theodoros Dukas // Ηπειρωτικά χρονικά. 1983. №25. С. 48—103. (Далее: Prinzing G. Studien II). С. 96; Prinzing G. Das Verwaltungssystem im epirotischen Staat der Jahre 1210- ca. 1246 // ВВ. 1993. Bd. 19. С. 122—123.
- ¹³⁹Литаврин Г.Г. Социально-экономический и политический строй... С. 45; Koičeva E. The Comnenian Dynasty and the Assenides // Byzantium and its neighbours from the mid-9th till the 12th centuries. Papers read at the International byzantinological symposium. Bechyně, September 1990 / Ed. V. Vavřínek. Prague, 1993. P. 130—131; Иванов С.А. Формы легитимации верховной власти в Болгарии XI—XIII вв. // Славяне и их соседи. М., 2008. Вып. 12. Анфологион: Власть, общество и культура в славянском мире. К 70-летию Б.Н. Флори. С. 66.
- ¹⁴⁰Медовиков П. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному населению вообще. М., 1849. С. 82; Αραβαντίνοϋ Π. Χρονογράφια τῆς Ἠλείρου. Σ. 64; Васильевский В.Г. Обновление Болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II // ЖМНП. 1885. Т. 238. № 3. Отд. 2. С. 18—19; Miliaraki A. Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠλείρου 1204—1261. Ἀθήναι, 1898. Σ. 164—167, 169—170; Васильев А.А. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1205—1261). Пг., 1923. С. 22; Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 411; Prinzing G. Epiros 1204—1261... P. 83; Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 177; Patlagean E. Les États d'Europe centrale et Byzance, ou oscilation des confins // Revue Historique. 2000. Vol. 616. P. 840.
- ¹⁴¹Васильевский В.Г. Обновление Болгарского патриаршества... С. 42; Ферјанчић Б. Солунски цар Манојло Анђео (1230—1237) // Зборник филозофског факултета. Београд, 1979. Т. XIV—I. С. 93—101; Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Ἡ αὐτοκρατορία τῆς Θεσσαλονίκης ἐπὶ Μανουήλ Δούκα (1230—1237). Ἡ ἐξωτερικὴ πολιτικὴ // Πρακτικὰ τοῦ ΙΓ' Πανελληνίου Ἱστορικοῦ Συνεδρίου. 29—31 Μαΐου 1992. Θεσσαλονικὴ, 1993. Σ. 163—165, 170—174.
- ¹⁴²Miliaraki A. Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠλείρου... Σ. 103; Васильев А.А. Латинское владычество

- на Востоке... С. 22; *Λάππας Ν.Αθ.* Πολιτική Ιστορία του κράτους της Ηπείρου... Σ. 351—356.
- ¹⁴³*Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философии и государственного устройства. СПб., 2008 (1-е изд.: Л., 1931). С. 284.
- ¹⁴⁴*Nicol D.* The Despotate of Epiros. P. 40, 93—95.
- ¹⁴⁵*Φερτζανчић Б.* Тесалија у XIII—XIV веку. С. 48—52.
- ¹⁴⁶*Karpozilos A.D.* The ecclesiastical controversy... P. 41.
- ¹⁴⁷*Ibid.* P. 42—43.
- ¹⁴⁸*Ibid.* P. 43.
- ¹⁴⁹*Ibid.* P. 97.
- ¹⁵⁰*Angold M.* Church and Society in Byzantium under the Comneni 1081—1261. Cambridge, 1995. P. 222.
- ¹⁵¹*Ibid.* P. 237.
- ¹⁵²*Ibid.* P. 251.
- ¹⁵³*Ibid.* P. 252.
- ¹⁵⁴*Ibid.* P. 252.
- ¹⁵⁵*Prinzing G.* Das Kaisertum im Staat von Epeiros: Propagierung, Stabilisierung und Verfall // Πρακτικά Διεθνούς Συμποσίου για τὸ Δεσποτάτου τῆς Ἡπείρου (Ἄρτα, 27—31 Μαΐου 1990) / Εκδ. Ε. Χρύσος. Ἄρτα, 1992. S. 25.
- ¹⁵⁶*Ibid.* S. 29.
- ¹⁵⁷*Ibid.* S. 29—30.
- ¹⁵⁸*Prinzing G.* Das byzantinische Kaisertum im Umbruch... S. 178; *Brendenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 177; *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge, 2008. P. 364.
- ¹⁵⁹*Prinzing G.* Das byzantinische Kaisertum im Umbruch... S. 178.
- ¹⁶⁰*Stavridou-Zafraka A.* The Relations between Secular and Religious Authorities in the State of Epiros after 1204 // Church and Society in Late Byzantium / Ed. by D. Angelov. Kalamazoo, 2009. P. 19.
- ¹⁶¹*Дринов М.* О некоторых трудах Димитрия Хоматиана как историческом материале // ВВ. 1894. Т. 1. Вып. 2. С. 332; *Dragoilović D.* Archevêché d'Ochrid dans la hiérarchie des Grandes Églises chrétiennes // Balcanica. 1991. 22. P. 51—52.
- ¹⁶²*Дринов М.* О некоторых трудах Димитрия Хоматиана... С. 326.
- ¹⁶³Там же. С. 338.
- ¹⁶⁴*Prinzing G.* A quasi-patriarch in the state of Epiros... P. 170—173, 180.
- ¹⁶⁵*Nicol D.* The Despotate of Epiros. P. 75—82.
- ¹⁶⁶*Ангелов П.* Демографският облик на град Охрид (XII—XIV в.) // Векове. 1981. №5. С.18.

- ¹⁶⁷*Ostogorsky G. Geschichte... S. 371; Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 411; Ангелов П. Демографският облик на град Охрид (XII—XIV в.) // Векове. 1981. №5. С. 19; Prinzing G. A quasi-patriarch in the state of Epiros... P. 173—176; Илиев И.Г. Димитър, по Божия милост архиепископ на Първа Юстиниана и на цяла България // ИП. 2004. №1—2. С. 38; Илиев И. Охридският архиепископ Димитър Хоматиан и българите. София, 2010. С. 102—112; Prinzing G. The Authority of the Church in Uneasy Times: The Example of Demetrios Chomatenos, Archbishop in Ochrid. in the State of Epiros, 1216—1236 // Authority in Byzantium / Ed. by P. Armstrong. Farnham, 2013. P. 143, 147.*
- ¹⁶⁸*Снегаров И. Солунъ въ българската духовна култура. София, 1937. С. 8.*
- ¹⁶⁹*Максимовић Л. Димитрије Хоматијан и “варварска власт” у Северној Македонији // Зборник филозофског факултета. Београд, 1994. Т. XVIII-а. С. 98.*
- ¹⁷⁰*Черноусов Е.А. Из византийского захолустья XIII века. Харьков, 1913. С. 13—14.*
- ¹⁷¹*Wellnhofer M. Johannes Apokaukos, Metropolit in Aetolien. Freising, 1913. S. 10—11; Черноусов Е.А. Из византийского захолустья... С. 13, 16.*
- ¹⁷²*Wellnhofer M. Johannes Apokaukos... S. 20; Черноусов Е.А. Из византийского захолустья... С. 12.*
- ¹⁷³*Wellnhofer M. Johannes Apokaukos... S. 44.*
- ¹⁷⁴*Λαμβρόπουλος Κ. Ἰωάννη Ἀπόκαυκος. Συμβολή στήν ἔρευνα τοῦ βίου καὶ τοῦ συγγραφικοῦ ἔργου τοῦ. Ἀθήνα, 1988. Σ. 69—89.*
- ¹⁷⁵*Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Συμβολή στό ζήτημα... Σ. 39—62.*
- ¹⁷⁶*Stavridou-Zafraka A. The Empire of Thessaloniki (1224—1242). Political Ideology and Reality // Byzantiaka. 1999. Vol. 19. P. 217—218.*
- ¹⁷⁷*Ibid. P. 220—222.*
- ¹⁷⁸*Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καὶ Ἠπείρος... Σ. 216; Stavridou-Zafraka A. Political Ideology in the State of Epiros // Urbs Capta: The Fourth Crusade and Its Consequences / Ed. by A.E. Laiou. P., 2005. P. 320—323.*
- ¹⁷⁹*Целебџић Д. Писма Јована Апокавка Теодору Дуке // ЗРВИ. 2008. Т. 47. С. 126.*
- ¹⁸⁰*Там же. С. 132.*
- ¹⁸¹*Там же. С. 138.*

Глава II
Формирование структуры
политической элиты
в Эпирском
царстве

Одной из важных черт греческих государств, появившихся в начале XIII в., стала их организация на месте бывших византийских провинций, что ставит вопрос о зависимости сложения элиты от значения местной аристократии. Известно, что события 1204 г. дали возможность влиятельным аристократам укрепить своё положение и оформить его в виде должности и титула при дворах Великих Комнинов, Дук и Ласкарисов¹. Вместе с тем, активное участие в управлении новыми государствами приняли представители столичной элиты, покинувшие Константинополь после 1204 г.

Чтобы понять, каким образом происходило складывание политической элиты с участием представителей двух названных групп, обратимся к истории византийских правящих кругов в XI—XII вв.

В 1081—1185 гг. элита была представлена т.н. «комниновским кланом» — объединением наиболее значимых византийских аристократических родов вокруг династии Комнинов, с которой они были связаны родственными узами. Представители этих родов обладали властью в государстве: они участвовали в качестве военачальников в кампаниях византийских императоров, занимали высокие должности при дворе, управляли целыми областями². Политическая элита приобрела практически закрытую структуру: принадлежность к клану открывала перед аристократом возможность продвигаться по иерархической лестнице³. При Мануиле I государственное управление было, по сути, сконцентрировано в руках Каматиров, Торников, Кастамонитов и Месопотамитов⁴. После смерти Мануила Комнина

правлящая элита оказалась втянута в затяжной династический кризис, завершившийся падением Константинополя в 1204 г.⁵

Отдельно следует отметить отношения государства и Церкви, т.к. они определяли положение представителей духовенства в составе политической элиты. В XII в. духовенство, чьё благосостояние возросло, приобрело значительное влияние в политической сфере⁶. Так, в период правления Комнинов неотъемлемой частью вступления императора во власть стала санкция синода, собираемого из высокопоставленного высшего столичного духовенства⁷. Среди столичного клира сформировалась группа из шести диаконов, которые могли быть, в случае необходимости, рукоположены в сан митрополита того диоцеза, который имел наибольшую важность⁸, что означало формирование практически закрытой структуры духовенства. После вторжения турок в восточные провинции империи многие архиереи бежали в Константинополь, где вошли в состав синода⁹.

Комнины и Ангелы попытались установить контроль над духовенством. Так, Алексей I влиял на назначение епископов, регулировал порядок избрания клириков в епархиях и митрополиях, а также установил правила выборов дидаскалов¹⁰, Мануил созывал церковные соборы по вопросам ересей, на которых председательствовал¹¹, по распоряжению Исаака II Ангела учреждались новые митрополичьи кафедры¹². Кроме того, императоры из династии Комнинов влияли на выбор кандидатов, претендовавших на сан патриарха, стремясь предложить в таком качестве своих приближенных. Это консолидировало позиции светской и духовной властей,

предотвращая появление тенденций к отделению Церкви от власти императора¹³.

Следует отметить, что в провинциях была высока степень авторитета, которым обладали местные клирики в глазах населения.

Создание греческих государств, происходившее после 1204 г., поставило вопрос о формировании новой элиты, состоящей из представителей клана Комнинов, провинциальной аристократии и духовенства. Основная проблема, возникающая в данном случае перед нами, состоит в том, насколько этот процесс повторял перечисленные процессы развития политической элиты (формирование закрытой структуры, установление контроля власти над духовенством и т.д.).

Для разрешения указанной проблемы необходимо: 1) определить систему распределения власти между представителями династии Дук; 2) установить состав и функции приближенных правителя; 3) понять, какое место занимали в политической структуре представители духовенства; 4) уточнить, какую роль в формировании элиты играли факторы консолидации аристократии XII в. (родственные, дружеские и патронатные связи).

§ 1. Распределение власти между правителем и его ближайшими родственниками

Становление власти эпирских правителей основывалось на наследии византийской политической системы XII в.

Эпирские Дуки, как и византийские императоры XII в., соединяли в своем лице верховную исполнительную, законодательную и судебную власть. Прави-

тель назначал глав областей, регулировал отношения между администрацией и Церковью¹⁴, подтверждал и жаловал привилегии¹⁵, рассматривал судебные тяжбы, пересылаемые ему синодом¹⁶, командовал войском¹⁷. Дуки активно участвовали в организации автономной Церкви: они предлагали на освободившиеся кафедры кандидатов, которых затем утверждал синод без санкции патриарха. Их цель заключалась в том, чтобы получить таким образом независимость от главы Церкви, поддерживавшего никейского императора. Эта практика была начата при Михаиле I и продолжена при Феодоре I¹⁸. Официальной причиной для её введения стало частичное нарушение коммуникаций между Эпиром и Никеей, вследствие чего обращение к патриарху стало затруднительным¹⁹.

В подобной ситуации правитель выступал в роли патрона автономной Церкви. Этот принцип существовал до 1232 г., когда на созванном Мануилом Дукой соборе эпирское духовенство признало власть патриарха, и через некоторое время прежняя традиция рукоположения церковных иерархов была восстановлена²⁰. Таким образом, создание автономной Церкви, а затем возвращение под власть патриарха, проведенные по инициативе правителей, говорит о полном контроле, установленном ими над церковной организацией.

В период 1232—1261 гг. влияние правителя в данной сфере сократилось, однако он мог рекомендовать тех или иных кандидатов на свободные кафедры уже не местному синоду, как прежде, а патриарху. Так, в 1232 г. митрополитом Навпакта стал Никита Хониат, племянник Михаила Хониата, предложенный Мануилом Дукой²¹. Михаил II предложил Никифору Влеммиду, во время его пребывания в Эпире в

1238—1239 гг., занять вакантную кафедру²². Тот же правитель регулировал положение монастырей, принадлежащих Малиасинам, жалуя им освобождение от налогов и неприкосновенность имущества. Это говорит о том, что, несмотря на восстановление юрисдикции патриарха над западными областями, глава Церкви отнюдь не стремился к коренным изменениям уже сложившейся системы, которая обладала для эфирских правителей большим значением.

Практика рукоположения епископов местными архиереями при участии светской власти также использовалась в Трапезундской империи. При этом правители Трапезунда так же, как и эфирские Дуки, не принимали епископов, рукоположенных Вселенским патриархом. Так, Давид Комнин, по сообщению Иоанна Апокавка, подверг бичеванию, а затем отослал присланного патриархом диакона Паммакарита²³. Кроме того, схожее явление встречалось и в балканских областях. Например, Алексей Слав добился того, чтобы из местных архиереев был выбран митрополит Мельника и Сер, которым стал Павел Клавдиополит²⁴.

В Никейском государстве император обладал правом выбора кандидата на место патриарха из числа архиереев, рекомендованных синодом. Если ни один архиерей не подходил, по мнению правителя, на место патриарха, василевс имел право предложить своего кандидата. Так, по решению Феодора I Ласкариса, патриархом стал настоятель монастыря акимитов Максим (июнь—декабрь 1216 г.). По настоянию Иоанна III Дуки Ватаца, патриархом стал Мефодий, наместник монастыря св. Иакинфа (вторая половина 1241 г.)²⁵. Никейские императоры в некоторых случаях оказывали влияние на выбор епископов, рукополагаемых на

свободные кафедры²⁶. Кроме того, они жаловали привилегии иммунитета диоцезам, а также, по их рекомендациям, создавались новые митрополии²⁷.

Становление власти эпирских правителей подразумевало решение двух важных проблем, появившихся в конце XII в. Первая из них заключалась в распределении власти между членами правящей династии, вторая — в выборе наследника правителя. Рассмотрим первую из них.

Родственники Исаака II и Алексея III Ангелов занимали высокое положение в обществе и входили в круг придворных императоров. Однако это не гарантировало в полной мере стабильность власти. Против обоих императоров инспирировались заговоры, во главе которых стояли именно их родственники, претендовавшие на верховную власть. В Эпирском царстве имелись вероятные предпосылки для появления аналогичной ситуации. Род Дук был представлен сразу несколькими сыновьями севастократора Иоанна: Михаилом, Мануилом, Константином, Феодором. В этих условиях закономерным представлялся вопрос о том, кто из них в наибольшей степени был достоин обладать верховной властью. Данную проблему решили с помощью системы наместничеств, которая появилась как следствие практики пожалования императором земель в управление своим родственникам. В ходе этой практики, существовавшей в XI—XII в., возникла система доминиальных владений императорской семьи²⁸. Создание схожей системы в царстве было обусловлено тем, что до 1204 г. земли Эпира и Фессалии были пожалованы Исааком II Ангелом своему дяде, Иоанну Дуке. В хрисовуле Алексея III, предоставленном венецианцам в 1198 г., упоминаются

расположенные там же пожалования, принадлежащие императрице Евфросинии, дочерям, а также неизвестным по имени севастократорам и цезарям²⁹.

Форма наместничеств, получившая распространение в Эпирском царстве, подразумевала объединение нескольких областей под властью одного из Дуков, обладавшего административными и военными полномочиями.

Указанная практика обладала двумя недостатками. Во-первых, связи между наместником и правителем зависели во многом от того, насколько стабильной являлась центральная власть. Во-вторых, данная практика могла исключить из управления землями значительную часть местной аристократии³⁰. Каким образом были решены эти проблемы в Эпирском царстве? Для ответа на поставленный вопрос рассмотрим положение и полномочия, которые имели наместники в Эпирском царстве: Константин и Мануил Дуки, братья Феодора I, Иоанн и Никифора Дуки, два сына Михаила II³¹.

Константин, обладая титулом деспота, правил в южном Эпире³². В источниках зафиксированы некоторые из его полномочий: сбор налогов, суд и охрана подвластной территории. Первая из них указана в хрисовуле Феодора I Дуки, пожалованном Навпактской митрополии. В документе сообщается об освобождении митрополии от налогов, собираемых по указанию правителя, и запрещается в связи с этим чиновникам, находящимся под властью деспота Константина, посягать на имущество диоцеза³³. Таким образом, речь идет о том, что сбор налогов осуществлялся через администрацию наместника области. Об этом же говорится в письме Навпактского митрополита, адресованном Феодору I: чиновники из администрации наместника сообщали правителю о размерах имущества диоцеза,

на основании чего устанавливались налоговые выплаты³⁴. Судебные полномочия указаны в эпистоле Иоанна Апокавка к Феодору I, в котором говорится, что Константин Дука, прибыв в Ахелой, устроил суд³⁵.

Наместник также поддерживал в надлежащем виде охрану своей территории. В его подчинении находились кастофилаксы городов. В одном из посланий Иоанна Апокавка говорится о кастофилаксе Навпакта, который, вернувшись в город из Патр, не получил своего места от Константина Дуки³⁶. В другом письме Навпактский митрополит жалуется императрице Марии Дукене на то, что Константин Дука не обеспечил с подчиненным ему войском оборону Навпакта от набегов, а направился к Неопатрам, которые осадил³⁷.

Под властью Мануила Дуки, также носившего титул деспота, находилась южная Фессалия³⁸. Напрямую административные функции Мануила не указаны. В простагме, пожалованной Феодором I митрополиту Лариссы, сообщается, что диоцезу гарантирована неприкосновенность имущества: «...Предписывает моя царственность, чтобы ни наисчастливейший деспот и возлюбленный брат моей царственности господин Мануил Дука, ни кто-либо из находящихся под его властью не касались имущества церкви»³⁹. Аналогичные гарантии были предоставлены в хрисовуле, пожалованном Навпактской митрополии в 1228 г. Учитывая сходство занимаемого Константином и Мануилом положения, можно предположить, что Мануил обладал властью, аналогичной полномочиям наместника.

Мануил Дука участвовал в походе Феодора I в Болгарию в 1230 г. В источниках нет указаний на его

конкретные военные полномочия. Известно, что Мануил бежал с поля битвы вместе с остальным эфирским войском⁴⁰. Учитывая, что лица, находившиеся в момент битвы в окружении Феодора I, были пленены вместе с ним⁴¹, можно предположить: Мануил находился в одном из сражавшихся отрядов, вероятно, командуя им, как это делали другие родственники правителя. Впрочем, его военные полномочия не являются следствием придворного титула деспота, а связаны, вероятнее всего, с традицией участия родственников императора в военных кампаниях, а также с практикой занятия ими военных должностей⁴².

Однако при этом возникает вопрос, каким значением обладал титул деспота, который носили братья Феодора I? В конце XII в. он жаловался зятям императора, возможным наследникам его власти⁴³. Так, Алексей III возвел в ранг деспотов Алексея Палеолога⁴⁴ и Феодора Ласкариса (ставшего впоследствии никейским императором)⁴⁵. Вместе с тем, титул деспота получил распространение в среде местной элиты. Им обладали Иоанн Хамарет, аристократ из Пелопоннеса⁴⁶, и Алексей Слав, правитель Мельника⁴⁷. Возможно, пожалование титула деспота братьям Феодора I означало сочетание двух тенденций. С одной стороны, это говорило о том, что братья являются возможными наследниками престола, а с другой, — указывало на их статус местных правителей.

Следует отметить, что выделение областей под власть ближайших родственников правителя существовало в Трапезундской империи. Так, Давид Великий Комнин возглавил области Пафлагонии и Вифинии⁴⁸. Позднее наследникам престола, сыновьям и братьям императора, жаловался титул деспота⁴⁹.

Никифор Дука, сын Михаила II, правивший в Эпире, упоминается в сочинении Георгия Пахимера как помощник Михаила II в военных походах и его преемник в качестве командующего эпирской армией. По сообщению историка, Никифор, самостоятельно командуя армией, сумел разбить в битве при Трикорифе, состоявшейся в 1260 г., никейские войска, возглавляемые Алексеем Стратигопулом⁵⁰.

Иоанн Дука, внебрачный сын Михаила II, был женат на дочери фессалийского архонта Тарона и, по всей видимости, фактически возглавлял область Фессалии. Участвовал в битве при Пелагонии как командующий войском, собранным из племени влахов. Переход Иоанна Дуки на сторону никейского императора расстроил организацию эпирской армии и привел к поражению противников Михаила VIII⁵¹.

Как видно, полномочия наместника были весьма широки: обладая высшей административной и военной властью в области, он занимал второе место после правителя в государстве. Нередко наместник являлся наследником правителя. Вместе с тем, обращает на себя внимание возникновение конфликтов между наместником и митрополитом относительно вопроса об имуществе церкви; они существовали еще в период правления Комнинов, но были в основном связаны с имуществом умерших архиереев⁵². Дальнейшее развитие данной ситуации указывает на сохранение подобных отношений между светской властью и архиереями. При этом следует отметить, что преодоление указанной проблемы было во многом сходно с решением XII в.: в обоих случаях наиболее эффективным средством для прекращения конфликтов стало пожалование иммунитета. При-

менительно к нашему материалу уместно также говорить о том, что эфирские правители стремились ограничить власть своих ближайших родственников на местах.

Безусловно, важнейшим вопросом является то, насколько разделы земель на наместничества ослабляли центральную власть. Ответ на него не кажется очевидным. Несмотря на усиление власти Константина Дуки, правившего в южном Эпире почти независимо, Феодор I, как мы видели, мог регулировать отношения светской и церковной властей в данной области. Это же касается Фессалии, находившейся под управлением Мануила Дуки. На наш взгляд, раздача земель в управление родственникам, напротив, стабилизировала ситуацию внутри династии Дук, предотвращая конфликты за обладание верховной властью.

Другим важным вопросом стало наличие преемника правителя. Именно эта проблема в значительной мере способствовала развитию политического кризиса в конце правления Алексея III. Император не имел прямых потомков по мужской линии, что стимулировало борьбу за власть между его племянниками, один из них возглавил против дяди заговор⁵³. В Эпирском царстве вопрос о наследнике престола также явился важной политической проблемой.

Михаил I Дука выбрал в этом качестве своего сына Константина. После его смерти Михаил I попросил никейского императора Феодора I Ласкариса отпустить к нему брата, Феодора Дуку, как будущего преемника⁵⁴. Важным представляется замечание Георгия Акрополита о том, что эфирский правитель выбрал Феодора, т.к. другой его сын, Константин (впослед-

ствии принявший имя Михаил)⁵⁵, был слишком юн и являлся при том незаконнорожденным, а своих братьев — Константина и Мануила — правитель не считал способными управлять государством⁵⁶. Как представляется, сделанное историком замечание обозначает круг возможных кандидатов для выбора эпирского правителя. Возможно, что, по замыслу Михаила I, Феодор должен был править государством, пока Константин не станет достаточно взрослым для управления. Согласно сведениям, содержащимся в житии св. Феодоры, брат Михаила I решил править самостоятельно и расправиться с возможным противником: «...Феодор, обнаружив Михаила Дуку, дитя своего родного брата, с пренебрежением смотрел на него как на совсем юного, а, приняв всю власть и удачливо занявшись делами, замыслил ловушку для ребенка. Узнав об этом, мать опередила [его] и переправилась с чадом в Пелопоннес»⁵⁷.

Братья Феодора I не выдвигали претензий на верховную власть в этот период. Однако Константин Дука, брат Феодора I, довольствуясь областью южного Эпира, несколько раз заявлял о своем старшинстве младшему брату Мануилу⁵⁸.

Поражение Феодора I в битве при Клокотнице в 1230 г. и последовавшее за этим пленение эпирского правителя снова поставило вопрос о наследнике престола. Им стал Мануил Дука, который управлял Фессалией и обладал титулом деспота. Несмотря на то, что власть нового правителя фактически зависела от воли болгарского царя, Мануил Дука располагал определенной свободой действий: было заключено соглашение с патриархом о восстановлении его власти над территорией царства, подписана грамоты,

гарантирующие рагузийцам торговые привилегии, а корфиотам — налоговые льготы и т.д. Это говорит о том, что поражение Феодора I не стало импульсом для распада государства или активной борьбы за власть между представителями элиты. Другой вероятный наследник Феодора I, Константин Дука, как и Мануил правивший наместничеством и обладавший титулом деспота, не претендовал на власть и управлял после 1230 г. территорией Южного Эпира. Северный Эпир отошел к сыну основателя царства, Константину, принявшему имя Михаил. Это свидетельствует о том, что распределение власти между родственниками (в том числе, в форме наместничеств), сложившееся в 1205—1230 гг., являлось стабильным и жизнестойчивым. Однако дальнейшее развитие указанной системы оказалось под сильным влиянием со стороны внешних факторов.

В 1237 г. Феодор I Дука, пользуясь поддержкой Иоанна II, вернулся из болгарского плена, взял власть в Фессалонике в свои руки и изгнал Мануила в Малую Азию. Никейский император решил использовать это обстоятельство в своих интересах и, предоставив бывшему правителю средства, отправил его обратно в Фессалонику. После недолгой борьбы между Феодором и Мануилом в конце 1230-х гг. между всеми членами династии Дук был заключен договор, согласно которому каждый из них правил в отдельной области: Феодор I в Македонии (города Воден, Старидол, Остров), Константин в южном Эпире, Мануил в Фессалии, Михаил II — в северном Эпире⁵⁹. К этим сведениям следует добавить, что Иоанн Дука получил, согласно договору, область Фессалоники. После раздела земель представители династии Дук выступали с еди-

ной позиции во внешней политике, заключая договоры с правителями соседних областей — Пелопоннеса и о. Эврипа⁶⁰. Как видно, распределение земель произошло по границам, сложившимся еще в период существования наместничеств. При этом границы области правления Иоанна Дуки, по всей видимости, означают территорию, находившуюся в 1224—1230 гг. вне власти наместника и напрямую управлявшуюся правителем. Кроме того, выбор земель Водена, Старидола и Острова Феодором I в качестве своего «удела», помимо сугубо политических задач (указанные земли были расположены вблизи Фессалоники, к западу от города, и поэтому позволяли контролировать действия Иоанна Дуки, которого Феодор назначил правителем вместо себя) дополняет список императорских владений к 1230 г. Именно в этом районе, согласно одному из писем Димитрия Хоматиана, датированному периодом 1227—1230 гг., находилось поместье императора — поселение Царев двор, расположенное в районе озера Преспы⁶¹. Следует отметить, что обладание собственными землями (своего рода личным доменом) было характерно также для правителей Фессалоникского «удела». Такие земли находились в распоряжении Димитрия Дуки, и были подарены им Хиландарскому монастырю⁶².

Таким образом, можно говорить о том, что система наместничеств, сложившаяся в 1205—1230 гг., позволила успешно решить те проблемы, которые встали перед византийским государством в конце XII в. и продолжили существовать в Эпирском царстве в первой половине XIII в. Во-первых, это распределение власти между ближайшими родственниками, гарантировавшее устойчивость центральной власти.

Во-вторых, вопрос о наследнике престола, который был решен относительно мирно и не привел к затяжному конфликту.

В дальнейшем борьба между родственниками за обладание властью не возникала. После возвращения из плена Феодор I решил вопрос о преемнике, выбрав своего сына Иоанна Дуку⁶³. Возможно, в период 1237—1242 гг. в Фессалонике наблюдалась своеобразная система соправительства, т.к. Феодор I Дука из-за слепоты не хотел занимать трон, а провозгласил вместо себя императорам Иоанна Дуку, удерживая бразды правления в своих руках. Эта ситуация напоминает действия Исаака II Ангела, который (также будучи ослепленным) вернулся к власти в 1203 г. и сделал своим соправителем Алексея IV (1203—1204)⁶⁴. В период правления Михаила II наследником престола считался его законнорожденный сын Никифор.

Решение проблемы распределения власти в Эпирском царстве происходило вместе с закреплением принципа династического престолонаследия между эпирскими Дуками. На протяжении 1205—1261 гг. не было претендентов на власть из других крупных аристократических родов (прежде всего, Петралифов и Малиасинов).

Конфликты между представителями правящей династии за право обладания властью происходили также в Никейской империи и в Трапезундском государстве. Так, когда Феодор I Ласкарис назначил в качестве преемника своего зятя Иоанна Ватаца, против императора выступили его братья, Алексей и Исаак, перешедшие на службу к латинянам⁶⁵. Чтобы избежать подобных конфликтов, внутри династии Ласкарисов поддерживался наследственный характер власти. Никейские императоры еще при жизни стара-

лись выбрать наследника, в некоторых случаях делая соправителями своих сыновей⁶⁶.

В Трапезундской империи, где также утвердился династический принцип престолонаследия, конфликты за престол на протяжении первой половины XIII в. практически не возникали⁶⁷. Возможно, Давид Великий Комнин соперничал со своим братом, выдвигая претензии на императорский титул, за что был заточен в монастырь⁶⁸. Более явными данные конфликты стали во второй половине XIII в., что связано в значительной степени (как и борьба эмирских Дук) с внешнеполитическими факторами⁶⁹.

Таким образом, система наместничеств позволила успешно решить две важнейшие проблемы, стоявшие перед византийским государством в конце XII в. — обладание властью родственниками и определение преемника правителя. Вместе с тем, она могла исключить из управления землями часть местной аристократии⁷⁰. Рассмотрим далее, каким образом была решена эта проблема эмирскими правителями.

§ 2. Состав и функции приближенных правителя

Создание государства на территории провинции поставило вопрос о месте её знатных жителей в составе правящей элиты. Выясним, каким был состав и функции тех, кто добился наивысшего положения и вошел в состав приближенных правителя. Наиболее надежным критерием для решения названных задач могла бы стать система титулов, введенных Феодором I после коронации в 1227 г.: «Итак, после того как Феодор был провозглашен императором, он царственно за-

нялся делами и назначил деспотов, севастократоров и великих доместиков, протовестиариев и всех остальных императорских придворных (досл. — чинов)»⁷¹. Однако такой подход обладает явным недостатком: указанная система хотя и подтверждала положение, сложившееся к 1227 г., охватывала слишком короткий период (1227—1230) и не отражала состав элиты, как минимум, существовавший при Михаиле I или Михаиле II. Вследствие этого более рациональным представляется изучение фактического положения, занимаемого приближенными Дук.

Сосредоточимся на изучении положения трех родов, располагавших значительными земельными владениями на Балканском полуострове, — Мелисинов, Петралифов, Малиасинов⁷².

Мелисины являлись самым древним родом из перечисленных семейств, известным в составе византийской элиты с VIII в.⁷³ В XI—XII в. они входили в клан Комнинов⁷⁴ и обладали владениями в северной Греции и в Мессении⁷⁵. Ядро элиты царства составили следующие представители:

- 1) Мелисин (собственное имя неизвестно). Отец жены Сенахерима, а затем — супруги Михаила I. По сообщению Жоффруа де Виллардуэна, получил земельные владения от византийского императора: «Михаил <...> женился на дочери некоего богатого грека, который владел землей от императора»⁷⁶.
- 2) Мелисина (собственное имя неизвестно). Жена Сенахерима, управлявшего областью Эпира в начале XIII в. После убийства мужа стала женой Михаила I Дуки⁷⁷.
- 3) Константин Мелисин. Занимал должность великого логариаста в 1220—1230 гг. (Янина)⁷⁸, кото-

рая подразумевала контроль за расходованием средств и находилась на 40-м месте в византийской иерархии⁷⁹.

- 4) Елена Мелисина, жена пансеваста Исаака Торника⁸⁰. Обладала значительными земельными владениями, завещанными Навпактской митрополии. По словам, Иоанна Апокавка: «...И дар её сделал священнейшую митрополию нашу впредь владычицей и госпожой всех, кто есть в Навпакте»⁸¹. Границы владений Елены Мелисины установить сложно, однако из письма Иоанна Апокавка точно известно, что ей принадлежали земли сел Аниптохорион и Остилон, расположенных в районе города Аэтоса (северная Фессалия)⁸².

Следующий рассматриваемый нами род — Петралифы, представители которого обладали владениями в северной Фессалии и южной Македонии⁸³. Основателем семейства является норманнский аристократ Петр Алифа, участвовавший в Первом крестовом походе (1095—1099) и поступивший на службу к Алексею I Комнину⁸⁴. В XII в. Петралифы входили в состав клана Комнинов⁸⁵ и занимали одно из самых высоких мест в византийской элите. Два члена рода, Иоанн и Никифор, носили титул севастократора⁸⁶, который находился на втором месте в византийской иерархии, т.е. после титула «деспот»⁸⁷. В составе элиты Эпирского царства известны следующие представители Петралифов:

- 1) Феодор Петралиф, сын Иоанна Петралифа, шурин Феодора I и Михаила II. Женат на дочери Димитрия Торника, месадзона никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца⁸⁸. Обладал владениями в Халдике, в районе Иерессоса (Фессалия), к которым относились хорафии и

виноградники⁸⁹. Возглавил в 1252 г. войско, собранное для защиты области Кастории (южная Македония) от никейской армии, но перешел на сторону Иоанна III. Однако через несколько лет Феодор вернулся на сторону эпирского правителя и участвовал в 1257/1258 гг. вместе с ним в военной кампании, в которой погиб⁹⁰.

- 2) Андроник Петралиф. Владел землями в области Струмицы (южная Македония). Из грамоты, составленной его управляющим, известно, что аристократу принадлежали земли в районе сел Муньзени и Суходол. Передал часть имущества в дар афонскому монастырю Хиландар⁹¹.
- 3) Мария Петралифина (после замужества — Дуkena). Дочь Иоанна Петралифа. Жена Феодора I Дуки носила титул императрицы⁹². В её собственности находился монастырь, расположенный в Арте⁹³.
- 4) Петралифина (собственное имя неизвестно). Племянница Марии Петралифины, выданная замуж за Алексея Слава⁹⁴.
- 5) Феодора Петралифина, дочь Иоанна Петралифа. Стала женой Михаила II в 1230 г. Сопровождала своего сына, Никифора, для обручения, а затем на свадьбу с Марией, дочерью Феодора II, а также была с супругом во время кампании 1257/1258 гг. После смерти мужа в 1267 г. она приняла постриг в монастыре св. Георгия, где прожила до своей смерти. Во второй половине XIII в. была канонизирована⁹⁵.

О происхождении следующего рода, Малиасинов, известно немного. В судебном постановлении от 1191 г. упомянут пансеваст севаст Николай Мелиас, который,

возможно, приходился отцом Константину Малиасину⁹⁶. Титул «пансеваст севаст» означал его принадлежность к высшим слоям местной элиты. Малиасины обладали значительными владениями в южной Фессалии⁹⁷. Известны следующие представители этого рода:

1) Константин Малиасин. Обладал титулом деспота. Был женат на Марии Дукене, дочери Михаила I Дуки⁹⁸. Являлся основателем и ктитором монастырей Богородицы Макринитиссы и св. Иллариона, расположенных в районах Димитриады⁹⁹ и Алмира¹⁰⁰. Константин принимал участие в государственных делах Михаила II: входил в состав посольства, отправленного эпирским правителем в 1252 г. к Иоанну III Ватацу¹⁰¹.

2) Николай Малиасин. Сын Константина Малиасина, основатель и ктитор монастыря Неа Петра. В 1255 г. Николай Малиасин женился на Анне Палеологине, племяннице Михаила Палеолога¹⁰².

Представленные просопографические «анкеты» показывают, что положение далеко не всех родов было одинаково стабильным на протяжении периода 1205—1261 гг. Если Петралифы и Малиасины постоянно находились в составе элиты, то Мелисины после правления Михаила I утратили некогда высокий статус, перейдя в категорию менее знатных. Мы видим, что вместо правящей династии Дук или приближенных никейских императоров, Елена Мелисина вышла замуж за представителя Торников, знатного, но не настолько же влиятельного в Эпире рода, как Петралифы и Малиасины. Показательным в этом отношении являлся также брак её брата, Алексея, заключенный с Анной Кастамонитиссой, дочерью протокентраха Иоанна Кастамонита¹⁰³. Более того, Мелисины упоминаются в письме Иоанна Апокавка с эпитетом «ве-

ликодостойнейшие» (“οἱ μεγαλύτεροτάτοι”)¹⁰⁴, применением к представителям менее знатных родов, чем Петралифы или Малиасины (например, к Плитам)¹⁰⁵. Учитывая брачные связи рода, а также получение Константином Мелисином должности великого логариаста, можно предположить, что представители рассматриваемого семейства перешли из землевладельческой элиты в состав чиновников, ухудшив таким образом своё положение. Возможно, потеря ими места в окружении правителя связана с переходом некоторых из них на службу венецианским правителям Крита. Так поступил Феодор Мелисин, который сначала возглавил сопротивление венецианцам¹⁰⁶, но в 1210 г. присягнул им на верность¹⁰⁷, а в 1223 г. вместе с братом Михаилом подтвердил свою преданность, дав письменные обещания исполнять службу¹⁰⁸. По этой же причине Феодор I Дука, активно борющийся против латинян, не мог приблизить к себе Мелисинов. Схожий случай представляет собой положение рода Франгопулов в 1205—1230 гг. Так, Георгий Франгопул занимал должность дуки Фессалоники, на которую был назначен Марией Венгерской¹⁰⁹. Однако после освобождения города в 1224 г. его потомок Феодор Франгопул не занимал никакой должности в центральной администрации¹¹⁰.

В противоположность Мелисинам, Петралифы и Малиасины сохранили своё место в составе элиты на протяжении длительного периода. О конкретных функциях представителей этих родов в управлении государством говорить сложно. Вероятнее всего, они получали в обмен на лояльность правителю земли в управление, которые также были обязаны оборонять. Так, именно Феодор Петралиф возглавил в 1252 г.

войско, собранное для защиты области Кастории (южная Македония) от никейской армии.

Сходная группа аристократов существовала в Никейской империи (Асидены, Контостефаны). При становлении власти Феодора I Ласкариса их включили в состав правящей элиты: владения были признаны центральной властью, они получили должности в государственном управлении¹¹¹. Так, Савва Асиден был почтен титулом севастократора и управлял областью Милета, с центром в городе Сампсоне, которой он обладал ранее¹¹².

К группе землевладельческой аристократии по своему положению примыкают главы этнических образований, входившие в окружение правителей:

- 1) Василий Цама, представитель албанской знати. Дука Веррии. Зять и приближенный Феодора I Дуки. Имел в своем подчинении логариаста (чиновника, ведающего за расходом средств), который представлял в суде своего начальника в деле, касающемся семейных отношений между знатными лицами города¹¹³.
- 2) Иоанн Тарон, правитель Влахии (северная Фессалия), тесть Иоанна Дуки¹¹⁴.
- 3) Литовые. Представители славянского по происхождению рода, крупные землевладельцы, владения которых находились в области Мельника и Скопье¹¹⁵. Георгий Литовой был приближенным Феодора I Дуки¹¹⁶, однако позднее Николай Литовой управлял Мельником, состоя на службе у болгарского царя Михаила II Асеня (1246—1256)¹¹⁷.
- 4) Глав (собственное имя неизвестно). Занимал командную должность в эпирском войске. Вероятно, находился в подчинении у Феодора

Петралифа¹¹⁸. Перешел на сторону Иоанна III Дуки Ватаца вместе с Феодором Петралифом и Гуламом¹¹⁹. Главы известны как крупные землевладельцы в области Македонии¹²⁰. Имеются две печати еще одного представителя этого рода, Георгия Глава, датируемые концом XII в., в которых аристократ обозначен как обладатель титула «севаст», что является знаком его принадлежности к местной элите¹²¹.

- 5) Майо Орсини. Граф Кефалении. В 1204—1215 гг. — вассал сицилийского короля. В 1215 г. стал придворным Феодора I Дуки. Был женат на Анне Дукене, сестре Феодора I¹²². Выступал в качестве доверенного лица эпирского властителя в отношениях с Фридрихом II Гогенштауфеном. Являлся послом Феодора I к Фридриху II, передав германскому императору богатые дары и войско от эпирского правителя¹²³.
- 6) Григорий Камона, правивший в области Албана с центром в Крое. Обладал титулом пансеваста севаста. Получил власть, женившись сначала на дочери архонта Гины, а затем — на вдове прежнего албанского правителя Димитрия Прогона, приходившейся внучкой Алексею III Ангелу и дочерью сербскому королю Стефану Немани. Признал власть Феодора I Дуки. Поддерживал дружбу с Димитрием Хоматианом¹²⁴.
- 7) Гулам, наследник Григория Камоны. Командовал войском из Албании в составе эпирской армии. Входил в окружение Михаила II. Гулам был женат на дочери Камоны, двоюродной сестре Ирины, жены Иоанна III Дуки Ватаца¹²⁵. В 1252 г. он перешел под Касторией с частью

своего войска на сторону никейского императора. Помимо родственных отношений, позволявших рассчитывать на благосклонный прием в стане никейцев, причиной перехода стало обещание никейского императора освободить жителей Крои от налогов на имущество. Соответствующий хрисовул албанский архонт получил после перехода на сторону никейского императора¹²⁶. В 1255 г. документ был подтвержден Феодором II Ласкарисом¹²⁷.

- 8) Георгий Комнин, сын сербского короля Стефана Немани. Женился на Феодоре Дукене, дочери Михаила I. Был почтен титулом севастократора и управлял областью Скопье¹²⁸.

Из представленных сведений видно, что некоторые правители областей установили брачные отношения с династией Дук (Цама и Тарон). Их включение в состав правящей династии, таким образом, связано с общим политическим устройством царства, для которого были характерны сильные позиции этнической знати (влашской и албанской), учитываемые при помощи брачных связей с её лидерами¹²⁹. Другие архонты (Камона и Гулам) были заинтересованы в установлении, возможно, наиболее широких родственных отношений с окружающими государствами (Сербией, Никейской империи), чтобы сохранить имеющееся положение в случае включения своих территорий в их состав. Отдельным случаем является вхождение в состав элиты Георгия Комнина, сына сербского жупана, продиктованное политическими интересами его отца.

Как видно, основная часть землевладельческой и «этнической» элит, правивших в своих областях, происходила из территории Фессалии и южной Македо-

нии. Это объясняется двумя факторами: наличием в данных регионах земельных угодий, достаточных для формирования рассматриваемой группы, и включением указанных областей в царство на особых условиях в ходе кампаний Феодора I. Последнее фактически означало присоединение земель к домену Дук, который, как мы видели выше, также был разделен между членами семейства. Однако «раздробленная» структура управления землями совершенно не означала слабости устройства царства или наличия основы для развития «центробежных сил». Несмотря на изменения территории, занимаемой Эпирским государством в период 1205—1261 гг., состав земель, откуда происходили представители рассмотренной группы, практически не изменился¹³⁰. Это говорит о стабильной связи между землевладельческой и этнической элитами с одной стороны, и правителем царства — с другой.

Указанные отношения поддерживались, помимо прочего, благодаря своего рода «связующей группе» между правителем и перечисленными аристократами, состоявшей из представителей следующих родов, не обладавших значительными земельными владениями:

- 1) Иоанн Плит. Архонт Веррии, затем — дука этого же города и месадзон эпирского правителя¹³¹. Имеющиеся в нашем распоряжении письма Димитрия Хоматиана, датируемые периодом 1216—1230 гг., позволяют восстановить основные этапы карьеры этого аристократа.

В наиболее раннем из эпистол (1216 г.)¹³² Иоанн Плит упомянут как обладатель титула пансеваста севаста. Это письмо Димитрия Хоматиана представляло собой ответ на вопрос Иоанна о правомочности второго брака албанского архонта Григория Камоны¹³³.

В следующем послании, датированном 1225 г.¹³⁴, Иоанн Плит упомянут с тем же титулом, а также — как обладатель должности дуки Веррии, которым он стал по личному распоряжению Феодора I. В эпистоле говорится о разборе судебной тяжбы, возникшей между жителями города¹³⁵. В следующем письме, датированном 1225—1230 гг.¹³⁶, аристократ указан как «великославнейший архонт» (“ὁ μεγαλοδοξότατος ἄρχων”) вместе с другими представителями городской верхушки Веррии: Андроником Скутариотом, Василием Еврипиотом и пансевастом севастом Георгием Педиадитом¹³⁷. В этом случае Иоанн Плит вместе с названными аристократами обратился в суд дуки Василия Цамы для разбора судебного случая, а тот передал дело в суд Охридской архиепископии. В другом письме, датированном 1225—1230 гг.¹³⁸, Иоанн Плит указан обладателем титула пансеваста севаста, а также — должности месадына эпирского правителя Феодора I¹³⁹. В эпистоле Плит упомянут в связи с тем, что разбирал судебный случай. Это говорит о замещении им должности дуки, одновременном с исполнением обязанностей месадына. В письме, датированном 1225—1230 гг.¹⁴⁰, Иоанн Плит указан как дука Веррии, обладавший высоким титулом паниперсеваста (5 место в византийской иерархии)¹⁴¹. В этом случае говорится, что он поочередно с Феодором Вестархом¹⁴² выполнял обязанности дуки Веррии, в частности, возглавлял суд¹⁴³.

Родственные связи Плитов показывают, что данный род входил в состав знати Веррии. Иоанн Плит был женат на представительнице местного рода Цимпинов¹⁴⁴. Известен другой представитель этого же рода, живший в Веррии, Константин, который был женат на дочери сестры местного аристократа Леона Каппадокийца¹⁴⁵.

2) Никифор Горианит. Месадзон и приближенный Феодора I, о чем говорит эпитет «всепридворнейший» («ὁ πανοικειότατος»), примененный к нему Иоанном Апокавком¹⁴⁶. Никифор Горианит участвовал в военных походах правителя¹⁴⁷, что было традиционной обязанностью придворных императора¹⁴⁸. Высокое положение аристократа было подкреплено тем, что он являлся духовным сыном Иоанна Апокавка¹⁴⁹. Брат Никифора, Николай, являлся дукой фемы Ахелоя и духовным сыном Навпактского митрополита¹⁵⁰.

Известно еще два представителя рода Горианитов, которые жили в Эпире в первой половине XIII в. Их собственные имена неизвестны: представитель духовенства Фессалии, назначенный епископом македонского города Серр при Феодоре I¹⁵¹, и чиновник в Фессалии, поставленный Михаилом II Дукой для разбора судебного дела (что говорит о высоком положении Горианита)¹⁵².

3) Иоанн Кавасила. В сочинениях Георгия Акрополита и Феодора Скутариота, напрямую должность, занимаемая аристократом, не названа. Однако фраза историков о том, что Иоанн управлял всеми делами Михаила II («Иоанн <...> ведал всеми его делами, управляя как государственными [делами], так и частными») ¹⁵³, позволяет предположить: речь идет о должности месадзона. Вероятно, как приближенный правителя, Иоанн участвовал в его военных кампаниях. Об этом говорится в уже упомянутых источниках: Михаил II Дука покинул поле битвы при Пелагонии «вместе... с некоторыми другими менее знатными (досл. — обыкновенными) людьми»

ми, которым обычно доверял (досл. — имел привычку доверять) свои дела»¹⁵⁴. Помимо Иоанна, в состав приближенных Михаила II входил также его брат⁶, Феодор Кавасила¹⁵⁵. Род Кавасил входил в состав византийской элиты XII в., его представители занимали высокие должности в гражданской администрации¹⁵⁶. В Эпирском царстве известен еще один представитель данного рода, Константин Кавасила, положение которого рассмотрим ниже.

Перечисленные аристократы, обладавшие должностью месадзона, т.е. управляющего в гражданских и военных делах государства¹⁵⁷, составляли группу “οἱ οἰκεῖοι” — лиц, лично преданных императору¹⁵⁸. Преданность “οἱ οἰκεῖοι”, возможно, в XIII—XV вв. скреплялась клятвой верности¹⁵⁹. Становлению этой группы содействовало появление в среде аристократии XII в. представлений о личной верности императору, которая добавлялась к традиционной идее подданничества ему как помазаннику Божьему, владыке христиан¹⁶⁰.

Схожая группа существовала в Никейской империи. Так, должностью месадзона обладал Димитрий Торник¹⁶¹, который являлся родственником Иоанна III Дуки Ватаца¹⁶². Всё это говорит о том, что административный аппарат постепенно утрачивал обособленную структуру, и связи его представителей с фигурой императора становились все более тесными¹⁶³. В Никейской империи идеи о верности императору получили своё дальнейшее развитие в виде практики принесения клятвы правителю¹⁶⁴.

Введение элиты Ахелоя и Веррии в состав приближенных преследовало важную цель: являясь доверенными лицами императора, Горианит и Плит имели

возможность противостоять усилению власти наместников или местных архонтов. Так, известно, что Иоанн Апокавк обратился к Никифору Горианиту с тем, чтобы тот помог ему избавиться от притеснений наместника Эпира Константина Дуки¹⁶⁵. Более сложный вопрос — соотношение власти Иоанна Плита и Василия Цамы. Город Веррия, правителями которого являлись названные аристократы, располагался рядом с личными владениями Феодора I. Город, соответственно, следовало держать под контролем верного человека. Вероятно, таким управляющим стал первоначально Константин Пигонит, потомок известного рода, члены которого занимали должности в византийской администрации XII вв.¹⁶⁶. Константин Пигонит был назначен Феодором I в качестве дуки города около 1220 г.¹⁶⁷ Однако через несколько лет Константин вступил в конфликт с местным жителем Михаилом Гунаропулом, повлекшим за собой судебное разбирательство¹⁶⁸. Затем Пигонита сняли с должности и заменили Иоанном Плитом. По всей видимости, это была лишь временная замена, т.к. в скором времени дукой Веррии стал Василий Цама. Как представляется, он мог получить от Феодора I область Веррии, расположенную недалеко от столицы царства, Фессалоники, в управление после того, как женился на представительнице семейства Дук. По какой причине Василий Цама оставил занимаемую должность — неизвестно. Вместо него Феодор I снова назначил Иоанна Плита, представлявшего городскую верхушку Веррии. Род Плитов, в отличие от Пигонитов, не был известен в XII в. как имевший представителей в светской или церковной администрации, или в военном деле. Возвышение Иоанна Плита, таким образом, было полностью связано с волей Феодора I.

Вероятно, этим действием эфирский правитель хотел укрепить связь с верхушкой города, включив её членов в центральную администрацию государства. Схожие процессы происходили в Никейской империи. По мнению Д. Кирицеса, “οί οίκεῖοι” отстаивали интересы также и верхушки местной аристократии, привлеченной на службу василевсу¹⁶⁹.

Следует отметить, что остальные должности в центральном административном аппарате царства замещались аристократами, не имеющими значительных земельных владений:

- 1) Иоанн Кастамонит, протокентарх, упоминавшийся выше. Представители этого рода известны в XII в. как обладатели должностей в светской администрации¹⁷⁰.
- 2) Василий Каматир, императорский грамматик (секретарь)¹⁷¹. Каматиры входили в состав византийской элиты XII в., участвуя как в светском, так и в церковном управлении¹⁷².
- 3) Иоанн Костомир, обладавший должностью логариаста¹⁷³. Представители этого рода участвовали в церковном и светском управлении в XII в.¹⁷⁴
- 4) Мануил Стась. Ипотагат (“ὁ ὑποταγῆτος”) Феодора I Дуки. Доставил письмо правителя к Георгию Демоноиоанну¹⁷⁵.
- 5) Коман (собственное имя неизвестно). Ипотагат Феодора I Дуки. Жил в феме Коритон (Македония)¹⁷⁶.
- 6) Феодор Диаватин, примикерий варягов (командир отряда императорской гвардии, собранного из скандинавов) из Янины. Был женат на Кали, дочери Стефана Мардоропула, жителя этого же города¹⁷⁷. Даватины входили в состав византий-

ской элиты XI—XII вв., обладая придворными титулами и занимая должности в светской администрации¹⁷⁸.

- 7) Симеон Куналис. Горожанин Диррахия, вероятно, крупный торговец. Выступал в качестве представителя Михаила I при заключении договора между эпирским правителем и Петро Зианом¹⁷⁹. В другом случае Куналис представлял Михаила Дуку в переговорах о транспорте, необходимом для перевозки 480 рыцарей в Эпир¹⁸⁰. Таким образом, Куналис являлся доверенным лицом правителя и, возможно, занимал положение, соответствующее должности ипотагата¹⁸¹. Известно еще два представителя этого рода: Никифор и его сын Симеон, упоминаемые в постановлении Димитрия Хоматиана от 1219/1220 г. как жители Верои. Названные аристократы входили в состав местной элиты, о чем говорит тот факт, что Никифор был женат на Елене Пакуриане, дочери местного архонта Георгия¹⁸².
- 8) Лампет. Известен как участник посольства Михаила II, отправленного в 1249 г. к Иоанну III Дуке Ватацу, что говорит о его высоком положении¹⁸³. По мнению некоторых исследователей, это лицо можно идентифицировать с Константином Лампетом, упоминаемым в двух письмах Димитрия Хоматиана¹⁸⁴. К сожалению, должность и положение этого аристократа установить сложно. По всей видимости, он входил в число фессалийских архонтов, о чем говорят приведенный эпитет «великоизвестнейший» (“ὁ μεγαλειφανέστατος”) и брак его отца, Феодора Лампета, с сестрой архонта Фессалоники Георгия Хамедракона¹⁸⁵. Известен

еще один представитель данного рода — Феодор Лампет, переписавший в 1264 г. богослужебную книгу по распоряжению некоего Комнина Дуки¹⁸⁶. По мнению Д. Кирицеса, этот аристократ обладал титулом деспота или был близким родственником Михаила II¹⁸⁷.

Исключение в указанном списке составляет упомянутый выше Константин Мелисин, занимавший должность великого логариаста.

Приближенные существовали также у глав «уделов» и наместников. В таком качестве известны:

- 1) Георгий Хониат. Племянник Афинского митрополита Михаила, до приезда в Эпир он обладал титулом севаста. В Эпире, пользуясь поддержкой Иоанна Апокавка, стал протовестиарием Мануила Дуки в 1228—1232 гг.¹⁸⁸ Титул протовестиария занимал 6 место в византийской иерархии и подразумевал уход за гардеробом императора¹⁸⁹.
- 2) Михаил Мардоний, обладавший титулом протовестиария Михаила II Дуки во второй половине 1230-х гг.¹⁹⁰
- 3) Несколько приближенных Иоанна Дуки, внебрачного сына Михаила II (имена неизвестны), которые являлись его советниками в войске¹⁹¹ и вернулись вместе с ним в царство после вторжения туда никейских войск в 1259 г.¹⁹²

Следует также отметить, что во владениях крупных родов существовали доверенные лица, занимавшиеся управлением землями. В таком качестве известен Мандука, управлявший землями Андроника Петралифы в области Струмицы¹⁹³. В постановлениях Димитрия Хоматиана содержатся сведения о нескольких лицах этого рода, Георгии и Марии, живших в Веррие¹⁹⁴.

Как мы видим, на протяжении периода 1205—1240-х гг. происходило активное включение аристократии Эпира, Фессалии, Македонии, не обладающей крупными земельными владениями, в состав приближенных правителя. Эти аристократы, чье положение было полностью связано с личностью правителя, выступали в качестве «связующей группы» между ним и землевладельческой и «этнической» элитами. Их основным местом деятельности, несмотря на исполнение обязанностей чиновников в центральной администрации, оставалась определенная область, которой они управляли.

Важным вопросом, характеризующим положение рассматриваемых групп элиты, является возможная конкуренция со стороны тех аристократов, которые занимали высокое положение в византийской администрации до 1204 г. и бежали от власти латинян или болгар. Такие аристократы появились в Эпире еще в правление Михаила I Дуки. В одном из писем Иоанн Апокавк перечислил места, откуда прибыли беженцы: Константинополь, Анатолия, север Балканского полуострова и некие западные области (возможно, острова в Адриатическом море, захваченные венецианцами)¹⁹⁵.

Рассмотрим имущественное положение этой группы. Известно, что беженцы были поселены Михаилом I в Янине, с сохранением (компенсацией) своего имущества, что гарантировалось грамотами Михаила I и Феодора I. Однако расселение аристократов было произведено за счет перераспределения собственности жителей города, и этот факт вызвал их открытое возмущение¹⁹⁶. Другим вариантом исполнения указанных гарантий стало выделение аристократам еще свободных земель (т.е. не находящейся в чьей-либо

частной собственности). Так, Феодор I пожаловал Феодору Демниту, аристократу из Анатолии, земельное владение в обмен на военную службу¹⁹⁷. О том, что положение Демнита в обществе было высоким, свидетельствует обращение к нему Димитрия Хоматиана: Охридский архиепископ привел полностью свой титул, что он делал в исключительных случаях¹⁹⁸. Указанный вариант также был связан с определенными трудностями: местные свободные крестьяне не желали подчиняться каким-либо владельцам, что привело к возникновению конфликта между ними и Демнитом¹⁹⁹.

Практика раздачи земель аристократам, эмигрировавшим из других областей после вторжения врагов, существовала и ранее. Так, Алексей I Комнин предоставил аристократам, потерявшим земли в Малой Азии после турецкого вторжения, владения в европейской части империи. Государь добился таким образом того, что аристократы стали более зависимыми от центральной власти²⁰⁰.

Распространенным способом инкорпорировать аристократов в состав эпирской элиты стало включение беженцев в состав придворных правителя и пожалование им титулов и должностей в центральном административном аппарате. Речь идет о следующих персонах:

- 1) Георгий Хониат, упоминавшийся выше протовестиарий Мануила Дуки.
- 2) Иоанн Хамарет, который был правителем области на Пелопоннесе и, один из немногих, сопротивлялся латинскому завоеванию. Позднее он отправился в Эпир ко двору Феодора I и был почтен титулом деспота²⁰¹. По всей видимости, вместе с Иоанном ко двору Феодора I перебрались

многие аристократы, жившие на полуострове в начале XIII в., о чем эпирский правитель сообщил в письме к пелопоннескому магнату Георгию Демоноиоанну: «...Неисчислимое количество людей пришло к нашему двору из Пелопоннеса. И все они [ныне] с нами, почтены и на видном месте (досл. — открыто обсуждаемы), нет никого из них, кто не явился бы к жене деспота для утешения и напоминания о пелопоннеском родстве»²⁰². По мнению А.П. Каждана, статус Хамаретов в XI—XII вв. являлся неясным²⁰³. Возможно, представители рода занимали должности в светской администрации (как Лев Хамарет)²⁰⁴.

- 3) Георгий Дисипат. Ученик Иоанна Апокавка в Константинополе. Занимал должность логариста²⁰⁵. Известен еще один представитель этого рода — Мануил, митрополит Фессалоники в 1258—1261 гг.²⁰⁶
- 4) Михаил Ласкарис, двоюродный брат Феодора I Ласкариса, изгнанный из Никейской империи Иоанном III Дукой Ватацем и перебравшийся сначала в Константинополь, а затем — в Фессалонику, где вошел в состав высшей знати. Участвовал в заговоре против Димитрия Дуки²⁰⁷.
- 5) Некий военачальник из Коринфа²⁰⁸. Два письма Иоанна Апокавка содержат сведения о том, что данный аристократ пользовался расположением Феодора I. Учитывая, что эпистолы датируются 1224—1227 гг.²⁰⁹, в то время как Коринф был взят латинянами в 1210 г., можно предположить: речь идет об аристократе, лишившимся своих владений и перебравшимся в Эпир, где он был принят в окружение правителя, подобно Иоанну Хама-

рету и другим знатным выходцам из Пелопоннеса. Возможно, это коринфский архонт, взявший командование после смерти Льва Сгура и противостоявший Жоффруа I де Виллардуэну, принцу Ахейскому (1209—1228)²¹⁰. Предположительно, речь может идти о некоем аристократе Феодоре, который упоминается в письме Иннокентия III как «владыка Коринфа» (“dominus Corinthi”), владевший также Аргосом накануне латинского завоевания в 1210 г.²¹¹

- б) Несколько членов синклита (“ὄσοι τῆς βουλῆς συγκλήτου ζῶντες”), составившие сенат при Феодоре I Дуке²¹².

Впрочем, в некоторых случаях аристократу могла быть пожалована должность в местном управлении или не пожаловано вовсе ничего. Так, благополучно сложилась судьба Алексея Педиадита, нашедшего прибежище на о. Корфу, где он получил должность дуки²¹³. Напротив, Феодор Макремволит, живший на том же острове, не получил должности в администрации и не входил в окружение эпирского правителя²¹⁴.

Как и эпирские правители, никейские и трапезундские императоры уделяли внимание потребностям знатных аристократов, потерявших свои владения после 1204 г. Так, Феодор I Ласкарис предоставил земельные владения лицам, бежавшим вместе с ним в Малую Азию²¹⁵. Служба в центральном административном аппарате позволяла аристократам, покинувшим столицу, восстановить своё положение²¹⁶. Аналогичным образом поступали Великие Комнины, которые также предоставили должности и титулы своим приближенным, ранее спешно покинувшим Константинополь²¹⁷.

Таким образом, политика эфирских правителей, имевшая своей целью инкорпорировать знатных беженцев в состав «правлящих кругов» царства, не могла сильно повлиять на положение и состав уже господствующих групп элиты. В условиях, когда фонд земельных владений сформировался еще до 1204 г., а пожалование должности определялось связью с местным сообществом, представители «эмигрировавшей» аристократии занимали только те земли и места, которые были свободны.

Рассмотрим далее, каким образом смогла интегрироваться в состав элиты нового государства другая социальная группа — высшее духовенство.

Как уже было отмечено, эфирские правители продолжили политику Комнинов в отношении духовенства и установили, в рамках автономной Церкви, контроль над архиереями. Это подразумевало концентрацию управления в руках синода, находившегося под властью правителя. Учитывая данное обстоятельство, рассмотрим состав представителей высшего духовенства, вошедших в окружение правителя, и имущественное положение возглавляемых ими диоцезов.

Итак, к приближенным эфирских правителей можно отнести ряд архиереев²¹⁸.

- 1) Димитрий Хоматиан, Охридский архиепископ (1216—1236). В конце XII в. занимал должность патриаршего апокрисиария, а в 1200—1216 гг. — хартофилакса Охридской архиепископии. В 1216 г. был рукоположен в сан архиепископа при поддержке Феодора I. Выступал защитником претензий эфирского правителя на титул императора в 1225—1230 гг. Пользовался независимым (автокефальным) статусом. После 1232 г., когда власть

патриарха была полностью восстановлена над диоцезами, входившими в состав автономной Церкви, Димитрий попытался сохранить автокефалию архиепископии²¹⁹. Помимо него, известно еще два представителя рода Хоматианов: Стефан, брат Димитрия, который входил в окружение Мануила Дуки в 1230—1237 гг.²²⁰, и Константин, двоюродный брат Димитрия²²¹, положение коего установить сложно²²².

- 2) Константин Кавасила, Охридский архиепископ (1250-е гг.). В 1224—1225 гг. был рукоположен в сан митрополита Диррахия. В 1235 г. занимал кафедру митрополии Струмицы. Сопровождал Михаила Палеолога в походе против Михаила II, благодаря его усилиями никейские войска взяли Охрид²²³. Известны еще несколько членов этого рода: упомянутые выше Иоанн и Феодор, а также Димитрий, диакон митрополии Диррахия, указанный в документе 1246 г.²²⁴
- 3) Иоанн Апокавк, Навпактский митрополит (1200—1233). В начале 1180-х гг. обладал саном диакона Навпактской митрополии. Затем занимал должность нотария при патриархе Никите II Мунтане (1186—1189). Около 1200 г. рукоположен в сан митрополита Навпакта. Племянник и преемник Константина Манассии. Защитник претензий Феодора I на титул императора. После 1232 г. удалился в монастырь Коцил, где умер²²⁵. Известен еще один представитель этого рода — племянник Иоанна (собственное имя неизвестно). Митрополит просил Георгия Хониата помочь ему устроиться на военную службу²²⁶. Представители рода Апокавков в XI—

XII вв. занимали должности в светской и церковной администрациях²²⁷.

- 4) Никита Хониат. Митрополит Навпакта в 1232 г. В начале XIII в. обладал саном диакона и жил с дядей, Михаилом Хониатом, на о. Кея. Затем вернулся в Афины, откуда позднее прибыл в Эпир. Пользовался покровительством Иоанна Апокавка. В 1232 г. стал митрополитом Навпакта при поддержке Мануила Дуки²²⁸. Представители рода занимали в XII в. должности в светской и церковной администрациях²²⁹.
- 5) Иоанн Ксир, митрополит Навпакта (1250/1252—1275/1277). Около 1250 г. был епископом Езера (митрополия Лариссы). Затем — переведен в митрополию Навпакта с согласия патриарха и синода и по общему решению епископов диоцеза²³⁰, чему предшествовала просьба Иоанна²³¹. Участвовал в упомянутом выше посольстве Михаила II к Феодору II Ласкарису в 1249 г. По предположению П.И. Жаворонкова, являлся родственником митрополита Афинского Георгия Ксира (ум. 1182)²³². Представители рода занимали в XII в. должности в светской и церковной администрации²³³.
- 6) Василий Педиадит. Обучался в патриаршей школе в Константинополе. В 1169 г. принял сан диакона. Автор нескольких риторических посланий к патриархам Харитону (1178—1179), Никифору Мунтану. Митрополит Керкиры (1201—1219)²³⁴. Отказался от предложения папы Иннокентия III принять участие в Латеранском IV соборе (1215 г.), проводимом без присутствия Вселенского патриарха и обсуждавшем объединение

церквей²³⁵. Известны еще два представителя этого рода: упоминавшийся выше Алексей и Георгий, житель г. Веррии²³⁶. Представители семейства известны в XII в. как обладатели должностей в светской и церковной администрациях²³⁷.

- 7) Георгий Вардан. Керкирский митрополит (1219—1240). В 1204—1218 гг. занимал должность хартофилакса, находясь в подчинении у митрополита Афинского Михаила Хониата. После 1205 г. переехал вместе с митрополитом на о. Кея. Около 1218 г. переехал в Эпир, где получил кафедру епархии Гревены. В 1219 г. был рукоположен в сан митрополита. В 1235/1236 гг. отправился в качестве посла Мануила Дуки в Италию, к Фридриху II Гогенштауфену и Римскому папе Григорию IX (1227—1241)²³⁸. Пользовался поддержкой Иоанна Апокавка и Михаила Хониата. Выступал защитником претензий Феодора I на титул императора.
- 8) Константин Месопотамит, митрополит Фессалоники (1196—1204, 1224—1227). Являлся придворным Алексея III Ангела, оказался в опале и был сослан в Фессалонику, где был рукоположен в сан митрополита. В 1204 г. он покинул город после латинского завоевания и вернулся вместе с Феодором I Дукой в 1224 г.²³⁹. В момент принятия правителем императорского титула Константин отказался венчать Феодора I, за что был смещен с кафедры²⁴⁰. Представители рода занимали в XII в. должности в светской и церковной администрациях²⁴¹.
- 9) Николай (родовое имя неизвестно). Епископ Вондицы до 1227 г. Сменил Месопотамита на

кафедре митрополии Фессалоники. Был рукоположен в сан митрополита при активной поддержке Феодора I²⁴².

- 10) Феодор, епископ Церника (митрополия Диррахия). Являлся вместе с Симеоном Куналисом посланником к Петро Зиане при заключении договора 1210 г.²⁴³
- 11) Климент Мономах, настоятель монастыря Богоматери Перивлепты в Арте, который с согласия Иоанна Апокавка занимался разбором судебных дел²⁴⁴. В период болезни Иоанн Апокавк вверил управление митрополией Клименту²⁴⁵. Архиерей являлся также доверенным лицом Феодора I в Арте²⁴⁶. Известен еще один представитель рода Мономахов, Мануил Мономах, названный в письме Иоанна Апокавка ипотагатом (“ὁ ὑποταγῆτος”) этого же правителя²⁴⁷. Мономахи занимали должности в административном аппарате империи еще в XI в. Не обладая должностями при Комнинах, они вернулись в состав правящей элиты в конце XII в., получив места в центральной администрации²⁴⁸.

Из «анкет» видно, что в состав окружения правителей входили те архиереи, которые подтвердили свою лояльность государю: Апокавк, Хоматиан и Вардан отстаивали право Феодора I на императорский титул, Мономахи и Феодор являлись его представителями и т.д. Более того, речь может идти, на наш взгляд, о личной верности архиереев эпирским правителя (как в случае с рассмотренной выше группой местной аристократии), благодаря которой они могли выступать их представителями. Показательным является статус Георгия Вардана, уже занимавшего

кафедру Гревены, что подразумевало участие в синоде Охридского архиепископа²⁴⁹, и выбранного затем на кафедру Керкиры. Остров являлся западным форпостом царства, через который проходили торговые пути с Венецией, вследствие чего к нему было обращено постоянное внимание. Духовенство митрополии пользовалось привилегиями, подтвержденными эпирскими правителями²⁵⁰. В этих условиях огромное значение имела фигура местного митрополита как представителя церковной власти, связанного с элитой царства. По мнению Иоанна Апокавка, митрополия возвышается над островом, являясь, в сущности, источником света для окружающего мира. Этот свет должен поддерживать митрополит жизнью и словом²⁵¹. По всей видимости, Георгий Вардан подходил для кафедры Керкиры. Показательным является письмо Феодора I Дуки Иоанну Апокавку, содержащее рекомендацию для Георгия Вардана. Правитель сообщает в эпистоле, что заботится о Керкирской митрополии и предлагает синоду в качестве кандидата «возлюбленного нами» (“ὁ ἡμῖν ἀγαπώμενος”) афинского хартофилакса²⁵². Такое определение позволяет предположить, что речь идет о назначении человека, как минимум, лояльного правителю. При этом государь стремится показать: его кандидат достоин кафедры. Вот как он рекомендовал Георгия Вардана Иоанну Апокавку: «Ценимый Афинами и мной человек, Вардан, не только превозносимый за [искусство] всевозможной речи, но и сверх того украшающий речь [праведной] жизнью»²⁵³. Расчет правителя оказался верным: впоследствии Георгий Вардан стал одним из активных защитников претензий Феодора I на константинопольский престол. Иоанн Апокавок как чело-

век, пользующийся доверием Феодора I, должен был сопровождать его дочь на свадьбу в Скопье²⁵⁴.

Однако практика выбора кандидата правителем и его приближенными не получила одобрения в среде высшего духовенства. Так, Иоанн Апокавк, будучи больным и не имея возможности собрать совещание, просил епископов Бутринта, Велы и Дринополя как можно скорее изложить своё мнение о возможном кандидате на кафедру Янины, пока в это дело не вмешался правитель и его окружение²⁵⁵.

В Никейской империи сложилась несколько иная ситуация. Вселенский патриарх Иоанн X Каматир (1198—1206) отказался после падения Константинополя в 1204 г. признать власть никейского императора Феодора I²⁵⁶. Только после смерти Каматира, когда на созванном императором соборе был избран новый патриарх Михаил IV Авториан (1207—1213/1214), власть никейского императора признал глава Церкви. Феодор I был коронован патриархом в 1208 г., согласно синодальному постановлению этого же года высшее духовенство империи признало власть императора и обещало быть верным ему, а в случае смерти василевса — его сыну Николаю²⁵⁷. Контроль над высшим духовенством позволил никейским императорам использовать авторитет архиереев в политических целях. Так, Филадельфийский митрополит Фока выступил советником императоров Иоанна III Дуки Ватаца и Феодора II Ласкариса, а также принял участие в посольстве к Михаилу II Дуке²⁵⁸.

Важно отметить, что в случае отказа архиерея признать власть эфирского правителя, сразу же происходило его смещение (так произошло с Константином Месопотамитом). В этом можно видеть своего рода

«селекцию» в среде высшего духовенства как части политической элиты. Такая практика существовала и в XII в., когда император мог смещать неудобных ему патриархов, влиять на назначения митрополитов.

Помимо верности правителю, еще одной чертой, сближающей положение аристократов и архиереев, стало появление признаков наследственного характера обладания должностью. Так, Иоанн Апокавк стал приемником своего дяди, Константина Манассии, который активно способствовал его образованию и продвижению в церковной администрации. Иоанн в одном из писем к Георгию Вардану сообщил, что находился сначала на воспитании отца и матери, а после наступления юношеского возраста он стал диаконом при своем дяде²⁵⁹. В другом случае, в письме Феодора I к Иоанну Апокавку говорилось о том, что после смерти Василия Педиадита кафедру Керкиры наследовал неизвестный по имени архиерей²⁶⁰. Эту практику поддерживал сам Феодор I, рекомендовав на кафедру Домоко диакона Симеона, сына умершего епископа: «...Пишем мы сообразно достоинству твоей святости, чтобы его сын, диакон Симеон, если он будет сочтен твоей святостью достойным епископства по [своему] благочестию и разумению, то ты утвердил бы его на престоле его отца»²⁶¹. Указанный процесс подкреплялся определенными социальными гарантиями духовенству. В том же документе эмирский правитель предписал митрополиту Лариссы выделить средства из доходов Церкви для поддержки сыновей умершего епископа²⁶².

Наследование должностей существовало в Византии XII в. Так, представители нескольких поколений семейства Кондостефанов занимали должность мегатруки или подчиненную ему должность дуки Крита²⁶³.

Церковная организация оставалась действенным способом возвыситься в рамках политической элиты. Помимо указанного выше случая, в доказательство этому можно привести сообщение Иоанна Апокавка о том, что некий монах, через короткое время после принятия пострига, пожелал быть рукоположенным в сан митрополита²⁶⁴. Примеры можно продолжить: монах Никон из епархии Вагенития, получив для новопостроенного храма ставропигиальный статус²⁶⁵, заявил о своих претензиях на уже занятую кафедру местного епископа, что подразумевало, помимо окормления паствы, сбор церковного налога, каноникона²⁶⁶, являвшегося источником доходов.

Рассмотрим далее имущественное положение диоцезов, представляемых указанными архиереями.

Навпактская митрополия, согласно хрисовулу 1228 г., обладала следующим имуществом:

- 1) земельными владениями, обрабатываемыми париками и расположенными как в митрополии, так и за её пределами;
- 2) домашним и рабочим скотом;
- 3) мастерскими, в которых производились ткани, ковры и выделывались кожи²⁶⁷.

Большое состояние митрополии привлекло к себе внимание наместника южного Эпира Константина Дуки. В письме Иоанна Апокавка говорится, что благодаря чиновникам из администрации наместника, предоставившим неверные сведения об имуществе митрополии, Феодором I Дукой был введен налог в 180 иперпиров, средства от которого использовались для обогащения родственников правителя и их приближенных²⁶⁸. По распоряжению наместника производились денежные взыскания и выплаты в

виде натуральных продуктов (хлеб и вино) с клириков и париков митрополии, отчуждались земельные владения (как пахотные земли, так и пастбища)²⁶⁹. В случае отказа от передачи, земельные участки поджигались²⁷⁰ или их обладатели насильно сгонялись с мест²⁷¹. Наместник мог назначить выкуп за клириков митрополии²⁷² или переселить париков в другую область²⁷³. Стремясь добиться регулярных поставок рыбы, наместник запретил рыбакам, трудящимся для Церкви, оставлять свою долю улова, причитающуюся им в качестве вознаграждения²⁷⁴. Позднее, по его приказу, рыбаки стали трудиться только для него²⁷⁵. Кроме того, наместник предпринял попытку своего рода «ревизии» как светского, так и церковного имущества в Ахелое. Прибыв в город, он приказал собрать все имущество в монастыре и устроил судебное разбирательство, привлекая к ответу местного дуку Николая Горианита, и Иоанна Апокавка²⁷⁶. Помимо этого, наместник запретил выдавать митрополиту положенную ему в соответствии с саном лошадь для передвижения²⁷⁷, а на месте резиденции митрополита для Дуки был выстроен дом в персидском стиле — «суфа» (“ὁ σουφᾶς”)²⁷⁸.

Это свидетельствует о перераспределении собственности внутри элиты царства. Речь идет о переходе средств из владений Церкви во владения наместника и его окружения, для чего аристократы прилагали все возможные усилия. Причиной тому стала не только жадность Дуки, но и объективные обстоятельства. Иоанн Апокавк упомянул в письме к Феодору I о том, что доносящие на него завистники были спасены Богом через правителя²⁷⁹. Учитывая, что южный Эпир, где правил Константин Дука, не испытал владычества

латинян и его элита не требовала помощи от Феодора I, можно предположить: речь идет об аристократии областей, освобожденных Феодором I или об эмигрантах из других регионов. Второй вариант представляется более вероятным, т.к. эмигранты не обладали каким-либо имуществом на территории Эпирского царства и нуждались в материальном обеспечении. Вполне возможно, по аналогии с поселением в Янине, что Константин Дука попытался решить данную задачу за счет местного населения и, в первую очередь, за счет владений митрополии. В этой борьбе принимал также участие, хотя и не столь явное, как Константин Дука, его брат Мануил. Об этом свидетельствует то, что Димитрий Хоматиан, заступаясь за Иоанна Апокавка, написал письмо с требованием прекратить преследование митрополита двум лицам, обладающим титулами деспотов²⁸⁰, т.е. в том числе и Мануилу Дуке. Схожая ситуация наблюдалась в конце XII в. на о. Кипр, где Исаак Комнин (1184—1191), захватив власть, решил увеличить своё благосостояние за счет имущества местного населения и, в первую очередь, его зажиточных слоев²⁸¹.

Другим крупным диоцезом, об имуществе которого известно, является Керкирская митрополия. Согласно хрисовулу Феодора I, в собственности митрополии находились парики и агиодулы, а также жилища клириков²⁸².

Церковное имущество, в данном случае, подвергалось нападкам со стороны местной аристократии. Так, Приммикириопулы, представлявшие данную группу, выдвинули претензии на земельные владения клириков острова. Однако эти претензии пресекли после того, как было вынесено постановление Иоанна

Апокавка о несоответствии их светским и церковным законам²⁸³. Из письма Георгия Вардана и постановления Димитрия Хоматиана ясно, что эти аристократы, братья Сергей и Никифор, являлись архонтами²⁸⁴, т.е. занимали в составе элиты острова одно из самых высоких мест.

Об имуществе других диоцезов известно меньше. Можно предположительно говорить о наличии ткацких мастерских, принадлежащих митрополии Лариссы и расположенных в области Алмира. Об этом косвенно свидетельствует сообщение Иоанна Апокавка о тканях, произведенных местными мастерами и подаренных ему митрополитом²⁸⁵.

Вероятно, в Фессалии существовали притеснения духовенства, схожие с ситуацией в Навпактской митрополии. В этом случае на владения местной митрополии посягали наместник Мануил Дука и его окружение. Иоанн Апокавк в письме к эпирскому правителю сообщил, что деспот, правивший в Фессалии, не смог сдержать своей алчности и умерить пыл своих приближенных, отчего пострадали местные клирики²⁸⁶.

В этих условиях эпирские правители стремились регламентировать имущественное положение высшего духовенства. Дуки подтверждали прежние привилегии иммунитета, пожалованные византийскими императорами и ограничивавшие действия местных светских и церковных властей в отношении получателя. Еще Михаилом I было подтверждено такое право Навпактской митрополии, распространявшееся на отдельные земельные участки²⁸⁷. Позднее Феодор I предоставил соответствующие хрисовулы, митрополиям Навпакта и Керкиры. Новшеством являются гарантии привилегий в грамоте, пожалованной митрополии Навпакта.

Гарантом является не правитель, а грамота: в ней подразумевается нарушение условий светской властью, от которого она защищает митрополию²⁸⁸. Схожие гарантии указаны в грамоте Феодора I, предоставленной Керкирской митрополии: возможные указы, которые отменят привилегии диоцеза, заранее лишены законной силы²⁸⁹. И в том, и в другом случае власть правителя предстает ограниченной в силу ею же сформулированных условий²⁹⁰. Это относительно новое явление, по сравнению с традиционными ограничениями деятельности налоговых чиновников или правителей фем. Разделяя мнение Г. Острогорского, отметим, что представленная особенность является следствием развития иммунитетных привилегий, становящихся все более сложными. В частности, речь идет о предотвращении нарушений привилегии в будущем²⁹¹. Впрочем, указанный случай не получил, как показывают более поздние грамоты Мануила и Михаила II, дальнейшего развития: после 1230 г. правители придерживались в хрисовулах традиционных формулировок. Поэтому рассматриваемую особенность можно отнести скорее к личным действиям правителя, нежели к общему развитию эфирских документов. В документах, происходящих из других греческих государств, Никейской и Трапезундской империй, аналогов рассматриваемым формулировкам не встречается.

Пожалование привилегий диоцезам было призвано обеспечить поддержку архиереев действиям правителя и консолидировать таким образом правящую элиту. Обезопасив духовенство от налоговых сборов и гарантировав сохранность его имущества, Дуки оставили за собой право управлять церковной организацией. Показательным является содержание про-

стагмы Феодора I Дуки, пожалованной митрополиту Лариссы. В документе правитель предложил своего кандидата на свободную кафедру епархии Домоко, и одновременно гарантировал неприкосновенность имущества диоцеза²⁹².

Помимо подтверждения права на уже имеющуюся собственность, происходил дальнейший процесс аккумуляции земельных владений главами диоцезов. К таким случаям относятся упомянутое выше завещание Елены Мелисины, по которому Навпактской митрополии отходили обширные владения рода. Процесс аккумуляции происходил в условиях конкуренции с представителями аристократических родов. Так, протокентарх Иоанн Кастамонит, имевший родственные отношения с Мелисинами, попытался получить свою долю собственности и вступил в спор с митрополитом²⁹³. В другом случае, на имущество митрополии, полученное от некоей знатной женщины, завещавшей Церкви земли в Навпакте, претендовал местный аристократ²⁹⁴. Представителям духовенства приходилось не только защищать право владения на земельные участки, но также и заботиться о сохранении движимого имущества. Иоанн Апокавк в письме к Димитрию Хоматиану говорил, что некий аристократ, военачальник, украл священные предметы из Охрида и попытался продать их ему. Когда он получил отказ, то увез их собой в Малую Азию, присоединившись к Алексею III²⁹⁵. Иной пример: некий Епифаний, архонт Фив, забрав кивот иконы Богоматери, не вернул его, а продал²⁹⁶.

Отдельным вопросом стало положение монастырского имущества, важность которого была обусловлена статусом обителя как важного экономического центра, источника доходов. При Комнинах существовала прак-

тика создания императорских монастырей, подчинявшихся василевсу²⁹⁷. Эпирские Дуки продолжили традицию, активно участвуя в реконструкции и сооружении новых обителей: несколько монастырей было построено в Янине в начале XIII в. После восстановления власти патриарха над западными землями многие императорские монастыри перевели в подчинение главы диоцеза или патриарха. Однако указанная практика все же сохранилась: в 1231—1271 гг. в Арте был построен монастырь Като Панагии²⁹⁸.

Другие местные правители, укрепляя свою власть, также заботились о создании обителей. Так поступил Алексей Слав, который потратил средства на строительство монастыря св. Богородицы Спелиотиссы и пожаловал обители землю. При этом монастырь обладал статусом императорского, что означало его принадлежность Славу и неподчинение власти епископа и пратора²⁹⁹. Практика создания светскими лицами обителей, подчинявшихся им, была распространена также на территории Эпира (монастырь Богоматери Влахернитиссы в Арте, находившийся в ведении Зои Дукены, матери Феодора I Дуки)³⁰⁰.

Контроль над деятельностью монастыря могли осуществлять родственники правителя. Так, по распоряжению Зои Дукены и с согласия митрополита Иоанна Апокавка, упомянутый монастырь Богоматери Влахернитиссы изменил статус с мужского на женский³⁰¹.

В области монастырского имущества основное руководство оставалось у главы диоцеза. Так, Иоанн Апокавок контролировал восстановление монастырей, поручая заботу об обителях только близким людям: епископу Гардикона³⁰², дуге Ахелоя Николаю Горианиту, духовному сыну митрополита³⁰³, неизвестному

по имени протовестиарию Феодора I Дуки, являвшемуся другом архиерея³⁰⁴.

Однако у этой практики были свои ограничения. Речь шла о материальной поддержке монастыря, контроле за сохранением его имущества. Вместе с тем какие-либо назначения патроном монахов на должности не допускалось. Активное сопротивление Иоанна Апокавка вызвал тот факт, что упомянутый протовестиарий назначил игуменом монаха из Лакедемонии³⁰⁵.

Аналогичная практика существовала в Никейской империи³⁰⁶. По мнению М. Энгольда, она имела в своей основе практику харистикия (“ἡ χारीτικὴ δωρεά”), название которой исчезает из византийских источников в XIII в., но которая фактически сохранилась в это время³⁰⁷. Впрочем, эта практика не гарантировала сохранность монастырского имущества и могла стать прикрытием для его расхищения. Так, некий епископ отобрал золото, собранное из доходов монастыря, и после этого передал попечительство над обителью Константину Дуке³⁰⁸.

Контроль над имуществом диоцеза выражался не только в наблюдении за монастырями, но также и в отборе кандидатов на должность иконома епархии, ведавшего её имуществом. Такие кандидаты предлагались митрополитом, не допускавшим государственного вмешательства. К примеру, Иоанн Апокавк жаловался Никифору Горианиту на то, что предложили двух человек на должность иконома епархии Аэтоса, однако обе кандидатуры были отклонены. Вместо них правитель и его приближенные предложили лицо, занимавшее, вероятно, должность логариаста, так что митрополит назвал его «логариастодуховноиконом» (“ὁ λογαριαστοπνευματικοὶκονόμος”), уподобив мифическим кентаврам³⁰⁹. Мотивы действий власти в этом

случае заключались в том, чтобы подобным образом контролировать доходы от монастырского имущества.

Кроме того, в ведении Навпактского митрополита находился надзор за патриаршими монастырями, который поручил ему Иоанн Каматир³¹⁰. Это подразумевало, помимо прочего, наблюдение за размерами имущества обители. В письме к Мануилу Сарантину Иоанн Апокавк сообщил, что патриарший монастырь Диакониссы из-за нового экзарха над патриаршими монастырями Самсона, присланного из Малой Азии, получил расположенное рядом имущество, уже учтенное в описи. Митрополит просил патриарха рассудить это дело, т.к. такие решения не входили в его компетенцию³¹¹. Эту же проблему митрополит изложил ранее в письме к хартофилаксу Никеи Метритопулу³¹². Следует отметить, что перераспределение контроля над патриаршими монастырями вызвало протест митрополита и указанный случай стал для него удобным поводом для демонстрации некомпетентности нового экзарха, о чем он сообщил патриарху³¹³ и Метритопулу³¹⁴. Кроме того, в эпистоле к логариасту Георгию Дисипату митрополит рассказал о том, что некомпетентность Самсона проявляется и в других случаях. Указание в последнем из документов на сан экзарха (клирик и диакон Константинопольского патриархата)³¹⁵ позволяет понять суть конфликта. Назначение Иоанном Каматиром экзархом архиерея, представлявшего местное духовенство, но получившего образование в Константинополе, было своего рода компромиссом между интересами местного и столичного духовенства. Назначение в этом качестве диакона из Малой Азии свидетельствовало о том, что патриарх стремился поставить под свой контроль положение

ставропигиальных монастырей: данный факт вызвал протест эпирского духовенства.

После 1232 г. правомочность обладания обителем статусом императорских была пересмотрена, что входило в обязанности Анкирского митрополита Христофора, экзарха западных греческих земель³¹⁶. Это означало стремление Вселенского патриарха вернуть утерянную ранее часть монастырей (и их имущества) под свою власть.

Далее рассмотрим вопросы о положении архиереев, перебравшихся в Эпир после 1204 г., и об их инкорпорировании в состав элиты. Территория Латинской Романии находилась в области церковного управления Римского папы, который активно смещал византийских архиереев (в первую очередь, митрополитов, архиепископов, епископов) и рукополагал представителей католического духовенства³¹⁷. Вследствие этого многие архиереи искали убежища у эпирских правителей, которые благосклонно принимали их. В отдельных случаях правитель мог пригласить к себе того или иного иерарха, чей диоцез находился под властью латинян. Так, например, Феодор I пригласил афинского митрополита Михаила Хониата, находившегося на о. Кея, однако архиерей отказался³¹⁸.

Об имущественном положении этого духовенства известно немного. Эпирские правители распределяли их по епархиям и монастырям царства. Так, архиереи, прибывшие в Эпир, получили от Михаила I для поселения несколько монастырей около Янины³¹⁹. Феодор I расселил, как свидетельствует синодальное постановление 1227 г., архиереев в епархиях царства³²⁰. Однако это не всегда означало, что им предлагалась кафедра. В 1218 г. Иоанн Апокавк попытался содействовать ру-

коположению Ефимия Торника, являвшегося до 1204 г. митрополитом Патр³²¹, на кафедру Неопатр, освобожденных от латинян³²². Впрочем, Феодор I отклонил эту просьбу³²³. Позднее Ефимий упоминается в письме Иоанна Апокавка как клирик епархии Дринополя. Вместе с монахом Антонием Кацани Ефимий представлял духовенство епархии, отправившись к митрополиту Иоанну Апокавку с жалобой на действия епископа³²⁴. В другом письме Навпактского митрополита о Ефимии говорится как об одном из церковных архонтов той же епархии³²⁵. Всё это свидетельствует о том, что хотя Торник не получил кафедру, тем не менее, благодаря протекции Иоанна Апокавка, стал одним из влиятельных клириков епархии Дринополя. И все же такие архиереи могли, учитывая лояльность к правителю и соответствующую протекцию, занять кафедру епархии или диоцеза, как это сделал Георгий Вардан. В случае, если возглавляемый архиереем ранее диоцез освобождался от власти латинян, его глава мог снова вернуться на кафедру (как Константин Месопотамит).

Таким образом, рассмотренное положение архиереев было сходно со статусом представителей аристократических родов. Представителям высшего духовенства, чьи диоцезы обладали значительным имуществом, также предоставлялись привилегии иммунитета. Из этих архиереев формировалась группа лично преданных правителю людей. Отдельные церковные иерархи, как и аристократы, могли пользоваться особым расположением правителя, и даже соперничать со светскими лицами. Так, митрополит Иоанн Апокавк в письме к Феодору I Дуке жаловался на то, что лишен прежнего расположения правителя, уделявшего больше внимания уже упоминавшемуся военачальнику из Корин-

фа³²⁶. В другом послании, адресованном императорскому грамматiku Василию Каматиру, он просил о помощи, чтобы вернуть расположение императора³²⁷.

Включение архиереев в состав политической элиты являлось продолжением практики XII в., получившей особенно интенсивное развитие в период правления Алексея III³²⁸. В Никейской империи представители константинопольского духовенства, покинувшие столицу, были приняты Феодором I Ласкарисом. Император выделил им епархии или монастыри для того, чтобы они смогли продолжить своё служение³²⁹.

Суммируем сведения, полученные из анализа групп «административной» аристократии и высшего духовенства. Таблица 1.2 показывает, что в совокупности они представлены 23 родами. Около трети из семейств (8) имели представителей среди как придворных/чиновников светской администрации, так и высшего духовенства. Это: Апокавки, Горианиты, Дисипаты, Кавасилы, Мономахи, Педиадиты, Хоматианы, Хониаты³³⁰. Данная ситуация была следствием развития политической элиты в XII в., когда представители одного и того же рода (как Каматиры) имели положение и в центральной администрации, и в Церкви³³¹. Схожее положение наблюдалось также в Никейской империи, где должности в центральной администрации занимали сразу несколько представителей родов Музалонов и Палеологов³³². Безусловно, такие семейства гарантировали себе стабильное положение в сложных политических условиях конца XII—XIII вв.

Следует отметить, что более половины из родов, составляющих указанные две группы (13 из 23), входили в политическую элиту Византии XII в. Это означает, с одной стороны, их стабильное положение на

рубеже веков, а с другой, — вхождение в состав этих групп представителей более низких слоев (архонтов), возвышенных по милости правителя.

При анализе положения рассмотренных «категорий» элиты, обращает на себя внимание тенденция к их превращению в закрытые группы. Речь идет о наличии следующих признаков: наследственный характер должности или землевладения, занятие представителями одного и того же рода должностей в светском и церковном административных аппаратах. Для того чтобы выяснить, насколько последовательно была выражена эта тенденция, необходимо рассмотреть степень устойчивости факторов консолидации элиты: родственных, дружеских и патронатных связей.

§ 3. Факторы консолидации правящей элиты (родственные, дружеские и патронатные отношения)

Одним из основополагающих в историографии стало утверждение о консолидации слоев высшего духовенства и аристократии как своего рода «политической базы» эфирских правителей, создавших на её основе независимое государство и претендовавших на титул императора. Обратимся к изучению факторов, способствовавших выработке представителями правящей элиты единой политической позиции: родственным, дружеским и патронатным отношениям. Данные узы обладали для византийской элиты XI—XII вв. особым значением, т.к. способствовали преодолению высокой вертикальной мобильности, существовавшей в среде знати, и стабилизировали положение её представителей³³³.

Рассмотрим, прежде всего, браки. В качестве основной проблемы в этом случае следует выделить вопрос о негативном влиянии на них «квази-семейных отношений» (филии)³³⁴. Известно, что в Эпирском царстве такие отношения получили широкое распространение³³⁵, однако остается неясным, насколько они воздействовали на сохранность брака внутри правящей элиты.

К числу правителей, которые поддерживали «квази-семейные отношения», относятся: Михаил I, чей сын, Константин, родился от наложницы³³⁶, Феодор I Дука, сожительствовавший с некоей аристократкой, вероятно славянского происхождения, в результате появился на свет сын Радомир³³⁷, Димитрий Дука, вступавший в любовную связь с замужними аристократками Фессалоники³³⁸, Михаил II, разделявший внебрачное ложе с аристократкой Гангреной из Арты³³⁹. Таким образом, связи подобного рода существовали на протяжении всего рассматриваемого нами периода, однако дестабилизирующее влияние на брак они имели лишь в последнем случае: Михаил II выгнал жену, чтобы жить вместе с любовницей³⁴⁰. Внебрачная связь правителя была в скором времени прекращена из-за вмешательства архонтов Арты, которые убедили Михаила вернуть супругу³⁴¹. Приведенные сведения не позволяют говорить о каком-либо кризисе брака как инструмента политики эпирских правителей вследствие развития «квази-семейных» отношений. Более того, как уже отмечалось, связи с родами Петралифов и Малиасинов, поддерживаемые, помимо прочего, за счет брачных уз, оставались стабильными на протяжении практически всего рассматриваемого нами периода.

Можно ли говорить в данном контексте о существовании клана Дук, состоявшего из представителей

трех крупнейших родов царства: Дук, Петралифов и Малиасинов? На наш взгляд, подобное утверждение вполне логично, но все же необходимо подчеркнуть, что этот клан отличался от клана Комнинов тем, что носил сугубо региональный характер, объединяя три рода, представители которых обладали наследственными правами на подвластную территорию.

Вхождение провинциальных аристократических родов в состав правящих династий через заключение браков характерно для элит Никейской империи и Трапезундского государства³⁴².

Кроме матримониальных связей, важным фактором, сплачивающим элиту, являлись отношения между близкими родственниками — представителями одного рода. Так, Ирина Дукена, дочь Феодора I и жена Ивана II Асеня, прибыла в 1246 г. в Фессалонику с тем, чтобы заступиться за своего брата Димитрия, осажденного в городе Иоанном III Дукой Ватацем³⁴³. Особенно следует отметить отношения между представителями одного аристократического семейства, занимавшими должности в государственной администрации и церковном управлении. Так, Феодор II Ласкарис отстранил Охридского архиепископа Константина Кавасилу от управления диоцезом, т.к. два его брата входили в состав приближенных Михаила II Дуки, выступившего против никейского императора. Вероятно, Феодор II боялся того, что Константин захочет помочь своим братьям и перейдет на сторону противника. Таким образом, перед нами раскрывается значение родственных связей между представителями одного рода как способа консолидации представителей двух групп, входящих в элиту царства: аристократии и духовенства. Однако опасе-

ния Феодора II оказались напрасны: Константин Кавасила, позднее возвращенный на кафедру Михаилом VIII Палеологом, содействовал никейским войскам при захвате Охрида, обратившись к жителям с просьбой сложить оружие³⁴⁴. Как видно, близкие родственники могли выступать на стороне различных правителей. Такая позиция связана скорее не с кризисом родственных отношений как фактора консолидации элиты, а с индифферентностью её представителей, обусловленной стремлением защитить свои интересы в сложных политических условиях. Это стремление выразилось в подчинении более могущественному правителю в случае опасности.

Далее рассмотрим еще один фактор, способствовавший консолидации правящей элиты, — дружеские отношения. Речь, прежде всего, идет о товарищеских связях трех архиереев: Иоанна Апокавка, Димитрия Хоматиана и Георгия Вардана. Отстаивая легитимность власти Феодора I перед Вселенскими патриархами и право на церковную автономию, иерархи поддерживали друг друга в личной переписке, обсуждали различные вопросы церковной организации³⁴⁵ и права³⁴⁶. Как показывают эпистолы более раннего периода, данные отношения сложились задолго до коронации Феодора I³⁴⁷ и стали позднее, в 1227—1230 гг., основой для консолидации представителей духовенства.

Показательными являются обстоятельства назначения Георгия Вардана на кафедру Керкирского диоцеза. Выбор митрополита должен был основываться на гарантиях его лояльности правителю и духовенству Эпира, которыми стали дружеские отношения между Михаилом Хониатом и Иоанном Апокавком, позволившие сделать ставку на кандидата афинско-

го хартофилакса Георгия Вардана, духовного сына Михаила Хониата³⁴⁸. Впрочем, этому способствовали дружеские отношения между Варданом и Апокавком, сложившиеся задолго до рукоположения афинского хартофилакса в сан митрополита³⁴⁹. Обращает на себя внимание тот факт, что товарищеские связи у Иоанна Апокавка (так же, как и у Дмитрия Хоматиана) наладились и с предшественником Георгия Вардана, Василием Педиадитом³⁵⁰. Так, митрополит Керкиры оказал помощь Иоанну Апокавку, когда тот заболел на острове, и доставил его обратно в Эпир³⁵¹.

Отдельное место занимали дружеские отношения Иоанна Апокавка и Вселенского патриарха Мануила Сарантина, сформировавшиеся еще во время их совместного обучения в патриаршей школе в Константинополе³⁵². Иоанн Апокавк обратился к нему во время конфликтов с монахом Никоном и епископом Арты, рассмотренными ниже. Кроме этого, митрополит поддерживал дружеские контакты с Метритопуллом, хартофилаксом Никеи, к которому обратился в случае с имуществом монастыря Диакониссы³⁵³.

Иоанн Апокавк имел дружеские отношения с архиереями, представлявшими духовенство Навпактской митрополии и других диоцезов (Охридской архиепископии, митрополий Лариссы и Фессалоники): Георгием Химарой (епископом Вондицы)³⁵⁴, уже упоминавшимся Климентом Мономахом³⁵⁵, Дмитрием (епископом Бутринта)³⁵⁶, Константином (епископом Кастории)³⁵⁷, неизвестным по имени митрополитом Лариссы³⁵⁸, Мануилом Макром (митрополитом Лариссы), Докианом (митрополитом Диррахия), Николаем (митрополитом Фессалоники)³⁵⁹, а также с Ефимием Торником (митрополитом Патр, а затем —

клириком епархии Дринополя)³⁶⁰. У некоторых из них (Мануила Макра, Докиана³⁶¹ и Климента Мономаха³⁶²) митрополит просил помощи, чтобы избавиться от притеснений Константина Дуки. Димитрий Хоматиан поддерживал дружбу с Иоанном, епископом Скопье³⁶³, а также с епископом Крои (собственное имя неизвестно)³⁶⁴.

Приведенные данные позволяют говорить о широком распространении дружеских отношений в среде руководства эпирской Церкви, которые имели устойчивое значение консолидирующего фактора, обусловленное нестабильной политической и социальной ситуацией. Для того чтобы удержать свои позиции в условиях перестройки административного аппарата (падения власти Константинополя и установления местной монархии) и меняющейся политической обстановки, когда диоцезы оказывались под властью различных правителей (греческих, болгарских), представители духовенства делали ставку на дружеские отношения друг с другом.

Рассмотрим далее товарищеские узы между представителями высшего духовенства и аристократами, приближенными к правителю.

Такие отношения существовали, как уже было отмечено, между Иоанном Апокавком и Георгием Хониатом³⁶⁵. Митрополит поддерживал также дружбу с логариастом Георгием Дисипатом³⁶⁶, логариастом Иоанном Костомиром³⁶⁷, императорским грамматиком Василием Каматиром³⁶⁸, упомянутым выше прото-вестиарием Феодора I Дуки³⁶⁹. Кроме того, вероятно, дружеские отношения существовали между Иоанном Апокавком и Ксеном Таронитом, кастрофилаксом Ангелокастра, за которого митрополит заступился

перед Феодором I Дукой³⁷⁰, а также с неизвестным по имени кастрофилаксом Навпакта: архиерей выступил в его поддержку как перед Константином Дукой, так и перед императором³⁷¹.

Отношения Иоанна Апокавка с представителями аристократии, в целом, характеризовались тем же практическим значением, что и коммуникации внутри духовенства. Так, Георгию Дисипату митрополит жаловался на некомпетентность экзарха Самсона, а Василия Каматира просил вернуть расположение императора.

Кроме Иоанна Апокавка, дружеские отношения с представителями местной элиты поддерживали Димитрий Хоматиан и Георгий Вардан. Димитрий Хоматиан дружил с Иоанном Плитом, месадзоном Феодора I Дуки. Письма Охридского архиепископа, адресованные аристократу, посвящены, в основном, разбору судебных случаев: архиепископ отвечал на вопросы чиновника, поясняя, как следует разрешить ту или иную тяжбу³⁷², и указывая в начале документов на дружеские отношения с Иоанном³⁷³. О практическом значении подобного рода отношений сказать сложно. Советы о разрешении того или иного судебного случая, безусловно, не относились к сфере товарищеской коммуникации: это была обязанность архиепископа, возглавлявшего церковный суд. Георгий Вардан поддерживал дружеские отношения с Михаилом Мардоном, протовестиарием Михаила II³⁷⁴.

Помимо данных связей следует отметить отдельную их форму, имевшую место между духовенством и аристократами, — духовное наставничество.

Вероятно, наставничество осуществлялось Иоанном Апокавком в отношении Марии Дукены и её дочери Ирины³⁷⁵. Императрица же покровительствовала митрополиту. Так, Иоанн Апокавк просил её о

защите от Константина Дуки и его приближенных, указывая на то, что ему негде укрыться³⁷⁶. В ответ на это Мария Дукена предоставила митрополиту в качестве убежища принадлежащий ей монастырь³⁷⁷. Бывали случаи, когда архиерей просил императрицу оказать влияние на Феодора I Дуку с тем, чтобы он или сам приехал в Навпакт, или прислал войско для защиты от пиратских набегов³⁷⁸.

Рассматриваемые отношения существовали также между Николаем Горианитом и Иоанном Апокавком. Письма митрополита позволяют более подробно проследить функции таких личных коммуникаций. Прежде всего, это решение вопросов духовной жизни (отношение к смерти)³⁷⁹, а также практических проблем, таких как назначение епископов на свободные кафедры³⁸⁰. В посланиях нередко обсуждались судебные случаи³⁸¹, однако, как уже было отмечено, это являлось скорее обязанностью митрополита, возглавлявшего церковный суд. Другой функцией стала помощь Николая Горианита митрополиту, страдавшему болезнью. В одном случае аристократ предложил Иоанну Апокавку врача³⁸², а в другом, — предоставил ему жилье для отдыха и окружил заботой³⁸³. Иоанн Апокавк, в свою очередь, доверил Горианиту попечение о монастыре Кремасту, расположенном недалеко от Навпакта³⁸⁴. Цель митрополита заключалась в том, чтобы поставить восстанавливающийся монастырь под контроль доверенного лица. Митрополит также жаловался Николаю Горианиту на своё бедственное положение, в котором он оказался из-за преследований Константина Дуки³⁸⁵.

Другим духовным сыном митрополита был Никифор Горианит, месадзон Феодора I. Помимо вопросов духовной жизни³⁸⁶, письма архиерея к аристократу со-

держат просьбу разрешить конфликт с Константином Дукой. Митрополит жаловался месадзону на притеснения со стороны наместника и просил его как приближенного к императору заступиться за него³⁸⁷. Однако эти жалобы не сразу получили положительный ответ. Месадзон предложил митрополиту отказаться от излишеств и выплатить необходимое наместнику³⁸⁸. Причиной тому послужило, вероятно, мнение о богатстве митрополии, существовавшее при дворе Феодора I и появившееся благодаря окружению Константина. Это побудило Иоанна Апокавка вновь обратиться к Никифору Горианиту³⁸⁹. Возможно, просьбы Горианита усилили вес прямых обращений Иоанна Апокавка к Феодору I Дуке и способствовали появлению хрисовула 1228 г.

Рассматриваемые отношения архиереев с Никифором Горианитом и Иоанном Плитом (являвшимися “οἰκέτοί” правителя), духовное наставничество архиереев, позволяющее в случае необходимости получить помощь, говорят о консолидации представителей двух групп для защиты собственных интересов.

Духовное наставничество митрополита распространялось также еще на нескольких персон: архонтов Арты Константина Маркопула, Иоанна Пасхалия и Никифора Гостилапула³⁹⁰, епископа Янины Феодора Ватаца³⁹¹. Практическое значение этих отношений сходно с дружескими и заключается, прежде всего, во взаимопомощи. В 1232 г. митрополит обратился к Феодору Ватацу с просьбой посодействовать в установлении контактов с патриархом, указав, что епископ находился в дружеских связях с экзархом Христофором³⁹². Иоанн Апокавок способствовал поставлению на кафедру митрополита Фессалоники Николая (па-

троним неизвестен), являвшегося духовным сыном Навпактского митрополита³⁹³. Ему иерарх жаловался на бедственное положение жителей Навпакта вследствие пиратских набегов³⁹⁴, а также на стремление епископа Арты к самостоятельному управлению³⁹⁵.

Сведения о дружеских отношениях между представителями аристократии являются более скудными. Такие товарищеские связи существовали предположительно между фессалоникийскими аристократами Дмитрием Спартином и Николаем Кампаном, участниками заговора против Димитрия Дуки. Первый из названных аристократов вступился за друга, когда тот был близок к разоблачению: взявшись расследовать дело о заговоре, окончательно отвел от него подозрения³⁹⁶. Таким образом, можно предположительно говорить о существовании дружеских отношений в среде эфирской аристократии, являвшихся платформой для совместных действий в политике, в том числе для создания оппозиции правителю.

Наряду с дружескими большое значение для формирования структуры правящей элиты в XI—XII вв. имели патронатные связи, основанные на обычае «коммендации» (“commendatio”) — поручения себя или близкого человека власти более состоятельного и могущественного лица³⁹⁷.

Применительно к элите Эфирского царства, речь идет об отношениях между Михаилом Хониатом и Георгием Варданом — духовным сыном митрополита³⁹⁸. Рекомендация Михаила Хониата, составленная в виде эпистолы³⁹⁹, упоминается в постановлении синода 1219 г. наряду с письмом Феодора I Дуки, избравшего Георгия в качестве кандидата⁴⁰⁰. Этот случай демонстрирует возможность совмещения двух видов

связей. Помимо Георгия Вардана, по рекомендации Михаила Хониата в Навпактскую митрополию был принят Никита Хониат, племянник афинского митрополита, ставший духовным сыном Иоанна Апокавка⁴⁰¹. Еще одного ученика Михаил Хониат отправил в Эпир, прося у Навпактского митрополита содействовать в получении им должности при дворе⁴⁰². Возможно, патронатные отношения существовали между Георгием Хониатом и уже упоминавшимся племянником Иоанна Апокавка.

Обратной стороной развития родственных, дружеских и патронатных связей стало сужение круга кандидатов на свободные кафедры и практическое исключение из него местного духовенства. Так, по мнению Иоанна Апокавка, эпирские архиереи и правитель слишком часто привлекают для этой цели клириков извне и не рукополагают в сан епископа местное духовенство⁴⁰³.

Патронатные связи существовали и в Никейской империи. Так, Василий Каматир, приближенный Феодора I Ласкариса, выступил в качестве покровителя Никиты Хониата⁴⁰⁴. Например, Михаил Хониат вверял архонта Халкуциса заботам патриарха Михаила Авториана⁴⁰⁵. При этом никейские императоры могли осуществлять контроль над такими связями, вводя в состав приближенных людей по своему усмотрению и, что важнее, поддерживая при дворе систему воспитания будущих придворных⁴⁰⁶.

Перечисленные отношения (в некоторых случаях сочетавшиеся применительно к одному и тому же лицу) позволяют говорить о преодолении высокой вертикальной мобильности и формировании практически закрытой структуры эпирской элиты. Та-

блица, созданная для фиксации рассматриваемых связей, показывает, что основную часть друзей, духовных чад архиереев, а также патронируемых ими лиц составляют представители местной элиты (проживавшие в диоцезе), многие из которых занимали должности в центральной светской и церковной администрациях⁴⁰⁷.

Данная консолидация, являясь противовесом усилению власти наместников, позволяла представителям местной элиты отстаивать свои интересы (в том числе имущественные). Вместе с тем, в некоторых случаях выявленная тенденция вступала во взаимодействие с другой — стремлением правителя получить верных людей в составе местной элиты, что стало бы противовесом власти наместников. Результат данного взаимодействия — оформление группы аристократов, верных правителю и поддерживавших отношения с главой диоцеза. Однако вследствие политической нестабильности, складывание этой группы оказалось незавершенным из-за частой ротации кадров.

* * *

Итак, становление Эпирского государства, происшедшее на основе провинции, привело к появлению структуры политической элиты, напоминавшей правящую элиту XII в., однако имевшей при этом некоторые отличия. Как и в XII в., в руках правителя оказалась сконцентрирована высшая административная, судебная и военная власть в государстве. Эпирские Дуки, как и императоры из династии Комнинов, активно участвовали в управлении Церковью, фактически контролируя становление её автономной организации.

Внутри династии Дук, а равно и клана Комнинов, с течением времени возникли противоречия относительно обладания верховной властью. Частично данная проблема была решена при помощи традиционной практики назначения наследников и, возможно, соправителей. На наш взгляд, основную роль сыграло создание наместничеств под управлением ближайших родственников правителя (братьев и сыновей), которые являлись его наследниками. Эта ситуация обусловлена существовавшей в XII в. практикой пожалования императором земель в управление своим родственникам. Новшеством выступало то, что Эпирское государство было в этом случае разделено между возможными претендентами на престол. Право на наследование подчеркивалось пожалованием наместнику титула деспота.

В ближайшее окружение правителя, помимо родственников, входили представители крупных аристократических родов (Мелисинов, Петралифов и Малиасинов), положение которых было во многом обусловлено их значительными земельными владениями. Однако это не гарантировало нахождение членов рода в составе элиты. Важным условием стало заключение брачных связей как подтверждение лояльности семейства эпирским правителям. Наоборот, нелояльность к правителю, служба латинянам исключала семейство из состава правящей элиты. На наш взгляд, можно утверждать, что семейства Дук, Петралифов и Малиасинов образовали особый клан, сосредоточивший в своих руках управление государством. Анализ отношений, существовавших внутри данного клана, показывает, что они были достаточно устойчивыми, несмотря на наличие внебрачных связей.

Помимо представителей крупных родов, в состав приближенных государя входили также правители этнических областей, представлявшие албанскую и славянскую знать. С некоторыми из них были заключены брачные союзы, другие же служили на основе личной преданности. Связи Дук с этой группой оставались достаточно устойчивыми на протяжении всего рассматриваемого нами периода.

Отдельное место среди приближенных правителя занимали представители местной аристократии и духовенства, чьё положение было связано со службой в центральной администрации. Более половины из родов, образовавших эти группы, обрели определенные позиции как в светской, так и в церковной администрациях. Такое же количество составляли роды, представленные в составе византийской «административной» элиты XII в. Это говорит о том, что административная карьера оставалась более или менее надежным способом сохранить своё положение в условиях первой половины XIII в. Важно отметить факт некоторого «дробления» группы местной аристократии, связанной с системой наместничеств. В частности, речь идет о появлении обладателей придворных должностей среди приближенных наместников (протовестиарий наместника Мануила Дуки). Это делало позицию данной группы уязвимой, т.к. при смене правителя их положение ухудшалось вследствие ротации состава лиц, входивших в круг придворных.

Представители высшего духовенства также были включены в состав правящей элиты, входя в круг приближенных правителя. Как правило, речь идет о главах крупных диоцезов, таких, как Навпактская ми-

трополия или Охридская архиепископия. Для этой группы характерны некоторые черты, выявленные нами для представителей аристократии: личная верность правителю, наследование должности и т.д.

Архиереи, стремясь к защите собственных имущественных интересов, обращались к тому ресурсу, который им был более доступен — широким дружеским связям с представителями местной элиты и, прежде всего, с “οί οἰκεῖοι”. К этим отношениям добавлялись также связи, являющиеся следствием духовного наставничества, а также патронатные узы. Это позволило высшему духовенству и местной элите достигнуть значительной степени консолидации.

В целом, черты, выявленные для рассмотренных групп элиты (наследование земельных владений и должностей, представительство членов одного рода в светской и церковной администрации, консолидация элиты на основе родственных, дружеских и патронатных отношений), позволяют говорить об их превращении в период 1205—1261 гг. в закрытую группу.

Многие признаки, выделенные нами для характеристики формирования эпирской политической элиты, существовали в других греческих государствах (концентрация власти в руках правителя, контроль над деятельностью Церкви и т.д.). Выделение в управление родственникам отдельных областей существовало в Трапезундской империи. Это говорит о сходных путях развития указанного процесса, находившегося под влиянием традиции XII в. и составившего важную часть генезиса новых греческих государств.

Примечания

- ¹ Ферјанчић Б. Племяство в Епирској држави... С. 174—175; Жа-воронков П.И. Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: элита // ВО. М., 1991. С. 90; Морозов М.А. Структура социальной элиты Никейской империи // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: Материалы 11-й международной конференции молодых ученых (Санкт-Петербург, 27—30 декабря 2000 г.). СПб., 2000. С. 316.
- ² Каждан А.П. Социальный состав... С. 259—260; Литаврин Г.И. Византийское государство в VII—XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах VII—XII вв. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1985. С. 126; Литаврин Г.Г. Византийская империя во второй половине VII—XII вв. // Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. / Отв. ред. З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин. М., 1989. С. 32; Treadgold W. A History of Byzantine State... P. 678; Бибииков М.В. Проблемы генезиса и эволюции византийской аристократии // Он же. Очерки средневековой истории, экономики и права. М., 1998. С. 164—167; Lilie R.-J. Byzanz. Geschichte des Oströmischen Reiches. München, 1999. S. 91; Cheynet J.-C. Le aristocratie byzantine (VIIIe—XIIIe siècle) // Journal des savants. 2000. Vol. 3. P. 320; Бибииков М.В. Византийские этнические, родовые и династические генеалогии // Восточная Европа в древности и Средневековье. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 11—13 апреля 2001 г.). Материалы конференции. М., 2001. С. 36; Чеснокова Н.П. Византийская династическая идея эпохи Комнинов и Ангелов (конец XI—начало XIII в.) // Восточная Европа в древности и Средневековье. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2004. С. 193; Cheynet J.-C. Bureaucracy and aristocracies... P. 523; Magdalino P. The empire of the Komnenoi... P. 657; Haldon J. Social Élites, Wealth and Power // A social history of Byzantium / Ed. J. Haldon. Wiley—Blackwell, 2009. P. 192—193.
- ³ Cheynet J.-C. Bureaucracy and aristocracies... P. 523. Хотя, безусловно, в некоторых случаях продвижение по лестнице было возможно для лиц, которые не входили в клан (Ibid. P. 524).
- ⁴ Angold M. Byzantie politics vis-à-vis the Fourth Crusade // Urbs capta. P. 55.
- ⁵ Ibid. P. 55—56; 66—67; Каждан А.П. Социальный состав... С. 171—172; Angold M. Byzantie politics... P. 58; Holmes C. Political-historical survey... P. 274.

- 6 *Литаврин Г.Г.* Византийская империя... С. 34; *Литаврин Г.Г.* Византийское государство... С. 123.
- 7 *Beck H.G.* Kirche und Klerus im Staatlichen Leben von Byzanz // REB. 1966. Т. 24. С. 12—15; *Beck H.G.* Geschichte der orthodoxen Kirche im Byzantinischen Reich. Göttingen, 1980. Bd. 1. S. 159.
- 8 *Beck H.G.* Geschichte der orthodoxen Kirche... С. 159; *Дагрон Ж.* Император и священник. Этюд о византийском цезаропапизме. СПб., 2010 (1-е изд.: П., 1996). С. 312—313.
- 9 *Beck H.G.* Kirche und Klerus... С. 23—24; *Beck H.G.* Geschichte der orthodoxen Kirche... С. 159—160; *Angold M.* Church and Society... P. 54—55.
- 10 *Beck H.G.* Geschichte der orthodoxen Kirche... С. 162—163; *Angold M.* The Byzantine Empire... P. 122—123; *Дагрон Ж.* Император и священник... С. 313; *Angold M., Whitby M.* Church. Structures and administration // The Oxford Handbook of Byzantine studies. P. 577
- 11 *Лебедев А.П.* Историческое состояние Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV вв. СПб., 1998. С. 96—117; *Каждан А.П.* Провинциальная аристократия... С. 305—306; *Angold M.* The Byzantine Empire... P. 230—233; *Hussey J.M.* The Orthodox Church... P. 146—156; *Angold M.* Church and Society... P. 54—58; 82—86; *Дагрон Ж.* Император и священник... С. 314—315;
- 12 *Angold M.* Church and Society... P. 125.
- 13 *Cheyne J.-C.* Patriarches et empereurs: de l'opposition à la révolte ouverte // Zwei Sonnen an Goldenen Horn? Kaiserliche und patriarchale Macht im byzantinischen Mittelalter / Hg. M. Grünbart, L. Rickelt, M.M. Vutečić. Berlin, 2013. Bd. 2. P. 15.
- 14 Имеется ввиду решение конфликта между Навпактским митрополитом Иоанном Апокавком и наместником Эпира Константином Дукой (см. ниже).
- 15 Речь идет о ряде хрисовулов, предоставленных Феодором I и Михаилом II некоторым митрополиям и светским лицам (см. ниже).
- 16 *Chom.* S. 58.31—59.83, 100.1—106.225.
- 17 О Михаиле I см.: *Villehard.* P. 194. №328. О Феодоре I см.: *Асгор.* S. 26.2—5; *Greg.* P. 25.22—26.6; *Albricus Monachus.* Chronica... S. 906.29—31. О Михаиле II см.: *Асгор.* S. 149.3—150.24, 81; *Рачум.* P. 117.19; *Greg.* P. 48.6—9.
- 18 *Васильевский В.Г.* Обновление Болгарского патриаршества. С. 19; *Васильев А.А.* Латинское владычество на Востоке. С. 22; *Miliaraki A.* Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας... Σ. 50—51; *Karpozilos A.D.* The ecclesiastical controversy... P. 31—32, 54—55.

- ¹⁹ *Wellnhofer M. Johannes Apokaukos...* S. 33; *Miliaraki A. Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας...* Σ. 103 (автор датирует это событие 1214 г.); *Васильев А.А. Латинское владичество на Востоке...* С. 22; *Nicol D. The Despotate of Epiros.* P. 40; *Karpozilos A.D. The ecclesiastical controversy...* P. 97; *Ферјанчић Б. Тесалија у XIII—XIV веку.* С. 48—52; *Hussey J.M. The Orthodox Church...* P. 209; *Angold M. Church and Society...* P. 215—216; *Λάμπας Ν.Αθ. Πολιτική Ἱστορία τοῦ κράτους τῆς Ἠπείρου...* Σ. 101—102.
- ²⁰ *Nicol D. The Despotate of Epiros.* P. 117—120; *Karpozilos A.D. The ecclesiastical controversy...* P. 90—95; *Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki...* P. 152—174.
- ²¹ ММ. III. P. 61.
- ²² *Karpozilos A.D. The ecclesiastical controversy...* P. 94.
- ²³ *Васильевский В.Г. Epirotica saeculi...* С. 275,28—33; *Карнов С.П. Образование Трапезундской империи...* С. 22; *Карнов С.П. История Трапезундской империи.* С. 102—103.
- ²⁴ *Николов Г.Н. Самостоятелни и полусамостоятелни владения...* С. 173—175.
- ²⁵ *Laurent V. La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe s. (1208—1309) // REB. 1969. T. 27. P. 134—135, 137—138; Angold M. Byzantine government in exile...* P. 50.
- ²⁶ *Ibid.* P. 51.
- ²⁷ *Ibid.* P. 48—49.
- ²⁸ *Charanis P. On the social structure and economic organization of the Byzantine empire in the thirteenth century and later // BS. 1951. Vol. 12. №1. P. 106; Удальцова З.В. Византия и Западная Европа: Типологические наблюдения // ВО. М., 1977. С. 14; Treadgold W. A History of Byzantine State...* P. 683; *Holmes C. Political-historical survey...* P. 274. По мнению Е. Койчевой, данная система была характерна для других балканских государств XIII в. (*Koicheva E. The Comnenian Dynasty and the Assenides.* P. 131).
- ²⁹ ТТ. I. P. 264.
- ³⁰ *Cheyne J.-C. Bureaucracy and aristocracies...* P. 523—524.
- ³¹ Приложение I. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки.
- ³² *Scout. Σ. 486.14; Polemis D.I. The Doukaï...* P. 91. № 44; *Острогорский Г. К истории иммунитета в Византии.* С. 77; *Angold M. Church and Society in Byzantium...* P. 220—221; *Miliaraki A. Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας...* Σ. 240—241; *Nicol D. The Despotate of Epiros.* P. 105; *Βάρζος Κ. Ἡ γενεαλογία...* T. 2. Σ. 656—664. № 170; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καὶ Ἠπείρος...* Σ. 75.
- ³³ *Noctes.* С. 252.20—33; *Острогорский Г. К истории иммунитета в Византии.* С. 77; *Angold M. Church and Society in Byzantium...*

p. 220—221; *Miliaraki A.* Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας... Σ. 240—241; *Nicol D.* The Despotate of Epiros. P. 105.

³⁴ *Noctes.* C. 256.9—15.

³⁵ Там же. С. 259.30—260.3.

³⁶ Там же. С. 286.24—287.9.

³⁷ Там же. С. 261.27—262.5.

³⁸ *Acrop.* S. 43.20; *Ephraim.* Coll. 300, lin. 8111; *Scout.* Σ. 475.11—12; *Noctes.* C. 291.8—23. *Du Cange C.F.* *Historia Byzantina.* P. 206; *Miliaraki A.* Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας... Σ. 325; *Успенский Ф.И.* *История Византийской империи XI—XV вв.* С. 416—417; *Nicol D.* The Despotate of Epiros. P. 127; *Литаврин Г.Г.* Внешнеполитическая борьба на Балканском полуострове и в Малой Азии. Латинская империя, Никея, Эпир и Болгария (1205—1261 гг.) // *История Византии.* Т. 3. С. 59; *Polemis D.I.* The Doukai... P. 90; *Ферјанчић Б.* Солунски цар Манојло Анђео (1230—1237) // *Зборник филозофског факултета.* Београд, 1979. Т. XIV—I. С. 93—101; *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία... Т. 2. Σ. 637—656. № 169; *ODB.* Vol. 2. P. 1292; *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 192; *Treadgold W.* A History of Byzantine State... P. 722; *Λάππας Ν.Αθ.* Πολιτική Ἱστορία τοῦ κράτους τῆς Ἠπείρου... Σ. 137.

³⁹ Там же. С. 291.22—23 (“...προστάσει γὰρ ἡ βασιλεία μου μῆτε τὸν πανευχεστάτον δεσπότην καὶ περιπόθητον αὐτάδελφον τῆς βασιλείας μου κύρ Μανοῆλ τοῦ Δούκα, μῆτε τινὰ τῶν ὑπ αὐτὸν πόδα τοῖς τῆς ἐκκλησίας ἐμβάλλειν”). Здесь и далее перевод мой — С.Д.

⁴⁰ *Acrop.* S. 43.19—24; *Ephraim.* Coll. 300, lin. 8110—8113; *Scout.* Σ. 475.11—15.

⁴¹ *Acrop.* S. 42.13—15; *Ephraim.* Coll. 297, lin. 8071—8073; *Scout.* Σ. 474.19—20.

⁴² *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki. P. 177; *Cheyne J.-C.* Aristocracy and its inheritance // *Cheyne J.-C.* The Byzantine Aristocracy and its Military Function. L., 2006. IV. P. 23—24; *Haldon J.* Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565—1204. L., 1999. P. 94.

⁴³ *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices / Introduction, texte et traduction par J. Verpeux. P., 1966. P. 133.10—11; *Guilland R.* Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: Le despote, δεσπότης // *REB.* 1959. Т. 17. P. 52—89; *Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin, 1967. Т. 2. P. 1—24; *Failler A.* Les insignes et la signature du despote // *REB.* 1982. Т. 40. P. 171—186.

⁴⁴ *Guilland R.* Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: Le despote, δεσπότης // *REB.* 1959. Т. 17. P. 55.

- ⁴⁵ *Angold M.* Byzantine government in exile... P. 37.
- ⁴⁶ *Ibid.* P. 76.
- ⁴⁷ *Ibid.* P. 78.
- ⁴⁸ *Shukurov R.* The enigma of David Grand Komnenos // *Mésogeios*, 2001. T. 12. P. 127; *Карнов С.П.* История Трапезундской империи. С. 166—168; *Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Ιστορία της αυτοκρατορίας των Μεγάλων Κομνηνών της Τραπεζούντας (1204—1461). Θεσσαλονίκη, 2009. Σ. 44.
- ⁴⁹ *Карнов С.П.* История Трапезундской империи. С. 161.
- ⁵⁰ *Pachym.* P. 125.23—127.1; *Greg.* P. 90.9—14; *Chron. of Morea* [lin. 3111—3120]; *MM IV.* P. 349—352; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи XI—XV вв. С. 416—417; *Nicol D.* The Despotate of Epiros. P. 164, 172; *Литаврин Г.Г.* Внешнеполитическая борьба... С. 67; *Polemis D.I.* The Doukai... P. 94—95; *ODB.* Vol. 3. P. 1478; *Bartusis M.C.* The Late Byzantine army.. P. 243; *PLP.* № 223, № 91046; *Λάππας Ν.Αθ.* Πολιτική Ίστορία του κράτους της Ήπείρου... Σ. 247.
- ⁵¹ *Pachym.* P. 119.23—121.5; *Chron. of Morea* [lin. 3784—3790]; *Du Cange C.F.* *Historia Byzantina.* P. 210; *Hopf K.* *Geschichte Griechenlands...* S. 281; *Finlay G.* *A History of Greece...* P. 128; *Ρομάνος Ι.* Περί του δεσποτάτου της Ήπείρου... Σ. 32; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи XI—XV вв. С. 424; *Geonokoplos D.* Greco-Latin relations on the eve of the Byzantine restoration: The battle of Pelagonia // *DOP.* 1953. Vol. 7. P. 112; *Nicol D.* The Despotate of Epiros. P. 154; *Литаврин Г.Г.* Внешнеполитическая борьба... С. 67; *Polemis D.I.* The Doukai... P. 97; *Nicol D.M.* Refugees, Mixed Population and Local Patriotism in Epiros and Western Macedonia after the Fourth Crusade. 1976 // *Idem.* *Studies in Late Byzantine History and Prosopography.* IV. L., 1989. P. 6; *ODB.* Vol. 2. 1044—1045; *PLP.* № 208; *Treadgold W.* *A History of Byzantine State and Society.* Stanford, 1997. P. 732; *Λάππας Ν.Αθ.* Πολιτική Ίστορία του κράτους της Ήπείρου... Σ. 231—232; По мнению Б. Ферьянчича, Иоанн Дука не правил в Фессалии единолично, а скорее всего, имел в этой области свои владения, из которых собрал подчиненные ему отряды владхов (*Ферьянчић Б.* Тесалија у XIII—XIV веку. С. 97—98).
- ⁵² *Beck H.G.* *Geschichte der orthodoxen Kirche...* S. 162.
- ⁵³ *Holmes C.* *Political-historical survey...* P. 274.
- ⁵⁴ *Acrop.* S. 24.17—23; *Ephraim.* Coll. 284, lin. 7641—7646; *Scout.* Σ. 460.18—24; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Νίκαια και Ήπείρος... Σ. 63; *Παρένης Η.* Η συγκράτηση και ή έδραίωση της αυτοκρατορίας της Νικαίας. Αθήνα, 2008. Σ. 142.

- ⁵⁵ Приложение 1. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки.
- ⁵⁶ Acrop. S. 24.17—23 (“...παρακαλεῖ τὸν βασιλέα Θεόδωρον ὁ Μιχαήλ, ἵνα τοῦτον πρὸς αὐτὸν ἐκπέμψῃ διὰ τὸ μὴ ἔχειν ἔτι παῖδα εἰς ἥβην ἔλθόντα, ἀλλ’ οὐδὲ γνήσιον... τοὺς γὰρ λοιποὺς τῶν ἀδελφῶν ἀφυεῖς ἐγίνωσκεν εἰς ἀρχήν”); см. также: Scout. Σ. 460.19—24.
- ⁵⁷ *Job monachi Vita St. Theodoraе*. Coll. 906 (“...Θεόδωρος βρεφύλιον τὸ ἐκ τοῦ ἰδίου ἀδελφοῦ Μιχαήλ τὸν Δούκαν εὐρικόως παρεῖδε μὲν τοῦτον ὡς ἀτελῆ· τὴν ἀρχὴν δὲ πᾶσαν δραξάμενος, καὶ ἐπὶ εὐτυχία πραγμάτων ἀρθεῖς, δόλον κατὰ τοῦ παιδὸς ἐμελέτησεν· ὄνπερ ἢ μήτηρ αἰσθομένη, προέλαβε διαπεράσασα μετὰ τοῦ νηπίου, ἐν τῇ νήσῳ τοῦ Πέλοπος”); *Nicol D.M. The despotate of Epirus*. P. 128.
- ⁵⁸ Noctes. C. 256.12—15.
- ⁵⁹ Acrop. S. 62.5—11; 84.17—22; Ephraim. Coll. 316, lin. 8589—8607; Scout. Σ. 485.8—14; 498.6—10; *Литаврин Г.Г. Внешнеполитическая борьба...* С. 61. Приложение 2. Карта 3.
- ⁶⁰ Acrop. S. 62.13—16; Scout. Σ. 485.14—16.
- ⁶¹ Chom. S. 72.83—86; *Prinzing G. Historisch-geographische Bemerkungen zu Carev dvor und Malaina // BS. 1988. Bd. 49. S. 219.*
- ⁶² *Solovjev A.V. Un inventaire de documents byzantins de Chilandar // SK. 1938. Вып. X. С. 31, 32; Archives de l’Athos. T. 20: Actes de Chilandar / Ed. par. M. Živojnović, V. Kravari, Ch. Giros. P. 1. P., 1998. P. 15—16, 33.*
- ⁶³ Acrop. S. 61.4—6; Ephraim. Coll. 308, lin. 8347—8350; Scout. Σ. 484.18—19; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καὶ Ἡλείρος...* Σ. 87.
- ⁶⁴ Chon. S. 550.39—551.47.
- ⁶⁵ Acrop. S. 34.22—27; Ephraim. Coll. 293, lin. 7945; Scout. Σ. 469.14—20; *Nicol D.M. The despotate of Epirus*. P. 91; *Литаврин Г.Г. Социально-экономический и политический строй...* С. 35; *Kyritses D. The Byzantine Aristocracy...* P. 289.
- ⁶⁶ *Angold M. The Byzantine Empire...* P. 44—45; *Жаворонков П.И. Избрание и коронация никейских императоров // ВВ. 1988. Т. 49. С. 58—59.*
- ⁶⁷ *Карнов С.П. История Трапезундской империи*. С. 156, 168—170.
- ⁶⁸ *Shukurov R. The enigma of David Grand Komnenos...* P. 126—131.
- ⁶⁹ *Breyer A. The Fate of George Komnenos: Rule of Trebizond (1266—1280). 1973 // Idem. The Empire of Trebizond and Pontos. L., 1980. IV. P. 332—350; Карнов С.П. История Трапезундской империи*. С. 169—171.
- ⁷⁰ *Cheyne J.-C. Bureaucracy and aristocracies...* P. 523—524.
- ⁷¹ Acrop. S. 34.5—8 (“βασιλεὺς οὖν ἀναγορευθεὶς ὁ Θεόδωρος βασιλικῶς ἐχρῆτο τοῖς πράγμασι, δεσπότης τε προβάλλετο καὶ

σεβαστοκράτορας, μεγάλους τε δομestίκοις, πρωτοβεστιαρίοις καὶ τὴν λοιπὴν πᾶσαν τάξιν βασιλικήν”); Ephraim. Coll. 293, lin. 7966—7969; Scout. Σ. 468.30—469.2.

- ⁷² Эти семейства входили в клан Комнинов и обладали обширными земельными владениями на западе Балканского полуострова. Падение Константинополя и сложившаяся затем нестабильная политическая ситуация не позволяли рассчитывать только на родство с правящей династией Дук как на залог благосостояния аристократов. Значительное место занимали именно земельные владения. Поэтому далее эту группу мы будем характеризовать термином «землевладельческая аристократия».
- ⁷³ Каждан А.П. Социальный состав... С. 123—124; Ферјанчић Б. Плеμство у Епирској држави... С. 159; ODB. Vol. 2. P. 1335.
- ⁷⁴ Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 904; Каждан А.П. Провинциальная аристократия... С. 297; Каждан А.П. Социальный состав... С. 171—172.
- ⁷⁵ Hoffman J. Rudiemente von Territorialstaaten in Byzantinischen Reich (1070—1210). München, 1974. S. 56; Nicol D.M. The despotate of Epirus. P. 11. Д.М. Найкол и Т.Е. Грегори относили также к владениям Мелисинов область Димитриады, расположенную на юге Фессалии, (Nicol D.M. The despotate of Epirus. P. 135; ODB. Vol. 1. P. 603). Однако более точным представляется отнести эту область к владениям Малиасинов (см. ниже).
- ⁷⁶ Villehard. P. 179. № 301 (“Michalis <...> prit la fille d’un riche Grec qui tenait la terre de par l’empereur”).
- ⁷⁷ Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 905; Hopf K. Geschichte Griechenlands... S. 212; Ρωμάνος Ι. Περί τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠλείρου... Σ. 6; Miller M.A. The Latin in the Levant... P. 41; Приложение 1. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки.
- ⁷⁸ Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 162.3—4; Prinzing G. Studien II. S. 100—101; Ферјанчић Б. Плеμство у Епирској држави... С. 159.
- ⁷⁹ Pseudo-Kodinos. Traité des offices... 138.21; ODB. Vol. 2. P. 1244—1245. Хотя, по мнению М.А. Поляковской, великий логариаст не имел каких-либо четко обозначенных обязанностей: Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «Театр власти» / Науч. ред. Т.В. Куш. Екатеринбург, 2011. С. 299.
- ⁸⁰ Ibid. S. 58.7—10; 59.26; Ферјанчић Б. Плеμство у Епирској држави... С. 164.
- ⁸¹ Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 59.22—23 (“...καὶ τὴν καθ’ ἡμᾶς ἀγιστάτην δεσποτίν ἀπεντεῦθεν καὶ κυρίαν ἐποίησε τῶν κατὰ Ναύπакτον πάντων προικῶν αὐτῆς”).

- ⁸² Ibid. S. 169.43—44.
- ⁸³ Грујић Р. Три хиландарске повеље // Зборник за историју јужне Србије и суседних области. Скопље, 1936. Књ. 1. С. 4—5; Dölger F. Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. S. 106—110.
- ⁸⁴ Polemis D.I. The Doukai... P.165; ODB. Vol. 3. P. 1643.
- ⁸⁵ Каждан А.П. Социјални састав... С. 170—171, 216.
- ⁸⁶ Dölger F. Aus den Schatzkammern... S. 92. №33; Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 904.
- ⁸⁷ Pseudo-Kodinos. Traité des offices... P. 133.12—23; Ферјанчић Б. Севастократори у Византији // ЗРВИ. 1986. Т. 11. С. 141—192; Поляковская М.А. Византијски дворцови церемониал XIV в... С. 293.
- ⁸⁸ Acrop. S. 90.17—91.11; Ephraim. Coll. 320, lin. 8692—8694; Scout. Σ. 501.19—28; Du Cange C.F. Historia Byzantina. P. 209—210; Успенскиј Ф.И. Историја Византијској империји XI—XV вв. С. 421; Nicol D. The Despotate of Epiros. P. 151; Литаврин Г.Г. Внешнеполитическая борьба... С. 68; Ферјанчић Б. Тесалија у XIII—XIV веку. С. 58; Ферјанчић Б. Плејство у Епирској држави... С. 143—144; PLP. № 23007; Λάππας Ν.Αθ. Πολιτική Ιστορία του κράτους της Ηπείρου... Σ. 191.
- ⁸⁹ Dölger F. Aus den Schatzkammern... S. 107. №37; Dölger F. Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reich. 4. Teil. Regesten von 1282—1341. München—Berlin, 1960. S. 4. №2095.
- ⁹⁰ Acrop. S. 166.1—4; Scout. Σ. 542. 18—19; Успенскиј Ф.И. Историја Византијској империји XI—XV вв. С. 473; Nicol D. The Despotate of Epiros. P. 165—166; Λάππας Ν.Αθ. Πολιτική Ιστορία του κράτους της Ηπείρου... Σ. 202.
- ⁹¹ Грујић Р. Три хиландарске повеље... С. 5.
- ⁹² Noctes. С. 260.15—262.10; 279.3—5; Polemis D.I. The Doukai... P.165. №160; Приложение 1. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки.
- ⁹³ Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... С. 282.20—23.
- ⁹⁴ Acrop. S. 39.4—14; Scout. Σ. 427.19—27; Prinzing G. Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204—1219 in Zusammenhang mit der Entstehung und Entwicklung der byzantinischen Teilstaaten nach der Einnahme Konstantinopels infolge des 4. Kreuzzuges // Miscellanea Byzantina Monacensia / Hgb. von H.-G. Beck. München, 1972. Hft. 12. S. 116; Nicol D. Refugees... P. 28; Николов Г.Н. Самостоятелни и полусамостоятелни владения във възобновеното Българско царство (края на XII—средата на XIII в.). София, 2011. С. 160.

- ⁹⁵ Acrop. S. 88.15—22; 132.30—134.6; 165.14—22; Ephraim. Coll. 333, lin. 9105—9112; Scout. Σ. 500. 14—20; 526.23—527.6; 542. 7—13; *Job monachi Vita St. Theodora* Coll. 905; *Nicol D.M.* The Despotate of Epiros. P. 192, 200—203; *Polemis D.I.* The Doukai... P. 166. №162; *Nicol D.M.* Symbiosis and integration. Some Greco-Latin families in Byzantium in the 11th to 13th centuries. 1974 // *Nicol D.M.* Studies in Late Byzantine History and Prosopography. VI. L., 1989. P. 120; PLP. № 5664; *Laiou A.E.* Addendum to the report on the role of women in byzantine society. 1981 // *Idem.* Gender, Society and Economic Life in Byzantium. Adelshot, 1992. Ia. P. 202—203; *Laiou A.E.* Observations on the life and ideology of Byzantine women. 1985 // *Idem.* Gender, Society and Economic Life in Byzantium. II. P. 101; *Patlagean E.* Une Sainte souveraine... P. 453—460; *Tallbot A.-M.* Life of Saint Theodora of Arta. P. 323—325; *Курьшева М.А.* Византийцы и норманны: Проблемы симбиоза // ВВ. 2006. Т. 65 (90). С. 159; Приложение 1. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки.
- ⁹⁶ *Polemis D.I.* The Doukai... P. 142; *Фержанчий Б.* Племяство у Епирской држави... С. 148.
- ⁹⁷ *Polemis D.I.* The Doukai... P. 142; ODB. Vol. 2. P. 1277.
- ⁹⁸ *Polemis D.I.* The Doukai... P. 142—143. №121; Приложение 1. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки.
- ⁹⁹ ММ. IV. P. 345—346; *Соколов И.И.* Крупные и мелкие властели в Фессалии // ВВ. 1923—1926. Т. 24. С. 36; *Koder J., Hild F.* Hellas und Thessalia / ТИВ. Wien, 1976. Bd. 1. S. 145; *Фержанчий Б.* Племяство у Епирской држави... С. 147.
- ¹⁰⁰ ММ. IV. P. 346—347.
- ¹⁰¹ Acrop. S. 91.17—22; Ephraim. Coll. 320, lin. 8706—8707; Scout. Σ. 502.6—9; *Polemis D.I.* The Doukai... P. 141—142. №121; *Kyritses D.* The Byzantine Arisrocracy... P. 91.
- ¹⁰² *Polemis D.I.* The Doukai... P. 143. №122; PLP. №16523; *Kyritses D.* The Byzantine Arisrocracy... P. 91.
- ¹⁰³ *Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 58.7—59.26.
- ¹⁰⁴ *Ibid.* S. 59.19, 25; *Kyritses D.* The Byzantine Arisrocracy... P. 26, 30.
- ¹⁰⁵ Этот эпитет применялся к прониарам и чиновникам местной администрации (*Ibid.* P. 29).
- ¹⁰⁶ *Andreae Danduli Ducis venetiarum Chronica...* P. 288.12—15.
- ¹⁰⁷ ТТ. II. P. 210—214; *Muralt E. de Essai...* P. 331—332.
- ¹⁰⁸ ТТ. II. P. 251—253.
- ¹⁰⁹ Chom. S. 348.142—145; *Nicol D.M.* Refugees... P. 16. Note 59; *Setton K.M.* The Papacy... P. 30; *Nicol D.M.* Symbiosis and integration. Some Greco-Latin families in Byzantium in the 11th to 13th centu-

- ries // BF. 1979. Bd. 7. P. 115; *Целебцић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 262. № 145.
- ¹¹⁰*Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 97.6. №39; *Nicol D.M.* Symbiosis and integration... P. 115—116; *Ферјанчић Б.* Племство у Епирској држави... С. 168.
- ¹¹¹*Angold M.* Byzantine government in exile... P. 61—62, 69—70; *Радић Р.* Обласни господари... С. 276—278.
- ¹¹²*Angold M.* Byzantine government in exile... P. 61; *Радић Р.* Обласни господари... С. 276—277; *Γαρένης Н.* Ἡ συγκράτησις... Σ. 128—131.
- ¹¹³*Chom. S.* 96.5—10; *Prinzing G.* Studien II. S. 59; *Ферјанчић Б.* Племство у Епирској држави... С. 171; *Kyritses D.* The Byzantine Arisrocrasy... P. 95; *Целебцић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 259. № 139; Приложение 1. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки.
- ¹¹⁴*Pachym.* P. 117.13—14; *PLP. Nr.* 27515; *Magdalino P.* Between Romaniae... P. 92; *Kyritses D.* The Byzantine Arisrocrasy... P. 94.
- ¹¹⁵*Chom. S.* 210.49—211.56; *PLP. №* 14979.
- ¹¹⁶*Chom. S.* 210.8—210.13; *Ангелов Д.* Принос към народностните и поземелни отношения в Македонија (Епирски деспотат) првој половины XIII в. // Известия на Камарата на народната култура. Сер. IV. Хуманитарни науки. 1947. №3. С. 13—14, 15; *Ферјанчић Б.* Племство у Епирској држави... С. 158—159; *Целебцић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 238, № 84.
- ¹¹⁷*Асроп. S.* 76.1—2; *Scout. Σ.* 493.13—14; *Nicol D.M.* Refugees... P. 28.
- ¹¹⁸*Ephraim. Coll.* 320, lin. 8690—8691.
- ¹¹⁹*Асроп. S.* 90.17—19; *Ephraim. Coll.* 320, lin. 8690—8691; *Scout. Σ.* 501.19—20; *Angold M.* Byzantine government in exile... P. 175; *Ферјанчић Б.* Племство у Епирској држави... С. 152; *Kyritses D.* The Byzantine Arisrocrasy... P. 89—90.
- ¹²⁰*ODB. Vol. 2.* P. 851—852.
- ¹²¹*Jordanov J.* Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2006. Vol. 2: Byzantine Seals with Family Names. P. 110—111. №№ 142—143.
- ¹²²*Polemis D.I.* The Doukai... P. 88. Note 1; *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 141.
- ¹²³*Ryccardi de Sancti Germano notarii chronica...* S. 356.32—33; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи... С. 351; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Νίκαια και Ἠπειρος τον 13ο αἰώνα... Σ. 81; *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 142—143; *Prinzing G.* Epirus und die ionnischen Inseln in Hochmittellalter // *SOF.* 1997. Bd. 56. S. 6; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Νίκαια και Ἠπειρος τον 13ο αἰώνα... Σ. 81.

- ¹²⁴Chom. S. 19.2—14; 22.124—130; 34.24—27; *Prinzing G.* Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens... S. 116; *Nicol D.M.* Refugees... P. 25; *Prinzing G.* Studien II. S. 86; *Kyritses D.* The Byzantine Aristocracy... P. 26, 90—91; *Ducellier A.* Balkan powers: Albania, Serbia and Bulgaria (1200—1300) // *Cambridge History of Byzantium*. P. 787—788; *Целебџић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 228—229, № 59.
- ¹²⁵Acrop. S. 91.11—16; Ephraim. Coll. 320, lin. 8699—8700; Scout. Σ. 501.28—502.4; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи... С. 421; *Ducellier A.* Balkan powers... P. 793—794; *Жаворонков П.И.* Из истории родственных отношений между Никейской империей и Албанией в середине XIII в. // ВВ. 2003. Т. 62. С. 92—96.
- ¹²⁶Acrop. S. 91.14—16; Ephraim. Coll. 320, lin. 8702; Scout. Σ. 501.3—4; *Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1453. Teil. 3. Regesten von 1204—1282 / Bearb. von P. Wirth. München—Berlin, 1932. S. 1810; *Acta et diplomata res Albaniae*... P. 68. №234; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 153; *Idem.* Refugees... P. 29; *Ducellier A.* La façade maritime... P. 169; *Idem.* Balkan powers... P. 794.
- ¹²⁷*Acta et diplomata res Albaniae*... P. 69—70. №238.
- ¹²⁸Chom. S. 56.43—65; 411.4—8; 412.65—66; *Kyritses D.* The Byzantine Aristocracy... P. 88; *Целебџић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 231—232. №65а.4; Приложение 1. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки.
- ¹²⁹*Ангелов Д.* К вопросу о правителях фем... С. 63; *Magdalino P.* Between Romaniae... P. 92.
- ¹³⁰Приложение 2. Табл. 1.1.
- ¹³¹*Ферјанчић Б.* Племяство у Епирској држави... С. 165—166; *Целебџић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 250. № 117.1.
- ¹³²*Дринов М.* О некоторых трудах Димитрия Хоматиана... С. 325.
- ¹³³Chom. S. 26.1—27.20.
- ¹³⁴*Ibid.* S. 96*.
- ¹³⁵*Ibid.* S. 112. 9—113.46.
- ¹³⁶*Ibid.* S. 92*.
- ¹³⁷*Ibid.* S. 96.5—7.
- ¹³⁸*Ibid.* S. 119*.
- ¹³⁹*Ibid.* S. 164.54—165.56 (“ὁ πανσεβάστος σεβαστὸς καὶ οἰκεῖος μεσάζων τοῦ κραταιοῦ καὶ ἀγίου ἡμῶν αὐθέντου μεγάλου Κομνηνοῦ”).
- ¹⁴⁰*Ibid.* S. 209*.
- ¹⁴¹*Ibid.* S. 343.28—29 (“ὁ πανυπερσεβάστος καὶ οἰκεῖος τῷ κραταιῷ καὶ ἀγίῳ ἡμῶν βασιλεῖ”). Что позволяет не согласиться с

- выводом Г. Принцинга о несомещении Иоанном Плитом двух должностей (*Prinzing G. Studien II. S. 98*). Титул «паниперсеваст» не подразумевал определенных «служебных» обязанностей: *Pseudo-Kodinos. Traité des offices...* P. 137.1; *Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в...* С. 294.
- ¹⁴² *Целебцић Д. Друштво у Епирској држави...* С. 216. №21.
- ¹⁴³ *Chom. S. 343.28—32.*
- ¹⁴⁴ *Ibid. S. 97.30—33.*
- ¹⁴⁵ *Ibid. S. 305.9—12; Целебцић Д. Друштво у Епирској држави...* С. 251. № 117.3.
- ¹⁴⁶ *Pétridès S. Jean Apokaukos...* С. 13.24—25; *Prinzing, G. Studien II. S. 99—100; Ферјанчић Б. Плеμство у Епирској држави...* С. 152—153; *Целебцић Д. Друштво у Епирској држави...* С. 220. №35.1.
- ¹⁴⁷ *Pétridès S. Jean Apokaukos...* С. 14.30—15.12.
- ¹⁴⁸ *Bredenkamp H. The Byzantine Empire of Thessaloniki...* P. 177; *Cheynet J.-C. Aristocracy and its inheritance...* P. 23—24; *Haldon J. Warfare, State and Society...* P. 94.
- ¹⁴⁹ *Pétridès S. Jean Apokaukos...* С. 4.1—2; 13.24.
- ¹⁵⁰ *Ibid. 4.1—5; Prinzing, G. Studien II. S. 99; Ферјанчић Б. Плеμство у Епирској држави...* С. 153, 166; *Целебцић Д. Друштво у Епирској држави...* С. 220. №35.2.
- ¹⁵¹ *Васильевский В.Г. Epirotica saeculi...* С. 276.8—9; *Nicol D.M. The despotate of Epirus.* P. 90; *Karpozilos A.D. The ecclesiastical controversy...* P. 58; *Целебцић Д. Друштво у Епирској држави...* С. 220. №35.3.
- ¹⁵² *Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosich et I. Müller. Vindobonae, 1860. Vol. I. Acta patriarchatus Constantinopolitani. T. 1. P. 86 (далее: ММ. I); PLP. № 4319.*
- ¹⁵³ *Acrop. S. 166.18—20; Scout. Σ. 542.31—543.2 (“ὁ δὲ Ἰωάννης... πᾶσαν τῶν αὐτοῦ πραγμάτων τὴν δεσποτείαν ἔφερε, τὰ τε κοινὰ διέπων καὶ τὰ κατ’ οἶκον”); Kyritses D. The Byzantine Aristocracy...* P. 91, 273.
- ¹⁵⁴ *Acrop. S. 169.25—170.1 (“μετὰ <...> καὶ τιῶν ἄλλων μετρίων ἀνδρῶν, οἷς καὶ εἶωθεν ἐμπιστεύειν τὰς αὐτοῦ πράξεις”); Scout. Σ. 544.18—20.*
- ¹⁵⁵ *Acrop. S. 166.17—18; Scout. Σ. 542.30—31; Kyritses D. The Byzantine Aristocracy...* P. 91, 272—273.
- ¹⁵⁶ *Поляковская М.А. К социальной характеристике поздневизантийского общества: Кавасилы // ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 37—46. Там же см. библиографию.*
- ¹⁵⁷ *Angold M. Byzantine government in exile...* P. 147—148.

- ¹⁵⁸ *Verpeaux J.* Les oikeioi. Notes d'histoire institutionnelle et officielle // *Revue des études Byzantines.* 1965. Vol. 23. P. 89—99; *Ostrogorsky G.* Observations of the aristocracy in Byzantium // *DOP.* 1971. Vol. 25. P. 27—28; *Magdalino P.* The Byzantine aristocratic oikeos // *Byzantine aristocracy...* P. 92—105; *Maksimović L.* The Byzantine provincial administration under the Palaiologoi. Amsterdam, 1988. P. 23; *ODB.* Vol. 3. P. 1515; *Magdalino P.* The empire of the Komnenoi... P. 659; *Prinzing G.* Patronage and retinues... P. 663.
- ¹⁵⁹ *Maksimović L.* The Byzantine provincial administration... P. 23.
- ¹⁶⁰ *Каждан А.П.* Византийская культура... С. 246—247.
- ¹⁶¹ *Angold M.* Byzantine government in exile... P. 149, 155.
- ¹⁶² *Polemis D.I.* The Doukai... P. 184—185.
- ¹⁶³ *Angold M.* Byzantine government in exile... P. 148.
- ¹⁶⁴ *Ibid.* P. 64—65; *Жаворонков П.И.* Западные и восточные реалии в социально-политической и духовной жизни Никейской империи // *Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики* / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 208—213.
- ¹⁶⁵ *Pétridès S.* Jean Apokaukos... P. 14.5—29.
- ¹⁶⁶ *Каждан А.П.* Социальный состав... С. 150; *Ферjanчић Б.* Племяство у Епирској држави... С. 163—164; *Wassiliou-Seibt A.-K.* Der Familienname Pegonites auf byzantinischen Siegeln und in anderen schriftlichen Quellen // *Realia Byzantina / Byzantinisches Archiv* / Hg. S. Kotzabassi, L. Mavromatis. Berlin; N.Y., 2009. Bd. 22. S. 303—319.
- ¹⁶⁷ *Chom.* S. 398.7—9; 305.45—48.
- ¹⁶⁸ *Ibid.* S. 398.7—34; *Ферjanчић Б.* Племяство у Епирској држави... С. 163; *Kyritses D.* The Byzantine Aristocracy... P. 92; *Wassiliou-Seibt A.-K.* Der Familienname Pegonites... S. 315; *Целебчић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 249. № 114.б.
- ¹⁶⁹ *Kyritses D.* The Byzantine Aristocracy... P. 20
- ¹⁷⁰ *Каждан А.П.* Социальный состав... С. 147—148; *Ферjanчић Б.* Племяство у Епирској држави... С. 153—154; *Kyritses D.* The Byzantine Aristocracy... P. 91.
- ¹⁷¹ *Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 132.1—31; *Λαμβρόπουλος Κ.* Ἰωάννη Ἀπόκαυκος... Σ. 77.
- ¹⁷² *Angold M.* Byzantie politics... P. 58; *Každan A.P., Ronshey S.* L'aristocrazia bizantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo. Palermo, 1997. P. 227, 229, 236, 239, 260—261.
- ¹⁷³ *Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 119.1—120.27.
- ¹⁷⁴ *Каждан А.П.* Социальный состав... С. 152.
- ¹⁷⁵ *Chom.* S. 87.114—119; *Целебчић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 257. № 134.

- ¹⁷⁶Chom. S. 190.5; Целебџић Д. Друштво у Епирској држави... С. 276.
- ¹⁷⁷Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Κερκυραϊκά... Σ. 342. №7; *Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke...* S. 83. №23 (начало документа); S. 60. №4 (конец документа); Λαμβρόπουλος Κ. Ἰωάννη Ἀπόκαυκος... Σ. 293—294.
- ¹⁷⁸Каждан А.П. Социальный состав... С. 107, 110, 117, 127.
- ¹⁷⁹ТТ. II. P. 121; *Stiernon L. Les origines I.* P. 122; *Prinzing G. Studien I.* S. 95; Ферјанчић Б. Племяство у Епирској држави... С. 156—157.
- ¹⁸⁰*Prinzing G. Studien I.* S. 95—96. Anm. 99.
- ¹⁸¹*Magdalino P. Court, Society and Aristocracy // A Social History...* P. 227.
- ¹⁸²Chom. S. 176.5—12; 123*; Ферјанчић Б. Племяство у Епирској држави... С. 156—157; Целебџић Д. Друштво у Епирској држави... С. 233—234. №71.
- ¹⁸³Acrop. S. 91.20—24; Scout. Σ. 502.6—10; Ферјанчић Б. Племяство у Епирској држави... С. 157—158.
- ¹⁸⁴*Kyritses D. The Byzantine Arisrocracy...* P. 91; Жаворонков П.И. Комментарий к «Истории» // Георгий Акрополит. История / Пер., вступ. ст. и приложения П.И. Жаворонкова / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб., 2005. С. 246; *Macridis R. George Acropolites.* P. 258. Note 33.
- ¹⁸⁵Chom. S. 139.3—14.
- ¹⁸⁶*Devresse R. Le fonds Coislin.* P. 5. №5; PLP. № 14419.
- ¹⁸⁷*Kyritses D. The Byzantine Arisrocracy...* P. 91.
- ¹⁸⁸*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke...* S. 99.3—19; Ферјанчић Б. Племяство у Епирској држави... С. 169; Λαμβρόπουλος Κ. Ἰωάννη Ἀπόκαυκος... Σ. 157.
- ¹⁸⁹*Pseudo-Kodinos. Traité des offices...* P. 133.2, 135.27—136.24; Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в... С. 294.
- ¹⁹⁰*Hoeck J.M., Loenertz R.J. Nikolaos-Nektarios...* S. 229.1—230.37; *Prinzing G. Das Verwaltungssystem...* S. 123.
- ¹⁹¹Chron. of Morea [lin. 3812—3814].
- ¹⁹²Acrop. S. 172. 1—5; Scout. Σ. 545.24—27.
- ¹⁹³Грујић Р. Три хиландарске повеље... С. 5.
- ¹⁹⁴Chom. S. 339.3—4; 340.27—28.
- ¹⁹⁵Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Περί συνοικισμοῦ... Σ. 454.
- ¹⁹⁶*Ibid.* Σ. 454—455; *Σταυριδου-Ζαφράκα Α. Νίκατα καὶ Ἠπίρος...* Σ. 78; *Osswald B. Citizenship in Medieval Ioannina // Citizenship in historical perspective / Ed. by S.G. Ellis, G. Hálfdanarson, A.K. Isaacs. Pisa, 2006. P. 98.*

- ¹⁹⁷Chom. S. 383.8—32; *Целебџић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 223, № 42; *Bartusis M.C.* Land and Privilege in Byzantium. The Institution of Pronoia. Cambridge, 2013. P. 233.
- ¹⁹⁸*Поповић А.В.* Титулатура Охридског архиепископа у писмима Димитрија Хоматијана // ЗРВИ. 1999/2000. Т. 38. С. 283.
- ¹⁹⁹Chom. S. 383.18—32.
- ²⁰⁰*Treadgold W.* A History of Byzantine State... P. 678.
- ²⁰¹Chom. S. 85.43—86.58; *Ферјанчић Б.* Плеμство у Епирској држави... С. 168—169; *Kyritses D.* The Byzantine Aristocracy... P. 95; *Целебџић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 262, № 149.
- ²⁰²Chom. S. 88.148—152 (“...λαὸν γὰρ οὐκ εὐάριθμον ἢ τοῦ Πέλοπος τῆ ἡμετέρα αὐλῆ παρεπέμψατο. Καὶ πάντες εἰσὶ παρ’ ἡμῶν οἱ τοιοῦτοι καὶ πεπαρρησιασμένοι καὶ ἔντιμοι, καὶ οὐκ ἔστιν ὅστις τούτων οὐκ ἔσται τῆ τοῦ δεσπότη γυναικὶ εἰς παρρηγορίαν καὶ τῆς Πελοποννησιακῆς συγγενείας ἀνάμνησιν”); *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 182.
- ²⁰³*Каждан А.П.* Социальный состав... С. 170; *Každan A.P., Ronshey S.* Aristocratia byzantina... P. 311.
- ²⁰⁴*Каждан А.П.* Социальный состав... С. 170. Прим. 153.
- ²⁰⁵*Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 105.1. № 49; *Λαμβρόπουλος Κ.* Ἰωάννη Ἀπόκαυκος... Σ. 77—78.
- ²⁰⁶*Laurent V.* La succession Épiscopale de la métropole de Thessalonique dans la premiere moitié du XIIIe siecle // BZ. 1963. Bd. 56. Ht. 2. S. 296; P.L.P. № 5544.
- ²⁰⁷Acrop. S. 79.26; Ephraim. Coll. 313, lin. 8532; Scout. Σ. 495.6.
- ²⁰⁸*Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 131.58—132.64; 132.9—16.
- ²⁰⁹Ibid. S. 216. №№71—72.
- ²¹⁰Chron. of Morea [lin. 2801—2823].
- ²¹¹*Innocentii III Romani pontificis regestorum...* Coll. 593. № LXXVII.
- ²¹²Chom. S. 373.77—83; *Kyritses D.* The Byzantine Aristocracy... P. 55.
- ²¹³*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Керкураϊκά... Σ. 337; *Nicol D.* The Despotate of Epiros. P. 68; *Каждан А.П.* Социальный состав... С. 168; *Ферјанчић Б.* Плеμство у Епирској држави... С. 161—162; *Целебџић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 246—247. № 108.3.
- ²¹⁴*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συμβολή εἰς ἱστορίαν... С. 230.1—232.3; Chom. S. 184.14—21; *Целебџић Д.* Друштво у Епирској држави... С. 239. № 88.
- ²¹⁵*Карпов С.П., Жаворонков П.И.* Особенности социально-экономического и политического развития... С. 33.
- ²¹⁶*Angold M.* Byzantine government in exile... P. 62.

- ²¹⁷Карпов С.П. История Трапезундской империи. СПб., 2007. С. 97—98.
- ²¹⁸Основная литература о личностях и деятельности Димитрия Хоматиана, Иоанна Апокавка и Георгия Вардана была представлена и рассмотрена в главе «Источники и историография».
- ²¹⁹Подробную биографию архиеерея см.: Chom. S. 3*—41*. Основная литература, посвященная архиеерею, представлена выше, в главе «Источники и историография».
- ²²⁰Chom. S. 71.69—72.9, 4*.
- ²²¹Ibid. S. 379.2.
- ²²²По мнению Г. Принцинга, эпитет «всепочтеннейший» («ὁ πανυπέρτιμος») может означать принадлежность к среде высшего духовенства (Ibid. S. 4*—5*), однако это предположение требует дополнительных подтверждений.
- ²²³Acrop. S. 166.11—14; Scout. Σ. 542.25—27; Фержанчић Б. Племяство у Епирској држави... С. 154; PLP. № 10097; ODB. Vol. 2. P. 1087; Kyritses D. The Byzantine Arisrocracy... P. 91; Жаворонков П.И. Комментарий к «Истории»... С. 291—292; Macridis R. George Acropolites. P. 359. Note 5.
- ²²⁴Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики (Частно-правовой акт). Л., 1988. С. 233; Macridis R. George Acropolites. P. 359. Note 6.
- ²²⁵Подробную биографию Иоанна Апокавка см.: Λαμβρόπουλος Κ. Ἰωάννη Ἀποκαυκος... Σ. 71—88.
- ²²⁶Δελμηάρη Ι.Κ. Ἄπαντα Ἰωάννου Ἀποκαυκου. Σ. 334—336. № 150.
- ²²⁷Каждан А.П. Социальный состав... С. 149—150.
- ²²⁸ММ. III. P. 61, 63; Angold M. Church and society... P. 211.
- ²²⁹Каждан А.П. Социальный состав... С. 135.
- ²³⁰Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων / Ὑπὸ Γ.Α. Ράλλη, Μ. Ποτλή. Τ. 5. Ἀθήνασιν, 1855. Bd. 22. Σ. 116—118; Laurent V. Regestes... P. 123—125. №1316; P. 125. №1317; PLP. Nr. 20921.
- ²³¹Ibid. P. 123—124. №1316; Macridis R. George Acropolites. P. 257. Note. 31.
- ²³²Жаворонков П.И. Комментарий к «Истории»... С. 246.
- ²³³Каждан А.П. Социальный состав... С. 135; Фержанчић Б. Племяство у Епирској држави... С. 156; Cheynet J.-C. Les Xèroi. Administrateurs de l'empire // Studies in Byzantine Sigillography / Eds. J.-C. Cheynet, C. Sode. Berlin, 2012. Vol. 11. P. 2—31.
- ²³⁴ODB. Vol. 3. P. 1614—1615.
- ²³⁵Μανάφης Κ.Α. Ἐπιστολὴ Βασιλείου Πεδιαδίτου... Σ. 435; ODB. Vol. 3. 1614—1615; Prinzing G. Das Papsttum... S. 181—182; Целебичић Д. Друштво у Епирској држави... С. 246. № 108.1.

- ²³⁶Там же. С. 246, № 108.2.
- ²³⁷Καждан А.П. Социальный состав... С. 138.
- ²³⁸Βιογραφίу Георγία Βαρδана см.: *Τωμαδάκη Ν.Β. Οί λόγιοι τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠλείρου* // ΕΕΒΣ. 1956. Τ. Σ. 45—52; *Idem. Οί λόγιοι τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἠλείρου καί τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας. Θεσσαλονική*, 1991. Σ. 59—68; ODB. Vol. 1. P. 254—255; *Целебџић Д. Друштво у Епирској држави...* С. 214. №17.
- ²³⁹*Beck H.G. Kirche und Klerus...* S. 12; *Καждан А.П. Социальный состав...* С. 147; ODB. Vol. 2. P. 1345.
- ²⁴⁰Acrop. S. 33.20—34.1; Scout. Σ. 468.24—28; *Laurent V. La succession Épiscopale...* S. 285—286; 288—292; *Καждан А.П. Социальный состав...* С. 147; *Prinzing G. Epiros 1204—1261...* P. 83; ODB. Vol. 2. P. 1349; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καί Ἠλείρος...* Σ. 71—72; *Целебџић Д. Писма Јована Αποκавка...* С. 134.
- ²⁴¹*Καждан А.П. Социальный состав...* С. 147.
- ²⁴²*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke...* S. 149.1—150.21; 150.1—152.63; *Laurent V. La succession Épiscopale...* S. 292.
- ²⁴³ГТ. II. P. 121; *Stiernon L. Les origines I.* P. 122.
- ²⁴⁴*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke...* S. 84.2—5.
- ²⁴⁵*Васильевский В.Г. Epirotica saeculi...* С. 282.19—29; *Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke...* S. 243. №115.
- ²⁴⁶*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke...* S. 132.23—25; *Prinzing G. Studien II.* S. 96—97. Anm. 247; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καί Ἠλείρος...* Σ. 76.
- ²⁴⁷*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Συνοδικὰ γράμματα...* Σ. 27. №10; *Целебџић Д. Друштво у Епирској држави...* С. 240—241. № 93.
- ²⁴⁸ODB. Vol. 2. P. 1398; *Každan A.P., Ronshey S. Aristocratia byzantina...* P. 225—227, 236—237.
- ²⁴⁹*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Συμβολή εις ιστορίαν...* С. 229.
- ²⁵⁰MM. V. P. 14—15; *Lemerle P. Trois actes...* P. 416—423.
- ²⁵¹*Васильевский В.Г. Epirotica saeculi...* С. 258.23—31.
- ²⁵²Noctes. С. 249.11—250.14.
- ²⁵³Там же. С. 249—250.7—9 (“Αθηνῶν καί ἡμῖν ἀγαπώμενος, ὁ Βαρδάνης· ἄνθρωπος γάρ ὁ τοιοῦτος οὐ παντοδαπῷ λόγῳ μόνον ἐνσεμνυόμενος, ἀλλά καί βίῳ τὸν λόγον προσεπικοσμῶν...”).
- ²⁵⁴*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke...* S. 111. №54.
- ²⁵⁵Ibid. S. 141.1—10.
- ²⁵⁶Acrop. S. 11.5—15; Scout. Σ. 452.9—13; *Жаворонков П.И. У истоков образования Никейской империи (оценка деятельности Константина XI Ласкаря)* // ВВ. 1977. Т. 38. С. 31; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καί Ἠλείρος...* Σ. 55; *Γιарένης Ἡ. Ἡ συγκράτησις...* Σ. 241.

- ²⁵⁷*Oikonomides N.* Cinq actes inédits du patriarche Michel Autôreianos // REB. 1967. T. 25. P. 121—124; *Laurent V.* Regestes... P. 67. №1207; *Angold M.* Byzantine government in exile... P. 42; *Дазрон Ж.* Император и священник... С. 345; *Γιάρνης Η.* Ἡ συγκράτηση... Σ. 245—254.
- ²⁵⁸*Angold M.* Byzantine government in exile... P. 159—160.
- ²⁵⁹*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Κερκυραϊκά... С. 351.
- ²⁶⁰*Noctes.* С. 249.7—9.
- ²⁶¹*Там же.* С. 291.14—16 (“...γράφομεν ἀξιωματικῶς τῇ ἀγιοσύνη σου, ἵνα ὁ υἱὸς ἐκείνου διάκονος Συμεῶν, εἴπερ δι’ ἀρετὴν καὶ διὰ λόγον ἄξιος ἐπισκοπῆς κριθεῖη παρὰ τῆς ἀγιοσύνης σου, καταστήσεις αὐτὸν εἰς τὸν τοῦ πατρὸς αὐτοῦ θρόνον”); *Angold M.* Church and Society... P. 226.
- ²⁶²*Noctes.* С. 291.18—20.
- ²⁶³*Cheynet J.-C.* Recruter les officiers à Byzance // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l’enseignement supérieur public (29e, Pau, 1999) / Ed. G. Claude. P., 1999. P. 26.
- ²⁶⁴*Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 155.19—156.29.
- ²⁶⁵*Noctes.* С. 293.23—31.
- ²⁶⁶*Там же.* С. 294.8—17.
- ²⁶⁷*Там же.* С. 253. 4—10.
- ²⁶⁸*Там же.* С. 256.8—12, 257.1—2.
- ²⁶⁹*Там же.* С. 252.35—253.13, 281.34—282.2; *Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συμβολή εἰς ἱστορίαν... С. 245.11—15; *Pétridès S.* Jean Apokaukos... P. 14.21—24.
- ²⁷⁰*Noctes.* С. 282.2—9.
- ²⁷¹*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συμβολή εἰς ἱστορίαν... С. 241.12—21.
- ²⁷²*Noctes.* С. 264.12—13.
- ²⁷³*Pétridès S.* Jean Apokaukos... P. 14.19—23.
- ²⁷⁴*Noctes.* С. 282.9—11.
- ²⁷⁵*Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 103.35—36.
- ²⁷⁶*Noctes.* С. 259.30—260.6.
- ²⁷⁷*Там же.* С. 281.25—34.
- ²⁷⁸*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συμβολή εἰς ἱστορίαν... С. 240.27—241.5; 245.19—246.15.
- ²⁷⁹*Noctes.* С. 289.10—12.
- ²⁸⁰*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συμβολή εἰς ἱστορίαν... С. 240.17—27.
- ²⁸¹*Chon.* S. 291.44—52.
- ²⁸²*MM.* V. P. 15.
- ²⁸³*Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 81.12—82.25.
- ²⁸⁴*Chon.* S. 118.5—6. Текст письма приведен среди материалов судебного дела, разбираемого Димитрием Хоматианом. См.: *Ibid.* S. 82.83—84.

- ²⁸⁵ *Васильевский В.Г.* *Epirotica saeculi...* С. 280.18—21.
- ²⁸⁶ *Noctes.* С. 290.4—12.
- ²⁸⁷ *Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* *Συμβολή εις ιστορίαν...* С. 242.9—12.
- ²⁸⁸ *Noctes.* С. 252.13—28; *Острогорский Г.* *К истории иммунитета в Византии.* С. 77.
- ²⁸⁹ *MM.* V. P. 15.
- ²⁹⁰ *Острогорский Г.* *К истории иммунитета в Византии.* С. 77.
- ²⁹¹ Там же.
- ²⁹² *Noctes.* С. 291.9—23.
- ²⁹³ *Bees-Seferlis H.* *Unedierte Schriftstücke...* S. 169.40—57.
- ²⁹⁴ *Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* *Συμβολή εις ιστορίαν...* С. 242.13—15.
- ²⁹⁵ Там же. С. 243.14—19.
- ²⁹⁶ *Bees-Seferlis H.* *Unedierte Schriftstücke...* S. 115.22—25.
- ²⁹⁷ *Angold M.* *Church and Society in Byzantium...* P. 286—287.
- ²⁹⁸ *Жаворонков П.И.* *Культура Эпирского царства...* С. 121—122.
- ²⁹⁹ *Дуйчев И.* *Из старата българска книжнина...* С. 32; *Porović M.* *Zur Topographie des spätbyzantinischen Melnik // JÖB.* 2008. Bd. 58. S. 115—116; *Николов Г.Н.* *Самостоятелни и полусамостоятелни владения...* С. 170—171, 178—179
- ³⁰⁰ *Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* *Συνοδικὰ γράμματα...* Σ. 20. №3.
- ³⁰¹ *Ibid.* Σ. 14—20. №3.
- ³⁰² *Bees-Seferlis H.* *Unedierte Schriftstücke...* S. 94.1—95.31; *Angold M.* *Church and Society in Byzantium...* P. 229.
- ³⁰³ *Bees-Seferlis H.* *Unedierte Schriftstücke...* S. 62.1—64.73; *Angold M.* *Church and Society in Byzantium...* P. 229.
- ³⁰⁴ *Bees-Seferlis H.* *Unedierte Schriftstücke...* S. 94.41—44.
- ³⁰⁵ *Ibid.* S. 93.38—94.54; *Λαμβρόπουλος Κ.* *Ἰωάννη Ἀπόκαυκος...* Σ. 77.
- ³⁰⁶ *Angold M.* *Byzantine government in exile...* P. 54—56.
- ³⁰⁷ *Ibid.* P. 55.
- ³⁰⁸ *Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* *Συμβολή εις ιστορίαν...* С. 242.20—29.
- ³⁰⁹ *Bees-Seferlis H.* *Unedierte Schriftstücke...* S. 117.39—44.
- ³¹⁰ *Noctes.* С. 292.22—25; *Bees-Seferlis H.* *Unedierte Schriftstücke...* S. 107.30—32; 108.21—109.23.
- ³¹¹ Там же. С. 292.30—32.
- ³¹² *Bees-Seferlis H.* *Unedierte Schriftstücke...* S. 108.83—96; 109.28—29.
- ³¹³ *Noctes.* С. 292.32—293.4.
- ³¹⁴ *Bees-Seferlis H.* *Unedierte Schriftstücke...* S. 108/39—45.
- ³¹⁵ *Ibid.* S. 109.2—110.40.
- ³¹⁶ *Kurtz E.* *Christophoros von Ankyra...* S. 137.1—138.31.

- ³¹⁷Μανάφης Κ.Α. Ἐπιστολὴ Βασιλείου Πεδιαδίτου... Σ. 436—437.
- ³¹⁸Michaelis Choniatae Epistulae... S. 261.1—264.87.
- ³¹⁹Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Περί συνοικισμού... Σ. 454—455.
- ³²⁰Noctes. C. 258.28—259.1.
- ³²¹Μανάφης Κ.Α. Ἐπιστολὴ Βασιλείου Πεδιαδίτου... Σ. 436; Noctes. C. 262.28—263.5. О личности и сочинениях Ефимия Торника см.: Darrozès J. Les discours d'Euthyme Tornikès (1200—1205) // РЕВ. 1968. Т. 26. Р. 49—121; Ферjanчић Б. Племяство у Епирској држави... С. 167—168.
- ³²²Noctes. C. 262.20—28.
- ³²³Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... C. 243.18—22; Целебичић Д. Писма Јована Апокавка... С. 128—129.
- ³²⁴Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Συνοδικὰ γράμματα... Σ. 8.
- ³²⁵Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 186.12—14.
- ³²⁶Ibid. S. 131.58—132.64.
- ³²⁷Ibid. S. 132.13—16.
- ³²⁸Beck H.G. Kirche und Klerus... S. 11—12.
- ³²⁹Асrop. S. 30.17—22.
- ³³⁰Приложение 2. Таблица 1.2.
- ³³¹Angold M. Byzantie politics... P. 58; Kyritses D. The Byzantine Aristocracy... P. 275.
- ³³²Angold M. Byzantine government in exile... P. 161; Жаворонков П.И. Состав и эволюция... С. 85—88.
- ³³³Каждан А.П. Социальный состав... С. 239—240; Runciman S. Women in Byzantine aristocratic society // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries / Ed. M. Angold. Oxford, 1984. P. 15; Laiou A.E. Marriage, amour et parenté à Byzance aux XIe—XIIIe siècle. P., 1992. P. 21—58; Вин Ю.Я. Обычное право и знать в изображении Димитрия Хоматиана // Элита и этнос Средневековья / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1995. С. 256; Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 180, 181.
- ³³⁴Каждан А.П. Центробежные и центростремительные силы... С. 21—22.
- ³³⁵Prinzing G. Socialgeschichte der Frau im Spiegel der Chomatenos-Akten // XVI Internationaler Byzantinisten Kongress. Wien, 1982. Т. 2. Hbd. 2. S. 457—459; Angelomatis-Tsougarakis H.N. Women in the society of the despotate of Epirus // XVI Internationaler Byzantinisten Kongress. Wien, 1982. Т. 2. Hbd. 2. P. 473, 477; Laiou A.E. Contribution à l'étude de l'institution familiale en Epire au XIIIe siècle. 1984 // Laiou A.E. Gender, Society and Economic Life in Byzantium. Adelshot, 1992. V. P. 283, 317—318.

- ³³⁶Асроп. S. 24.20—21; Scout. Σ. 460.21—22.
- ³³⁷Chom. S. 68.8—12; Ферјанчич Б. Просопографска белешка о Теодору I Анђео // Зборник Филозофског факултета. Београд, 1994. Т. XVIII—а. С. 105—106; Приложение 1. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки.
- ³³⁸Асроп. S. 71.4—8; Ephraim. Coll. 312, lin. 8477—8480; Scout. Σ. 490.15—21.
- ³³⁹*Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 905; Nicol D.M. The despotate of Epirus. P. 129.*
- ³⁴⁰*Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 905.*
- ³⁴¹Ibid. Coll. 908.
- ³⁴²Литаврин Г.Г. Социально-экономический и политический строй... С. 42; Карнов С.П. История Трапезундской империи. С. 165.
- ³⁴³Асроп. S. 82.26—83.3; Scout. Σ. 497.6—11; Коледаров П. Политическа география на Средновековната Българска държава. София, 1989. С. 68; Бажилов И., Гюзелев В. История на Средновековна България. София, 1999. Т. 1: VII—XIV в. С. 504.
- ³⁴⁴Асроп. S. 166.22—167.5; Ephraim. Coll. 344, lin. 9383—9386; Scout. Σ. 543.2—7; Αραβαντίνοϛ Π. Χρονογράφια τῆς Ἠπειροῦ. Σ. 79.
- ³⁴⁵Chom. S. 355.3—357.46; Παπαδοπούλου-Κεραμέωϛ Α.Ι. Συμβολή εἰς ἱστορίαν... С. 6—8.
- ³⁴⁶Παπαδοπούλου-Κεραμέωϛ Α.Ι. Συμβολή εἰς ἱστορίαν... С. 233.26—235.24.
- ³⁴⁷Ср. письма Георгия Вардана к Иоанну Апокавку и ответ на него Навпактского митрополита (*Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... С. 248.17—252.8, 256.17—259.31*).
- ³⁴⁸*Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... С. 254.21—255.6; 255.8—256.16; 261.14—15; 278.20—30; 279.9—26; Michaelis Choniatae Epistulae... S. 265.1—266.50; 266.1—267.22; 271.1—278.192; 281.1—282.25; etc.*
- ³⁴⁹*Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... С. 256.20—259.31.*
- ³⁵⁰Об отношениях Димитрия Хоматиана и Василия Педиадита см.: Λαμπρός Σ. Керкураϊка ἀνέκδοτα. Ἀθήνα, 1882. Σ. 43—44; Об отношениях Иоанна Апокавка и Василия Педиадита см.: Noctes. С. 265.11—266.19.
- ³⁵¹Там же. С. 265.18—22.
- ³⁵²Там же. С. 292.9—14.
- ³⁵³*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 107.1—108.96.*
- ³⁵⁴Ibid. S. 134.1—19; S. 242.1—243.36; *Pétridès S. Jean Apokaukos... P. 5.1—6.15.*

- ³⁵⁵*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 155.3—156.30; 158.1—13.*
- ³⁵⁶*Pétridès S. Jean Apokaukos... P. 9.1—10.16.*
- ³⁵⁷*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Συμβολή εις ιστοριαν... C. 249.5—14; 250.11—15.*
- ³⁵⁸*Там же. C. 278.30—279.2.*
- ³⁵⁹*См. ниже.*
- ³⁶⁰*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 103.1—104.43; 110.1—111.38; 114.1—115.34.*
- ³⁶¹*Ibid S. 86.23—88.131; 126.31—42; 122.1—125.143.*
- ³⁶²*Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... C. 282.23—29.*
- ³⁶³*Chom. S. 258.54—62.*
- ³⁶⁴*Ibid. S. 34.15—23.*
- ³⁶⁵*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 99.3—19.*
- ³⁶⁶*Ibid. S. 105.2—106.39; 109.1—110.57; Ферјанчић Б. Плеμство у Епирској држави... C. 153.*
- ³⁶⁷*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 119.1—120.27.*
- ³⁶⁸*Ibid. S. 132.10—20.*
- ³⁶⁹*Ibid. S. 92.1—3.*
- ³⁷⁰*Noctes. C. 273.17—274.31.*
- ³⁷¹*Там же. C. 287.4—11.*
- ³⁷²*Chom. S. 26.4—33.246; 112.9—117.164.*
- ³⁷³*Ibid. S. 26.4—6, 112.9—10.*
- ³⁷⁴*Hoeck J.M., Loenertz R.J. Nikolaos-Nektarios... S. 229.1—230.37.*
- ³⁷⁵*Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... C. 282.16—34; Nicol D.M. The despotate of Epirus. P. 78.*
- ³⁷⁶*Noctes. C. 288.5—11.*
- ³⁷⁷*Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... C. 282.20—23.*
- ³⁷⁸*Noctes. C. 261.17—262.7.*
- ³⁷⁹*Pétridès S. Jean Apokaukos... P. 4.1—22.*
- ³⁸⁰*Ibid. P. 26.1—20.*
- ³⁸¹*Ibid. P. 22. 1—10 (№ XVIII).*
- ³⁸²*Noctes. C. 259.24—29.*
- ³⁸³*Там же. C. 260.9—11.*
- ³⁸⁴*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 62.16—63.43; Angold M. Church and Society... P. 229.*
- ³⁸⁵*Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 117.4—118.13.*
- ³⁸⁶*Ibid. S. 102.1—103.43; 116.1—117.65, 118.1—119.15.*
- ³⁸⁷*Pétridès S. Jean Apokaukos... P. 14.5—6.*
- ³⁸⁸*Ibid. P. 16.9—10.*
- ³⁸⁹*Ibid. P. 13.24—14.5; 14.19—29; 15.24—16.23.*
- ³⁹⁰*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Συνοδικὰ γράμματα... Σ. 21—22. №3.*

- ³⁹¹*Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 144.1—145.34; 146.1—147.13; 148.1—149.13.
- ³⁹²*Kurtz E.* Christophoros von Ankyra... S. 140.1—141.19.
- ³⁹³*Laurent V.* La succession... S. 292.
- ³⁹⁴*Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 149.1—150.43.
- ³⁹⁵*Ibid.* S. 154.10—26.
- ³⁹⁶*Acrop.* 81.14—17; *Scout.* Σ. 496.5—9.
- ³⁹⁷*Каждан А.П.* Социальный состав... С. 239.
- ³⁹⁸*Michaelis Choniatae* Epistulae... S. 227.1—229.42; 229.1—230.6; 230.1—233.84; 233.1—234.30.
- ³⁹⁹*Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi... С. 254.20—255.6; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 82.
- ⁴⁰⁰*Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi... С. 261.14—15; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 84.
- ⁴⁰¹*Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... №112. S. 239.1—13. β'
- ⁴⁰²*Michaelis Choniatae* Epistulae... S. 280.11—281.80; *Angold M.* Church and Society in Byzantium... P. 211.
- ⁴⁰³*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συμβολή εις ιστορίαν... С. 248.15—18.
- ⁴⁰⁴*Angold M.* Byzantine government in exile... P. 149.
- ⁴⁰⁵*Michaelis Choniatae* Epistulae... S. 224.17—225.45; *Грегоровиус Ф.* История города Афин в Средние века (от Юстиниана до турецкого завоевания). М., 2009. С. 274.
- ⁴⁰⁶*Angold M.* Byzantine government in exile... P. 175—177.
- ⁴⁰⁷Приложение 2. Табл. 1.3. №№ 4—20.

Глава III
Процессы деконсолидации
политической
элиты

Правящая элита царства представляла собой практически закрытую группу, характеризующуюся установлением разветвленной «сети» родственных, дружеских и патронатных связей. Однако перечисленные выше признаки (занятие членами одного рода должностей в церковном управлении и в светской администрации, наследственный характер владения должностью и т.д.) еще не исчерпывали характеристик сплоченности, которой обладала элита. Речь идет о её деконсолидации, происходившей параллельно с формированием и объединением элиты и обусловленной этапами развития самого Эпирского царства от небольшой области, подвластной местному правителю, до крупнейшего греческого государства и обратно.

Рассмотрим далее, каким образом развивался указанный процесс. Для этого, на наш взгляд, необходимо решить несколько задач. Во-первых, следует установить, какая связь существовала между становлением Эпирского государства и дезинтеграцией Византийской империи. На данном этапе нужно выяснить, являлось ли возникновение царства следствием разделения между Константинополем и провинциями. Это позволит понять, каким был изначальный «потенциал» для развития «центробежных сил» на западе Балканского полуострова. Во-вторых, необходимо определить социальные и политические условия для деконсолидации элиты, существовавшие в 1205—1261 гг. (в частности, влияние системы наместничеств). В-третьих, логично проследить, какие группы элиты были вовлечены в указанный процесс и в чем состояли их интересы.

§ 1. Проблема дезинтеграции империи и становление власти Михаила I

Дезинтеграция Византийской империи представляла собой сложный процесс, в котором сосуществовало сразу несколько тенденций. Обратим внимание на одну из них, которая, с нашей точки зрения, поможет понять, как происходило становление политической элиты царства. Речь идет об обособлении от центральной администрации областей, находившихся под властью локальных магнатов во второй половине XII в. Основными условиями для этого стали постепенное отделение центра империи и столичной элиты от провинций, а также затяжной династический кризис, наступивший после смерти Мануила I Комнина. Магнаты (Хрис, Слав, Гавалы) признавали главенство византийского императора при условии, что их власть не будет оспорена. Четвертый крестовый поход, до своей кульминации, т.е. падения Константинополя в 1204 г. и образования Латинской Романии, не изменил этой ситуации. Население большинства провинций, в т.ч. Эпира (фемы Никополь), до 1204 г. признавало власть императора Алексея IV и платило налоги в государственную казну, о чем говорит включение областей в "Partitio Romaniae" (договор о разделе византийских земель, заключенный между крестоносцами и Алексеем IV в 1204 г.)¹.

Падение Константинополя открыло перед некоторыми лидерами провинциальной элиты возможность оформить политическую независимость подвластных им территорий. Феодор Манкафа, Мануил Маврозом, Лев Сгур, Алексей Слав, бывшие до 1204 г. влиятельными аристократами, стали в начале XIII в. главами независимых образований.

В Эпире высокое положение магнатов было подкреплено брачным союзом дуки фемы Никополь, Сенахерима (собственное имя неизвестно), и также неизвестной по имени представительницы рода Мелисинов². Сенахерим относился к армянскому по происхождению роду Арцрунидов, члены которого находились в составе византийской политической элиты в XI—XII вв. До середины XI в. Арцруниды обладали крупными земельными владениями, но во второй половине XI—XII вв. их положение было полностью связано с постами в светской администрации³. К началу XIII в. известен еще один член этого рода (собственное имя также неизвестно), который возглавил византийский отряд и попытался напасть на войско Балдуина I (1204—1205) в районе города Ксанфии (Фракия)⁴. Брак Сенахерима и Мелисины означал создание союза между фемной администрацией и крупной землевладельческой аристократией, что должно было укрепить положение его участников. Однако союз оказался недолговечным и в 1205 г. наместник был убит⁵.

Причины и обстоятельства этого события не совсем ясны. Единственным источником, содержащим сведения о нем, является житие св. Феодоры Петралифины, в котором убийство описано следующим образом: «Итак, Сенахерим, когда против него был составлен заговор среди жителей Никополя, призвал на помощь Михаила Комнина. Когда тот еще не прибыл, Сенахерима убивают предатели. Однако Михаил, прибыв, предает всех убийц смерти»⁶.

Как представляется, понять причины этого события позволят обстоятельства убийства. В истории Византии XI—XIII вв. известно несколько схожих

случаев. Один из них — покушение на Алексея I Комнина, когда Никифор Диоген в 1094 г. попытался умертвить императора ночью в палатке⁷. Вторым случаем представляет собой убийство Михаила I во время ночлега в походе⁸. Третий случай — убийство Стреза, совершенное днем во время похода⁹. Сходство трех случаев говорит о выработанной модели устранения политических противников, которая была использована в случае с Сенахеримом. Однако в этом случае возникает вопрос о мотивах убийства.

Некоторые исследователи называли в качестве причины заговора тиранический характер власти Сенахерима. Впрочем, подтверждения этому не приведены¹⁰. На наш взгляд, возможны несколько факторов, приведшие к описываемым событиям. Во-первых, противоречия относительно обладания верховной властью, возникшие после 1204 г. между Мелисинами и Сенахеримом: власть последнего была полностью связана с местным административным аппаратом и потеряла свою силу после падения столицы в 1204 г. Во-вторых, налоговые сборы. Формирование клана Комнинов сочеталось с усилением централизации в государстве, что обеспечило на продолжительное время политическую стабильность империи¹¹. Другой стороной этого процесса стало усиление налогового гнета и произвол чиновников. Так, в 1148 г. из-за притеснений практора жители г. Керкиры перешли на сторону Рожера Сицилийского (1130–1154), подступившего к стенам города¹². Император Алексей III, стремясь лавировать между усиливающимися позициями магнатов и потребностями государственной казны, позволил им собирать налоги. В результате произошло «совпадение» налоговых функций чинов-

ников и магнатов. Так, в Афинах налоги собирали представители сразу нескольких лиц: претора, мегадюки и Льва Сгура¹³. В пользу этого фактора говорит и то, что Михаил, взяв в жены вдову Сенахерима, получил все оставшееся богатство наместника: «Михаил <...> берет себе в жены вдову его Мелисину <...> и всё богатство Сенахерима вместе с властью забирает себе»¹⁴. О размерах этого богатства позволяют судить дальнейшие расходы эфирского правителя. В 1208/1209 гг. он выкупил из плена латинян бывшего императора Алексея III, заплатив за него, по словам Георгия Акрополита, большое количество золота¹⁵. В другом случае, рассмотренном выше, Михаил I был готов оплатить службу 480 рыцарей из Италии.

Таким образом, речь идет о противоречиях между чиновником и местными магнатами, обусловленных непопулярностью первого среди населения фемы. Обращает на себя внимание то, что во время возмущения против Сенахерима его жена не пострадала и повторно вышла замуж за Михаила I. Это говорит о том, что в 1205 г. произошел своего рода «переворот», характеризующийся сменой правителя и сохранением прежнего окружения. Впрочем, новый правитель обладал более выдающимися качествами, чем его предшественник, основным из которых (наряду с принадлежностью к правящей династии) был его политический опыт.

Одно из первых упоминаний о Михаиле Дуке относится к 14 февраля 1190 г. В этот день Исаак II отослал сына Иоанна Дуки вместе с другими заложниками («самыми родовитыми в империи и почтенными титулом дуки»)¹⁶ к Фридриху I Барбароссе (1152—1190). К германскому императору также были отправлены Михаил Ангел, Алексей Камица (сын протостра-

тора Мануила Камицы), Мануил Мономах, Иосиф Вриений, Евмафий Филокал. Присутствие этих заложников гарантировало исполнение договора между двумя правителями¹⁷. В частности, по словам Ансберта, они были отправлены для того «чтобы жили с господином императором и передвигались вместе с ним, пока он не сможет безопасно миновать города, рядом с Филадельфией, откуда они должны вернуться без ущерба»¹⁸. Важно отметить: нахождение Михаила Дуки среди представителей родов, занимавших самое высокое место в составе элиты в конце XII в., говорит о том, что его статус, несмотря на появление на свет вне брака, был значительным.

И все же происхождение не позволило Михаилу рассчитывать на продвижение по карьерной лестнице в центральной администрации или на получение крупных областей в своё управление. В 1190—1195 гг. Михаил занимал должность дуки и апографевса (сборщик налогов) фемы Милассы и Меланудия («τὸ θέμα Μυλάσση καὶ Μελανουδίων»), расположенных в Малой Азии и обладал титулом «пансеваст севаст»¹⁹. В 1200/1201 гг. он занимал должность форолога в той же феме, также подразумевавшей сбор налогов²⁰. Таким образом, положение Михаила Дуки накануне 1204 г. было относительно стабильным, но невысоким. Судя по всему, как внебрачный сын, Михаил был отдален от византийского двора и вряд ли имел возможность исправить положение. Видимо, это послужило причиной возглавляемого им восстания против Алексея III Ангела. После поражения Дука воспользовался помощью иконийского султана Рукн ад-Дин Сулеймана II (1196—1204) и вторгся с турецким войском в города долины р. Меандр²¹. Восстания против импе-

ратора, возглавляемые чиновниками, не были редкостью, к схожим случаям относятся «мятежи» под предводительством Иоанна Спиридонаки, дуки фемы Смолена²², или Константина Гавра, назначенного в 1116—1119 г. дукой Трапезунда, а с 1126 г. провозгласившего себя независимым правителем²³. В этом случае реальные административные полномочия позволяли аристократу выступить против императора. Показательным является установление власти Исаака Комнина (1184—1191), родного брата императора Мануила, над Кипром, когда аристократу, несмотря на происхождение, потребовались вымышленные императорские указы о своих полномочиях²⁴.

Судьба Михаила Дуки после подавления восстания точно неизвестна. В житие св. Феодоры сказано, что к 1204 г. он управлял областью Пелопоннес и был женат на представительнице рода Мелисинов²⁵. Падение Константинополя и становление владений крестоносцев, означавшие перераспределение византийских земель между новыми правителями, открыло перед Михаилом Дукой возможность получить в управление отдельную область. Для этого он поступил на службу к Бонифацию Монферратскому, принес новому господину клятву верности и вошел в группу аристократов, ожидавших от маркиза должности или владения²⁶. Расчеты новых приближенных строились на том, что Маргарита Венгерская, жена Бонифация и вдова Исаака II, была расположена к греческой аристократии²⁷. Михаил Дука оставался в свите вплоть до покорения всех балканских земель, поделенных между крестоносцами, и это говорит о том, что он претендовал на одну из них. Скорее всего, речь идет о землях Пелопоннеса, управляющим ко-

торыми он был до 1204 г. и на которые претендовал позже (в частности, на Коринф) как правитель Эпирского царства. Удостоверившись в том, что он не получит от маркиза земель, Михаил покинул свиту Бонифация и направился в Арту, главный город Эпира, наследственного владения Дук.

Становление власти Михаила I, как местного правителя, происходило поэтапно из-за политических событий конца XII—начала XIII в. Во-первых, Михаил Дука попытался обратить на себя внимание византийского императора в период роста восстаний. Во-вторых, он желал получить владения за службу латинянам, чем также не брезговала византийская элита. В-третьих, получил независимое владение (формально под властью латинян) за счет объединения с местной элитой.

Рассмотрев политический опыт Михаила Дуки до 1205 г., следует выделить две важные черты его деятельности: 1) Михаил претендовал на власть над землями, которыми ранее управлял в качестве чиновника, что, вероятно, объясняется установлением отношений с местной элитой; 2) Эпир изначально не рассматривался в качестве такой территории по той же причине. Возможно, связи с местной элитой, которые были установлены Сенахеримом, оказались более весомым фактором, чем наследственные права внебрачного сына севастократора Иоанна Дуки; 3) установление власти Михаила I над Эпиром в 1205 г. сопровождалось формированием связей с тремя крупнейшими аристократическими родами.

Данные факторы были использованы Михаилом I в новых условиях, с которыми он столкнулся после 1205 г. Речь идет о необходимости отстаивать свои

интересы в крайне неблагоприятной внешнеполитической ситуации, поскольку Эпирское царство оказалось сразу между тремя сторонами: Римским папой, Венецией и Латинской Романией. Однако, одной из главных угроз для Михаила I Дуки выступала Венеция, которой согласно “Partitio Romaniae” принадлежал Эпир. Однако у республики не было средств на покорение труднодоступной, гористой области, поэтому «опорные пункты» венецианцев были расположены в портовом городе Диррахии²⁸ и на о. Корфу²⁹, через которые проходил торговый путь между республикой и Константинополем. Тем не менее, именно отношения с Венецией стали отправной точкой внешней политики Михаила I. Покинув Бонифация Монферратского в 1205 г., Михаил I постарался заручиться поддержкой Рагузы, находившейся с того же времени под контролем венецианцев³⁰. В аргировуле, пожалованном рагузийцам, регламентировался порядок торговли и их пребывания в царстве. В частности, гарантировалась сохранность имущества торговцев в случае их смерти, устанавливался коммеркий за ввоз товаров в 3%, а государственным чиновникам, выполняющим какое-либо поручение, запрещалось сопровождать их³¹. Эти условия повторяли и подтверждали текст аргировула Иоанна Дуки, отца Михаила I, о чем сообщалось в начале рассматриваемого документа³². Пожалование привилегий имело несколько задач: во-первых, продемонстрировать рагузийцам и венецианцам, что смена правителя никоим образом не отразится на условиях их торговли в царстве; во-вторых, поддержать торговые отношения с Рагузой, являвшейся важнейшим источником благосостояния эпирских правителей. Данные наблюдения подкрепляются

тем, что последующие правители Мануил Дука и Михаил II Дука подтверждали привилегии, пожалованные Михаилом I.

Установив мирные отношения с Рагузой и её сюзереном — Венецией, Михаил I Дука обратился к восточному направлению своей политики — отношениям с Латинской империей, точнее — с Фессалоникийским королевством. Как уже было отмечено, в 1205 г. Михаил Дука принес омманж Бонифацию Монферратскому, но после этого покинул его и утвердился в Эпире, который не входил в состав владений фессалоникийского короля. Однако это не исключало столкновение интересов двух правителей. В скором времени Михаил I Дука вторгся в Фессалию, расположенную рядом с его владениями и принадлежащую королю³³, желая освободить от латинян владения Петралифов и Малиасинов. Кроме того, в 1205 г. он совершил поход в Мессению, где находились владения Мелисинов, попавшие под власть Гийома I Шамплита (1205—1209), однако потерпел поражение в битве при Кундуре³⁴. Не сумев разбить латинян в открытых сражениях (ни в Фессалии, ни в Мессении), Михаил I попытался использовать разногласия в Фессалоникийском королевстве, примкнув к ломбардским баронам и выступив вместе с ними против Генриха I³⁵. После поражения баронов Дука заключил мир с императором, принеся вассальную присягу³⁶. Договор был заключен в июне—июле 1209 г. и скреплен браком между дочерью Михаила и братом императора, Евстафием³⁷. Таким образом, Михаил I продолжил следовать прежней тактике получения земель или сохранения своих владений в обмен на вассальную присягу лидерам крестонос-

цев, что приближало его к кругам элиты Латинской Романии. Кроме того, он признал главенство Римского папы, о чем сообщает письмо Иннокентия III к нему, датированное сентябрем 1209 г. и предписывавшее эпирскому правителю обеспечить безопасность владений католического архиепископа Диррахия, расположенных в Эпире³⁸. Однако договоры не соответствовали интересам родов Петралифов и Малиасинов, чьи владения в этом случае оставались под властью латинян. Для того чтобы отвоевать их, нарушив присягу латинскому императору, Михаилу I было необходимо получить поддержку другого не менее могущественного участника раздела византийских земель — Венеции. В июле 1210 г. заключили договор между Эпирским царством и Венецией. Документ содержит следующие условия: 1) венецианцам разрешается иметь церковные общины на территории царства; 2) гарантируется свободная торговля венецианцев и диррахийцев на землях Эпира без вмешательства со стороны местных чиновников; 3) разрешается свободный вывоз зерна из царства; 4) гарантируется сохранность имущества венецианцев в случае кораблекрушения; 5) гарантируются безопасность граждан Венеции во время их пребывания в царстве; 6) Михаил I обязуется выступить против врагов Венеции; 7) эпирский правитель должен следить за исполнением распоряжений республики в отношении албанцев и корфиотов; 8) Михаил I обязан ежегодно выплачивать Венеции 42 иперпира и отправлять покровы для алтаря собора св. Марка³⁹.

Эти условия должны были выполняться Михаилом I на землях царства, которые передавались ему венецианцами в обмен на вассальную присягу⁴⁰. Этот

акт закрепил еще один документ, изданный в 1210 г., в котором эпирский правитель подтверждает своё обязательство быть верным Венеции и не допускать вреда её гражданам⁴¹. Согласно хронике Андреа Дандоло, Михаил I присягнул на верность Венеции вместе с другими властителями: Раваном де Каркерибом, правителем Нигропонта, Жоффруа де Виллардуэном, утвердившемся в принципате Ахеи, Корона и Модона, а также Майо Орсини с о. Кефаления⁴². Таким образом, эпирский правитель вошел в «сферу влияния» Венеции.

Опираясь на поддержку республики, Михаил I Дука продолжил освобождение фессалийских земель. В письме Иннокентия III к латинскому патриарху в Константинополе, датированном декабрем 1210 г., говорится о систематических нападениях эпирского правителя на владения латинского императора, о расправах над католическими священниками, а также об уничтожении отряда коннетабля Фессалии Амадея Буффа⁴³. В 1212 г. эпирский правитель захватил Лариссу и Салону⁴⁴. В циркулярном письме, датированном 1212 г., Генрих I говорил о том, что эпирский правитель три раза нарушал мирный договор с ним, нападая на его владения⁴⁵, так что восстановление баланса сил в Фессалии стало первоочередной задачей⁴⁶. Далее император сообщил, что его брату Евстафию и местным баронам удалось заключить соглашение с Михаилом I для совместной борьбы со Стрезом (вступившего в союз с Борилом), которого они разбили в том же году при Пелагонии: «Однако названные бароны, собрав воинов и объединившись с Михалицией, который теперь заключил с ними союз, выступили навстречу этому Стре-

зу на равнину Пелагонии, где, сразившись с ним, одержали победу»⁴⁷. Обращает на себя внимание то, что Михаил I в этот раз вступил с латинянами в союз, а не принес им клятву верности, как было до сих пор: данный факт говорит об усилении его положения.

Получив земли Фессалии, Михаил I обратился к северному направлению, отвоевав в 1212—1214 гг. у своего бывшего сюзерена, венецианского дожа, Диррахий и о. Корфу⁴⁸, и получив таким образом контроль над важнейшим торговым путем. В этом случае сюзеренитет латинского императора, который был вынужден принять Михаил I Дука, мог стать для эпирского правителя опорой при нападении на владения венецианцев, о. Корфу и Диррахий, т.к. у подданных республики часто возникали разногласия и с Римским папой, и с правителем Латинской Романии. Развивая успех, Михаил I в 1215 г. вторгся во владения великого жупана Стефана Первовенчанного, захватив город Скодр⁴⁹, расположенный в северной Албании. Эти действия были связаны с походом Генриха I, Борила и Стреза против Сербии, претендовавшей на македонские земли⁵⁰. Вероятнее всего, Михаил I участвовал в походе, т.к. был связан с латинским императором обязательствами. Вместе с тем, Михаил I преследовал в этой кампании собственные интересы. Он вторгся в южные владения великого жупана, не объединяясь с силами латинского императора и Стреза, и продвинулся к Скодру, расположенному на дороге к Рагузе. Возможно, именно последний из указанных городов был конечной целью Михаила, т.к. обладание им могло значительно увеличить благосостояние эпирского правителя.

Внешняя политика Михаила I говорит о его статусе местного правителя. Он признавал власть Римского папы, латинского императора, фессалоникийского короля, венецианского дожа, стремясь сохранить своё положение и обеспечить реализацию собственных интересов.

Завершая изучение политики Михаила I, прошедшего путь от налогового чиновника до правителя крупнейшего греческого государства на византийских землях после 1204 г., обратимся к тем характеристикам, которые дали ему Никита Хониат и Георгий Акрополит. Оценки авторов, имевших в поле зрения другие регионы, позволят рассмотреть становление власти Михаила I в контексте появления независимых областей под управлением аристократов. Никита Хониат поместил Михаила I среди местных правителей, таких как Лев Сгур или Лев Хамарет, которые боролись за свои владения с латинянами, но не объединялись друг с другом⁵¹. По словам историка, эти люди, происходя из местной элиты, объявили себя независимыми правителями, тиранами⁵². Георгий Акрополит, сообщая о том, что Михаил I Дука владел Эпиром, назвал его «династом той страны/области» (“δυναστεύων τῆς τοιαύτης χώρας”)⁵³. Рассмотрим оба термина подробнее. Термин «династ» означал аристократов, представлявших верхушку провинциальной элиты⁵⁴. В нашем случае связь династа с определенной областью, подчеркиваемая Акрополитом, означала отождествление таких аристократов с многочисленными местными правителями, появившимися после 1204 г. Несколько иная ситуация сложилась с термином «тиран» (“ὁ τύραννος”), означавшим лицо, узурпировавшее власть. В труде Никиты

Хониата в таком качестве названы Константин Гавра, правивший в Трапезунде⁵⁵, император Андроник Комнин (1183—1185)⁵⁶, король Сицилии Вильгельм II (1166—1189)⁵⁷, Алексей Комнин, племянник Мануила Комнина⁵⁸, Исаак Комнин, правитель Кипра⁵⁹, Алексей Врана⁶⁰. По мнению Никиты Хониата, тиран обретает власть вопреки закону, и опирается на силу и влияние.

Термины, которые используют оба историка, отличаются друг от друга, однако подчеркивают одно важное качество новых правителей — их фактическую независимость от центральной власти, основанную на богатстве и связях с провинциальной элитой. Различие в оценках объясняется тем, что это положение стало относительно новым. Никита Хониат как представитель старшего поколения историков видел в этом явлении незаконный захват власти — тиранию, в то время как Георгий Акрополит, более поздний автор, которому такое положение дел встречалось часто, рассматривал подобных правителей как могущественных лидеров провинциальной элиты, заключение союза с коими было достаточным условием для их включения в состав никейской знати.

Отношения с провинциальной элитой значили для местных правителей больше, чем легитимация со стороны обладателя высшей власти. Это значение было обусловлено разделением, существовавшим между столичной и провинциальной элитами и проявившимся в том, что население крупных городов не впускало после падения Константинополя к себе членов правящей династии. Так, Алексей III не смог попасть в Мосинополь⁶¹, Феодору I Ласкарису при-

шлось долго уговаривать жителей Никеи, чтобы они впустили хотя бы его жену⁶². Причиной тому стала утрата столицы, показавшая слабость центральной власти и её обладателей. Население провинций предпочитало поддерживать местных правителей, имевших с ним более тесные связи. В этих условиях возросла роль внешнеполитических сил, в частности, Иконийского султаната. Так, Феодор I Ласкарис обратился за помощью к его правителю Гийасу ад-Дину Кай-Хосрову I (1205—1211), с тем, чтобы подчинить себе районы Пруссы⁶³. Схожим образом поступил позднее бывший император Алексей III, который прибыл из Эпира ко двору того же султана, дабы утвердить свою власть в малоазийских областях, отстранив от правления Феодора I Ласкариса⁶⁴. Возможно, конечной целью Алексея III являлось возвращение как балканских, так и малоазийских провинций. Об этом говорит то, что до поездки к иконийскому султану он интриговал против Бонифация Монферратского, находясь у него при дворе⁶⁵, рассчитывая вернуть себе власть над Фессалоникой. Кроме того, отправившись в Малую Азию, бывший император оставил в Эпире свою жену Евфросинью⁶⁶, вероятно, намереваясь вернуться и обеспечить себе влияние на Михаила I Дуку. Помимо них к внешнеполитическим факторам как орудиям борьбы за власть прибегали уже упомянутые правители балканских областей Стрез и Борил, а также Давид Великий Комнин, заключившие союз с Генрихом I. При этом Стрез и Давид признали сюзеренитет латинского императора⁶⁷.

Рассматриваемая тенденция возникла задолго до 1204 г. Так, горожане могли не пустить к себе импе-

ратора, если считали его власть незаконной, как поступили жители Никеи с Андроником Комнином⁶⁸. Представители правящей династии прибегали к помощи соседних государств с тем, чтобы укрепить свою власть над отдельной областью. Иконийский султан поддержал, как мы видели, Михаила Дуку, а грузинская царица Тамара (1184—1213) — Великих Комнинов при утверждении их в Трапезунде⁶⁹.

Таким образом, члены царствующей династии и местные магнаты были заняты после падения Константинополя поиском области правления (одной или нескольких) как своего рода политической «ниши», позволившей им сохранить власть на местном уровне. Возможно, данный поиск и восстания конца XII в. являются частью одного процесса — обособления от центральной власти местных влиятельных аристократов, стремившихся получить особый статус в рамках единого государства. Это подтверждается еще и тем, что многие магнаты признавали власть латинского императора при условии, что их владения будут сохранены.

Таким образом, можно сделать вывод: элита Эпира была практически не вовлечена в серию мятежей конца XII в., её «центробежный потенциал» оставался крайне низким и вплоть до 1205 г. Михаил Дука не рассматривал её в качестве «социальной базы» для создания независимого владения. Однако дальнейшая политика эпирского правителя показала, что его основная цель состоит в реализации собственных интересов при формальном признании верховной власти венецианцев или латинского императора, что являлось результатом действия «центробежных сил». Михаил I не выдвигал претензий на импера-

торский титул, сохраняя позицию фактического главы местной аристократии. Учитывая это обстоятельство, рассмотрим далее, какое развитие получили принципы, заложенные Михаилом I, при Феодоре I в 1215—1224 гг., т.е. до взятия Фессалоники и принятия последним императорского титула, связанного с кардинальным изменением политики.

Рассматриваемые принципы Феодор I применил еще до прибытия в Эпирское царство, принеся присягу Феодору I Ласкарису, что являлось условием его отъезда к брату⁷⁰. Как показали дальнейшие события, это была лишь формальная уступка: позднее эпирский правитель принял титул императора, нарушив клятву верности никейскому василевсу.

Сходным образом развивались отношения Феодора I с Римским престолом. В 1217 г. Феодор I захватил Петра Аутиссиодоренского, латинского императора, направлявшегося из Рима в Константинополь. В плену оказался также кардинал Джованни Колонна, легат Римского папы. Когда Гонорий III призвал к походу против Феодора I, тот отпустил легата и признал власть понтифика⁷¹. Это улучшило отношения эпирского правителя и Римского папы. Гонорий III запретил крестоносцам атаковать земли Феодора I и повелел направиться в Святую землю⁷², а венецианским епископу и клиру — оставить владения эпирского правителя, в числе которых находился Диррахий⁷³. Позднее Феодор I Дука заключил унию с католической Церковью, о чем говорится в письме Гонория III, адресованном к нему: «...Представив свою персону к обету святой Римской Церкви, а также почитая её высшей и матерью, ты обещаешь нам повиноваться, как преданный сын блаженного отца»⁷⁴. В другом ме-

сте эпистолы Римский папа назвал эфирского правителя «католическим мужем» (“vir Catholicus”)⁷⁵. Это в значительной степени изменило его статус в глазах Гонория III, который в том же послании предложил корону Феодору I⁷⁶, простив ему прошлые преступления⁷⁷. Данное предложение, ставшее еще одним шагом в укреплении положения Дук, свидетельствовало о том, что они попадали под механизм легитимации, использованный Римским престолом в отношении Болгарии, Сербии и албанских князей. После 1204 г. албанские князья, пользуясь падением центральной власти, попытались создать независимое государство. Для того чтобы сохранить свою власть в условиях венецианской экспансии, князь Димитрий Прогон обратился за помощью к Римскому папе, который признал его власть легитимной⁷⁸. Это событие придало новый статус албанским землям как независимому образованию. Схожим образом поступил сербский правитель Стефан Первовенчаный, обратившийся за поддержкой к Римскому папе и коронованный им⁷⁹. К Святому престолу обратился Калоян, возглавлявший болгарскую этническую общность, отдав своё государство под покровительство Иннокентия III и получив взамен признание царской власти понтификом⁸⁰. В 1204 г. посланник Римского папы Лев провел церемонию коронации правителя. Хотя, безусловно, Калояна интересовало большее, чем признание понтификом имеющейся у него власти: он претендовал на титул императора Болгарии и Влахии, для чего ему требовалась поддержка главы католической Церкви⁸¹.

Как мы видим, Феодор I придерживался принципа, использованного Михаилом I: реализация соб-

ственных интересов при формальном признании верховной власти другого правителя. С течением времени эта политика давала существенное приращение территории. Так, еще в 1209 г. Михаил I обязался перед Иннокентием III охранять владения венецианского епископа в Диррахии, а в 1218 г. Гонорий III рассматривал эти земли как принадлежащие Феодору I.

Коренным образом политика эпирского правителя изменилась после 1218 г., когда, заключив мирный договор с Венецией на 5 лет⁸² и обезопасив свои владения с запада, он повел борьбу против Латинской империи, присоединив в 1218—1224 гг. многочисленные города Фессалии и Македонии, среди которых: Неопатры, Просек, Платамон, Серры, Веррия и Фессалоника, в которой он через три года принял императорский титул. Дука больше не нуждался в признании своей власти венецианцами, Римским папой или латинским императором. К 1228 г. он выступал на равных в отношениях с Латинской Романией, о чем свидетельствует соглашение с Наржо де Туси, заключенное в августе—сентябре того же года, в котором правитель назван «высочайшим императором греков» (“*altissimus imperator graecorum*”)⁸³. Дальнейшая активная борьба Феодора I с латинянами привела к тому, что он был исключен из католической Церкви и предан анафеме Григорием IX в 1229 г.⁸⁴. Однако это никоим образом не отразилось на политике правителя, который через год, в 1230 г., отправился в поход на столицу Латинской Романии.

Таким образом, успешная борьба с латинским владычеством в 1218—1230 гг. кардинальным образом изменила статус Феодора I: из лидера местной элиты, вынужденного (хотя и формально) подчи-

няться внешнеполитическим силам, он превратился в независимого претендента на константинопольский престол.

Рассмотренные принципы внешней политики Дук 1205—1218 гг. не использовались в Никейской империи или Трапезундском государстве, однако получили широкое распространение в среде эпирской политической элиты в 1237—1246 гг.

§ 2. Развитие системы «уделов», принадлежащих членам династии Дук

Становление власти Михаила I и Феодора I зависело от их объединения с местной элитой и формального признания ими власти латинского императора и Римского папы, как в случаях магнатов. Данная ситуация получила дальнейшее развитие в 1237—1246 гг., в период существования независимых друг от друга владений эпирских Дук.

Рассмотрим первую из названных тенденций — установление связей между местной элитой и Дуками. Довольно ярко эти отношения проявились в период борьбы Мануила и Феодора I Дук, когда представители элиты выступили на стороне того брата, который управлял областью до 1230 г.

В 1237 г. Феодор I, возвратившись из болгарского плена, вернул себе власть после того, как переговорил в Фессалонике с людьми, пользовавшимися ранее его расположением: «...Он встретился с теми, кому доверял и кого, когда был счастлив, любил и кому благодетельствовал...»⁸⁵. Иными словами, речь идет о приближенных Феодора I, живших в Фесса-

лонике и её окрестностях. Они сохранили влияние в политической области, о чем явствует тот факт, что с их помощью государю удалось в скором времени восстановить власть, свергнув Мануила⁸⁶. Помимо Фессалоники и её окрестностей власть Феодора признало несколько македонских городов (Водена, Старидол и Остров)⁸⁷, а также часть Фессалии с городами Фарсал, Ларисса, Платамон⁸⁸. Схожим образом вернул себе власть Мануил Дука после своего возвращения из Никеи, куда он был изгнан братом. Мануил, получив деньги от никейского императора и используя обещания, смог привлечь на свою сторону фессалийских аристократов (включая влашскую знать), также бывших некогда его приближенными, и собрать войско⁸⁹.

В рассматриваемых случаях речь идет о местной элите, представители которой, поддерживая того или иного претендента на престол, рассчитывали на удовлетворение личных интересов. Несмотря на то, что состав приближенных эпирских правителей, как мы видели, более или менее известен, сложно выяснить, кто из них участвовал в борьбе братьев. В сочинениях Акрополита, Скутариота и Ефрема — наших основных источниках по этому вопросу — сообщается только о представителях местной элиты без указаний на конкретные лица. Ключевую роль при утверждении власти Феодора I сыграли Петралифы, с которыми эпирский правитель был связан брачными узами. На это указывает любопытный факт: под власть Феодора перешла часть южной Македонии и северной Фессалии, где находились владения семейства. Только собрав войско, Мануилу Дуке удалось взять фессалийские города Фарсал, Лариссу, Платамон. Примечательно, что поли-

тически активных представителей фессалоникийской элиты можно найти среди участников заговора против Димитрия Дуки в 1246 г.: Михаил Ласкарис, Цирифон, Ятропул, Куцулат, Димитрий Спартин, Николай Кампан⁹⁰. Возможно, они были вовлечены в переворот 1237 г. Что касается приближенных Мануила Дуки, то среди них, вероятно, находился уже упоминавшийся Георгий Хониат — протовестиарий Мануила до 1230 г., живший в Лариссе.

Таким образом, разделение царства на «уделы» закрепило положение Дук как лидеров элиты. Провинциальная знать, объединяясь вокруг того или иного представителя правящей династии, происшедшего из клана Комнинов и потому обладавшего легитимной властью⁹¹, стремилась получить полунезависимое положение для своей области. Схожая ситуация сложилась после 1204 г. в других византийских землях, где местные магнаты, находившиеся у власти, также состояли в родственных отношениях с правящей династией. Так, Лев Сгур в 1205 г. женился на Евдокии, дочери Алексея III Ангела, и получил от бывшего императора титул деспота⁹². Савва Асиден, возглавлявший область Милета, также приходился родственником Комнинам. Несколько иная ситуация сложилась в Трапезундской империи: население Понта имело опыт существования полунезависимых правителей (из рода Гавров) в XII в., что говорит о значительно большей степени обособленности провинции, чем Эпира. Эта обособленность, существовавшая в рамках сильной центральной власти византийских императоров, привела при участии Грузии к возникновению Трапезундского государства во главе с Алексеем I Великим Комнином⁹³.

Далее рассмотрим вторую из указанных тенденций — признание власти болгарского царя или никейского императора правителем «удела».

До 1243 г. стабильность власти фессалоникийского правителя Иоанна Дуки была полностью связана с поддержкой болгарского царя. Об этом говорит тот факт, что, когда Иоанн III Дука Ватац в 1242 г. еще при жизни Ивана II Асеня попытался захватить Фессалонику, то наткнулся на сопротивление защитников города⁹⁴. Наоборот, после смерти Ивана II и восшествия на престол Михаила Асеня (1246—1256) болгарское влияние заметно ослабло и в Македонии на смену болгарскому царю пришел никейский император. Иоанн III, совершив в 1243 г. поход на Фессалонику, заставил Иоанна Дуку признать своё главенство. Фессалоникийский правитель принял от никейского императора титул деспота⁹⁵, а позднее его примеру последовал Димитрий Дука⁹⁶. Влияние Никейской империи привело к тому, что город перешел под власть Иоанна III Дуки Ватаца в 1246 г. вследствие заговора знати⁹⁷. Несколько ранее к Никейской империи отошли города Водена и Остров, владения Феодора I Дуки.

Рассматриваемый путь развития «удела» схож с ситуацией, сложившейся для таких магнатов, как Лев Сгур или Савва Асиден, территории которых были присоединены к Никейской империи или Латинской Романии.

Альтернативой болгарскому и никейскому влиянию на «уделы» являлась ориентация на союз со Священной Римской империей.

Известно, что в конце XII в. произошло укрепление отношений между династиями Ангелов и Штауфенов. Несмотря на претензии германских импера-

торов на византийские земли, василевсы пытались использовать их помощь в своих целях. Так, Исаак II Ангел выдал за Филиппа Швабского замуж свою дочь Ирину; Алексей III, бежав из Константинополя после переворота, обратился за помощью именно к германскому императору⁹⁸. Вероятно, это внешнеполитическое направление сохранилось в XIII в., на что указывает союз Феодора I Дуки и Фридриха II Гогенштауфена в 1228 г. Эпирский правитель в 1229 г. послал в Италию войско и богатые дары императору⁹⁹. В 1235 г. Мануил Дука попытался заключить с ним соглашение, чтобы противостоять никейско-болгарскому союзу, который мог окончательно подчинить Фессалонику Иоанну III Ватацу. Для этого в Италию в 1235 г. был направлен Георгий Вардан, митрополит Керкиры¹⁰⁰. Показательной чертой рассматриваемых отношений является презентация Мануила Дуки в письме митрополита к Фридриху II. Георгий Вардан называет эфирского правителя сыном и родственником германского императора (*“filius et cognatus imperii tui”*), говорит о том, что Мануил в своем государстве выражает интересы Фридриха II¹⁰¹.

Влияние Никейской империи и Болгарского царства, подкрепленное расширением их территорий и появлением общих границ с Эфирским государством, было более значительным. Оно стало своего рода «селекцией» правителей уделов, в результате которой у власти остался только один: к концу 1240-х гг. Михаил II стал единоличным правителем царства, сумев избежать никейского влияния и присоединив к своим владениям территории не оставивших наследников Константина и Мануила Дук¹⁰². Во внешней политике

Михаил II придерживался союза с Фридрихом II, который был заключен, вероятно, в 1237 г.¹⁰³ Однако в 1248 г. Михаил II и затем его сын Никифор приняли титул деспота от Иоанна III Дуки Ватаца¹⁰⁴, что говорит об усилении никейского влияния на Эпирское государство.

В то же время политика никейских императоров в отношении правителей областей была гибкой. Она оставляла определенную свободу действий в собственных владениях, при условии, что правитель признавал верховную власть василевса и уступал земли, завоеванные его войсками. Феодор I Ласкарис поступил так с Саввой Асиденом, а Михаил Палолог — с Ахейским принцем Гийомом II де Виллардуэном, которого почтил титулом деспота, оставив ему часть владений на Пелопоннесе¹⁰⁵. Михаил II воспользовался этим положением. Он использовал признание власти никейского императора для временной передышки перед продолжением борьбы и в течение последующего времени пытался отвоевать Македонию¹⁰⁶.

Таким образом, эпирский правитель не оставил без внимания опыт своих предшественников. Как и его отец, Михаил II пользовался мирными соглашениями с тем, чтобы получить возможность собрать силы и продолжить борьбу; как и его дяди (Феодор I и Мануил), он ориентировался на союз со Священной Римской империей во внешней политике.

Предшествующий опыт эпирский правитель использовал для внутреннего устройства царства. По сообщению Никифора Григоры, еще в начале своего правления Михаил II собирался разделить власть над царством между четырьмя сыновьями: Никифором,

Иоанном, Михаилом и Иоанном¹⁰⁷. Вследствие постоянных военных кампаний правитель значительно позднее, т.е. перед смертью, разделил царство на две части между своими сыновьями Никифором и Иоанном. Первому из них достались земли Эпира, второму — Фессалии¹⁰⁸. После смерти Михаила II в 1267 г., это «завещание» соблюдалось. Несмотря на своё недовольство небольшим размером своих владений, Иоанн не посягал на земли брата, а пытался расширить подвластную ему область за счет территории, подчинявшейся Михаилу VIII¹⁰⁹. Таким образом, практика раздачи земель в «уделы» с последующим разделением государства на полунезависимые области под властью Дука стало характерной чертой внутреннего устройства царства. При этом в правление Михаила II выделение земель в «уделы» производилось не только для его сыновей, но и для зятей, представлявших другие государства. Так, Михаил II отдал целые области своим зятям — Манфреду Сицилийскому и Гийому II Виллардуэну, принцу Ахейскому, женатым на Елене и Анне Дукенах¹¹⁰. В 1258 г. Манфред получил в качестве приданного несколько албанских городов и о. Корфу¹¹¹. Гийом II — Ликанию и прилегающие земли¹¹². Цель этих действий состояла в том, чтобы укрепить союз между тремя правителями: Манфред и Гийом II выступили на стороне Михаила II в кампании 1259 г. Схожим образом повел себя Мануил Дука, выделивший о. Корфу в качестве наместничества для своей сестры Анны, находившейся замужем за Майо Орсини¹¹³. Впрочем, цель этого действия заключалась не в том, чтобы укрепить отношения между фессалоникийским правителем и итальянским графом, важно было сохранить власть

Мануила над островом (видимо, соперничавшего с Михаилом II Дукой).

Рассмотрим далее, каким образом влияние на «уделы» со стороны других государств (в первую очередь, Никейской империи) обусловило развитие стремлений к автономии среди местной элиты.

§ 3. Лавирование местной элиты между эпирскими и никейскими правителями

Формирование системы «уделов», характеризующейся связью власти правителя с определенной территорией и местной элитой, привело к тому, что земли Дук стали попадать под влияние правителей Болгарского царства и Никейской империи. Какой была роль в данном процессе представителей местной элиты? Ответив на указанный вопрос, мы сможем решить очень важную проблему о единстве интересов правителя и местной элиты, а также — о существовании между ними противоречий в условиях усиливающегося влияния Никейской империи.

Для этого рассмотрим: политику правителей «уделов» в отношении местной элиты; позицию представителей элиты в отношении правителя в условиях усиливающегося влияния Никейской империи.

В отношении представителей крупной землевладельческой аристократии эпирские правители проводили (в отдельных известных нам случаях) политику подтверждения и расширения привилегий и земельных владений. Так, Михаил II подтвердил право владения Константина Малиасина монастырями св. Богоматери Макринитиссы и Неа Петра¹¹¹.

О каком-либо расширении владений других родов неизвестно, а равно и о посягательствах на них со стороны эфирских правителей. Укрепляя отношения с представителями местной элиты, не имеющей крупных земельных владений, эфирские правители усиливали контроль за землевладельческой аристократией.

Схожей была политика эфирских правителей в отношении «этнической» элиты, хотя условия для её проведения несколько отличались от описанных выше. В XII в. происходил процесс оформления этнических общностей, консолидирующихся в этно-социальные единства и стремящихся к получению полунезависимого положения¹¹⁵. В Эфирском царстве такой общностью стали албанцы, чьи князья, как уже говорилось, были признаны Святым Престолом.

После вхождения в состав царства Албания обрела определенную автономию, оказавшись под управлением местных князей, получивших подтверждение своего положения через пожалование должностей и титулов (как деспот и дука Веррии Василий Цама). Однако при этом рядом с ними находились представители центральной администрации.

Не менее обособленным было правление славянских по происхождению аристократов. Так, Алексей Слав правил областью Мельника почти независимо от Феодора I. Впрочем, и данная группа была с успехом включена, как мы видели, в состав элиты на указанных выше условиях.

Несмотря на вполне благоприятные условия для укрепления власти на местах, представители рассматриваемых групп не имели единой позиции в отношении правителя, что было обусловлено внешнеполити-

ческими факторами. Для того чтобы сохранить свои владения в условиях нестабильной политической ситуации, постоянных военных кампаний, представители землевладельческой и «этнической» аристократии активно заключали браки с правящей династией Дук, добиваясь от эфирских правителей гарантий своим владениям, и одновременно пытались укрепить отношения с никейской элитой, получая сходные гарантии от нее. Это позволило им сохранить своё положение в условиях нестабильной политической ситуации в 1240—1250-е гг. Показательными являются действия аристократов, которым было поручено командование войском, посланным Михаилом II в 1252 г. против вторгшейся в Македонию никейской армии. Расположившись лагерем в районе Острова, император Иоанн III отправил часть войска с целью разорить окрестные земли, в результате чего эфирская элита, увидев угрозу своим землям, перешла на сторону никейского правителя¹¹⁶. В составе перебежчиков были: Феодор Петралиф (состоявший в браке с дочерью месадзона Димитрия Торника), Гулам (женатый на двоюродной сестре императрицы Ирины) и Глав. Все три аристократа должны были защищать границы владений Михаила II, а заодно и собственные, однако предпочли перейти на сторону никейского императора и тем самым сохранить свои земли. При этом Гулам получил от Иоанна III хрисовул, гарантирующий привилегии для жителей г. Крои. Напротив, когда в середине 1250-х положение эфирского правителя укрепилось и он начал отвоевывать занятые никейскими войсками земли, один из названных аристократов, Феодор Петралиф, вернулся к нему и участвовал в его кампаниях.

Часть элиты сохранила верность правителю, несмотря на вторжение войск противника. Так, Константин Малиасин принял активное участие в защите от латинян области Алмира во время их вторжения с Пелопоннеса¹¹⁷. После поражения Михаила II от никейских войск в 1251 г. он остался на стороне эпирского правителя и вошел в состав посольства к Иоанну III Ватацу. Аналогичная ситуация сложилась в Албании, жители которой (включая, вероятно, архонтов) подняли восстание в скором времени после установления на их землях никейской администрации¹¹⁸. Причиной этому послужили различные факторы: отсутствие угрозы владениям (во втором случае) или, напротив, возможность их полного разорения (в первом и третьем случаях).

Таким образом, нельзя сказать, что представители крупной землевладельческой аристократии и «этнической» знати занимали единую позицию в отношении власти какого-либо правителя, выбор на чьей стороне выступить находился в тесной связи с их имущественными интересами.

Иное положение наблюдалось в Никейской империи. В начале своего правления Феодор I Ласкарис предоставил местным правителям Феодору Манкафе и Никифору Кондостефану высокие должности и сохранил их земельные владения. Однако дальнейшее укрепление центральной власти, проведенное Иоанном III Дукой Ватацем, нарушило баланс между интересами василевса и высшей аристократии, что привело к появлению в 1225 г. заговора против никейского императора, во главе которого стоял Андроник Ватац, двоюродный брат государя, и в котором приняли участие Нестонги, Тарханиоты, Сина-

дины и Стасины¹¹⁹. Данная проблема была решена через предоставление новых должностей представителям нескольких крупных родов (Кондостефанов, Торников, Раулей и Палеологов), на которые опирался Иоанн III Дука Ватац. Позднее при Феодоре II Ласкарисе баланс снова был нарушен вследствие политики императора, приведшей к новому заговору против наследника престола Иоанна IV и его регента Георгия Музалона. В результате заговора, во главе которого стояли представители крупных родов Торников и Раулей, к власти был приведен Михаил VIII Палеолог¹²⁰.

В обоих случаях заговор — форма реакции высшей аристократии на укрепление власти императора, имевшая своей конечной целью его свержение. В этом проявляется прежнее противоречие между сильной центральной властью и интересами крупных родов: не имея правовой возможности создать полунезависимое (или независимое) княжество, как в Эпире, знать была вынуждена прибегнуть к радикальному способу — свержению василевса. Несмотря на то, что в Никейской империи в начале XIII в. был ряд территорий, находившихся под управлением аристократов, связанных с правящей династией родственными узами (таких как Феодор Манкафа или Савва Асиден), тем не менее, они не стали характерной чертой государственного устройства.

Политика эпирских правителей в отношении архонтов городов была, в целом, двойственной. С одной стороны, правители предоставляли горожанам привилегии. Так, Михаил II в 1236 г. пожаловал горожанам о. Корфу освобождение от налогов¹²¹. Обещание привилегий могло стать аргументом при присоеди-

нении города к царству, как в случае с завоеванием Адрианополя Феодором I¹²². А с другой, — эфирские правители нарушали права горожан. Так, Михаил I, расселив беженцев в Янине, видимо, перераспределил собственность в городе, что привело к восстанию местных жителей¹²³. В период 1224—1246 гг. горожане Фессалоники, по всей видимости, не пользовались правом самоуправления, о чем говорит хрисовул Иоанна III Дуки Ватаца, предоставляющий им такую привилегию.

Происходило активное включение городской верхушки в состав элиты царства. Речь идет об уже упоминавшихся Никифоре Горианите и Иоанне Плите, а также о Димитрии Спартине и Николае Кампане. Так, Димитрий Спартин пользовался значительным доверием у Димитрия Дуки: когда правитель, заподозрив одного из аристократов Фессалоники, Николая Кампана, в участии в заговоре против него, Димитрий Спартин вызвался перед лицом императора расследовать данное дело и получил согласие Дуки¹²⁴.

Кроме того, эфирские правители вели активное строительство в присоединенных городах, что имело, в первую очередь, практическую цель: укрепить их перед возможным нападением противника. В таком контексте известны укрепления: крепостей св. Ангелов и Гордики на о. Корфу, стен Диррахия при Михаиле I¹²⁵, ворот в Диррахии при Феодоре I, и строительство в городах Албании — Крое и Бутринте¹²⁶. Строительство преследовало и другую цель, а именно — репрезентации правителя, представив его как своего рода «благодетеля» города, что являлось традиционной функцией. Аналогичные действия предпринимали никейские императоры¹²⁷.

Таким образом, мы видим, что политика эфирских правителей была, в целом, двойственной. С одной стороны, Дуки ориентировались на знатных горожан, включая их в состав правящей элиты. С другой, — в некоторых случаях сохраняли зависимое положение местного населения или нарушали его права, стремясь одновременно с этим продемонстрировать своё внимание к городу. Следует отметить вовлечение в политическую сферу представителей торговых кругов (Димитрий Спратин и Николай Кампан). Это говорит о значении данной группы для политической жизни города: торговцы не просто обеспечивали благосостояние землевладельческой аристократии через продажу продукции, произведенной на её землях, но и являлись участниками политических отношений (в союзе со знатью). На них также ориентировалась центральная власть.

В условиях нестабильной политической ситуации представители городской верхушки пытались лавировать между различными правителями, стремясь получить из этого выгоду. Так, в 1237 г. влиятельные фессалоникийцы выступили на стороне Феодора I Дуки, пользовавшегося поддержкой Ивана II Асеня, против императора Мануила Дуки. Однако уже в 1246 г. они сдали город Иоанну III Дуке Ватацу с тем, чтобы вернуть привилегии, принадлежащие им (прежде всего, свободу управления). Для этого они составили уже упоминавшийся заговор против фессалоникийского правителя Димитрия Дуки.

Основной причиной перехода элиты города на сторону никейского императора стало, как и в случае с землевладельческой и «этнической» аристократией, стремление защитить свои владения. В 1242 г. Иоанн

III подошел с войском к Фессалонике, однако не смог взять город и отступил, разорив окрестности. Безусловно, упомянутые горожане не желали повторения этих событий и потому поспешили перейти на сторону никейского императора, когда тот еще был в Мельнике. Другой причиной стало, вероятно, то, что фессалоникийцы знали: жители Мельника сдали город в обмен на хрисовул, подтверждающий их привилегии (свободу местного самоуправления)¹²⁸, а также о том, как богато одарил Иоанн III болгарского боярина Драготу, передавшего ему без боя город Серры¹²⁹. После успешного исполнения своего плана фессалоникийцы получили от никейского императора земли в Македонии и должности в администрации Фессалоники (Димитрий Спартин и Николай Кампан) или земли в Малой Азии (Цирифон)¹³⁰.

Рассматриваемые явления представляют собой развитие ситуации, которая сложилась к началу XIII в. и обусловила относительно легкое покорение латинянами территории Балкан. Жители города сдавали укрепления крестоносцам в обмен на подтверждение со стороны новой власти их прежних привилегий. Так поступили фессалоникийцы, когда к городу приступил Бонифаций Монферратский¹³¹, а также коринфяне, осажденные Жоффруа I де Виллардуэном¹³², и жители Монеувасии¹³³. Наибольшее сходство с рассматриваемой имеет ситуация, которая сложилась в Адрианополе в 1224—1228 гг. В 1224 г. городская верхушка отправила посольство к Иоанну III Дуке Ватацу с просьбой освободить их от власти латинян¹³⁴. Обращение к никейскому императору, ведущему своё происхождение из данного города, должно было обезопасить имущество горо-

жан от наступавшего на латинские владения Феодора I Дуки¹³⁵. Однако как только эфирский правитель пообещал жителям города пожалования земель и титулов в обмен на изгнание никейских войск, те сразу же согласились¹³⁶. На наш взгляд, это свидетельствует о том, что местная элита желала сохранить своё высокое положение при смене правителя и действовала, не дожидаясь осады города.

Далеко не все архонты Фессалоники придерживались единого мнения. Так, некие советники убедили Димитрия Дуку не отправляться по приглашению Иоанна III в стан никейского императора, заподозрив в этом обман¹³⁷. В другом случае — некие неназванные аристократы донесли на Кампана о его предстоящей поездке к никейскому императору¹³⁸. Некоторые эфирские города (во главе с местными архонтами) вовсе не принимали никейскую власть даже после полного поражения Михаила II; например, Янина, которую не смогли взять никейцы¹³⁹. Поэтому более корректным, на наш взгляд, является утверждение о существовании нескольких «партий» в среде городской верхушки, руководствовавшихся различными интересами.

Итак, позиция представителей местной элиты не была единой в отношении власти того или иного правителя. «Степень лавирования» элиты между эфирскими правителями и никейскими императорами можно представить географически. Подобному колебанию в наибольшей степени были подвержены аристократы, жившие в южной Македонии, в несколько меньшей — в Фессалонике, Фессалии и Албании. Самыми устойчивыми оказались связи Дук с элитой Эпира. Как видно, крепкие узы имелись в тех землях,

которые составили ядро царства и являлись родовым владением Дук. Напротив, на землях южной Македонии, находившихся в составе царства очень малое время, т.е. в 1217—1229 гг., не установилось каких-либо долговременных отношений между правителем и местной элитой.

Несколько иная ситуация характерна для Фессалоники, Фессалии и Албании, где существовали две или три «партии» элиты, ориентировавшиеся в зависимости от ситуации на эпирского правителя или другое государство. Появление «партии», поддерживавшей эпирского правителя, говорит о том, что отношения аристократов с ним были более прочными. В Фессалонике это обусловлено столичным статусом, а в Фессалии и Албании — более длительным временем пребывания в царстве (земли вошли в состав государства при Михаиле I).

Разделение элиты на противников и сторонников правителя, связанное с продолжительностью нахождения той или иной области в составе царства, зависело, как мы видели, от политики эпирских властителей, ориентировавшихся на различные группы аристократии. Важно отметить при этом, что представители элиты стремились максимально сохранить своё положение, добиваясь юридически оформленных гарантий.

Таким образом, в Фессалонике, Фессалии и Албании становление правителя как лидера местной аристократии сопровождалось процессом деконсолидации самой элиты. Складывание нескольких «партий», ориентировавшихся или на правителя, или на другое государство, привело к вхождению некоторых «уделов» в состав Никейской империи.

§ 4. Обособление митрополий и епархий

Тяготения к автономии, существовавшие среди эфирской элиты, затронули Церковь. Самым ярким проявлением указанного стремления стало участие архиереев в оформлении независимой Церкви, инициированном Михаилом I и Феодором I. Для этого были свои предпосылки. Прежде всего, обособление глав диоцезов от центральной церковной власти, наблюдаемое еще в XII в. Затем — рост авторитета главы диоцеза. В конце XII в. митрополиты и епископы все больше внимания уделяли политическим и социальным вопросам и превращались в глав администраций, вступая в союз с провинциальной элитой¹⁴⁰. В ведение церковных судов перешли дела, касающиеся семейно-правовых и связанных с ними имущественных отношений, бывшие до этого предметом рассмотрения светских судов¹⁴¹. Данные процессы, приведшие к активному участию архиереев в создании Церкви, признающей главенство патриарха, но не подчиняющейся его решениям, могли также вызвать негативное последствие: противостояние с новым верховным органом церковной власти — эфирским синодом. Для того чтобы не допустить такого последствия, эфирские Дуки вели контроль за деятельностью Церкви, включали в состав политической элиты архиереев, предоставляли диоцезам новые привилегии, гарантировавшие невмешательство в дела диоцезов светских лиц и неприкосновенность имущества.

Исходя из этого, важным представляется вопрос о том, привели ли указанные обстоятельства к росту обособленности диоцезов, расположенных в Эфирском царстве.

Прежде всего, следует отметить дальнейшее усиление положения, которым обладали эфирские архиереи. Как мы видели, в некоторых случаях происходило становление наследственного характера власти иерарха. Этот процесс являлся следствием более общей проблемы — концентрации власти в руках влиятельного пресвитера, нередко приводившей к превышению полномочий. Так, епископы Арты и Левкады (Навпактская митрополия), злоупотребляя полномочиями, незаконно вводили церковные сборы и активно применяли запрещенную практику телесных наказаний, что спровоцировало их конфликт с Навпактским митрополитом¹⁴². К ним же следует отнести епископа Дринополя Фому, попытавшегося ввести для своего клира высокие сборы¹⁴³. Кроме этого, епископ Арты Иоанн попытался создать автономное (автокефальное) управление, выйдя из-под юрисдикции митрополита¹⁴⁴. В последнем случае суть конфликта заключалась в том, что епископ посягал на имущество, принадлежавшее Навпактской митрополии. После того, как Иоанн Апокавк признал его права на два монастыря (св. Димитрия Кацурийского и Иоанна Предтечи) епископ, со своей стороны, принял власть митрополита¹⁴⁵. Впрочем, указанные случаи были, в целом, немногочисленны: основная часть епископов подчинялась решениям главы диоцеза, о чём свидетельствует переписка между ними, показывающая исполнение того или иного решения синода¹⁴⁶.

В ряде случаев речь шла о том, что светские и духовные лица стремились получить ставропигиальный статус для отдельного храма. Помимо уже упоминавшегося монаха Никона из фемы Вагенигия, к таким персонам принадлежит архонт Тарон из хориона Церменика, ко-

торый пожелал, чтобы подобным статусом обладал построенный на его средства храм св. Николая¹⁴⁷.

В некоторых из перечисленных случаев Иоанн Апокавк обращался за помощью к патриарху Мануилу Сарантину, с которым поддерживал дружеские отношения. Так, он просил Мануила Сарантина умерить претензии монаха Никона¹⁴⁸. Схожим образом он поступил во время конфликта с епископом Арты, сообщая Феодору I, что архиерей «не желает слышать в Арте ни имени патриарха, ни имени митрополита, а ждет удобный случай и мечтает об автокефалии»¹⁴⁹. Это говорит о том, что обращению к Феодору I, предшествовало письмо к патриарху Мануилу.

Таким образом, мы видим, что автономия эпирской Церкви совсем не означала ликвидацию власти патриарха над территорией царства. Патриарх выступал как арбитр и вышестоящий священнослужитель, который облечен достаточными полномочиями для решения конфликтов. При этом имя патриарха поминалось при церковных службах каждый день, согласно распоряжению правителя¹⁵⁰. Единственное, что не признавалось архиереями — назначение новых епископов. В питтакии эпирского духовенства к патриарху говорится о том, что такие действия являются нежелательными для их правителя¹⁵¹. Феодор I и Михаил I желали выбирать кандидатов на свободные кафедры из среды знакомых им церковных иерархов, чему способствовали дружеские и патронатные связи внутри высшего духовенства. Это обеспечивало консолидацию данной группы как социальной и политической силы, подерживавшей претензии Дук. Однако архиереи попытались объяснить патриарху рассматриваемое

положение иными причинами, говоря о том, что присылаемые им епископы не могут нести служение вследствие плачевного состояния диоцезов¹⁵². Более того, они попросили патриарха утвердить рукоположение митрополита Керкиры, епископов Левкады и Фарсала, ссылаясь на прецеденты в других диоцезах¹⁵³ и предлагая ему тем самым компромиссный вариант управления, подразумевавший автономию местного духовенства.

После 1232 г. данная ситуация не претерпела серьезных изменений. Основные главы эмирского духовенства — Георгий Вардан и Димитрий Хоматиан — остались на своих кафедрах. Иоанн Апокавк удалился после 1230 г. в монастырь Коцил, однако этот шаг был запланирован им задолго до того и не связан с поражением Феодора I. В письме к эмирскому правителю митрополит сообщил, что надеется стать новым архиереем на кафедре Навпакта после освобождения Константинополя: «Я бы сказал заранее о том, что, если будет угодно Богу, то и митрополит Навпакта появится из повеления твоей царственности, которым удостоит меня Господь, когда увижу [тебя] в Константинополе на императорском престоле и принесу там положенный проскинесис»¹⁵⁴. Это означает, что митрополит собирался оставить кафедру после 1230 г. Причиной такого решения могло стать плохое здоровье архиерея. Иоанн Апокавк не связывал свою дальнейшую судьбу с жизнью в монастыре, желая войти в число философов или риториков, составлявших окружение императора, или стать дидаскалом и заниматься подготовкой епископов¹⁵⁵.

Патриарх учитывал автономию эмирского духовенства, как в случае назначения Иоанна Ксира на ка-

федру Навпактской митрополии. Архиерей попросил о переводе из митрополии Лариссы, на что патриарх, получив предварительно согласие со стороны местного духовенства, дал своё одобрение. О позиции патриарха свидетельствует также произошедшее ранее назначение Никиты Хониата на ту же кафедру. Более того, как уже отмечалось, эфирские правители (Мануил и Михаил II Дуки) могли оказать влияние на назначение архиереев, поскольку патриархи старались учесть интересы эфирской элиты.

Глава Церкви также старался привлечь во внимание желание некоторых монастырей получить ставропигиальный статус. В июне 1233 г., после восстановления власти патриарха над территорией царства, было издано циркулярное письмо, регулирующее порядок выхода монастыря из-под юрисдикции епископа¹⁵⁶. Данный процесс продолжился позднее. Так, патриарх Герман II предоставил ставропигиальный статус монастырю Мармарионитов, находившемуся в ведении епископа Лариссы¹⁵⁷. Этот статус был подтвержден в 1252—1254 г. патриархом Мануилом II (1243—1254)¹⁵⁸. В некоторых случаях в получении названного статуса были заинтересованы представители высшей землевладельческой аристократии, являвшиеся основателями и ктиторами монастыря. Так, Малиасины добились его получения для монастырей Богоматери Макринитиссы и Неа Петра¹⁵⁹. При этом неприкосновенность имущества обителей и освобождение их от налогов было пожаловано Михаилом II¹⁶⁰.

Таким образом, можно говорить о том, что период существования автономной Церкви не привел к децентрализации церковного управления в Эфирском царстве и к какой-либо юридически оформленной ав-

токефалии диоцезов. Большинство немногочисленных «стремлений к автономии» сводилось к превышению власти архиереями, желавшими обособиться от своего клира или к усилиям аристократа или клирика получить для монастыря или отдельной церкви ставропигиальный статус. Только в одном случае мы имеем основания говорить о том, что превышение власти сочеталось со стремлением к автокефалии. «Отпадение» от власти патриарха происходило только в области рукоположения епископов на свободные кафедры. Патриарх же признавался главой духовенства, выступая, помимо прочего, в качестве арбитра в решении конфликтов. Эта связь была сохранена после 1232 г., когда Вселенский патриарх старался учесть интересы местного духовенства.

Схожее положение наблюдалось в Трапезундской империи, где местные архиереи, хотя и стремились к автономному управлению при поддержке Великих Комнинов, но все же признавали юрисдикцию Вселенского патриарха¹⁶¹. Правда, развитие данной ситуации было иным: Вселенский патриарх Никифор II (1259—1260) в 1260 г. специальной грамотой предоставил трапезундским архиереям право избирать митрополита на соборе своего диоцеза с совершением хиротонии¹⁶².

* * *

Итак, разделение между Константинополем и провинциями, оформившееся к концу XII в., не привело к отделению от центральной власти областей, расположенных на западе Балканского полуострова. Их население вплоть до падения столицы признавало власть Алексея IV. Тот «баланс сил», который

сложился к концу XII в. между центральной администрацией и местными магнатами, обеспечил пребывание местного чиновника Сенахерима во главе области. Однако к 1205 г. для местной элиты стало ясно, что власть наместника, связанного с распавшейся административной системой, является нелегитимной, и это привело к восстанию. Становление власти Михаила I, имевшего опыт участия в мятежах против императора, произошло с уклоном в сторону локальных правителей, признававших власть любого более могущественного политика при сохранении своего положения. В 1205—1230 гг. укрепление связей между населением отдельной области (прежде всего, элитой Эпира или Фессалии) и представителем династии Дук, облеченное в форму наместничества, создало предпосылки для разделения царства на «уделы». Последующее развитие «удельной» системы происходило в условиях усиления болгарского и никейского влияний на севере Балкан, что привело к разрыву связей между правителем «удела», с одной стороны, и местной крупной землевладельческой элитой, архонтами городов и вождями этнических общностей, с другой. Помимо внешнеполитических факторов, разрушению данных связей способствовала политика эпирских правителей в 1205—1230 гг., состоявшая в расширении привилегий крупной землевладельческой аристократии, глав этнических областей и верхушки городов, проводимая в некоторых случаях за счет остальных групп населения. Несмотря на усиление никейского влияния в области Эпира, кульминацией которого стало вторжение войск после битвы при Пелагонии, местная элита осталась верна Михаилу II, т.к. её

представители видели в Дуках своих традиционных покровителей.

В этом состоит отличие Эпирского государства от Никейской империи, для которой характерна более высокая степень централизации. В Малой Азии никогда не существовало ничего подобного «удельной» системе. Напротив, фигура императора наделялась единой властью над всей территорией государства. Соответственно, конфликты, возникающие между правителем и представителем элиты, часто принимали форму заговоров. Данное различие стало еще более явным после присоединения Фракии и Македонии к Никейской империи, в процессе которого императоры были вынуждены подтвердить привилегии местных аристократических родов и несколько ограничить в их отношении свою власть¹⁶³. В Трапезундской империи практика выделения родственникам правителя отдельных территорий в управление не получила своего развития после смерти брата Алексея I Давида в 1212 г.

Иная ситуация характерна для высшего эпирского духовенства, поддерживавшего претензии Дук и сопутствующее этому создание автономной Церкви, однако в то же время признавало власть патриарха, который попытался соблюсти баланс между интересами Вселенской Церкви и западного греческого духовенства. Данная ситуация сходна с положением духовенства в Трапезундской империи.

Рассмотрим далее, каким образом указанные тенденции обусловили формирование политической идеологии царства в её ключевом аспекте — в легитимации власти эпирских правителей.

Примечания

- ¹ *Carile A. Partitio terrarium Imperii Romanie // Studii Veneziani*, 1965. Т. 7. P. 219.64—220.70; *Oikonomidès N. La décomposition de l'Empire Byzantin...* P. 22; *Cheyne J.-C. Pouvoir et contestations...* P. 464.
- ² *Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 904.*
- ³ *Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи XI—XII вв. Ереван, 1975. С. 33—36* *Каждан А.П. Социальный состав...* С. 150, 199; *Ферјанчић Б. Племяство у Епирској држави...* С. 136—137.
- ⁴ *Chon. S. 598.93—95; 599.1—2; Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса...* С. 36.
- ⁵ *Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 904.*
- ⁶ *Ibid.* (“Σεναχηρεΐμ οὖν καὶ αὐτὸς ἐπιβουλευθεὶς παρὰ τῶν Νικοπολιτῶν, τὸν Κομνηνὸν Μιχαὴλ εἰς βοήθειαν προτεκαλέσατο μήπω δ' ἐκείνου φθάσαντος, δολοφονεῖται Σεναχηρεΐμ. Μιχαὴλ μέντοι παραγεγόμενος, τοὺς φονεῖς κτείνει πάντας”).
- ⁷ *Annae Comnenae Alexias // CFHB. Vol. 40/1 / Rec. D.R. Reinsch, A. Kambylis. Berolini; Novi Eboraci, 2001. S.268.42—269.51.*
- ⁸ *Acrop. S. 25.4—6; Život Sv. Symeona od krále Štefana...* S. 25.6—9.
- ⁹ *Ibid. S. 23.32—35.*
- ¹⁰ *Miller M.A. The Latin in the Levant...* P. 41; *Радић Р. Обласни господари...* С. 257.
- ¹¹ *Magdalino P. The empire of Manuel I Komnenos...* P. 190; *Stephenson P. Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkan (900—1204). Cambridge, 2004. P. 278; Holmes C. Political-historical survey, 800—1204 // The Oxford Handbook of Byzantine studies. P. 276.*
- ¹² *Chon. S. 72.90—73.8*
- ¹³ *Angold M. The Byzantine Empire...* P. 277—278.
- ¹⁴ *Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 904* (“Μιχαὴλ... λαμβάνει δὲ σὴν ἐκείνου γυναῖκα Μελισσηνήν... καὶ λοιπὸν πᾶσαν τὴν περιουσίαν Σεναχηρεΐμ, σὺν τῇ ἀρχῇ, ἑαυτῷ περιποιεῖται”).
- ¹⁵ *Acrop. S. 14.4—7. См. также: Ephraem. Coll. 280, lin. 7556—7560; Scout. Σ. 454.6—9; Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 904; Nicol D.M. The despotate of Epirus. P. 14; Loernetz R.-J. Aux origines du despotat d'Epire...* P. 376.
- ¹⁶ *Ansbert. De expeditione Friderici imperatoris // MGH. Bd. 5. S. 65.9—10* (“obsides lectissimos de sanguine regio graduque ducatus”); *Успенский Ф.И. История Византийской империи...*

- C. 401; ODB. Vol. 2. P. 1362; *Loud A.G. The Crusade of Frederick Barbarossa. The History of the Expedition of the Emperor Frederick and Related Texts.* L., 2010. P. 90—91.
- ¹⁷ *Ansbert. De expeditione...* S. 65.8—24.
- ¹⁸ *Ibid.* S. 65.22—24 (“...ut degant cum domno imperatore et ambulent cum eo, donec secure posit ambulare citra civitates Philadelphiae, inde reversuros sine laesione”); *Loud A.G. The Crusade of Frederick Barbarossa.* P. 91.
- ¹⁹ *MM.* IV. P. 324; *Успенский Ф.И. История Византийской империи...* С. 401; *Stiernon L. Les origines I.* P. 121; *Brand Ch.M. Byzantium confronts the West, 1180—1204.* Cambridge, 1968. P. 148; ODB. Vol. 2. P. 1362; *Polemis D.I. The Doukai...* P. 92; *Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki...* P. 59.
- ²⁰ *Chon.* S. 529.18—19.
- ²¹ *Ibid.* S. 529.19—24; *Успенский Ф.И. История Византийской империи...* С. 401; *Stiernon L. Les origines I.* P. 121; *Loernetz R.-J. Aux origines du despotat d’Epire et de la principaute d’Achaie // Byz.* 1973. T. 43. P. 363; *Polemis D.I. The Doukai...* P. 92; *Prinzing G. Studien I.* S. 82; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καὶ Ἡλείρος...* Σ. 61; *Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki...* P. 59.
- ²² *Chon.* S. 534.63—78.
- ²³ *Ibid.* S. 34.84—87; *Карпов С.П. История Трапезундской империи.* С. 79.
- ²⁴ *Chon.* S. 290.12—291.30; ODB. Vol. 2. P. 1012.
- ²⁵ *Job monachi Vita St. Theodoraе.* Coll. 904; *Успенский Ф.И. История Византийской империи...* С. 401—402; *Nicol D.M. The despotate of Epirus.* P. 14; *Stiernon L. Les origines I.* P. 95. Некоторые исследователи считают, что сведения о правлении Михаилом Дукой областью Пелопоннес не соответствуют действительности (*Loernetz R.-J. Aux origines...* P. 354; *Ферјанчић Б. Плејство у Епирској држави...* С. 133—134; *Радић Р. Обласни господари...* С. 256).
- ²⁶ *Villehard.* P. 179. № 301; *Грегоровиус Ф. История города Афин...* С. 246; *Miller M.A. The Latin in the Levant...* P. 41; *Успенский Ф.И. История Византийской империи...* С. 402; *Longnon J. L’Empire Latin de Constantinople et de la Principauté de Morée.* P., 1949. P. 70; *Nicol D.M. The despotate of Epirus.* P. 14; *Stiernon L. Les origines I.* P. 122; *Loernetz R.-J. Aux origines du despotat d’Epire...* P. 364; ODB. Vol. 2. P. 1362; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καὶ Ἡλείρος...* Σ. 61; *Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki...* P. 59; *Tricht F. van. The Latin Renovatio of Byzantium. The Empire of Constantinople (1204—1228).* Brill; Leiden; Boston, 2011. P. 30.

- ²⁷ *Setton K.M.* The Papacy... P. 29—30.
- ²⁸ *Nicol D.M.* Byzantium and Venice... P. 155—156.
- ²⁹ *Ibid.* P. 156.
- ³⁰ ODB. Vol. I. P. 665.
- ³¹ MM. III. P. 58—59.
- ³² *Ibid.* P. 58.
- ³³ Villehard. P. 179. № 301.
- ³⁴ *Ibid.* P. 194. № 328—329; *Jervis H.* History of the Island of Corfu. P. 95; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 14; *Setton K.M.* The Papacy... P. 25.
- ³⁵ *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 60—61.
- ³⁶ *Henri de Valenciennes.* Histoire de l'empereur Henri... P. 119. № 690; P. 121. № 694.
- ³⁷ *Ibid.* P. 118—121. №689—694; *Hendrickx B.* Régestes des empereurs latins... P. 76—77. №106—107.
- ³⁸ *Innocentii III Romani pontificis regestorum...* P. 106—107. №XCVI; *Treadgold W.* A History of Byzantine State... P. 713; *Prinzing G.* Das Papsttum und der orthodoxe geprägte Südosten Europas 1180—1216 // *Das Papsttum...* S. 177.
- ³⁹ TT. II. P. 121—123.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 120—121.
- ⁴¹ *Ibid.* P. 119—120.
- ⁴² *Andreae Danduli Ducis venetiarum Chronica...* P. 284.7—11.
- ⁴³ *Innocentii III Romani pontificis regestorum...* P. 353—354. № CLXXXIII; *Hendrickx B.* Régestes des empereurs latins... P. 85. № 120; *Prinzing G.* Das Papsttum... S. 177—178.
- ⁴⁴ *Εὐθυμῖος.* Χρονικὸν ἀνέκδοτον Γαλαξειδίου... Σ. 201; ODB. Vol. 2. P. 1362.
- ⁴⁵ *Prinzing G.* Der Brief Kaiser Henrichs... P. 411—412; *Hendrickx B.* Régestes des empereurs latins... P. 87. № 123; *Prinzing G.* Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens... S. 102—104; *Tricht F. van.* The Latin Renovatio of Byzantium... P. 184, 186—187.
- ⁴⁶ *Prinzing G.* Der Brief Kaiser Henrichs... P. 412.
- ⁴⁷ *Buchon J.A.C.* Recherches et matériaux... P. 212 (“Sed prefati barones, collectis viribus et associato Michalitio, qui in eis concordiam iniverat, eidem Stratio in plano Pelagonie, occurebant, ubi cum eo pugnantes obtinuerunt victoriam”); *Успенский Ф.И.* История Византийской империи... С. 373, 405; *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία... Τ. 2. Σ. 684.
- ⁴⁸ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи... С. 405; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 37—38; ODB. Vol. 2. P. 1362; *Treadgold W.* A History of Byzantine State... P. 718.

- ⁴⁹ Život Sv. Symeona od krále Štefana... S. 24.13.
- ⁵⁰ *Maksimović L.* La Serbie et les contreés voisines avant et après la IVe croisade // *Urbs capta...* P. 279.
- ⁵¹ *Chon.* S. 637.31—639.53
- ⁵² *Ibid.* S. 637.31—39 (“...οἱ δὲ σφῶν δεσπόζοντες πρότερον ἐν προπηλακισμῶ καὶ ἀτιμίᾳ ἠνείχοντο σφίσι μᾶλλον καθοποκύπτειν ἢ νυγμόν τινα λαβεῖν ἐς ψυχὴν καὶ ὑπὲρ ἑαυτῶν καὶ τέκνων ἀνδρῖσασθαι, μὴ αὐτόθεν εἰς ἐλεύθερον παροξυνθέντες φρόνημα, μὴ ὄψέ ποτε νοῦν ἔχειν ἀρξάμενοι. Εἰσὶ δ’ οἱ καὶ εἰς ὀλοσχερῆ φιλοτιμίαν κατὰ τῆς ἑαυτῶν πατρίδος ὑπεκκαέντες, ἀνδραπδώδεις ἄνθρωποι, τρυφῇ καὶ ταῖς ἄλλαις ἀπονοίαις διεφθάρμενοι, ὄχυρωμάτων καὶ φρουρίων ἀποτόμων λαβόμενοι, οἱ δὲ καὶ πόλεων εὐτειχίστων ἐπιβάντες, κακοδαίμονας τυραννίδας περιβάλλοντο...”).
- ⁵³ *Acrop.* S. 14.3; *Macridis R. George Acropolites...* P. 127. Note 12.
- ⁵⁴ *Magdalino P.* The empire of Manuel I Komnenos... P. 155; *Macridis R. George Acropolites...* P. 127. Note 12.
- ⁵⁵ *Chon.* S. 34.84—87.
- ⁵⁶ *Ibid.* S. 50.57—58.
- ⁵⁷ *Ibid.* S. 62.90.
- ⁵⁸ *Ibid.* S. 101.67—79; 296.75.
- ⁵⁹ *Ibid.* S. 291.39; 369.74.
- ⁶⁰ *Ibid.* S. 379.93—380.4
- ⁶¹ *Acrop.* S. 8.17—19.
- ⁶² *Ibid.* S. 10.21—26.
- ⁶³ *Ibid.* S. 10.26—11.6.
- ⁶⁴ *Ibid.* S. 14.24—15.7.
- ⁶⁵ *Ibid.* S. 13.15—17.
- ⁶⁶ *Ibid.* S. 17.23—25.
- ⁶⁷ *Prinzing G.* Der Brief Kaiser Henrichs... P. 412; *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток (1204—1461). СПб., 2001. С. 80.
- ⁶⁸ *Chon.* S. 244.70—245.74.
- ⁶⁹ *Шукуров Р.М.* Великие Комнины и Восток... С. 70—79; *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. С. 94—96.
- ⁷⁰ *Acrop.* S. 24.23—25.2.
- ⁷¹ *Ibid.* S. 25.12—17; *Scout.* Σ. 461.5—7; *Ephraim.* Coll. 285, lin. 7684—7690; *Albricus Monachus.* Chronica... S. 906.27—31; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи... С. 406; *Литаврин Г.Г.* Внешнеполитическая борьба... С. 56; *Setton K.M.* The Parasy... P. 44—45; *Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία... Τ. 2. Σ. 561—563. № 168; *Nicol D.M.* Byzantium and Venice... P. 162—163.
- ⁷² *Baronius C.* Annales Ecclesiastici. P. 394—395. № 20—21; *Pressuti P.* Regesti. P. 261—262. № 981—982.

- ⁷³ *Baronius C. Annales Ecclesiastici*. P. 395.
- ⁷⁴ *Ibid.* P. 395. № 21 (“...tuamque personam ad sacrosanctae Romanae Ecclesiae devotionem exponens, ac ipsam piam recognoscens et matrem nobis obedire proponens, sicut devotus filius pio patri”).
- ⁷⁵ *Ibid.* P. 395. № 22.
- ⁷⁶ *Ibid.*
- ⁷⁷ *Ibid.* P. 395. № 24.
- ⁷⁸ *Acta et diplomata res Albaniae...* P. 42. №133; P. 43. №135; *Успенский Ф.И. История Византийской империи...* С. 403.
- ⁷⁹ *ODB*. Vol. 3. P. 1948—1949; *Prinzing G. Das Papsttum...* S. 164—166; *Maksimović L. La Serbie...* P. 280.
- ⁸⁰ *Дуйчев И. Из старата българска книжнина...* С. 1—3, 16—20, 22—23.
- ⁸¹ *ODB*. Vol. 2. P. 1095; *Prinzing G. Das Papsttum...* S. 166—169.
- ⁸² *Nicol D.M. Byzantium and Venice...* P. 163. Note 1.
- ⁸³ *Il liber Communis...* P. 184.
- ⁸⁴ *Ex Gregorii IX registro // MGH. Epistulae saeculi XIII e regis pontificum romanorum selectae / Ed. C. Rodenberg. Berolini, 1883. S. 320.2—5.*
- ⁸⁵ *Acrop*. S. 60.27—61.1 (“...καί τισιν ἐπεγνώσθη τοῖς οἷς ἐβούλετο, οὓς ὅτε εὐτύχει ἐφίλει τε καὶ εὐηργέται...”).
- ⁸⁶ *Ibid.* S. 60.1—61.4; *Ephraim. Coll.* 308, lin. 8340—8345; *Scout*. Σ. 484.13—18.
- ⁸⁷ *Acrop*. S. 84.19—22; *Scout*. Σ. 498.8—10.
- ⁸⁸ *Acrop*. S. 62.2—4; *Scout*. Σ. 485.7—8.
- ⁸⁹ *Acrop*. S. 61.25—62.5; *Ephraim. Coll.* 308, lin. 8355—8364; *Scout*. Σ. 485.4—8.
- ⁹⁰ *Acrop*. S. 79.21—80.4; *Ephraim. Coll.* 313, lin. 8530—8533; *Scout*. Σ. 495.2—13.
- ⁹¹ *Чеснокова Н.П. Византийская династическая идея...* С. 193.
- ⁹² *Acrop*. S. 13.15—22; *Scout*. Σ. 453.25—28; *Finlay J.H. Corinth in the Middle Ages // Speculum. 1932. Vol. 7. №4. P. 484; Радић Р. Обласни господари...* С. 250—251. *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαα καὶ Ἡπείρος...* Σ. 60). Что, видимо, заменило его более раннюю идентификацию «высший севаст» (“ὁ σεβαστοῦπέρατος”), подчеркивавшую его более высокое положение по сравнению с остальной элитой, севастами (см. печать аристократа: *Stavrakos Ch. Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museums Athen. Wiesbaden, 2000. S. 346—347. № 244).*
- ⁹³ *Каждан А.П. Провинциальная аристократия...* С. 309—310; *Карнов С.П. От фемы Халдия...* С. 54—57; *Карнов С.П., Жа-*

- воронков П.И. Особенности социально-экономического и политического развития... С. 42; Карнов С.П. Образование Трапезундской империи... С. 13; Карнов С.П. История Трапезундской империи. С. 93—95.
- ⁹⁴ Acrop. S. 66.8—67.25; Ephraim. Coll. 309, 312, lin. 8415—8451; Scout. Σ. 487.13—488.17.
- ⁹⁵ Acrop. S. 67.15—20; Ephraim. Coll. 312, lin. 8447—8451; Scout. Σ. 488.17—23.
- ⁹⁶ Acrop. S. 70.15—17; Ephraim. Coll. 312, lin. 8475—8477; Scout. Σ. 490.7—9; Guiland R. Études sur l'histoire... P. 68.
- ⁹⁷ Acrop. S. 80.9—82.26; Ephraim. Coll. 313—316, lin. 8528—8558; Scout. Σ. 495.2—497.5.
- ⁹⁸ Юзбашян К.Н. Внешнеполитическое и внутреннее положение Византии... С. 341.
- ⁹⁹ *Ryccardi de Sancti Germano notarii chronica*... S. 356.32—33; *Miliaraki A.* Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου... Σ. 242; *Златарски В.* История на българската държава през средните векове. Т. 3: Второ Българско царство. България при Асеновци (1187—1280). София, 1972 (1-е изд.: София, 1940). С. 337—338; *Nicol D.M.* The Despotate of Epiros. P. 109; *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 149—150; *Δάλλπας Ν.Αθ.* Πολιτικὴ Ἱστορία τοῦ κράτους τῆς Ἠπείρου... Σ. 131.
- ¹⁰⁰ *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 225—228.
- ¹⁰¹ *Moustoxides A.* Delle cosa Corciresi. P. IV. №3; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Ἡ αὐτοκρατορία τῆς Θεσσαλονίκης ἐπὶ Μανουὴλ Δούκα... Σ. 168—174; *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 228.
- ¹⁰² Scout. Σ. 486.10—15.
- ¹⁰³ *Historia Diplomatica Friderici Secundi*... P. 586.
- ¹⁰⁴ Acrop. S. 134.3—6; Greg. P. 49.1—2; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 153.
- ¹⁰⁵ *Pachym.* P. 123.22—125.3; *Marino Sanudo Torsello.* Istoria del regno di Romania... P. 107, 116; Chron. of Morea [lin. 4324—4333]; *Γρηγοροβιуc Ф.* История города Афин... С. 326—329.
- ¹⁰⁶ Acrop. S. 142.21—143.20; Scout. Σ. 530.4—11; etc.
- ¹⁰⁷ Greg. P. 47.7—20; *Nicol D.* The despotate of Epiros. P. 154—155.
- ¹⁰⁸ Greg. P. 109.24—110.20; Chron. of Morea [lin. 3085—3090]; *Mario Sanudo Torsello.* Istoria del regno di Romania... P. 106—107.
- ¹⁰⁹ Greg. P. 110.23—111.3.
- ¹¹⁰ Acrop. S. 157.20—158.1; Scout. Σ. 541.15—19; *Pachym.* P. 117. 5—9; Greg. P. 71.22—72.1; Приложение 1. Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки.

- ¹¹¹Acta et diplomata res Albaniae... P. 71. №245; *Marino Sanudo Torsello*. Istoria del regno di Romania... P. 107; *Ἰδρωμένος Α.Μ. Συνοπτικὴ ἱστορία...* Σ. 65—66; *Γρηγορίου Φ.* История города Афин... С. 318—319; *Miller M.A.* The Latin in the Levant... P. 514; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 171; *Ducellier A.* Balkan powers... P. 795.
- ¹¹²*Marino Sanudo Torsello*. Istoria del regno di Romania... P. 106—107; *Geanakoplos P.* The battle of Pelagonia... P. 111; *Γρηγορίου Φ.* История города Афин... С. 318—319; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 177.
- ¹¹³*Moustoxides A.* Delle cosa Corciresi. P. IV; *Nicol D.* The Despotate of Epiros. P. 115.
- ¹¹⁴ΜΜ. IV. P. 345—349.
- ¹¹⁵*Λιταβριν Γ.Γ.* Византийская империя... С. 34; *Λιταβριν Γ.Γ.* Византийское государство... С. 127; *Ducellier A.* Les albanais dans l'empire byzantin: de la communauté a l'expansion // *Οι Αλβανοί στο Μεσοαίωνα / Εκδ. Χ. Γασπαρήс, Αθήνα, 1998. Σ. 41—42; Idem.* Balkan powers... P. 781.
- ¹¹⁶Acrop. S. 166.1—4; Scout. Σ. 542
- ¹¹⁷ΜΜ IV. P. 346.
- ¹¹⁸Acrop. S. 142.6—22; Scout. Σ. 530.4—11.
- ¹¹⁹Acrop. S. 36.18—38.3; Scout. Σ. 470.24—471.27; *Kyritses D.* The Byzantine Arisrocrasy... P. 289—290.
- ¹²⁰Acrop. S. 154.10—160.15; Scout. Σ. 536.13—539.20; *Λιταβριν Γ.Γ.* Социально-экономический и политический строй... С. 35, 39—40; *Καρнов С.Π., Жаворонков П.И.* Особенности социально-экономического и политического развития... С. 37—38; *Kyritses D.* The Byzantine Arisrocrasy... P. 293—304; *Μοροзов Μ.Α.* Структура социальной элиты... С. 313.
- ¹²¹*Perrat Ch., Lognon J.* Actes relatifs... P. 79—83. № 79.
- ¹²²Acrop. S. 40.4—7; Ephraim. Coll. 297, lin. 8034—8035; Scout. Σ. 473.4—9; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 104.
- ¹²³*Rapodopoulos-Kerameus A.I.* Περί συνοικισμού... Σ. 454—455; О Янине подробнее: *Hrochová V.* Byzantská města ve 13—15 století. Praha, 1967; ODB. Vol. 2. P. 1006.
- ¹²⁴Acrop. S. 80.18—81.13; Scout. Σ. 495.21—496.6.
- ¹²⁵*Marmora A.* Della Historia di Corfu descritta da Andrea Marmora Nobile Corciresi. Venetta, 1672. P. 210; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи... С. 405; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 42.
- ¹²⁶*Ducellier A.* La façade maritime... P. 202.
- ¹²⁷*Жаворонков П.И.* Малоазийские города периода Никейской империи // АДСВ. 1990. Вып. 25. С. 55—57.

- ¹²⁸Acrop. S. 75.20—77.22; Ephraim. Coll. 313, lin. 8493—8501; Scout. Σ. 493.8—494.18.
- ¹²⁹Acrop. S. 74.13—75.21; Ephraim. Coll. 312, lin. 8490—8493; Scout. Σ. 492.14—493.7.
- ¹³⁰Actes d'Athos. V. Actes de Chilandar / Publ. par R.P. Louis Petit et V. Korablev // ВВ. 1911. Т. XVII. Приложение. С. 15—17; *Angold M.* Byzantine government in exile... P. 176; *Живојиновић М.* Спартини. Прилог просопографии // ЗРВИ. 1989. Т. 27/28. С. 178—179; *Kyritses D.* The Byzantine Arisrocracy... P. 122.
- ¹³¹Villehard. № 280; Chon. 599.29—40; *Успенский Ф.И.* История Византийской империи... С. 343; *Браунинг Р.* Византийская Фессалоника — уникальный город? // ΓΕΝΝΑΔΙΟΥΣ. Сб. ст. к 75-летию Г.Г. Литаврина / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2001. С. 32—33.
- ¹³²Chron. of Morea [lin. 2820—2823].
- ¹³³Ibid. [lin. 2923—2947].
- ¹³⁴Acrop. S. 38.12—15; Ephraim. Coll. 296, lin. 8019—8022; Scout. Σ. 472.1—7; *Macridis R.* George Acropolites. P. 174. Note 3.
- ¹³⁵*Жаворонков П.И.* Комментарий к «Истории»... С. 203—204; *Tricht van F.* The Byzantino-Latine Principality of Adrianople and the Challenge of Feudalism (1204/6—ca.1227/1228) // DOP. 2015. Vol. 68. P. 16—17.
- ¹³⁶Acrop. S. 40.1—7; Scout. Σ. 473.4—9.
- ¹³⁷Acrop. S. 80.9—15; Ephraim. Coll. 313, lin. 8550; Scout. Σ. 495.15—20.
- ¹³⁸Acrop. S. 80.21—22; Scout. Σ. 495.21—24.
- ¹³⁹Acrop. S. 172.18—19; Scout. Σ. 546.6—7; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 187; *Литаврин Г.Г.* Внешнеполитическая борьба... С. 68.
- ¹⁴⁰*Beck H.G.* Kirche und Klerus... S. 5; *Каждан А.П.* Византийская культура (X—XII вв.)... С. 82—83; *Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 91—93.
- ¹⁴¹*Simon D.* Byzantinische Provinzialjustiz // BZ. 1986. Bd. 79. Ht. 2. S. 316; *Angold M.* Church and Society in Byzantium... P. 224, 243; *Prinzing G.* A quasi-patriarch in the state of Epiros... P. 176; *Angelov D.* Imperial ideology... P. 354.
- ¹⁴²О епископе Арты см.: *Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συνοδικὰ γράμματα... Σ. 23—27. №9. О епископе Левкады см.: *Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 139.1—140.27.
- ¹⁴³*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συνοδικὰ γράμματα... Σ. 8—9. №1.
- ¹⁴⁴Noctes. C. 274.10—14.
- ¹⁴⁵*Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 218—220.

- ¹⁴⁶Chom. S. 59.1—61.49, 69.1—71.65; *Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke...* S. 97.1—99.58; etc.
- ¹⁴⁷Chom. S. 269.85—93; *Nicol D.M. Refugees...* P. 6—7. Note 15.
- ¹⁴⁸Noctes. C. 294.17—22.
- ¹⁴⁹Там же. С. 274.12—13 (“...οὔτε πατριάρχου ὄνομα ἐν τῇ Ἄρτι οὔτε μητροπολίτου θέλει ἀκούεσθαι, αἰεὶ δὲ καιροφυλακεῖ καὶ τὴν αὐτοκεφαλίαν φαντάζεται”).
- ¹⁵⁰*Васильевский В.Г. Epirotica saeculi...* C. 290.8—11.
- ¹⁵¹Там же. С. 289.18—20.
- ¹⁵²Там же. С. 289.22—35.
- ¹⁵³Там же. С. 290.15—23.
- ¹⁵⁴Noctes. C. 287.33—288.3 (“Ο δὲ προεῖπον ἐάν ἐπ’ αὐτῷ εὐδοκίῃ ὁ Κύριος, ἐσεῖται ὁ Ναυπάκτου τοῦ τῆς βασιλείας σου ὀρίσμου, ἦν ἀξιῶσθαι με Κύριος ἐν τῷ κατὰ τὴν Μεγαλόπολιν βασιλικῷ θρόνῳ ἰδεῖν καὶ τὴν ἐνδεχομένην ἀποδοῦναι ταύτῃ προσκύνησις”).
- ¹⁵⁵*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Συμβολὴ εἰς ἱστορίαν...* C. 248.2—13.
- ¹⁵⁶Chom. S. 137.1—139.53; *Laurent V. Regestes...* P. 75. №1265.
- ¹⁵⁷MM. I. P. 87—88; *Laurent V. Regestes...* P. 99—100. №1292.
- ¹⁵⁸MM. I. P. 87—88; *Laurent V. Regestes...* P. 125. №1318.
- ¹⁵⁹MM. IV. P. 354; *Laurent V. Regestes...* P. 131—132. №1328; MM. IV. P. 353—357; *Laurent V. Regestes...* P. 139—141. №1333.
- ¹⁶⁰MM. IV. P. 345—349
- ¹⁶¹*Карнов С.П. История Трапезундской империи.* С. 219.
- ¹⁶²Там же.
- ¹⁶³*Angold M. Byzantine government in exile...* P. 294—296.

Глава IV
Легитимация власти
эпирскими
Дуками

Установление власти Дук над Эпиром и её последующее распространение на другие балканские регионы делает необходимым исследование основ легитимности этого процесса. Становление политической идеологии в Эпирском царстве находилось под влиянием ряда факторов, к которым относятся рассмотренные выше процессы складывания потестарной структуры правящей элиты (в частности, появление системы «уделов»), происходившие в условиях острого противостояния с внешнеполитическими противниками. К этой борьбе относится как сопротивление крестоносцам, так и соперничество с Никейской империей и Болгарским царством за роль центра, объединяющего ромейские земли. Данное обстоятельство наложило отпечаток на формирование государственной идеологии в царстве, правителям которого предстояло не только обосновать своё право управлять определенной территорией, но и показать, что именно они достойны стать преемниками византийских императоров. Все это обусловило высокую значимость вопроса о легитимации власти (т.е. о придании ей законных оснований и признании со стороны общества), который стал одним из ключевых для политической мысли первой половины XIII в. Прежде чем перейти к непосредственному исследованию данного аспекта, отметим положения, составившие фундамент легитимации власти в период правления Комнинов.

Для византийской идеологии XI—XII вв. характерно несколько типов легитимации власти императора, из которых далее речь пойдет о следующих:

- 1) религиозная легитимация, подразумевающая Божественное благословление власти правителя. Государь выступал как помазанник Божий,

владыка христиан, его власть происходила от Всевышнего¹. Император олицетворял собой силу и могущество, воплощал христианское смирение, подчеркивая свою смертность². Сакральной считалась именно власть императора, а не его фигура³.

- 2) Династическая легитимация, основанная на преемственности власти представителей одного рода. Этот принцип был связан с тем, что в период правления Комнинов административная, гражданская и военная власть были сосредоточены в руках представителей одного семейства⁴.
- 3) Обладание Константинополем как центром ойкумены и символом императорской власти. Этот город обладал не только функциями административной столицы государства, но также носил статус «царствующего» (“ἡ Βασιλεύουσα”) Нового Рима⁵. Именно в центре ойкумены совершалась коронация императора, символизирующая Божественное благословление его власти. Однако после образования Латинской Романии столица империи вплоть до 1261 г. оставалась вне власти лидеров новых греческих центров.
- 4) Законность власти, основанная на военном успехе. Императоры из династии Комнинов часто изображены в современных им источниках как военачальники, возглавляющие войско и разделяющие с ним трудности походов. Качествами императора стали военная доблесть и мужество⁶.
- 5) Гражданская законность власти, подразумевающая роль императора как законодателя и благодетеля государства. Данный принцип подчеркивался при

помощи указаний на такие качества правителя как мудрость, справедливость, благоразумие⁷.

Безусловно, на рубеже XII—XIII вв. указанные принципы претерпели некоторые изменения, обусловленные политическим кризисом.

К XIII в. Византийская империя рассматривалась современниками как поместье, а василевс стал, согласно их представлениям, «первым среди равных», предводителем слоя высшей аристократии⁸. Падение Константинополя в 1204 г. и образование Латинской Романии способствовали дальнейшему развитию данных представлений. Наступил кризис идеи универсалистской монархии, происходила постепенная десакрализация фигуры императора⁹. Катастрофа 1204 г. хотя и ослабила, но не уничтожила идею универсальной монархии, к которой обратились Дуки, Ласкарисы и Великие Комнины при создании своих государств¹⁰. Однако в случае провала попыток объединить земли ромеев, правители новых греческих государств создавали под своей властью местные «мини-монархии» (по выражению С.П. Карпова)¹¹, подразумевавшие сочетание в идеологии универсалистской идеи и региональных традиций¹².

Безусловно, указанные процессы делают необходимой корректировку задач по изучению легитимации власти правителей, возглавлявших новые греческие государства. Наиболее существенным, на наш взгляд, является исследование того, как обосновывалась власть правителя перед местным сообществом, обладавшим традициями, сложившимися еще до 1204 г. Соответственно, «инкорпорирование» перечисленных выше принципов в традиции сообщества составляло основу легитимации власти новых правителей и являлось

источником появления различий между тремя греческими государствами в области идеологии. Безусловно, нельзя говорить о полной оторванности провинциальной элиты от традиций византийской политической теории. Речь идет именно о том, что данные традиции сочетались с представлениями элиты об организации жизни местного сообщества, что приводило к появлению определенных «требований» к правителям той или иной территории после 1204 г.

Исходя из этого, дальнейшие задачи по изучению легитимации власти эпирских Дук можно сформулировать следующим образом: 1) выяснить, в какой форме происходило обращение эпирских правителей к указанным выше принципам легитимации. Для этого нами выбрано несколько аспектов, наиболее актуальных в условиях первой половины XIII в.: титулатура, родовая и территориальная принадлежности, иконография; 2) установить, как перечисленные аспекты были восприняты в среде остальных представителей политической элиты (высшего духовенства и аристократии), каким образом они санкционировали власть правителя, на какие идеи при этом опирались; 3) выяснить, какой была самоидентификация названных представителей политической элиты.

§ 1. Титулатура правителей

В течение длительного периода в историографии считалось, что первые правители нового государства Михаил I и Феодор I обладали титулом деспота. Это позволяло исследователям говорить об области их правления как об «Эпирском деспотате»¹³. Данная

точка зрения была основана на сведениях Морейской хроники, искаженно передавшей информацию об эпирских правителях. Одним из первых возразил против данного утверждения Л. Стьернон, указавший, что ни в официальных документах, ни в письмах, относящихся к правлению Михаила I, эпирский правитель не именуется деспотом¹⁴. Эта точка зрения была позднее развита в монографии Б. Ферьянчича, который наглядно продемонстрировал: ни Михаил I Дука, ни его брат и преемник Феодор I Дука не обладали титулом деспота¹⁵. Высказанное исследователями мнение утвердилось в историографии¹⁶.

Обратимся к изучению титулатуры эпирских правителей, сведения о которых содержатся, в первую очередь, в актовом материале (аутентичных копиях грамот, находящихся в составе кодексов XIV—XV вв.). Титулатура правителей не всегда полностью приводилась в копиях грамот, поэтому основным условием их изучение является корреляция сообщений со сведениями других источников: исторических сочинений, хроник, сфрагистического и нумизматического материалов.

В трех грамотах Михаила I титул правителя не указан. В первой из них, пожалованной купцам Рагузы 1206 г., государь для обозначения своей власти воспользовался формулой “ἡ ἐφ’ ἡμᾶς ἐλικρατεία” («наша власть»)¹⁷, подконтрольная территория обозначена им как “ἡ χώρα μου” («моя страна/область»)¹⁸, “ἡ χώρα ἡμῶν”¹⁹, “ἡ ἡμέτερα χώρα”²⁰ (в обоих случаях — «наша страна/область»). В грамоте Михаила I, скрепляющей договор с венецианцами 1210 г., подвластная территория указана как «земли <...> которыми я буду владеть» (“*terras <...> quas ego tenebam*”) и составляют пространство от Диррахия на севере до Навпакта на юге²¹.

Практически во всех хрониках и исторических сочинениях Михаил I упомянут без титула²². Исключение составляет сочинение Альберика, в котором сообщается, что он принял титул дуки (в понимании хрониста — герцога)²³.

Аналогичная ситуация характерна для большей части периода правления Феодора I, который в 1215—1224 гг. не использовал какой-либо титул, что отражено в его письме к Иоанну Апокавку²⁴. В хрисовулах, пожалованных в 1228 г. духовенству митрополий Керкиры и Навпакта, Феодор I употребляет титул «император и самодержец» (“ὁ βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ”)²⁵ и «моя царственность» (“ἡ βασιλεία μου”)²⁶, а также полный титул византийских императоров «во Христе Боге верный император и самодержец ромеев» (“ἐν Χριστῷ τῷ θεῷ πιστὸς βασιλεὺς καὶ αὐτοκράτωρ Ῥωμαίων”)²⁷.

В трудах Георгия Акрополита, Ефрема и Скутариота подробно сообщается о коронации Феодора I. К этому следует добавить сведения Акрополита, что после коронации правитель желал, чтобы население областей, находившихся под его властью, признавало его императорский титул²⁸.

В латинских хрониках Феодор I упоминается до 1224 г. как правитель Диррахия (“dux Dyrrachii”)²⁹. В сочинении Альберика Феодор I появляется после 1224 г. как король Фессалоники (“rex Thessalonice”)³⁰, а к 1230 г. — снова как правитель Диррахия³¹.

Мануил Дука, как и Феодор, не сразу принял императорский титул, довольствуясь в первые годы своего правления, в 1230—1234 гг., достоинством деспота, пожалованным ему братом в 1227 г. Об этом свидетельствуют письма Вселенского патриарха Германа II, адресованные Мануилу и экзарху Христофо-

ру³². В 1234 г. Мануил использовал в хрисовуле, пожалованном рагузийцам, эпитет «моя царственность» (“ἡ βασιλεία μου”)³³, являющийся частью императорского титула. Существовали (но не дошли до нас) и другие грамоты, изданные от имени Мануила как императора, о чем свидетельствуют сообщения Акрополита, Ефрема и Скутариота, согласно которым эпирский правитель заверял такие документы красными чернилами³⁴.

Грамоты, подписанные Иоанном и Димитрием Дуками, не сохранились. Согласно сведениям Георгия Акрополита, Ефрема и Феодора Скутариота, рассмотренным выше, известно, что Иоанн Дука первоначально обладал титулом императора. Однако после пленения его отца Феодора I Иоанн признал верховную власть Иоанна III Дуки Ватаца и получил титул деспота. Также титул деспота был пожалован никейским императором Димитрию Дуке, принявшему власть над Фессалоникой после смерти брата.

Михаил II Дука не обладал первоначально каким-либо титулом. В грамоте керкирскому духовенству, подписанной им в 1236 г., эпирский правитель упоминается без титула. В орисмосе купцам Рагузы от октября 1237 г. подвластная ему территория определена как «наша область/страна» (“ἡ ἡμέτερα χώρα”)³⁵. Также не указан титул в распоряжении Фридриха II относительно послов Михаила II, прибывших в 1237 г. для заключения договора с германским императором³⁶. В двух хрисовулах Михаила II, пожалованных духовенству и аристократам о. Корфу 4 января и 4 февраля 1246 г., имеется эпитет «деспот»³⁷ (“ὁ δεσπότης”), который являлся частью традиционной титулатуры василевсов³⁸ и деспотов³⁹. При этом в на-

шем случае речь идет скорее о первом варианте, т.к. несколько позднее в хрисовуле, пожалованном Константину Малиасину в мае того же года, Михаил II упоминается с другим «императорским» эпитетом — «моя царственность» (“ἡ βασιλεία μου”)⁴⁰.

Согласно рассмотренным выше сведениям Акрополита и Григоры, уже в 1248 г. Михаил II (и его сын Никифор) приняли титул деспота от Иоанна III Дуки Ватаца. Более низкое по сравнению с никейским императором положение Михаила II зафиксировано также в письме к нему Фридриха II Гогенштауфена, датированном 1250 г. К эпирскому правителю не обращено никакого титула, подвластная область названа в письме «твоя область/страна» (“ἡ χώρα σου”)⁴¹, хотя титулы германского императора и никейского правителя приведены⁴². Вероятно, это связано с тем, что Фридрих II, заключив до этого союз с Иоанном III Дукой Ватацем, признавал василевсом именно никейского правителя¹⁵. В послании Никифора Влеммида к Михаилу II, датированном временем 1254—1258 гг., эпирский правитель назван деспотом (в заглавии и в конце письма)⁴⁴.

В 1259 г. Михаил II воспользовался кризисом, наступившим в Никейской империи после смерти Феодора II Ласкариса, и инициировал военный поход, желая быть коронованным в Константинополе. По словам Георгия Пахимера: «Михаил <...> принял решение <...>, собрав наибольшее количество войска и выступив к Константинополю, осадить [его], и попытаться захватить, и быть провозглашенным таким образом императором ромеев»⁴⁵.

Сведения Пахимера позволяют, на наш взгляд, уточнить мнение, высказанное Г. Принцингом о том, что Михаил II использовал титул не регулярно. Об-

ладание титулом зависело от политической ситуации. Первоначально Михаил II, являясь правителем «удела», не претендовал на верховную власть в царстве. В это время титулом императора обладал его дядя Мануил Дука, а позднее — двоюродный брат Иоанн Дука. К середине 1240-х гг. под власть Михаила II перешли владения Константина Дуки, а также часть южной Македонии. Данный успех в условиях кризиса власти Дук, правивших в Фессалонике (Иоанн Дука и его брат Димитрий в это время признали никейских императоров), позволил Михаилу II принять титул императора и, соответственно, верховную власть в царстве. Однако усиливающееся влияние Никейского государства не позволило новому императору долго обладать данным титулом, вопрос о котором снова был поднят, когда сложились выгодные условия.

Схожая с рассмотренной выше титулатура, представлена на печатях и монетах эфирских Дук.

На печатях Михаила I Дуки титул не указан⁴⁶. Печать Иоанна Дуки содержит на лицевой стороне краткую легенду с указанием имени правителя: «Иоанн деспот»⁴⁷. Эпитет «деспот», являвшийся частью императорского титула, использован также на печати Михаила II⁴⁸.

Данный эпитет — характерная черта печатей византийских императоров. Он представлен на печатях Иоанна Комнина⁴⁹, Мануила I Комнина⁵⁰, Исаака II Ангела⁵¹. Аналогичная черта свойственна печатям никейского императора Иоанна III Дуки Ватаца⁵².

Аналогичная ситуация наблюдается для эфирских монет. Монеты Михаила I не несут указаний на его титул. На монетах Феодора I, Мануила I, Иоанна и Михаила II Дук используются эпитеты «деспот»⁵³,

характерные также для монет Мануила I Комнина⁵⁴, Исаака II Ангела⁵⁵, Алексея III Ангела⁵⁶. Кроме того, на монетах Мануила Дуки употребляется эпитет «порфиrogenнит»⁵⁷ (“ὁ πορφυρογέννητος”), применявшийся к Мануилу I Комнину⁵⁸.

На монетах Феодора I, на печатях и монетах Иоанна Дуки имеется легенда «во Христе Боге верный император и самодержец ромеев»⁵⁹. Данная формула не наблюдалась ранее в сфрагистическом и нумизматическом материалах. Некоторое сходство легенды можно найти с надписью на печати Алексея II (1180—1183), сына Мануила Комнина, который упомянут как император и порфиrogenнит⁶⁰. Однако сходство в данном случае заключается только в использовании титула «император».

Как уже было отмечено, рассматриваемая формула являлась традиционной для подписей к грамотам византийских императоров, и употреблялась в хрисовулах Феодора I Дуки. Причиной её появления на печати могло быть провозглашение сначала Феодора I, а затем Иоанна императорами и стремление отразить это событие в наибольшем количестве материала, представляющем власть правителя⁶¹.

Важным аспектом при изучении рассматриваемой титулатуры является церемония коронации. Наибольшее количество информации содержится в источниках относительно коронации Феодора I, произошедшей в 1227 г. в Фессалонике.

Около 1225 г. Феодор I был провозглашен императором: по сведениям хроники Альберика, эпирский правитель после взятия Фессалоники «из дуки сделал себя королем»⁶². Аналогичные сведения содержатся в житии св. Феодоры: «Феодор <...>, освободив Фес-

салонику от латинской тирании, был провозглашен императором»⁶³. Провозглашение императором сопровождалось его облачением в пурпурную одежду и сандалии красного цвета⁶⁴. Церемония коронации была проведена в 1227 г. Димитрием Хоматианом. Правитель был венчан и помазан миром, источаемым мощами св. Димитрия⁶⁵.

По мнению одних исследователей, миропомазание было новшеством в византийской политической культуре конца XII—начала XIII в. и появилось под влиянием западноевропейской практики⁶⁶. Другие исследователи считают, что этот обряд находился в рамках византийской традиции коронации императора, существовавшей значительно раньше⁶⁷.

Соглашаясь с последним мнением, можно говорить о том, что обряд миропомазания был возрожден в 1195 г. при коронации Алексея III⁶⁸ и проведен также в 1208 г. при коронации Феодора I Ласкариса⁶⁹.

Известно, что эпирский правитель длительное время находился на службе у никейского императора Феодора I Ласкариса и принес ему перед отъездом в Эпир клятву верности⁷⁰. Вероятно, как придворный никейского императора, Феодор Дука находился на церемонии коронации и наблюдал миропомазание правителя. В этом случае можно говорить о том, что обряд, существовавший в Никейской империи, был перенесен в Эпирское царство. Феодор I последовал примеру никейского императора еще и в том, что облачился в инсигнии до коронации⁷¹. Однако никейское влияние было, как представляется, слабым. Эпирские Дуки, являясь конкурентами Ласкарисов, стремились доказать, что именно они являются преемниками василевсов. Поэтому в такой важной об-

ласти как коронация они должны были следовать не никейским образцам, а практике второй половины XII в. (как потомки династии Ангелов). Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что в Эпире, по всей видимости, не использовался обряд поднятия императора на щит, существовавший в Никейской империи, но не применявшийся в Византии XII в.⁷²

Миропомазание императора, безусловно, имело в политических условиях XIII в. особый смысл. Оно отсылало к Алексею III, при котором в 1195 г. был возрожден обряд. Фигура бывшего византийского императора несла как для никейских, так и для эфирских правителей особое значение. Феодор I Ласкарис был женат на дочери Алексея III, что составляло одну из основ легитимности его власти. Это же касается эфирских правителей. Михаил I Дука выкупил Алексея III из плена латинян, чем еще раз подчеркнул родство с бывшим императором. Феодор I указывал в хрисовулах на родство с Алексеем III и подтверждал его распоряжения как своего предшественника. Возможно, миропомазание обладало в этом контексте особым значением для эфирских Дук, которые были представлены таким образом перед политической элитой как наследники Алексея III. Использованию обряда миропомазания в 1195 г. и 1227 г. могла способствовать ориентация Ангелов и эфирских Дук на Священную Римскую империю, где использовался этот обряд⁷³.

Не менее важным значением обладал выбор храма, в котором была проведена церемония. По предположению А. Ставриду-Зафраки, коронация Феодора I прошла в храме св. Софии, основанном в VIII в.⁷⁴ В пользу данной гипотезы говорит то, что именно он

являлся административным ядром митрополии Фессалоники⁷⁵. Храм св. Софии не потерял своего значения в период латинского владычества, став центром католической епархии⁷⁶, и к 1225 г., возможно, представлял собой один их главных средоточий культурной жизни города.

По мнению Ф. Бреденкампа, коронация Феодора I произошла не в этом здании, а в базилике св. Димитрия — более крупном и древнем храме, расположенном рядом с дворцом императора⁷⁷.

Отметим, что выбор храма св. Софии означал воплощение программы «второго Константинополя» (именно в константинопольском соборе св. Софии проводились коронации византийских императоров). Аналогичное значение имел собор св. Софии, возведенный в Трапезунде⁷⁸. Возможный выбор базилики св. Димитрия символизировал тесную связь власти правителя и небесной власти св. Димитрия, что в немалой степени способствовало интеграции местного сообщества в политическую структуру царства. Эта связь была усилена еще и тем, что помазание правителя совершалось миром, источаемым мощами святого.

Следующие после Феодора I правители, по всей видимости, не короновались, а только провозглашались императорами, заимствуя соответствующие символы власти: облачение, подпись красными чернилами и т.д. Так поступили Мануил⁷⁹ и Иоанн Дуки⁸⁰, и, судя по рассмотренному выше материалу, Михаил II Дука.

§ 2. Родовая и территориальная принадлежности

Складывание клана Комнинов усилило принцип династической легитимации государственной идеологии. Этот принцип получил еще большую актуальность после 1204 г., когда происходило становление независимых греческих государств, правители которых боролись между собой за императорский титул.

В рамках изучения вопроса о родовой принадлежности глав эпирского государства рассмотрим два аспекта: использование патронимов и указание на родственные отношения с предшествующим правителем.

Итак, Михаил I носил патронимы Комнин⁸¹, Комнин Дука⁸², Дука⁸³, Комнинодука⁸⁴. Феодор I — родовые имена Комнин Дука⁸⁵, Дука⁸⁶, Комнинодука⁸⁷. Мануил — патроним Дука⁸⁸. Иоанн Дука — патроним Комнин Дука⁸⁹. Димитрий Дука — родовые имена Дука⁹⁰ и Ангелодука⁹¹. Михаил II — патронимы Комнин Дука⁹² и Дука⁹³.

По мнению Л. Стьернона, патроним Дука использовался правителями стабильно, начиная с Михаила I, что говорит о его наследственном характере⁹¹. Напротив, родовое имя Комнинов было, по мнению исследователя, дополнительным⁹⁵. Хотя, согласно суждению большинства ученых, Феодор I Дука чаще пользовался патронимом Комнин⁹⁶.

Хотелось бы отметить, что в одних случаях эпирские правители использовали в грамотах и письмах один патроним, что является традиционным для византийских императоров XII в.⁹⁷ В других же, — в аналогичных источниках правители употребляют два патронима Комнин Дука, что является редкостью для XI—XII вв. Два родовых имени встречаются в надписи,

имеющейся на печати Алексея III Ангела: «Печать севастократора Алексея из рода Комнинов, прозываемого Ангелом» (“Ἀλεξίου σφράγισμα Κομνηνῶν κλάδου/σεβαστοκράτοροῦντος Ἀγγελωνύμου”)⁹⁸. Сходным образом представлены патронимы Алексея Палеолога, объявленного наследником Алексея III. На печати указаны два патронима: Палеолог и Комнин⁹⁹.

Никейские императоры использовали два родовых имени. Указание на это имеются в актах¹⁰⁰, легендах печатей и монет¹⁰¹, а также в надписях на светских сооружениях¹⁰².

В Трапезундской империи правители употребляли эпоним «Великий Комнин», чтобы подчеркнуть старшинство своей ветви¹⁰³. Второе родовое имя, Палеологи, стало прибавляться к эпониму, начиная с правления Алексея II (1297—1330)¹⁰⁴ (после брака с Палеологами).

Несколько иная тенденция наблюдается для патронима Комнинодука, использованного Михаилом I и представляющего собой слияние двух патронимов — Комнин и Дука. Данный патроним не имел хождения у византийских императоров в XII в., но получил распространение в среде родственников и окружения василевса. Так, его использовали Андроник Палеолог, муж Анны Дукены¹⁰⁵, Мануил Камица¹⁰⁶, Георгий Палеолог, внук Георгия Палеолога и Анны Комнины, сестры императрицы Ирины Комнины¹⁰⁷.

Возможно, актуализация патронима Комнинодука эпирскими правителями имело цель представить их в качестве лиц, близких к императору и имеющих возможность стать наследниками престола.

Вариантом указанного патронима можно считать родовое имя Ангелодука, используемое Димитрием

Дукой, что демонстрировало принадлежность правителя к Ангелам и Дукам (и, соответственно, Комнинам). Однако сам патроним Комнин не использован Димитрием, в отличие от его предшественников. На наш взгляд, изменение патронима правителя связано с его отказом от претензий на константинопольский престол (в противоположность его отцу Феодору I, который никогда не употреблял патроним Ангел, но часто пользовался патронимами Дука и Комнин). К этому следует добавить, что основной автор критики эпирских правителей, Георгий Акрополит, применяет в отношении них патроним Ангелы¹⁰⁸, возможно, стремясь таким образом подчеркнуть безосновательность их претензий на титул василевса.

Указания на два патронима появились еще в конце XII в. Укрепление родственных связей между тремя крупными семействами Комнинов, Дук и Ангелов, происходившее в это время, и формирование клановой структуры византийской политической элиты привело к объединению сразу несколько родовых имен. В XIII—XV вв. указание нескольких патронимов стало характерной чертой представителей правящей элиты, отражая её клановую структуру¹⁰⁹.

В изучаемом нами случае использование двух патронимов было необходимо для того, чтобы подчеркнуть важный факт: род Дук находился в составе клана Комнинов, и представители этого рода, эпирские правители, являются членами династии византийских императоров XI—XII вв. Связь между использованием двух патронимов Комнин и Дука с претензиями эпирских правителей может быть подтверждена еще и тем, что в период кризиса царства при Димитрии Дуке к нему был применен патроним Ангелоду-

ка, а область правления ограничена размерами округи Фессалоники.

Отдельно следует остановиться на родовых именах, зафиксированных на эпирских монетах. Такие легенды встречаются на монетах Михаила I («Михаил Дука»¹¹⁰), Феодора I («Феодор Дука»¹¹¹, «Феодор деспот Комнин Дука»¹¹², «Феодор деспот Дука»¹¹³, «Феодор Комнин»¹¹⁴) и Иоанна («Иоанн Комнин Дука»¹¹⁵).

Данные легенды отличаются от большинства надписей на монетах XII в., в которых обозначалось имя императора и указывался эпитет «деспот»¹¹⁶. Ссылки на родовое имя, напротив, встречались редко. Такие надписи известны на монетах Алексея III («Алексей деспот Комнин»¹¹⁷). Указание на родовое имя, по всей видимости, было обусловлено стремлением императора подчеркнуть своё происхождение из династии Комнинов и обосновать легитимность своей власти¹¹⁸. Возможно, она получила своё начало еще в правление Мануила Комнина, который обозначен как «Мануил деспот порфиrogenнит»¹¹⁹. Эта особенность повлияла, насколько можно судить, на традицию чеканки монет в Фессалонике, где к изображению правителя создавались легенды, отражающие одно или два его родовых имени; данный факт говорит о развитии рассматриваемого приема на западе Балканского полуострова.

Далее рассмотрим другой аспект вопроса о родовой принадлежности Дук — указания на родственные отношения с предшествующими правителями. В основном речь идет о византийских императорах XI—XII вв., севастократоре Иоанне Дуке, а также об эпирских правителях. Эти упоминания не были регу-

лярными: в частности, они отсутствуют в грамотах, принадлежащих Мануилу и Михаилу II.

В качестве предшественника правителя в грамоте Михаила I, пожалованной рагузийцам, упоминается «отец мой Комнин», чей аргировул подтверждает эпирский правитель (“ὁ πατήρ μου ὁ Κομνηνός”)¹²⁰, т.е. севастократор Иоанн Дука. Он же фигурирует в грамоте венецианцам 1210 г.: «Михаил Комнин Дука, сын некогда севастократора Иоанна Дуки» (“Michael Comnenus Doukas filius quondam Sebastocratoris Ioannis Ducis”)¹²¹. Более косвенным образом принадлежность Михаила I к императорскому клану указана также в житие св. Стефана Немани: «Ибо появился некто из рода греческого, сын рода царского, именем Михаил»¹²². Еще занимая должность апографевса фемы Милассы и Меланудия, Михаил Дука указывал на то, что является двоюродным братом Исаака II¹²³. Данный факт отражает изменение статуса Михаила I от чиновника, представляющего власть императора.

Феодор I до принятия титула императора в качестве предшественника указывал Иоанна Дуку, что получило отражение в надписи, сделанной на воротах Диррахия: «Сын этот мужа счастливого Иоанна севастократора, порфироцветного, / Феодор Дука Комнин, величайший в сражениях...»¹²⁴. В хрисовулах, подписанных Феодором I после 1227 г., в качестве предшественников правителей упомянуты: Алексей I Комнин (назван прадедом Феодора I (“ὁ προπάππος τῆς βασιλείας μου”)¹²⁵), Мануил Комнин (назван дядей эпирского правителя (“ὁ θεῖος τῆς βασιλείας μου”)¹²⁶), Исаак II и Алексей III Ангелы (названы двоюродными братьями Феодора I (“οἱ πρωτεξαδέλφοι τῆς βασιλείας μου”)¹²⁷).

Схожие с рассматриваемыми упоминания содержат грамоты Михаила II, который в орисмосе 1236 г. в качестве своих предшественников указал Михаила I («отец наш», “*pater noster*”)¹²⁸ и Мануила Дуку («деспот и дядя», “*despot et patruus*”)¹²⁹. При этом встречающийся в документе Исаак II Ангел назван императором без указаний на родственные отношения¹³⁰. Схожая ситуация характерна для грамоты Михаила II от 4 января 1246 г., в которой подтверждаются привилегии духовенства Керкиры, пожалованные Мануилом I (назван порфиrogenнитом и предком)¹³¹ и Мануилом Дукой («деспот и дядя», “*despot et patruus*”)¹³².

Упоминания о родственных отношениях с предшествующими императорами, встречающиеся в актах, являлись частью византийской идеологии XI—XII вв., согласно которой подчеркивалось происхождение императора¹³³. В эфирских документах указывается на родственные отношения правителя и Алексея I Комнина, Мануила I Комнина, Исаака II и Алексея III Ангелов. Данные отсылки представляли собой существенный аргумент в легитимации власти. Как представляется, именно указание на родственную связь, в первую очередь, должно было говорить об эфирских правителях как наследниках прежних императоров. Следующий шаг — подтверждение правителями Эпира привилегий, предоставленных их предшественниками.

Упоминания о родственных отношениях с предшествующими правителями зависели, как и титулатура, от политической ситуации. Становление власти Михаила I, сопровождаемое его позиционированием в качестве местного правителя, не подразумевало об-

ращение к родственным отношениям с предшествующими императорами. Тем более что Михаил I был незаконнорожденным сыном Иоанна Дуки. Поэтому Михаил указывал на отношения только со своим отцом. Однако этим причины указаний на происхождение от Иоанна Дуки не исчерпываются. Схожим образом представлена генеалогия Иоанна III Дуки Ватаца в надписи, сделанной на воротах Никеи. В источнике сказано, что император приходится сыном Василию Ватацу, мужу двоюродной сестры Исаака II Ангела. Как представляется, указание на ближайших родственников, не занимавших трон, но относившихся к окружению предшествующих василевсов, стало следствием династического кризиса, наступившего в конце XII в., выразившегося в прерывании прямой царствующей линии Комнинов. Данное обстоятельство послужило причиной того, что представители высшей аристократии стремились подчеркнуть своё родовое происхождение, представить себя потомками отдельного рода, связанного с династией Комнинов родственными узами¹³⁴.

Эту политику принял первоначально Феодор I Дука, который до 1224 г. также указывал на своё происхождение от севастократора Иоанна Дуки. Несколько по-иному развивалась ситуация в случае с Михаилом II. Эпирский правитель не обратился к родственным связям с императорами XII в., указав только на отношения с ближайшими родственниками. Вероятно, он счел наследование власти Михаила I и Мануила Дук достаточным основанием для легитимации собственной власти.

Впрочем, эпирские Дуки стремились не только указать на своих предшественников, но и упомянуть

при заключении договоров наследников. Так, в грамоте 1208 г. говорится о том, что договор заключили с согласия Михаила I и его преемников¹³⁵, а также он будет исполнен сыном эфирского правителя: «И после смерти моей, сын мой Константин обязан равным образом во всем исполнять договор, заботясь о тех [его] пунктах, которые должны быть соблюдены»¹³⁶.

Это говорит о том, что эфирские Дуки стремились представить свой род как отдельную ветвь клана Комнинов, обладающую, помимо прочего, легитимной властью над западными областями Балканского полуострова.

Рассматриваемые упоминания встречаются в документах Никейской империи. Так, подтверждая в 1251 г. хрисовулом привилегии монастыря Богоматери Лемвиотиссы, Иоанн III Дука Ватац указал своих предшественников, отца и деда, грамоты которых он подтвердил¹³⁷. Великие Комнины акцентировали внимание на родственных отношениях с Андроником I³⁸ и, вместе с тем, подчеркивали преемственность правителей внутри своего семейства¹³⁹.

Еще одним важным аспектом являлась территориальная принадлежность эфирских правителей. Речь идет о родовом владении Дук — области Эпира, принцип наследования которого был сохранен на протяжении конца XII—второй половины XIII в. По словам Никифора Григоры, эфирские Дуки, как и Великие Комнины, передавали свои владения потомкам как «отцовское наследство» (“ὁ πατρῶος κληῖρος”)¹⁴⁰. Согласно житию св. Феодоры Петралифины, Михаил II принял (т.е. наследовал) власть отца (“τὴν πατρικὴν πᾶσαν παραλαβῶν ἀρχὴν”) над Эпиром¹⁴¹.

Однако претензии Михаила I не ограничивались Эпиром и распространялись также на Пелопоннес, которым он управлял, вероятно, до 1204 г. В 1205 г. Михаил I предпринял поход в данную область, как уже отмечалось, однако потерпел поражение от латинян в битве при Кундуре.

Перечисленные основания, согласно которым эфирские правители владели Эпиром и претендовали на Пелопоннес, не были специфическими. Они использовались Михаилом VIII Палеологом в переговорах с послами латинского императора Балдуина II (1228—1261), состоявшихся в конце 1250-х гг. Послы стремились заключить мирное соглашение с Михаилом VIII и выдвинули ряд претензий на подконтрольные ему территории: Серры, Фессалоники, Волерон и другие. На это император ответил отказом, представив перечисленные области как места, связанные с его биографией: в Фессалонике правил отец Михаила, Андроник Палеолог, занимавший должность великого доместика, в Серрах Михаил был наместником, в области Волерона император часто охотился¹⁴². Сходным образом Михаил VIII обосновал своё право на земли Ахейского принца, княжество которого принадлежало императору по наследству¹⁴³.

Следует отметить, что преемники Михаила I поддерживали претензии на территорию Пелопоннеса, которые подкреплялись активными отношениями с представителями местной элиты. Так, Феодор I Дука в письме к уже упоминавшемуся магнату Георгию Демонноианну говорил о возможных планах относительно освобождения этой области¹⁴⁴. В договоре Феодора I с Наржо де Туси упоминаются «греки из Пелопоннеса»

(“Greci de peloponniso”), которые могут, если пожелают, присоединиться к соглашению¹⁴⁵. Вполне возможно, что речь идет о сторонниках эпирского правителя на полуострове, пользовавшихся определенной автономией при Жоффруа II де Виллардуэне. По мнению некоторых исследователей, это элита Монемавасии, признавшая власть Феодора I¹⁴⁶, однако данный вывод требует дополнительных подтверждений.

После подписания договора в конце 1230-х гг. Дуки заключили коллективные соглашения с латинянами Пелопоннеса¹⁴⁷. Эта область стала убежищем для представителей династии Дук, проигравших в борьбе за власть. Так, Мануил, согласно хронике Альбериха, бежал из Фессалоники в 1237 г. к Жоффруа II де Виллардуэну, став «его человеком» (“*homo illius*”)¹⁴⁸. Здесь же укрылась жена Михаила I, Мелисина, бежавшая вместе с ребенком, будущим правителем Михаилом II.

В 1246 г. Михаил II совершил поход на полуостров, но потерпел поражение от Жоффруа II де Виллардуэна¹⁴⁹.

Далее обратимся к еще одному аспекту легитимации власти правителя — обладанию столицей империи, Константинополем. Это обстоятельство обусловило появление в греческих государствах «вторых Константинополей», что означало получение столичного статуса провинциальным городом, являющимся центром государства. Такими столицами стали Трапезунд¹⁵⁰ и Никея¹⁵¹. Становление новых столиц было связано с активной строительной деятельностью: по распоряжению правителей возводились дворцы, восстанавливались церкви, отстраивались крепостные стены и т.д.

В Эпирском царстве рассматриваемая практика не сразу получила распространение. Первоначально столицей государства была Арта, город, расположенный в Южном Эпире, на р. Арахте¹⁵² и являвшийся центром владений Дук на западе Балкан: Иоанн Дука, отец Михаила I, именуется в грамоте сына как правитель Арты¹⁵³. Здесь, как уже было отмечено, находился монетный двор эпирских правителей. В период правления Михаила I Арта сохранила свой статус, однако активная политика эпирского правителя по присоединению новых земель требовала нового центра, расположенного ближе к границам царства.

Особое значение в период правления Михаила I приобрела Янина, расположенная в северном Эпире¹⁵¹. Город был укреплен по распоряжению правителя, в нем расселились беженцы, переехавшие в Эпир после 1204 г.¹⁵⁵. После поражения в битве при Пелагонии никейские войска вторглись на территорию Эпира и осадили город, однако взять его им не удалось. В Морейской хронике говорится, что центром города являлась крепость на острове, расположенном на Великом озере и соединявшимся с городом при помощи моста. В случае осады, жители укрывались там, перевозя все необходимое для обороны. Из-за занимаемого положения взять крепость было крайне трудно¹⁵⁶.

Значение, которым обладала Янина в новом государстве, не совсем ясно. Данный аспект возможно раскрыть, учитывая наличие в городе отряда гвардии, собранного из варягов и возглавляемого Феодором Диаватином¹⁵⁷. Такой же отряд охранял дворец и финансы никейских императоров в Магнезии¹⁵⁸. По аналогии с Магнезией можно предположить, что Янина выступала в качестве своего рода резиденции правителя.

Другим центром Эпирского царства стал Диррахий — крупный торговый город, расположенный в северном Эпире на побережье Адриатического моря. Диррахий соединялся с Константинополем при помощи древней Эгнатиевой дороги (“Via Egnatia”)¹⁵⁹. Он был присоединен к царству в 1214 г. Михаилом I и стал центром его дальнейшего наступления на Сербию. Город сохранил своё значение в начальный период правления Феодора I. Об этом говорит то, что правитель упомянут в западноевропейских источниках в 1217—1224 гг. как дука Диррахия и окружающей области¹⁶⁰.

Позднее внешняя политика Феодора I изменила своё направление: эпирский правитель активно присоединял территории, лежащие к востоку и северо-востоку от Эпира. В этих условиях новым центром стала Фессалоника, второй по величине византийский город после столицы Византийской империи, который был освобожден от латинян осенью 1224 г. Опираясь на этот центр, Феодор I подчинил земли Фракии и дошел до Визы, города, расположенного рядом с византийской столицей¹⁶¹. Однако и остальные города сохранили своё значение. Так, в Арте после 1224 г. продолжалась чеканка монет. Расположенная в нем церковь Успения Богоматери, являвшаяся главным храмом Влахернского монастыря, была перестроена в базилику и стала усыпальницей Дук. Это придавало сходство Арте с Константинополем, в котором Влахернская церковь обладала большим значением для легитимации власти императоров¹⁶².

В период существования системы «уделов» можно говорить о нескольких центрах царства: Фессалонике, Навпакте и Арте. После того, как во главе

государства стал единоличный правитель Михаил II Дука столицей снова стала Арта, что сопровождалось активным строительством. Около 1238 г. была возведена церковь Панагии Вриони, а в 1231—1271 гг. построена церковь Като Панагия¹⁶³.

Таким образом, в Эпирском царстве происходило разделение функций столицы между крупными городами. Схожая ситуация существовала в Никейской империи, где Никея являлась столицей государства, в Нимфее находилась императорская резиденция, в Магнезии располагались императорский дворец и государственная казна¹⁶⁴.

§ 3. Иконография эпирских Дук и их небесных покровителей

Определив важнейшие составляющие облика правителя — титулатуру, родовую и территориальную принадлежности, рассмотрим далее, как происходила репрезентация этого облика в иконографии.

Речь идет об императорском портрете, который занимал одно из центральных мест в почитании василевса. Портрет был призван охарактеризовать власть императора, и составлялся согласно строгой регламентации¹⁶⁵. Требовалось, чтобы император был изображен в царской одежде, вместе с инсигниями, с беспристрастным выражением лица, предписанным церемониалом¹⁶⁶.

Можно говорить о двух видах портрета: 1) отдельное изображение императора в полный рост или по пояс вместе с атрибутами власти в одной из символических поз, требуемых церемониалом; 2) композиции,

фиксирующие выразительный жест императора, символизирующие его отношения с Богом и подданными¹⁶⁷.

Безусловно, главной деталью портретов являлись инсигнии — предметы, призванные представлять власть императора. Существуют три группы инсигний: 1) собственно инсигнии (торжественное церемониальное одеяние императора, включая корону, костюм, обувь и императорский жезл); 2) инсигниисимволы (крест, акакия¹⁶⁸, платок, свеча, меч); 3) атрибуты власти (трон, щит, знамя и т.д.)¹⁶⁹.

Перечисленные принципы в полной мере касались иконографии василевса на печатях и монетах¹⁷⁰.

В императорском портрете, представленном на этих источниках, можно выделить три вида одеяния: светское (главным элементом которого являлась хламида), консульское (в основе которого находился лор) и военное (состоявшее из короткой туники, панциря и плаща)¹⁷¹. Хламида представляла собой широкую одежду, края которой были богато украшены камнями или расшиты. Лор первоначально представлял собой длинную полосу ткани, окутывавшую тело полностью, начиная с правого плеча. Свободный конец лора перебрасывался через левую руку. Позднее это облачение из-за увеличения числа украшений и, соответственно, веса и толщины стало разделяться на три части: вертикальную полосу, пояс и оплечье (маниакий)¹⁷². В руках император держал: жезл, лабарум (императорский штандарт), державу или акакию. Императорская диадема, как правило, украшалась подвесками; крест или шар могли присутствовать на её вершине¹⁷³.

Портрет обладал особым значением для политики византийских императоров как средство пропаганды государственной идеологии, главным образом, идеи

величия власти василевса, её Божественного происхождения.

В XI—XII вв. наибольшее распространение портреты императора получили в период правления Мануила Комнина. Изображения василевса (как охотника или воина в групповых портретах правящей династии или отдельно вместе со святыми) помещались на улицах городов и в частных домах, что являлось частью государственной «пропаганды»¹⁷⁴. Портреты XII в. отличались от аналогичных произведений X—XI вв. тем, что при их создании учитывались индивидуальные черты василевса¹⁷⁵.

Чтобы выяснить, как проходила презентация образа эфирского правителя при помощи его портретов, изображенных на печатях и монетах, необходимо, на наш взгляд, решить следующие задачи: 1) установить, насколько часто и точно были использованы портреты императоров XII в. как образцы для создания рассматриваемых изображений; 2) выяснить, какие элементы иконографии, не использовавшиеся долгое время, снова появились в исследуемых источниках, и какова причина их возрождения; 3) определить религиозную составляющую легитимации власти Дук.

Всего было рассмотрено 60 типов, на которые делятся портреты эфирских правителей. Из них 5 типов представлены на печатях царства, 55 — на монетах. Изучение иконографии, зафиксированной на печатях и монетах, следует провести раздельно, т.к. речь идет о двух самостоятельных способах репрезентации власти. Печати — это индивидуальный знак правителя, в то время как монета зависит от традиции чеканки.

Итак, из пяти портретов, представленных на печатях, 4 относятся к одиночным, один — к изображениям правителя и его небесного покровителя. Облечения правителей на одиночных портретах, в целом, сходны и состоят из стеммы, туники, оплечья (маниакия) и лора, украшенного узором в виде паннелей и относящегося к упрощенному типу¹⁷⁶. Только в одном случае (портрет Михаила I) на изображении отсутствует оплечье. Более разнообразны символы власти, которые держат в руках правители. Это пары: 1) жезл, завершающийся лабарумом, и держава; 2) лабарум на длинном древке и держава; 3) жезл, завершающийся крестом, и акакия¹⁷⁷.

В большинстве случаев можно отметить аналогичные черты портретов эфирских правителей и портретов Алексея III. Так, изображение Михаила I¹⁷⁸ сходно с изображением Алексея III, отчеканенным на его монете¹⁷⁹, с тем отличием, что император облачен в оплечье. Портреты Иоанна Дуки и Михаила II¹⁸⁰ сходны с изображением св. Константина, выгравированным на печати Алексея III¹⁸¹, что связано с уже упоминавшимся значением фигуры императора для становления власти Михаила I. Среди рассматриваемых изображений встречаются портреты (например, Мануила Дуки), которые были широко распространены в XI—XII вв.¹⁸²

Далее рассмотрим композиции, фиксирующие выразительный жест правителя, символизирующий его отношения с Богом и подданными. Речь идет об одном изображении, представленном на печати Иоанна Дуки. На нем правитель стоит в полный рост вместе со св. Димитрием на фоне крепостных стен Фессалоники. Святой положил руку на плечо правителя в

знак покровительства, который облачен в те же одежды, что и на одиночном портрете¹⁸³.

Рассматриваемое изображение не находит аналогов в византийской сфрагистической и нумизматической иконографии. Относительно схожая композиция представлена на печати Алексея I Великого Комнина, который изображен ведомым за руку св. Георгием в Трапезунд¹⁸⁴. Однако более близкое сходство рассматриваемая печать обнаруживает с изображением в базилике в Фессалонике, которое датируется VI в. На мозаике святой изображен вместе с ктиторами, одному из которых он положил руку на плечо¹⁸⁵, что позволяет связать изображение на печати также с местными источниками.

Рассмотрим далее портреты правителей, представленные на монетах царства. Известно 55 портретов правителя, как одиночных, так и в композиции с небесным патроном. Данные портреты можно разделить на несколько групп. Следует отметить, что сопоставление рассматриваемых изображений с портретами императоров (кроме специально отмеченных случаев) делалось только для монет, отчеканенных во второй половине XII в., т.к. именно они еще имели хождение в Византии в 1205—1261 гг.

Первую из них составляют портреты, полностью повторяющие изображения византийских императоров Мануила I Комнина¹⁸⁶ и Исаака II¹⁸⁷. К ним можно также добавить портреты, воспроизводящие изображения Исаака Кипрского, представленные на монетах Михаила I и Феодора I Дук. В свою очередь портреты Исаака были основаны на изображениях Мануила I Комнина¹⁸⁸.

Во вторую группу входят портреты, имеющие в своей основе изображения предшествующих импера-

торов, Комнинов и Ангелов, и отличающиеся сочетаниями традиционных предметов костюма и символов власти. Такие изменения являются устоявшимися для портретов византийских императоров XII в. В своей основе рассматриваемые изображения имеют портреты Иоанна II¹⁸⁹, Мануила I¹⁹⁰, Андроника I Комнина¹⁹¹, Исаака II¹⁹² и Алексея III¹⁹³.

Третью группу составляют портреты, созданные на основе изображений XII в. (портретов Иоанна II¹⁹⁴, Мануила I¹⁹⁵, Андроника I¹⁹⁶, Исаака II¹⁹⁷ и Алексея III¹⁹⁸), однако содержащие элементы, предположительно, германской иконографии.

Четвертая группа — это портреты правителей, держащих в руках модель города. Данные портреты появляются на монетах Феодора I¹⁹⁹ и получают распространение на монетах Мануила²⁰⁰ и Иоанна²⁰¹. Изображения модели города не встречаются в иконографии императоров, имеющейся на монетах XII в.²⁰² Однако они распространены в других изобразительных источниках, представляющих василевса. В частности, такой портрет сделан в храме св. Софии²⁰³. Кроме того, известны фрески, на которых изображен св. Константин, передающий модель города Богоматери²⁰⁴. Похожие изображения встречаются на печатях духовенства св. Софии в Константинополе, датируемых временем XI—XII вв. На них представлено изображение Богоматери, передающей модель храма императору Юстиниану²⁰⁵. Вполне возможно, что данный тип изображения послужил основой для создания рассматриваемого образа.

Пятая группа включает изображения, имеющие в своей основе портреты правителей XI—начала XII в. Основную часть из них составляют портреты, имею-

щие сходство с иконографией Алексея I²⁰⁶. Один из них напоминает изображение Михаила IV (1034—1043)²⁰⁷. Вероятно, выявленные аналогии с портретами эфирских правителей обусловлены тем, что портреты Алексея I и Михаила IV составили основу для изображений императоров XII в.

Портреты, входящие в первые четыре группы, важны для нас тем, что они показывают систему обращений к портретам того или иного императора. Для выявления данной системы была создана таблица, демонстрирующая долю обращений к портрету того или иного василевса XII в. от общего числа портретов отдельного правителя царства²⁰⁸. На основе таблицы построены графики. График № 1 отражает число обращений к имени того или иного императора совокупно за период 1215—1261 гг. Наибольшее число обращений (23 %) выпало на портреты Алексея III, далее следуют портреты Мануила I (20 %) и Исаака II (18 %). Меньшее количество раз в качестве основы использовались портреты Иоанна II (13 %). Минимальное число обращений выпало на портреты Андроника I (3 %)²⁰⁹. Графики №№ 2—5 показывают распределение обращений среди эфирских правителей к портретам одного из трех императоров: Иоанна II, Мануила I, Исаака II и Алексея III. График № 2 демонстрирует, что доля обращений к портретам Иоанна II была невысока и наибольшей при Феодоре I (14 %) и Иоанне (18 %) Дуках. При Мануиле Дуке обращения к портретам Иоанна II сократились (9 %). График № 2 показывает, что наибольшую популярность портреты Мануила I приобрели в правление Феодора I (36 %), однако затем в 1230—1261 гг. доля сократилась и оставалась приблизительно на одном

уровне (14—20 %) ²¹⁰. Обращение к портретам Исаака II было относительно нечастым в период правления Феодора I (7 %), но позднее возрастает (и составляет от 14 до 44 %) ²¹¹. Число обращений к портретам Алексея III является относительно низким в период правления Феодора I, Иоанна Дуки и Михаила II (от 14 до 22%), однако увеличивается в правление Мануила Дуки (45 %) ²¹².

Основываясь на приведенных данных можно говорить о предпочтениях среди эпирских правителей. Так, Феодор I обращался чаще к портретам Мануила I Комнина; Мануил Дука — к портретам Алексея III; Михаил II — к портретам Исаака II. Это продиктовано, возможно, политическими мотивами: именно родство с указанными императорами составляло основу легитимной власти Дук, что было прослежено нами при изучении актового материала.

Обращение Михаила II к портретам Исаака II могло быть связано с использованием византийским императором образа архангела Михаила как небесного покровителя, являвшегося также личным покровителем Дуки.

Как видно, названные предпочтения эпирских правителей не совпадали друг с другом, и причина тому — стремление к обновлению портрета при смене власти. Правда, это не исключало полное копирование изображения предшествующего правителя: так, Иоанн Дука копировал портреты Феодора I и Мануила Дук, а Мануил Дука повторял портреты Феодора I ²¹³. Перед нами проявление отмеченной выше преемственности внутри династии Дук.

Переходя к изучению вопроса о появлении на портретах возможных элементов германской иконо-

графии, следует, прежде всего, распределить элементы по группам.

Первую группу составляют изображения отдельных деталей города (башен, мостов, стен). Данные элементы появились на монетах Иоанна Дуки²¹⁴ и были представлены позднее на монете Михаила II²¹⁵.

Схожие изображения городской архитектуры встречаются на монетах Священной Римской империи²¹⁶.

Появление правителя на фоне его архитектурных сооружений могло означать, что Дука являлся представителем и защитником местного сообщества. Речь, таким образом, идет о символическом выражении рассмотренной нами выше консолидации местной элиты вокруг правителя «удела». Именно к «удельному» периоду относится наибольшее число типов портретов, созданных при правителях Фессалоники (прежде всего, портреты Иоанна Дуки), в которых фигурирует образ города. Несколько другой образ представлен на печати Иоанна Дуки, на которой правитель изображен вместе со св. Димитрием на фоне городских стен. В этом случае образ св. Димитрия, держащего руку на плече императора, демонстрирует покровительство Фессалонике и ее правителю.

Ко второй группе относятся изображения западноевропейского штандарта, встречающиеся на монетах Иоанна Дуки²¹⁷ и представленные на прототипах германских императоров²¹⁸.

К третьей группе относятся изображения, на которых правитель держит в руках пальмовую ветвь, имеющиеся на монетах Мануила Дуки и Михаила II²¹⁹, а также — нумизматическом материале Священной Римской империи²²⁰.

Четвертую группу дополнили изображения правителя с крыльями, представленные на монетах Иоанна Дуки²²¹.

Этот тип изображения существовал в ранневизантийский период и встречается на монетах Анастасия I (491—518), Юстина I (518—527), Юстиниана I (527—565)²²². Позднее в средневизантийский период образ исчезает из иконографии императора и возрождается снова в период правления Палеологов²²³, а также на рассматриваемых монетах из Фессалоники.

По мнению Т. Бертеле, возобновление изображений «крылатого» императора связано с влиянием западноевропейских государств и, в первую очередь, Священной Римской империи²²⁴. Данную точку зрения разделил Ф. Грирсон²²⁵. Однако С. Морриссон высказала сомнение в правоте этого вывода, отметив, что образ императора с крыльями существовал на более ранних византийских монетах²²⁶. Кроме того, та же исследовательница вместе с П. Пападопуло определил: рассматриваемый образ получил распространение в византийском искусстве и литературе XI—XIII вв.²²⁷

Другую версию предложил Д.М. Найкол, согласно которой развитие образа императора с крыльями связано, прежде всего, с религиозными мотивами: представлением об императоре как о властителе, находящимся под защитой небесных сил (точнее — под защитой ангелов)²²⁸. Указанная точка зрения была уточнена М.Е. Померо. Исследовательница сделала вывод о том, что появление рассматриваемого изображения — следствие контаминации образа св. архангела Михаила и образа василевса, вызванной

уменьшением авторитета последнего. Возникновение «крылатого» императора подчеркивало легитимацию его власти архистратигом, что противопоставлялось традиционному суждению об императоре как представителе Бога на земле²²⁹. В то же время рассматриваемый образ находился в рамках своего рода «иконографической» программы эфирских правителей, существовавшей в 1224—1244 г. и обусловленной претензиями Дук на титул императора²³⁰.

Известно, что Иоанн Дука был весьма религиозен: император постоянно посещал церковные литургии, проводил ночи в молитвах, пребывал в благочестии и воздержании²³¹. Возможно, этот факт послужил для использования аллюзии «Ангел (родовое имя)» — «Ангел (посланник Божий)», которая в конце XII в. применялась в энкамиях Исааку II Ангелу²³².

Изображения, схожие с рассматриваемым, встречаются на болгарских монетах, относящихся к периоду правления Михаила II Асеня²³³. При этом исследователями также выдвигались мнения об уподоблении царя Ангелу как возможном источнике появления изображения²³⁴. Однако в этом случае образ императора с крыльями следует связать с влиянием фессалоникийских портретов: регентом при малолетнем болгарском царе была Ирина Дукена, дочь Феодора I.

На наш взгляд, рассматриваемое изображение появилось под влиянием германского искусства, однако речь идет не о созданном заново “*imago*”, а о возрождении уже существовавшего в византийской практики портрета. Хотя в этом случае, возможно, произошла контаминация портрета правителя и образа архангела Михаила.

Влияние германской императорской иконографии на составление портретов Дук было, скорее всего, связано с ориентацией эфирских правителей на союз со Священной Римской империей.

В частности, Мануил, используя на своих монетах элементы данной иконографии, продемонстрировал тем самым лояльность Фридриху II Гогенштауфену. Усвоение символа как свидетельство расположения в политических отношениях было достаточно распространенной практикой в Средневековой Европе²³⁵. Безусловно, приняв титул императора в 1234—1235 гг.²³⁶, Мануил не мог копировать иконографическую схему, представленную в искусстве других стран. Однако заимствование отдельных элементов оказалось допустимым.

Гораздо более широкое распространение рассматриваемые элементы получили на реверсах монет Иоанна Дуки, на которых размещались изображения орла²³⁷, лилии²³⁸, большой литеры²³⁹, также свойственных для Священной Римской империи²⁴⁰. Это было обусловлено, по всей видимости, тем, что в период правления Иоанна Дуки фактической властью обладал его отец, Феодор I Дука, ориентировавшийся во внешней политике на союз со Священной Римской империей.

Заимствование западноевропейских образцов в иконографии правителя не было «единичным» явлением. Оно наблюдалось также в архитектуре царства. Ярким проявлением этого процесса стала церковь Панагии Паригоритиссы в Арте, построенная в 1286—1293 гг., для которой характерно помещение в трюпах декоративных арок готического стиля, изображение на основаниях колонн чудовищ и зверей, активное использование в интерьере церкви скульптурных изо-

бражений²⁴¹. Западноевропейское влияние заметно также в произведениях мелкой пластики. Так, под данным влиянием была создана икона св. Георгия, происходящая из Кастории²⁴².

На византийских землях схожий процесс наблюдался в Никейской империи и в Трапезундском государстве. В первом из названных центров появление на монетах элементов западноевропейской иконографии было также, предположительно, связано с политическими мотивами. Речь идет о возникновении на монетах Иоанна III Дуки Ватаца изображения св. Петра, держащего ключи, что, возможно, связано с переговорами никейского императора и Римского папы о заключение унии²⁴³. Рассматриваемое влияние проявилось в Никейской империи также в других аспектах: отпущении грехов войску и императору патриархом, клятве на верность, судебном поединке и ордалиям²⁴⁴. Рассматриваемое воздействие проходило как через западных наемников, так и посредством контактов с католическим миром²⁴⁵. В Трапезундской империи чеканка монет ориентировалась, помимо прочего, на образцы Румского султаната и армянских князей Киликии, которые поддерживали Великих Комнинов²⁴⁶.

Западное влияние могло быть обусловлено еще и тем, что после падения центральной власти в 1204 г. у местных мастеров появилась большая свобода во введении новшеств в стиле и иконографии. Такая ситуация наблюдается как в Трапезунде, так и на Балканах (македонская школа живописи)²⁴⁷.

Появление рассматриваемых элементов германской иконографии в портретах эпирских Дук было связано с политическими мотивами и находилось в контексте развития культуры царства.

Далее обратимся к другому виду легитимации — религиозной. Речь идет о выборе небесного покровителя. По мнению С. Морриссон и П. Пападопуло, размещение образа святого на монетах и печатях царства свидетельствовало о поиске поддержки правителями в среде местного населения или являлось проявлением требований автономии²⁴⁸.

Однако более обоснованным представляется рассматривать появление образа св. Димитрия на портретах правителя как следствие свойства чеканки монет фессалоникийским двором, появившегося в конце XI—XII вв. Так, на монетах Алексея I и Мануила I Комнина, отчеканенных в Фессалонике, изображен св. Димитрий, благословляющий власть императора²⁴⁹. После освобождения города от власти латинян в 1224 г. символическое благословление св. Димитрием власти правителя фиксировалось на монетах эпирских Дук²⁵⁰, а позднее — на монетах никейских правителей. При этом новые типы изображений правителя и св. Димитрия, появившиеся в период правления эпирских Дук, были использованы позднее на монетах никейских императоров. Так, на фессалоникийских монетах Иоанна III Дуки Ватаца встречаются изображения императора и святого на троне²⁵¹, св. Димитрия, передающего модель города императору²⁵², изображения императора и св. Димитрия, держащих лабарум на длинном древке²⁵³, крест на длинном древке²⁵⁴. На монетах Феодора II Ласкариса имеются “*imago*” императора и св. Димитрия, держащих между собой модель города²⁵⁵. По всей видимости, после присоединения города к Никейской империи местная традиция изображения императоров адаптировалась к новому правителю,

применив для его презентации прежние мотивы, среди которых на первое место выступил образ св. Димитрия как покровителя города. Появление рассматриваемых образов на монетах никейских императоров могло быть инициировано Иоанном III как символ того, что Фессалоника находится под его властью. Схожий случай наблюдается для монет болгарского правителя Ивана II Асеня, на которых был изображен св. Димитрий на троне, что символизировало победу Ивана II над эфирским правителем Феодором I²⁵⁶.

Таким образом, можно говорить о том, что перед нами устойчивая традиция, сложившаяся еще задолго до событий первой половины XIII в. и связанная с культом св. Димитрия. Логично заключить: для сознания фессалоникийцев было необходимо подчеркнуть связь между властью императора и образом святого как патрона общества. Это способствовало развитию иконографии святого на монетах, появлению новых образов (передача модели города и т.д.). Резонно говорить о развитии местной традиции изображения власти в первой половине XIII в. (тенденция регионализма), мощным импульсом для которой стали коронация Феодора I и превращение города в столицу империи.

В противоположность св. Димитрию, архангел Михаил рассматривался как патрон эфирских Дук. Именно в таком качестве изображения архангела встречаются на печатях и монетах эфирских правителей. Важно отметить сближение образов двух патронов, архангела и святого (в частности, в сцене передачи модели города), что могло иметь целью демонстрацию сразу двух «легитимаций»: патроном

города и родовым покровителем. Это учитывало интересы, как правящей династии, так и местного сообщества.

Изображения св. Константина, часто размещаемые на монетах Алексея III, представляли собой несколько другую тенденцию — обращение к Константиновой традиции, существовавшее еще в X—XI вв.²⁵⁷ и являвшееся проявлением универсалистской идеи. К этому же направлению можно отнести изображения, на которых представлено благословление власти Иисусом Христом и Богородицей.

Рассматриваемая ситуация несколько отличается от той, что сложилась в Трапезундской империи. Великие Комнины в период претензий на константинопольский престол обращались к покровительству Богородицы, св. Георгия, пророка Давида, св. Евгения, образы которых представлены на монетах империи. После поражения от Никейской империи, начиная с 1215 г., трапезундские императоры обратились к культуре св. Евгения, местного святого, как покровителя правящей династии²⁵⁸.

Довольно интересную тенденцию представляет то, как отразилось в иконографии возведение Дук в достоинство деспотов, осуществленное никейским императором. На эпирских монетах Иоанн и Михаил II облачены в одежды, полагающиеся деспоту: тунику-рух и каввадий, и увенчаны венцом-стемматогирием²⁵⁹.

Это позволяет говорить о том, что фессалоникийские мастера, отвечавшие за выпуск монет, не только следовали традициям, но и оперативно реагировали на современные им политические события.

§ 4. Санкция со стороны элиты

Изучив вопрос о том, как эфирские Дуки представляли свою власть в источниках, рассмотрим, как происходила рецепция этих идей в среде политической элиты и каков был её результат, оформленный в виде санкции знати (поддержки или отрицания легитимности власти).

В период консолидации элиты (1205—1230 гг.) эфирские Дуки пользовались поддержкой подданных. В Хронике Альберика говорится, что Михаил I стал правителем Диррахия благодаря решению подданных: «Михаил <...> объявил [досл. — сделал] себя дукой с согласия греков»²⁶⁰. В постановлении синода по поводу коронации Феодора I в 1227 г. сообщается, что император принял венец с одобрения духовенства, воинов и всех христиан: «...[Феодор I], как пламенный воин, как неусыпный страж, стремясь к достоинству императора, принял воздаяние царственности с согласия епископов и по решению [досл. — решением] остальных священников, и монахов, и воинов и всех христиан»²⁶¹. Об этом же говорится в письме Димитрия Хоматиана к патриарху Герману II 1228 г.: «...Решение вынесено от собравшихся на западе: и от синклита, и от священства, и от всего бесчисленного воинства...»²⁶².

Схожая ситуация наблюдалась в Никейской империи, где одобрение кандидатуры императора со стороны аристократии и войска являлось одним из ключевых аспектов легитимации верховной власти²⁶³.

Напротив, в период борьбы между «удельными» правителями (1230—1246 гг.) представители элиты, как мы видели, не имели единого мнения относительно обладателя верховной власти.

Далее рассмотрим, каким образом происходила рецепция идеологии представителями элиты, учитывая влияние на этот процесс консолидации и деконсолидации данной группы. Основное внимание уделим аспектам легитимации, которые были рассмотрены нами выше: титулатуре, родовой и территориальной принадлежности, религиозной санкции.

Представления о правителе, существовавшие среди архиереев, позволяют раскрыть письма, принадлежащие Иоанну Апокавку, Димитрию Хоматиану и Георгию Вардану. Документы обращены к государю, патриарху, архиереям, а также к представителям местной аристократии. Имеющиеся в нашем распоряжении эпистолы были созданы в период правления Феодора I и Мануила Дук и охватывают период 1215—1237 гг.

Распределение титулов в этих документах во многом сходно с рассмотренными выше источниками. Михаил I²⁶⁴ и Феодор I (до 1227 г.)²⁶⁵ упомянуты без титула. После 1227 г. к Феодору I применен титул «император»²⁶⁶, а также используется эпитет «династ»²⁶⁷. До 1230 г. Мануил I именуется с титулом «деспот»²⁶⁸, после 1230 г. — без титула²⁶⁹ или с эпитетом «владыка» (“*princes*”)²⁷⁰, являющимся частью титулатуры василевсов, а также с титулом «император»²⁷¹. К Иоанну Дуке применен титул «император»²⁷². С этим же титулом упомянут Михаил II²⁷³. В качестве родовых имен в отношении Михаила I использован патроним Комнин²⁷⁴. В отношении Феодора I употреблены патронимы Комнин²⁷⁵, Дука²⁷⁶, Комнин Дука²⁷⁷, Комнинодука²⁷⁸. Мануил указан с патронимами Комнин²⁷⁹, Дука²⁸⁰ и Комнинодука²⁸¹, Михаил II — с патронимом Комнин²⁸². Важно отметить, что патроним Комнинодука применен также Ефими-

ем Торником к Константину Дукѣ²⁸³. Это говорит о том, что данный патроним не был принадлежностью правящего члена рода, а являлся общим для всего семейства.

Кроме того, в письме Иоанна Апокавка к патриарху Герману II патроним Феодора I сопровождается эпитетом великий (“ὁ μέγας Κομνηνός”)²⁸⁴. В письме Георгия Вардана к Иоанну Апокавку в отношении Феодора I использован патроним Великокомнинодука (“ὁ Μεγαλοκομνηνοῦκα”)²⁸⁵.

Родственные отношения с предшествующими правителями показаны в послании Димитрия Хоматиана к патриарху Герману II: «Каким же новым и иным именем мы удостоили ныне его [Феодора I], если он царской крови, если он сын коронованного, знаменитого севастократора, если он двоюродный брат порфирогеннита, если он троюродный брат воспеваемого и великого императора господина Алексея, если он наследник царства...?»²⁸⁶. Кроме того, в письме Георгия Вардана сказано, что Мануил «стал владельцем отцовского наследства»²⁸⁷, т.е. получил земли севастократора Иоанна Дуки.

В эпистолах представлена также преемственность власти между членами рода Дук. Так, Георгий Вардан говорит о преемственности власти Феодора I Дуки от Михаила I, который назван единокровным (“ὁ ὁμοίμοσ”) братом²⁸⁸. Это важное указание, т.к. Михаил I был незаконнорожденным сыном севастократора Иоанна, в то время как Феодор I был рожден в браке Иоанна Дуки и Зои Дукены. Таким образом, мы можем видеть, как стираются различия между происхождениями двух правителей. Помимо этого, в письме Димитрия Хоматиана в качестве предшественника

Мануила Дуки указан Феодор I, который назван братом правителя²⁸⁹, а в послании Иоанна Апокавка к Марии Дукене упомянута мать Феодора I севастократорисса Зоя Дукена²⁹⁰.

Территориальная принадлежность выражена в рассматриваемых письмах менее рельефно. Михаил I и Феодор I упоминаются как «наши Великие Комнины» (“οἱ ἡμέτεροι Μεγάλοι Κομνηνοί”)²⁹¹, Феодор I назван также «наш император» (“ὁ ἡμέτερος βασιλεύς”)²⁹² и «наш Комнин» (“ὁ ἡμέτερος Κομνηνός”)²⁹³ и т.д. Следует отметить обоснование прав эфирских Дук на владение Диррахием, сделанное Георгием Варданом. По мнению митрополита, права Феодора I на этот город основаны не сколько на том, что он без усталости боролся за него, ни на том, что он прежде принадлежал его брату Михаилу I, ни на том, что в городе произошло становление власти Феодора I, а на том, что около этого города эфирский правитель остановил войско латинян²⁹⁴. Также к «географическому фактору» обратился Димитрий Хоматиан в письме к патриарху Герману II, датированном 1227 г., в котором архиепископ подробно обосновал легитимность власти правителя Эфирского царства, принявшего титул императора. По мнению Хоматиана, сосуществование двух императоров вполне естественно в сложившихся политических условиях разделения ромейских земель. Союз между ними поможет освободить Византию от власти латинян²⁹⁵. В другом послании к Вселенскому патриарху (1233 г.) архиепископ прямо указал на «географические» границы владений Феодора I, говоря о том, что «...Феодор принял власть над западной частью Ромейской империи»²⁹⁶. Георгий Вардан также провел разделение на двух императоров — никейского (в Азии, Анатолии),

связывая его с династией Ласкарисов, и эпирского (запад Балканского полуострова), связывая его с Дуками²⁹⁷. В то же время разные части империи рассматривались как единое политическое пространство, основываясь на котором можно противостоять латинянам. Так, Иоанн Апокавк говорил о союзе между западными и восточными землями Византийской империи, для чего, по его мнению, в первую очередь требовалось признание императорского титула за Феодором I Дукой²⁹⁸. Таким образом, представители высшего духовенства стремились включить идею регионализма, т.е. права населения области на самостоятельное управление, в состав универсалистской концепции. Данная тенденция получила последующее выражение в период правления Мануила Дуки. В письме к эпирскому правителю Георгий Вардан, применяя к нему титул императора, сообщает о том, что по этой причине Мануил должен уделить внимание нуждам населения острова²⁹⁹. В данном случае перед нами образ правителя как благодетеля, попечителя и предводителя местного сообщества.

Далее рассмотрим религиозную легитимацию. Речь идет, прежде всего, о Божьем благословлении власти правителя. В письмах, датированных периодом правления Феодора I, данный аспект выражен в определениях правителя как помазанника Божьего, в эпитетах «хранимый Богом» (“ὁ Θεοφρούρητος”)³⁰⁰, «спасаемый Богом» (“ὁ Θεοσωστος”)³⁰¹, «направляемый Богом» (“ὁ Θεοκυβέρνητος”)³⁰². В эпистоле Иоанна Апокавк к Феодору I говорится о том, что Господь преподносит императорские сандалии правителю³⁰³. Примечательно, что эти эпитеты используются как до, так и после провозглашения императором и корона-

ции Феодора I. Это означает, что становление его власти еще как местного правителя было уже связано с использованием элементов образа императора.

Развитием данной темы является традиционное сравнение правителя с ветхозаветными персонажами, используемое архиереями в полемическом сопоставлении с текущим положением дел. Так, Михаил I сравнивается в письме Иоанна Апокавка с Ноем, т.к. эпирский правитель предоставил для поселения Янину аристократам и архиереям, бежавшим в Эпир из разных областей Византии³⁰⁴. Феодор I сравнивается с Давидом, Моисеем и Иисусом Навином³⁰⁵. В письме Иоанна Апокавка говорится, что Феодор, с Божьей помощью, как Моисей и Иисус Навин, победил варваров (в данном случае — италийцев) в борьбе за освобождение народа³⁰⁶. В другом послании митрополит сообщает о том, что Господь помогает Феодору I победить врагов, как Моисею — Амалиха, Иисусу Навину — Сиона и Ога, Гедеону — Мадиинея, Давиду и детям его — тысячи противников³⁰⁷. В письме Димитрия Хоматиана Феодор I уподоблен Моисею тем, что предпочел разделить тяготы единоплеменников вместо того, чтобы владеть богатством³⁰⁸. В питтакии эпирского духовенства, обращенном к Вселенскому патриарху Герману II, сходство правителя с Давидом подчеркнуто тем, что противник, латинский император Петр де Куртенэ (9 апреля 1217—июнь 1217), сравнивается с Сионом и Сенахеримом³⁰⁹.

Другим аспектом является легитимация власти со стороны святого. Основное внимание при этом уделено св. Димитрию. В письме Димитрия Хоматиана упоминается миро, источаемое мощами святого и использованное для помазания при коронации Феодо-

ра I как основа легитимности процедуры³¹⁰. В эпистоле Иоанна Апокавка к Михаилу Хониату митрополит сообщает о том, что, находясь в Фессалонике, принес проскинесис святому и императору³¹¹.

Менее подробно религиозная легитимация представлена в письмах Георгия Вардана и Димитрия Хоматиана к Мануилу Дуке, о котором говорится только как о помазаннике Божьем, без обращения к библейским образам³¹².

Религиозная легитимация верховной светской власти как часть ромейской идеологии характерна также для политической жизни Никейской империи³¹³.

Следующим аспектом является статус столицы царства как «второго Константинополя». Речь, прежде всего, идет о Фессалонике. В письме Иоанна Апокавка к Феодору I город представлен как символ — море, в котором рыбак (правитель), ловит рыбу (народ)³¹⁴. Эта аллегория подразумевает собой сравнение правителя с Иисусом Христом, что является традиционным сюжетом для византийской риторики и эпистолярной традиции³¹⁵. Кроме того, Фессалоника называется «великим городом» («ἡ Μεγαλόπολις»)³¹⁶. В другом случае Иоанн Апокавк назвал Фессалонику «городом Христа» («ἡ Χριστοῦπολις»)³¹⁷. Во втором письме, принадлежащем Георгию Вардану и адресованном Вселенскому патриарху Герману II, Фессалоника именуется «царствующей» («ἡ Βασιλεύουσα»)³¹⁸. В остальных письмах, принадлежащих эпирским архиереям, город упоминается только как резиденция императора³¹⁹, дополнительных значений его образу не придается.

Эпитеты «царствующий» и «великий город» применены Иоанном Апокавком также к Арте в письме,

датированном периодом 1227—1230 гг.³²⁰ По мнению митрополита: «Мы и ныне называем её царствующей, хотя она и лишилась старшинства власти»³²¹. Это означает, что утрата Артой столичного статуса не была одобрена Иоанном Апокавком.

В то же время в письмах к правителю упоминается Константинополь как политический центр, освобождение которого значительно усилит легитимность власти. Иоанн Апокавк так обращается к Феодору I Дукке: «...Я точно предполагаю, что [ты] уничтожишь всякую вражду, и вступишь на землю города Константина, и на двор расположенных там дворцов: последует же тому вступлению и утверждение на императорском престоле, и будут у этого утверждения столь же великие последствия»³²². По мнению митрополита, титул «император» будет иметь полную легитимную силу после того, как его обладатель займет трон в столице. Схожим образом определено значение Константинополя в письме митрополита к Марии Дукене³²³ и в питтакии эпирского духовенства³²⁴. В этих источниках значение Константинополя подчеркнуто при помощи эпитетов «царствующий» и «великий город»³²⁵, которые, как мы видели, применялись также к Арте и Фессалонике.

Другими важными аспектами легитимации стали две темы, выраженные в риторических сочинениях XII в. и приобретшие после 1204 г. особую актуальность. Прежде всего, это тема военных заслуг правителя. Так, Михаил I упоминается в письме Георгия Вардана как трижды доблестный (“ὁ τρισάριτος”) правитель, его военная деятельность связывается с борьбой за Дирахий³²⁶. Однако наибольшее распространение данный сюжет получил в письмах, относящихся к периоду правления Феодора I, который представлен как неу-

томимый воин, освобождающий ромейские земли от власти латинян³²⁷. В посланиях Иоанна Апокавка указываются конкретные военные успехи правителя: взятие крепостей Просек³²⁸ и Платамон³²⁹, а также победа над Пьером де Куртенэ³³⁰. При этом говорится о помощи, которую получил Феодор I от архангела Михаила. Митрополит сообщает, что крепость Просек была взята с Божьей помощью и при поддержке архистратига небесного воинства, и о том, что после этого успеха фессалоникийцы подчинились власти Феодора I³³¹. Св. Димитрий упоминается как помощник правителя при взятии Платамона, освобождении Фессалии и Фессалоники³³².

Образ правителя-воина представлен также в письме Георгия Вардана, относящимся к правлению Мануила Дуки. Митрополит кратко отмечает военные доблести государя без указаний на конкретные победы³³³.

К рассматриваемому образу примыкает изображение правителя в качестве охотника, также традиционное для византийской эпистолографии X—XII в.³³⁴, применяемое к Константину Дуке в послании Иоанна Апокавка³³⁵.

Другой важной темой писем стал образ правителя как покровителя Церкви. Михаил I, как уже отмечалось, принял в Янину представителей духовенства, а также занимался восстановлением монастырей. Феодор I неустанно заботился о делах церкви. Указаны конкретные результаты: назначение Феодором I епископов на должности в Неопатрах³³⁶, Скопье³³⁷, Велле³³⁸, Янине³³⁹. Кроме того, Феодор I описан как борец против католического духовенства, утвердившегося на византийских землях³⁴⁰. Важно отметить, что этот образ встречается также в эпистоле Михаила Хонната, не состоявшего в эфирском духовенстве, хотя и

поддерживавшего с его представителями дружеские отношения. В письме к Феодору I Дуке Афинский митрополит назвал его брата Михаила I «ктитором» (“ὁ κτήτορ”)³⁴¹. Использование архиереем этого термина связано с восстановлением монастырей, проводимым по распоряжению эпирского правителя. В то же время следует отметить, что положительный образ Михаила I в данном случае вышел за круг эпирских архиереев.

Рассматриваемые темы встречались также в письмах византийских интеллектуалов к никейским императорам, в которых восхвалялись доблесть и мужество василевсов³⁴², их благочестие и забота о Церкви³⁴³.

Еще одна основа власти — гражданская законность — представлена в письме Димитрия Хоматиана к Феодору I, датированном 1225 г.: «императорская власть — это ценность, созданная Богом для общего блага народа»³⁴⁴. Данное положение укладывалось в общую концепцию, представленную в трудах Хоматиана, о том, что император является законодателем, устройтелем, благодетелем государства, наделенным такими качествами как мудрость, справедливость, благоразумие³⁴⁵.

Помимо перечисленных тем, следует отметить элементы критики, содержащиеся в рассматриваемых письмах. Прежде всего, речь идет о критике Иоанном Апокавком действий Феодора I Дуки, который, по словам архиерея, поверил приближенным Константина Дуки и ввел налог для Навпактской митрополии в 180 иперпиров. Критика касается двух ключевых составляющих образа императора: судьи и защитника Церкви. В первом случае митрополит жаловался на то, что император вынес решение, не выслушав его³⁴⁶. Во втором же говорится о том, что император

допустил разграбление и последующее обнищание митрополии: «Разве справедливо, даже если я согрешил против твоего владычества, чтобы я был назван достойным [сана], а те, кто подчинены Церкви, являлись бы бедными? Их ты приказал разорить, являющихся во всем разоренных <...> И мы страдаем от вынесенного тобой постановления, чтобы весь налог от Церкви составил целых 180 иперпиров...»³⁴⁷. Критика сопровождается цитатами из Ветхого завета и Евангелия, подчеркивающими нарушение христианских норм, недопустимое для василевса как помазанника Божьего³⁴⁸. В другом письме митрополит вновь обратил внимание на значение Церкви и ее благосостояния для императорской власти: «Мы же, державнейший Комнин, не имеем ни кафедры, ни клира, ни храма, чтобы собраться для того, чтобы принести совместные молитвы Богу за твое благоденствие...»³⁴⁹. В ответ на обвинения Феодор I в хрисовуле, дарованном Навпактской митрополии в 1228 г., отдельно упомянул о соотношении светской и церковной властей. Документ начинается с определения защиты и охраны Церкви как важнейших функций императорской власти, связанной с такими качествами её носителя, как благочестие и благоговение. Это положение подчеркивается дарами, которые преподносит император Церкви. В качестве такового митрополии был пожалован хрисовул, гарантирующий освобождение от налогов и неприкосновенность имущества³⁵⁰. В конце документа Феодор I говорит о взаимопомощи светской и церковной властей³⁵¹, т.е. о соблюдении принципа симфонии.

Критика Ианном Апокавком Феодора I касалась также области назначения епископов: митрополит

упрекнул правителя в излишней настойчивости при вмешательстве в дела Церкви. В частности, он сообщил Феодору I о том, что уже получил распоряжения относительно поставления епископа Янины, и нет необходимости повторять их снова, т.к. это выставляет архиерея неграмотным человеком³⁵².

Критика распространялась и на других членов правящей династии. Навпактский митрополит выразил негодование действиями Константина Дуки, стремившегося, как уже было отмечено, присвоить себе имущество митрополии. Резюмируя оценки, митрополит несколько раз назвал наместника тираном³⁵³, который вместо светских и церковных законов повинуется только своему желанию³⁵⁴.

Рассматриваемое явление было также представлено при Мануиле Дуке. В частности, Георгий Вардан жаловался на чиновника, утвердившегося на о. Корфу. Несмотря на то, что управляющий собирал налоги с населения, общественные сооружения (цистерны для воды) и объекты фортификации (башни, укрепления перед стеной, портовые строения) обновлялись на деньги жителей³⁵⁵.

Обращение к императору для решения проблем, существовавших на уровне местной администрации, подчеркивало, на наш взгляд, роль правителя как покровителя местного сообщества.

К рассмотренным документам примыкает группа дидактических писем, содержащих пожелания правителю. В одном из таких посланий Иоанн Апокавк затрагивает тему императорского гнева. По мнению митрополита, если правитель гневается, то тем самым несправедливо отделяет себя от нуждающихся. Такие действия не подобают помазаннику Божьему и подрыв-

вают основы власти³⁵⁶. Однако затем Иоанн Апокавк сделал оговорку, сообщая, что Феодор I не таков, его раздражение не заставляет совершать несправедливые действия, но лишь наводит на правителя тоску³⁵⁷. Таким образом, Иоанн Апокавк не критикует императора, определяя желаемые им рамки поведения государя.

Пожелания касались не только моральных качеств, но и политических шагов. Как мы видели, митрополит даже сформулировал (в форме пожелания) важнейшую цель политики Феодора I — освобождение Константинополя.

Если перечисленные выше темы были традиционными для византийской политической мысли второй половины XII в., то сравнение двух императоров (никийского и эфирского) — относительно новое явление. Данное сравнение содержится в письме Георгия Вардана, адресованном Герману II и относящимся к периоду 1227—1230 гг. В эпистоле митрополит сообщает, что более прав на престол имеется у эфирского правителя, превосходящего Ласкарисов и по крови, и по военным доблестям³⁵⁸. Это сравнение было инициировано Вселенским патриархом, который подверг критике законность коронации Феодора I.

Схожим является упоминание в письме Иоанна Апокавк о заслугах Феодора I Дуки, которые достойны удивления со стороны представителей Никейской империи. Речь идет о попечении эфирской Церкви, подразумевающим материальную поддержку и участие в управлении со стороны правителя³⁵⁹.

Далее рассмотрим различные восприятия правителя, существовавшие в среде высшей аристократии. При этом обратим внимание на представителей трех групп знати, чья позиция была наиболее важной для

политики эфирских правителей: крупную земельную аристократию (Петралифы и Малиасины), городскую знать и видных аристократов, перебравшихся в Эфир из других областей (Константинополя и Пелопоннеса).

Основным источником, содержащим сведения том, как оценивала правителя крупная земельная аристократия, является житие св. Феодоры.

В источнике эфирские Дуки изображены законными обладателями власти. Основной акцент сделан на легитимности власти Михаила I, основателя царства. Правитель — потомок династии Ангелов, управлявший при Алексее III Пелопоннесом, а в 1205 г. — область Эфира после заключения брака со вдовой прежнего правителя, Сенахерима. Несмотря на попытку Феодора I составить заговор против своего племянника, Михаила II, можно говорить, что источник описывает преемственность власти эфирских правителей.

Таким образом, Дуки представлены как законные обладатели своих земель, передаваемых по наследству. Феодор I охарактеризован как освободитель ромейских земель от власти латинян³⁶⁰. Этот взгляд полностью совпадает с рассмотренными выше представлениями архиереев и контрастирует с оценкой Георгия Акрополита, который критично отзывался об эфирских правителях, прямых конкурентах никейских императоров: историк осуждал порядки, введенные Феодором I после коронации³⁶¹, указывал на незаконнорожденность Михаила II³⁶². Всё это говорит о стремлении Иова продемонстрировать законность тех условий, в которых происходили рассматриваемые события³⁶³. Данное стремление связано с тем, что

в житии подробно описано высокое положение рода Петралифов, которое те занимали на западе Балканского полуострова. Отец Феодоры, Иоанн Петралиф, имел родственные отношения с царствующей династией, обладал титулом севастократора и до 1204 г. правил территорией Македонии и Фессалии. После 1204 г. он сохранил власть над Фессалией, которую передал сыновьям, вошедшим в окружение Феодора I. Их сестра Феодора вскоре связала себя узами брака с Михаилом II³⁶⁴. Петралифы представлены как знатное семейство, обладавшее властью над определенной территорией, подчинявшееся правителю и имевшее с ним родственные связи.

В то же время обращает на себя внимание сходство в описании власти Дук и Петралифов. Михаил I Дука и Иоанн Петралиф управляли отдельной областью, передавая власть по наследству. Можно ли на основании этого говорить, будто перед нами указанное выше представление о правителе как предводителе высшего слоя аристократии, первом среди равных?

При ответе на данный вопрос следует обратить внимание на то, что некоторые представители крупных родов пытались вести собственную политику. Так, Феодора Петралифина, жена Михаила II, предприняла действия для сближения Эпира и Никейской империи, что противоречило официальной политике эпирского правителя, стремившегося вновь добиться лидерства в борьбе за объединение ромейских земель³⁶⁵. К этому можно добавить эпизоды, когда представители эпирской землевладельческой аристократии переходили на сторону никейского императора или отказывались вступить в сражение с тем, чтобы сохранить свои владения.

Впрочем, оппозиция аристократии к правителю могла прекратиться в тот момент, когда со стороны нового государя их владениям начинала угрожать опасность. Так, Иоанн Дука, внебрачный сын Михаила II, перешел вместе со своими приближенными в битве при Пелагонии на сторону императора Михаила VIII Палеолога. Как только никейские войска начали грабить захваченные ими территории Эпира и, вероятно, Фессалии, Иоанн Дука снова перешел на сторону отца.

Таким образом, резонно говорить о том, что позиция представителей высшей землевладельческой аристократии в отношении власти часто диктовалась защитой собственных интересов, а это в ряде случаев противоречило идее верной службы правителю.

Помимо стремления защитить свои владения, важным фактором, обусловившим переходы представителей эфирской знати на сторону то одного, то другого правителя, стало развитие концепции, согласно которой государь был первым среди равных. Данному процессу способствовали: 1) кризис идеи универсалистской монархии и постепенная десакрализация фигуры императора; 2) стремление представителей высшей землевладельческой аристократии к независимому управлению своими землями.

Важным для нас случаем является заговор, возникший в среде городской верхушки Фессалоники против Димитрия Дуки. Решение знати о переходе к Иоанну III Дуке Ватацу говорит о том, что принятие ранее местной элитой Феодора I, присоединившего город к царству, было еще одним шагом, имевшим целью выразить только свои интересы. После крушения имперской идеи в царстве (по окончании

влияния Феодора I на политику) местная знать не стала продолжать ее, а приняла власть никейского императора.

Сделанный вывод позволяет уточнить предположение о статусе Фессалоники как «второго Константинополя». Введение этого статуса имело своей целью поддержать претензии Феодора I на императорский титул и престиж царства в его конкуренции с Никейской империей и Трапезундом. Однако данный импульс, исходивший от эпирских Дук, не был полностью разделен представителями местной аристократии. Соответственно, чем слабее были позиции правителя, тем больше возможностей оказывалось у местной знати для того, чтобы выразить свои интересы.

Другой группой аристократии, представления о правителе которой следует рассмотреть для более полного решения поставленной задачи, являются знатные люди Константинополя и Пелопоннеса, перебравшиеся в Эпир после 1204 г.

Особенности положения данной группы в обществе заключались в том, что гарантом её владений во враждебном окружении мог быть только эпирский правитель. Поэтому её представители активно поддерживали Дук. Об этом свидетельствует, на наш взгляд, случай с обороной Янины жителями города от войск никейского императора в 1259—1260 гг. В отличие от многих других городов царства Янина так и не была взята никейскими войсками, хотя эпирский правитель и его наследник находились вне своих владений, а другие члены правящей династии перешли на сторону Михаила VIII Палеолога. Данную ситуацию можно, на наш взгляд, связать именно с тем,

что городская элита состояла во многом из представителей эмигрировавшей аристократии и их потомков. Сдаться никейскому императору означало для них потерять свои владения, гарантом которых были только эфирские Дуки. Впрочем, такие аристократы в исключительных случаях могли занимать сторону оппозиции, как в случае с упомянутым выше Михаилом Ласкарисом. Этот аристократ был связан родственными узами с императорской семьей, что могло обусловить его представление о никейском императоре как о законном правителе, нахождение под властью эфирского правителя, видимо, считалось временным положением.

В Никейской империи, где также продолжалось укрепление позиций аристократических родов³⁶⁶, основной акцент в политике императоров, как уже отмечалось, был сделан на обновление центрального аппарата и укрепление власти правителя. Это сохраняло значение фигуры императора как фактора, объединяющего знать, что обусловило иную форму борьбы аристократической оппозиции: заговоры против правителя³⁶⁷.

Также в Никейской империи продолжило развитие представление о правителе как обладателе крупных владений, о чем говорит упомянутый выше эпизод о приеме Михаилом VIII Палеологом латинских послов Балдуина II. При этом следует отметить, что императорские владения распространены на всю территорию Никейской империи (в т.ч. балканские провинции), в отличие от эфирского правителя, «наследственные» права которого распространялись только на Эфир.

Специфическая ситуация наблюдалась в Трапезундской империи, где развитие «центробежных

сил» было во многом обусловлено структурой правящей династии. Семейные кланы в Причерноморье были устойчивее и влиятельнее, чем в Византии³⁶⁸. Это обстоятельство, сочетаясь в дальнейшем с процессом длительных династических смут в империи, привело к появлению независимого правления кланов в отдельных провинциях, а также к заключению между ними и правителем письменных соглашений (а не только получения привилегий, как в Эпирском царстве)³⁶⁹.

§ 5. Самоидентификация представителей высшего духовенства и аристократии

Рассмотрим далее, каким образом эфирские аристократы и архиереи представляли свои персоны в источниках. Это позволит более полно ответить на вопрос, каким образом они определяли своё место в системе отношений с патриархом, правителями царства и друг с другом, который был изучен в предыдущих параграфах.

Обратимся к письмам эфирских архиереев Иоанна Апокавка, Димитрия Хоматиана и Георгия Вардана, адресованным правителям Феодору I, Мануилу Дукам, а также Вселенским патриархам. Архиереи, по традиции, не указывали в подобных документах свои титулы, обозначая свою персону через личные местоимения (чаще всего, множественного числа)³⁷⁰. В дополнение к личным местоимениям использовались сравнения, связанные с риторическими приемами. Так, Иоанн Апокавк в письмах к Феодору I сравнивал себя с Лазарем, а получателя эпистолы — с Иисусом Христом³⁷¹, говорил о себе как о незримом спутнике

правителя³⁷². Подобные приемы являются выражением формул высказывания о получении послания и присутствия (автор излагает своё ощущение растущей близости адресата), используемых при составлении эпистолы³⁷³. При этом выбор сравнений обусловлен традиционным подходом в византийской идеологии, рассмотренным выше.

Иоанн Апокавк определил своё место в отношениях с Феодором I как представителя, разъясняющего превосходство императора перед другими правителями, его права выступить в роли собирателя всех ромейских земель³⁷⁴. Это стало результатом активного участия архиерея в формировании принципов государственной идеологии.

Особый случай — самоидентификация Димитрия Хоматиана, представленная в письмах к патриарху Герману II. Архиерей полностью приводит свой титул «Димитрий, Божьей милостью архиепископ Первой Юстинианы и всей Болгарии» («Δημήτριος, ἐλέω Θεοῦ ἀρχιεπίσκοπος τῆς Πρώτης Ἰουστινιανῆς καὶ πάσης Βουλγαρίας»), призванный подчеркнуть особое положение возглавляемого им диоцеза³⁷⁵.

Этот статус заключался в том, что на Балканах Охридский архиепископ занимал третье место после Римского папы и Константинопольского патриарха, а также обладал в рамках своей епархии равными с ними правами. Соответствующая теория была сформулирована в конце XI—начале XII в. представителями охридского духовенства и использовалась для защиты интересов клира³⁷⁶, как это делал Феофилакт Охридский (1089—1126)³⁷⁷. Юридическое оформление теории находится в перечне диоцезов, входящих в Константинопольский патриархат. Документ дати-

руется XI—началом XII в. В перечне архиепископия и кафедры, подчиняющиеся её главе, занимают отдельное место и расположены вне списка диоцезов, подвластных Вселенскому патриарху³⁷⁸.

Как подчеркивалось многими исследователями, Димитрий Хоматиан, опираясь на указанные аргументы, вел почти независимую в церковном отношении политику³⁷⁹, осознавал себя преемником патриарха и хранителем имперского права³⁸⁰. В частности, архиепископ так обосновал своё право на коронацию эфирского государя Феодора I: «Однако архиепископ болгарский Димитрий Хоматиан возлагает на того императорскую диадему, сказав, что он является самостоятельным и ни перед кем не должен отчитываться, и вследствие этого имеет право помазать на царство кого [захочет], где и когда захочет»³⁸¹. Схожим образом архиепископ обосновал своё право коронации в письме к патриарху Герману II: «Если же мы обладаем правами папы в подвластной нам епархии, что с того, что и мы помазали императора, так же как папа поступает?»³⁸². Особый статус Охридской архиепископии подчеркнут также в уже упоминавшемся питтакии. В документе выделено духовенство запада, находящееся под властью митрополитов, и отдельно сказано о епархиях, подчиняющихся автокефальному архиепископу Охридскому: «...Нам, западным митрополитам, находящимся под властью патриаршего Константинопольского престола, и подчиненным нам епископам, а также первосвященнической автокефальной власти в Болгарии и подчиненным ей епископам...»³⁸³.

Несмотря на статус Охридской архиепископии, верховным руководящим органом эфирской Церкви оставался синод, собираемый в Арте. Об этом говорит отчасти то, что питтакий, являвшийся, помимо про-

чего, формой патриаршего послания³⁸⁴, был составлен не Димитрием Хоматианом, а именно синодом архиереев. Впрочем, это вряд ли может служить надежным основанием для характеристики положения синода, т.к. отдельный питтакий к патриарху был написан Иоанном Апокавком³⁸⁵, возглавлявшим данное собрание иерархов, что говорит о его старшинстве среди других архиереев. Кроме того, аналогичное послание составил епископ Вондицы Георгий Химара к Иоанну Апокавку³⁸⁶. Более надежным основанием является постановление о коронации Феодора I, принятое собранием в Арте. Такой документ составлялся в Никейской империи от имени патриарха³⁸⁷. Именно совокупность «патриарших» документов, издаваемых эфирским синодом, позволяет говорить о частичном присвоении им функций главы Церкви.

Отсутствие единоличного руководителя эфирского духовенства связано с тем, что это место было оставлено для патриарха, признававшегося, несмотря на разногласия, главой Церкви, о чем, как мы видели, прямо говорится в питтакии. В этом контексте принятие Феодором I императорского титула являлось бы полным с благоговения Германа II³⁸⁸. Союз между правителем и патриархом демонстрировал бы объединение двух высших властей — светской и церковной. Таким образом, эфирские архиереи представляли себя частью Вселенской Церкви, одновременно отстаивая право на автономию.

В письмах к нижестоящим по статусу светским и церковным персонам архиереи чаще приводят свой титул. Так, Навпактский митрополит в эпистоле к архиепископу Диррахия называет себя «отец из Навпакта, владыка и господин» («ὁ πατήρ ὁ Ναυλάκτου καὶ δεσπότης καὶ κύριος»)³⁸⁹. В некоторых случаях под-

черкивается высокое положение архиерея. Так, показательной является фраза Навпактского митрополита о различиях в статусе между ним и епископом Дринополя, сказанная во время спора с Никифором Горианитом: «Я же в высшей степени восхищаюсь ответом [епископа] Дринополя, но в то же время митрополит Навпакта не равен перед вами епископу Дринополя, как никоим образом не равно изваяние ваятелю, а горшок — гончару»³⁹⁰. Далее Навпактский митрополит сообщает, что судебный случай разбирается сначала епископом, затем митрополитом, который в дальнейшем может являться посредником между правителем и обращающимся³⁹¹. Таким образом, Иоанн Апокавк подчеркнул необходимость соблюдать иерархию, выделяя при этом своё место в ней. В другом случае, обращаясь к патриарху Навпактский митрополит назвал себя «наименьшим из епископов» (“ὁ τῶν ἐπισκόπων πάντων ἐλαχιστότερος”) ³⁹², подчеркивая таким образом своё смирение.

Димитрий Хоматиан в письмах к нижестоящим по статусу персонам и судебных постановлениях приводит свой титул³⁹³, а также использует эпитеты «моя мерность» (“ἡ ἐμὴ μητριότης”) ³⁹⁴ и «наша мерность» (“ἡμῶν μητριότης”) ³⁹⁵, что является эпитетом, употребляемым патриархом³⁹⁶. Возглавляемый архиепископом синод также назывался «синод эндемуса» (“ἡ ἐνδημοῦσα σύνοδος”) по аналогии с патриаршим синодом в Константинополе³⁹⁷. Формально, право на использование таких эпитетов предоставлял автокефальный статус Охридской архиепископии³⁹⁸.

Георгий Вардан в письмах к нижестоящим персонам кратко указал свои имя и сан «митрополит Керкиры Георгий» (“ὁ Κερκύρας Γεώργιος”) ³⁹⁹, что было

традиционным способом обозначить свою личность. Также устоявшимся являлось употребление в таком контексте личных местоимений, например, как в письме Иоанна Апокавка к епископу Арты⁴⁰⁰.

Отдельный вопрос — идентификация трех главных архиереев эпирской Церкви, Димитрия Хоматиана, Иоанна Апокавка и Георгия Вардана, поддерживавших дружеские отношения, в эпистолах друг к другу. Речь идет о «дружеском письме», одном из традиционных видов посланий, получившем особую популярность среди византийских интеллектуалов в XI—XII вв.⁴⁰¹ Для него характерно наличие нескольких устойчивых специфических формул: дружбы, присутствия, просьбы о письме. Основным вопросом является возможность использования в письмах идентификации, которая могла бы продемонстрировать наличие или отсутствие иерархии (неформального признания старшинства) между эпирскими архиереями.

Иоанн Апокавок называет в письмах Димитрия Хоматиана «твое священство на блаженнейшем троне Болгарии» (“ἡ σὴ ἀγιότης ἐπὶ τὸν μακαριώτατον θρόνον τῆς Βουλγαρίας”)⁴⁰², «блаженнейший владыка» (“ὁ μακαριώτατος δεσπότης”), «твое величие» (“ἡ σὴ μεγαλειότης”)⁴⁰³, «великий Димитрий» (“ὁ μέγας Δημήτριος”)⁴⁰⁴. Кроме того, Навпактский митрополит именует Охридского архиепископа другом⁴⁰⁵, перечисляет его духовные качества (мудрость, духовная чистота)⁴⁰⁶. Навпактский митрополит также подчеркивал авторитет Димитрия Хоматиана в области канонического права: «Но мой [владыка] Болгарии является не только читателем священных канонов, но и всячески учителем иных из них»⁴⁰⁷. Себя Иоанн

Апокавк называет другом из Навпакта⁴⁰⁸. Георгия Вардана Навпактский митрополит именует «владыка» (“ὁ δεσπότης”)⁴⁰⁹. В письмах Георгия Вардана Иоанн Апокавк назван «всесвятейшим владыкой» (“ὁ παναγιώτατος δεσπότης”)⁴¹⁰, «великим отцом Навпакта» (“ὁ μέγας πατήρ τοῦ Ναυπάκτου”)⁴¹¹, «великим пастырем» (“ὁ μεγалоίμην”)⁴¹², «великим океаном учения» (“ὁ μέγας τῆς διδασκαλίας ὠκεάνος”)⁴¹³, «наимудрейшим владыкой» (“ὁ πανυπέρσοφος δεσπότης”)⁴¹⁴. Димитрий Хоматиан называет Георгия Вардана «владыка» (“ὁ δεσπότης”)⁴¹⁵ или «твоя святость» (“ἡ σὴ ἀγιότης”)⁴¹⁶.

Схожим образом в эпистолах представлены обращения Иоанна Апокавка к Николаю, митрополиту Фессалоники («твое великое священство», “ἡ σὴ μεγάλη ἀγιουσύνη”)⁴¹⁷ и митрополиту Лариссы («твоя святость», “ἡ σὴ ἀγιότης”)⁴¹⁸.

Как видно, в письмах не прослеживается четкой иерархии между архиереями, все обращения являются традиционными⁴¹⁹. Благодаря постоянным указаниям на дружбу, архиереи выступали как более или менее равные участники отношений, что способствовало выработке единой позиции относительно двух важных вопросов: устройства Церкви и организации светской власти. И в том, и в другом случае, как было отмечено выше, архиереи занимают согласованную позицию, придерживаясь мнения о необходимости автономного правления и о легитимности власти эфирских правителей.

Следует отметить, что и в этом вопросе проявился особый статус эфирской Церкви, отмеченный в Питтакии. Георгий Вардан в письме к Иоанну Апокавку говорит о западных архиереях, рукоположение и

управление которыми находится в ведении Навпактского митрополита (как главы синода). В этом автор не видит никакого нарушения канона⁴²⁰. Отдельно западные архиереи указаны в постановлении эпирского синода⁴²¹. О западных Церквях, как отдельных диоцезах, также упоминает патриарх Мануил Сарантин⁴²². С другой стороны, в питтакии эпирского духовенства говорилось о том, что архиереи рассматривали своё положение как часть Константинопольского патриархата. Таким образом, указание на отдельную локацию подчеркивало их особый статус, не выходящий за рамки церковного законодательства.

События 1204 г. разделили византийское духовенство на две части, западную и восточную, но не повлекли за собой каких-то особенных форм идентификации. Сложившееся разделение признавалось архиереями как результат политических событий, а не как существование обособленных друг от друга по идентификации групп.

Рассмотрим далее, как представлена самоидентификация архиереев в сфрагистических и эпиграфических источниках.

На печати Димитрия Хоматиана владелец назван «верховный священнослужитель земли болгар» («ὁ γῆς Βουλγάρων ἀρχιθύτης»)⁴²³, а в надписи на рамке иконы — «верховный пастырь болгар» («ὁ ποιενάρχης τῶν Βουλγάρων»)⁴²⁴. Аналогичную идентификацию использовал другой Охридский архиепископ Константин Кавасила⁴²⁵. Вероятно, это традиционная формула, т.к. она встречается на печатях Охридских архиепископов XI—XII вв.⁴²⁶

По-другому представлена самоидентификация Навпактского митрополита Иоанна Ксира. Известна пе-

чать архиерея, которая содержит следующие легенды: «Печать несет [имя] высокочтимого Ксира»⁴²⁷ (аверс), «А писание же возвещает глас его»⁴²⁸ (реверс). При изучении данной печати обращает на себя внимание идентификация владельца: митрополит назван «высокочтимым» («ὁ ὑπέρτιμος»), т.е. традиционным эпитетом, используемым в отношении к митрополиту⁴²⁹.

На печати Константина Месопотамита, митрополита Фессалоники, представлено его родовое имя⁴³⁰. В надписи на мраморной плите, в которой упоминается архиерей, указано его родовое имя и сан: святейший митрополит и всесвятейший архиепископ Фессалоники⁴³¹.

На медальоне Василия Педиадита представлена стандартная надпись с призывом о помощи митрополиту Керкиры. Архиерей назван верховным пастырем («ὁ ποιενάρχης») Керкиры⁴³². Аналогичная надпись имеется на печати Георгия Вардана. Митрополит именуется верховным пастырем («ὁ ἀρχιθύτος»)⁴³³.

Рассмотренные выше формы самоидентификации представителей высшего духовенства обнаруживают сходство с наречением митрополитов, возглавлявших византийские диоцезы на западе Балкан в XI—XII вв. Можно говорить, что распространение получила формула «Имя, митрополит, название диоцеза»⁴³⁴. Кроме того, использовались надписи, не содержащие имя архиерея и его сан⁴³⁵, а также не имеющие указания на сан⁴³⁶. Получают развитие черты, появившиеся в XI—XII вв.: указание на печатях патронима архиерея⁴³⁷. Ссылки на родовое имя имеются также на печатях духовенства Никейской империи⁴³⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что кроме Хоматиана никто из архиереев не пытался отметить

свою персону в источниках как равную патриарху. После смерти Димитрия Хоматиана в церковной иерархии образовалась лакуна, выразившаяся в отсутствии явного лидера среди духовенства. Возникшую пустоту мог заполнить Навпактский митрополит Иоанн Ксир, возглавивший один из крупнейших диоцезов, находившихся под властью Дук в 1240—1250-е гг. и являвшийся доверенным лицом Михаила II. Однако у Навпактского митрополита не было уже сил и ресурсов, в связи с изменившейся политической ситуацией, отстаивать статус автокефальной эпирской церкви. Его титулы и обращения не выходят за рамки общепринятых.

Помимо родового имени важной чертой рассматриваемых печатей является выбор их владельцами небесных покровителей. Так, на печатях Василия Педиадита и Георгия Вардана помещены изображения св. апостолов Петра и Павла⁴³⁹, являвшихся, как свидетельствует письмо Георгия Вардана, небесными покровителями острова⁴⁴⁰. Эти изображения представлены также на печатях Керкирских митрополитов XI—XII вв.⁴⁴¹. На печати Константина Месопотамита помещено изображение св. Димитрия, рядом с которым представлен коленнопреклонный митрополит⁴⁴². Изображения св. Димитрия, небесного покровителя Фессалоники, содержат также печати нескольких митрополитов города XI—XII вв.⁴⁴³

К небесным покровителям архиереев можно добавить св. Климента Охридского, почитаемого в Охридской архиепископии. Его житие было составлено Димитрием Хоматианом⁴⁴⁴.

Данная особенность затрагивает важную черту — наличие небесного патрона у местного сообщества, во-

крут которого объединяется население; фактически, покровитель легитимирует его притязания. Обращение к имени святого и выбор его в качестве заступника отражали связь архиерея с местным сообществом, показывали его представителем сообщества⁴⁴⁵. Выбор в качестве патрона о. Корфу св. Петра и Павла, вероятно, связан с западноевропейским влиянием на культуру острова, несколько раз во второй половине XII—начале XIII в. переходившего под власть норманнов, венецианцев, генуэзского пирата Ветрано. Данное воздействие в области взаимоотношения Церквей подтверждает приглашение Василия Педиадита Римским папой на Латеранский IV собор. Педиадит отклонил предложение, ссылаясь на отсутствие на соборе Вселенского патриарха. Как символ западного влияния изображения св. Петра и Павла появляются на монетах Латинской империи⁴⁴⁶.

О самоидентификации представителей аристократии известно меньше. Речь может идти об идентификации двух семейств Петралифов и Малиасинов, а также нескольких менее знатных родах.

В период правления Комнинов в среде знати усиливаются представления о знатном человеке как о лице, принадлежащем к известному роду и обладающему военными доблестями, что связано с аристократизацией общества, обусловленной формированием императорского клана⁴⁴⁷.

Подробно идентификация Петралифов была представлена выше на основе анализа сведений о данном семействе, содержащихся в житии св. Феодоры. Представители этого рода рассматривали себя как отдельное семейство, имеющее свою историю и обладающее высоким положением, обусловленным управляющей должностью предков и их земельными владениями.

Не менее ярким проявлением данной идентификации является использование патронимов членами рода. Отношение к клану Комнинов, подкрепленное браком с эфирскими Дуками, позволило Петралифам употребить сразу три родовых имени: Комнины, Дуки, Петралифы. Так, брат Марии Дукены, Андроник Петралиф, именуется в грамоте 1227 г. как: Дука Петралиф⁴⁴⁸ и Петралиф Комнин Дука⁴⁴⁹. Мария Петралифина, жена Феодора I Дуки, упоминается в надписи, сделанной на покрове с изображением Богородицы, как «Дукена, рожденная от Комнинов» («ἡ Δούκαινα Κομνηνοφύη»)⁴⁵⁰. Такую форму патронима не носили эфирские правители. В предшествующий период она встречается на печати Алексея Палеолога, зятя Алексея III и предполагаемого наследника престола: «Палеолог, рожденный от Комнинов» («ὁ Παλαιολόγος Κομνηνοφύος»)⁴⁵¹. Это говорит о стремлении эфирского правителя показать не только себя, но и свою супругу в качестве наследников династии Комнинов, использовав для этого эпитет, традиционный для византийской аристократии XII в. Еще одна представительница рода Феодора Петралифина, упомянута в надписи, сделанной на саркофаге её сына с патронимом Дукена⁴⁵². В двух последних случаях мы имеем дело с выбором женщиной после замужества патронима более знатного рода⁴⁵³.

Сведения о самоидентификации Малиасинов представлены в хрисовуле Михаила II, пожалованном семейству в 1246 г. В документе в отношении Константина Малиасина использованы два патронима — Комнин и Малиасин⁴⁵⁴. При этом в начале говорится о родственных отношениях между правителем и аристократом: Константин Малиасин был женат на Марии Комнине, дочери Михаила I Дуки.

Чтобы подчеркнуть знатное происхождение аристократ назван в документе «всеблагороднейший» (“ὁ πανευγενέστατος”)⁴⁵⁵. Применительно к его сыну Николаю использованы патронимы Комнин и Малиасин⁴⁵⁶. Николай Малиасин представлен в документе как сын отца и верный подданный эпирского правителя, «верный моей царственности» (“ὁ πιστευμένος τῆ βασιλείᾳ μου”), относящийся также к роду Дук⁴⁵⁷.

Использование сложных патронимов, состоящих из нескольких родовых имен, говорит, на наш взгляд, о тенденции к расширению правящего рода по примеру «комниновского клана». Данные тенденции применительно к семейству Малиасинов нашли своё выражение в более поздний период. Так, в грамоте патриарха Иосифа I (1267—1275, 1282—1283) от 1274 г., подтверждавшей владение и статус монастыря Неа Петра, Константин Малиасин назван Комнином Константином Малиасином Дукой Вриеннием, его сын, Николай Малиасин, — Комнином Малиасином Ангелом, его внук, Иоанн Малиасин, — Комнином Ангелом Малиасином Палеологом⁴⁵⁸.

Помимо упоминания патронима обращают на себя внимание эпитеты, используемые в хрисовуле Михаила II применительно к Константину и Николаю Малиасинам, представляющие их верными чадами Церкви. В частности, сказано, что гарантией надлежащего управления монастырским имуществом является благочестие Константина Малиасина⁴⁵⁹. Этот аспект представлен также в житии св. Феодоры, где подчеркнута благочестие представительницы рода Петралифов, основавшей монастырь св. Георгия⁴⁶⁰. Указанные оценки (в обоих случаях) связаны не только с благонравной жизнью аристократов, но также с их ктиторовством⁴⁶¹.

В хрисовуле говорится о военных заслугах Константина Малиасина, сумевшего остановить наступление латинян в области Алмира⁴⁶².

Рассматриваемые представления отражены значительно более наглядно в эпитафии Константину Малиасину, составленной Мануилом Оловолом. В источнике указано одно родовое имя — Малиасин, но при этом говорится, что его род — «великая прекрасная ветвь [произрастающая] от корня Комнинов»⁴⁶³. Константин представлен как «потомок сына императора, побег порфиры, муж сестры Михаила деспота, увенчанный достоинством прозвища Ангел от прадеда среди родов блистательных»⁴⁶⁴. Кроме того, подробно перечисляются доблести Константина: мудрость, мужество, благородство, благочестие, а также уважение и почитание монахов⁴⁶⁵.

Можно говорить о том, что распространение на представителей крупных аристократических родов таких качеств, как мужество, мудрость и благочестие, связано с общей тенденцией, характерной для XI—XII вв., когда данные добродетели становились важным признаком принадлежности к высшей знати⁴⁶⁶. Следует также отметить, что и благочестие, и мужество, свойственные аристократам, описаны в источниках, составленных представителями духовенства (Иовом и Мануилом Оловолом). Данная ситуация сходна с рассмотренным выше процессом, когда суждения о правителе как о попечителе Церкви и удачливом воине высказывались в письмах Иоанном Апокавком, Димитрием Хоматианом и Георгием Варданом.

Таким образом, мы видим, что идентификация представителей крупных родов в значительной степени сходна с рассмотренными выше представлениями

о правителе. При этом данная ситуация обусловлена тем, что образ государя был своеобразно представлен в источниках, связанных с крупной землевладельческой аристократией: при том, что сообщалось о Михаиле Дуке как о легитимном наследнике Комнинов, эфирские властители изображались как обладатели обширных территорий, доставшихся им по наследству. В этом они оказываются близки семейству Петралифов, также обладавшему крупными земельными владениями. Таким образом, мы видим, что представители влиятельных родов воспринимают себя как «младшие» члены правящей династии, сходные по качествам с государем. Данной самоидентификации во многом способствовало установление родственных связей между Дуками, Малиасинами и Петралифами. Стремление показать свой статус как почти равный императорскому, становясь значительным основанием для дальнейшего обособления аристократического рода, наталкивалось вместе с тем на одно существенное препятствие: отсутствие права на самостоятельное правление. Наоборот, всегда подчеркивалось подчиненное положение аристократов эфирским властителям. Акцентировалась личная верность Дукам. Подобная ситуация связана, по всей видимости, с тем, что данные роды, хотя и были включены в клан Комнинов, однако являлись менее знатными, чем эфирские Дуки, а также — с необходимостью консенсуса в среде политической элиты после событий 1204 г.

Кроме родов Малиасинов и Петралифов в источниках имеются сведения о самоидентификации местной знати.

В письме знати о Корфу, адресованном аристократии Рагузы, указаны три влиятельные семейства:

Калаяни, Комиано и Ватаци. Об их принадлежности к аристократии говорит приведенный эпитет «господин» (“dominus”)⁴⁶⁷. Кроме того, два рода, упоминаемые в эпистоле, представлены земельными собственниками на о. Корфу (Ватаци)⁴⁶⁸ и Македонии (Комиано)⁴⁶⁹.

По всей видимости, речь идет о местной знати, говоря о самоидентификации которой следует отметить два аспекта: во-первых, применение к её представителям эпитета «господин», во-вторых, разделение народа о. Корфу на две категории: «бóльшие» и «меньшие» (“majores et minores”)⁴⁷⁰. Вероятно, Калояни, Комиани и Ватаци относились к «бóльшим», о чем свидетельствуют приведенные эпитеты, а также то, что именно им было поручено обратиться к рагузийцам с предложением союза. Привлекает внимание отсутствие эпитетов, характерных для высшей землевладельческой аристократии. Эпитет «господин» встречается в судебных постановлениях для обозначения местной знати, не включенной в систему придворных титулов⁴⁷¹. При этом в некоторых случаях «господин» мог занимать руководящую должность в администрации, являясь архонтом (Петр Врана)⁴⁷². Вероятно, перед нами архонты о. Корфу, представлявшие себя в качестве глав общины острова.

Как случай самоидентификации знати, данный эпизод интересен тем, что он свидетельствует об автономном управлении (подразумевавший полунезависимый статус упомянутых аристократов), существовавшем на острове. В этом рассматриваемые действия корфиотов близки к представителям крупных аристократических родов, выражавших собственные политические интересы, порой независимо от власти эпирского правителя.

Известно несколько печатей, пимеющих прямое отношение к эфирской аристократии:

- 1) печать, принадлежащая Николаю Кампану и Димитрию Спартину, стоявшим во главе заговора против Димитрия Дуки. Она имеет две надписи: «Печать севаста Николая Кампана» и «Севаста печать Димитрия Спартина»⁴⁷³;
- 2) печать Феодора Стратигопула, на которой представлено изображение св. Феодора Стратилата и надпись: «Как на щите, пишу тебя ныне на печати, дабы ты защитил Феодора Франгопула»⁴⁷⁴;
- 3) печать Мануила Мономаха, на которой изображен Иисус Христос на престоле и представлена надпись: «Рука Божья, запечатай дела Мануила Мономаха и до конца их сохраняй»⁴⁷⁵;
- 4) печать Феодора Диаватина, на которой размещены две надписи: «Святой Феодор»⁴⁷⁶ и «Боже, помоги севасту Феодору Диаватину».

Как видно, на печатях представлено в основном по одному родовому имени, что свидетельствует о невысоком статусе их владельцев. Указание на титул севаста является характерным для местной элиты.

Если перечисленные черты оставались, в целом, традиционными и общераспространенными для аристократии, то обращение к образу местного святого покровителя имело региональные различия. Наиболее ярким проявлением в политике стало обращение фессалоникийских архонтов к клятве св. Димитрию во время заговора против Димитрия Дуки. Один из аристократов, Николай Кампан, состоявших в заговоре, вызвался провести расследование обвиняемого в измене архонта, и затем, чтобы оправдать его, поклялся именем св. Димитрия⁴⁷⁷.

В данном случае аристократы отдавали себя под покровительство святого, имя которого должно было снять подозрения, и легитимировало их притязания. Перед нами проявление общей тенденции в почитании святых определенным сообществом: городским, сельским и т.д., когда оно объединялось на основе почитания святого⁴⁷⁸. Существование в Эпирском царстве аналогичных феноменов подтверждается тем, что в период первой половины XIII в. в феме Янина было сообщество, состоявшее из клириков и мирян и объединенное почитанием Богородицы Милующей (Θεοτόκος Ἐλεούσα)⁴⁷⁹. Правда, политических претензий его члены не выдвигали. В этом случае нам важен принцип — существование в Эпире православных братств, сложившихся на основе почитания небесного покровителя.

* * *

Итак, принципы легитимации власти эфирских Дук, как мы видели, находились в тесной связи с византийской политической идеологией и учитывали конкретную ситуацию первой половины XIII в., а также находились во взаимодействии с процессами, происходившими внутри местной элиты.

Для большей части периода 1205—1230 гг. характерно представление эфирскими Дуками своей власти как местных правителей. Только после взятия Фессалоники Феодор I принял титул императора, который позднее перешел к его брату Мануилу Дукке. Раздел государства на «уделы» привел к тому, что выбор титулатуры некоторых эфирских государей определялся внешнеполитическими факторами. При этом (в отличие от Михаила I) речь шла о прямой легитима-

ции власти никейским императором. Впрочем, это не лишало эфирских глав возможности принять титул императора при благоприятной возможности. Таким образом, обладание императорским титулом совершенно не было обязательным условием для легитимации власти эфирских правителей. Сходная ситуация характерна также для других греческих государств. Феодор I Ласкарис принял титул императора в 1208 г., Алексей I Великий Комнин — лишь после утверждения своей власти в начале XIII в. Аналогичное положение наблюдается в области родовой принадлежности. Основным пунктом генеалогии эфирских Дук стало указание на происхождение от Иоанна Дуки, отца Михаила и Феодора, не занимавшего престол, но относившегося к окружению предшествующих императоров. Данная особенность, являющаяся следствием династического кризиса конца XII в., свидетельствует о том, что Дуки стремились подчеркнуть своё родовое происхождение, представить себя потомками отдельного рода, связанного с домом Комнинов родственными узами. Эта черта отразилась также в патронимах эфирских правителей, ставших более сложными по сравнению с родовыми именами византийских императоров XII в. Родовая принадлежность Дук сочеталась с определением территории, на которую распространялась их власть. Наследственное владение Дук — область Эпира, владением по «праву управления» — Пелопоннес. Определение территориальной принадлежности сопровождалось установлением связей с элитой конкретных областей. Становление «второго Константинополя» в рамках принципа «столичной легитимации» происходило в царстве в контексте усиления положения крупных го-

родов и распределения между ними функций и статуса столицы.

Устойчивость родовой и территориальной принадлежности Дук проявилась в иконографии правителей, характеризующейся наличием небесных покровителей, отражающих семейную (архангел Михаил) и городскую (св. Димитрий) принадлежность. Как и в случае с титулатурой, для иконографии государей свойственно влияние внешнеполитических факторов (союза со Священной Римской империей).

Впрочем, перечисленные особенности отнюдь не означают превалирование идей регионализма над универсалистской концепцией. Эпирские Дуки реализовали, в рамках перечисленных принципов, также идеи XII в., использовали титул «император» и патроним Комнин, прибегли к принципу, доказывающему происхождение от василевсов из династий Комнинов и Ангелов, актуализировали в портретах имеющие особое значение элементы облачения, а также обратились к традиционным покровителям василевсов: Иисусу Христу, Богородице, св. Константину.

Всё это свидетельствует о симбиозе региональной и универсалистской идей в более или менее равной степени. Данная ситуация была, по всей видимости, обусловлена меньшим числом столичной элиты (по сравнению с Никейской империей) как носительницы традиций византийской идеологии, перебравшейся в Эпир. Поэтому в Никейской империи некоторые из перечисленных выше черт (сложные патронимы, упоминание родственников, не занимавших престол и др.) не получили, в целом, в идеологии столь сильное и последовательное развитие как в Эпирском

царстве. Исключение составляет лишь время правления Михаила VIII Палеолога.

Принятие перечисленных принципов политической элитой царства (в первую очередь, высшей аристократией и духовенством) не было одинаковым и имело очевидную связь с их самоидентификацией.

Высшее духовенство, основываясь на традиционных универсалистских представлениях о правителе как о помазаннике Божьем, владыке христиан, неутомимом воине и благодетеле государства, занимающем престол в Константинополе, стремилось добавить к ним перечисленные выше идеи регионализма, связанные, прежде всего, с родовой и территориальной принадлежностью государя. Наиболее ярким выражением данного сочетания стала мысль о сосуществовании двух императоров, на Балканах и в Малой Азии, фигурирующая в письмах Димитрия Хоматиана и Георгия Вардана. Данные представления сочетались с безусловным принятием главенства эфирского правителя над духовенством, сопровождавшимся в некоторых случаях критикой архиереями Дук и их чиновников. Несмотря на существование в среде эфирского духовенства развитой системы самоидентификации, предполагавшей связь с местным сообществом и восприятие себя в качестве единой группы, тем не менее, архиереи не рассматривали себя, даже в период существования автономной Церкви, независимо от власти патриарха; фактически, они придерживались традиционной схемы обозначения собственных персон.

Представители крупных аристократических родов воспринимали правителя как главу династии, первого среди равных, обладающего наследственными пра-

вами на определенную территорию, что сочеталось с оценкой своего положения как «младших» членов династии, впрочем, также имеющих наследственные права на ряд областей и признающих доминирующее значение рода Дук. Несколько иная ситуация характерна для аристократии, перебравшейся в Эпир после 1204 г., основная часть которой связывала свои интересы только с фигурой правителя. Самоидентификация городской верхушки, в целом, не выходила за рамки традиционных формул, различия наблюдались только в выборе святого покровителя сообщества.

Примечания

- ¹ Соколов И.И. О византизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии. Вселенские судьи в Византии / Вступ. ст. Г.Е. Лебедевой. СПб., 2003. С. 26—27; ODB. Vol. 2. P. 1203; Полуэктова О.С. К вопросу о сущности церемониала в связи с императорской идеей // Византийское государство в IV—XV вв.: Центр и периферия. Тезисы докладов XV Всероссийской научной сессии византистов (Барнаул, 29 мая — 2 июня 1998 г.). Барнаул, 1998. С. 60—62; Поляковская М.А. Поздневизантийский чин коронования василевса // ВВ. 2009. Т. 68 (93). С. 6; Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden // Wiener byzantinische Studien. Wien, 1964. Bd. 1. S. 49—83; Angelov D. Imperial ideology... P. 29—80.
- ² Каждан А.П. Византийская культура... С. 105—106.
- ³ Там же. С. 106.
- ⁴ ODB. Vol. 2. P. 1203; Чеснокова Н.П. Византийская династическая идея... С. 193, 198.
- ⁵ ODB. Vol. 2. P. 1203; Radošević N. L'Oecumène byzantine dans les discours impériaux du XIe et XIIe siècle // Byzantium and its neighbours... P. 156—157; Magdalino P. The empire of Manuel I Komnenos... P. 109; Magdalino P. The empire of the Komnenoi... P. 655.

- ⁶ *Kazhdan A.* The aristocracy and imperial ideal // *The Byzantine aristocracy...* P. 51—52; *Литаврин Г.Г.* Политическая теория Византии с середины VII—до начала XIII в. // *Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв.* С. 84; *Radošević N.* L'Oecumène Byzantine... P. 160; ODB. Vol. 2. P. 1203.
- ⁷ ODB. Vol. 2. P. 1203; *Литаврин Г.Г.* Политическая теория... С. 84; *Чичуров И.С.* Политическая идеология Средневековья... С. 46; *Поляковская М.А.* Поздневизантийский чин коронования василевса. С. 7.
- ⁸ *Angold M.* Introduction // *Byzantine aristocracy...* P. 5; *Литаврин Г.Г.* Этапы эволюции верховной власти и её репрезентации в Византии VII—XII вв. // *Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная и Восточная Европа).* Тез. XXII научной конференции «Славяне и их соседи». Москва. 14—16 мая 2004 г. / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2004. С. 49—50.
- ⁹ *Dujčev I.* Le grand tournant historique... P. 66—68; *Patlagean E.* Les États d'Europe centrale... P. 862—863.
- ¹⁰ *Brezeanu S.* La fonction de l'idée d'Imperium unicum chez les Byzantins de la première moitié du XIIIe siècle // *RESEE.* 1978. Vol. 16. №1. P. 59—64; *Cheyne J.-C.* Pouvoir et contestations... P. 472.
- ¹¹ *Карнов С.П.* Причерноморье и Византия до и после IV Крестового похода // *Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами): Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византистов.* Москва, 26—27 мая 2004 года. М., 2004. С. 81; *Карнов С.П.* В поисках новой святости: Греческое Причерноморье после 1204 г. // *Сборник материалов. Международная церковно-научная конференция "Православная Византия и латинский Запад: (К 950-летию разделения Церквей и 800-летию захвата Константинополя крестоносцами)"* (Москва, 26—27 мая 2004 г.). М., 2005. С. 60.
- ¹² *Карнов С.П.* История Трапезундской империи. С. 111.
- ¹³ *Finlay G.* A History of Greece... P. 123; *Histoire generale du IV-e siecle à nos jours...* P. 365—366; *Miliaraki A.* Ιστορία του βασιλείου της Νικαίας και του Δεσποτάτου της Ηπείρου. Σ. 50—51; *Левченко М.В.* История Византии. С. 234; *Ангелов Д.* К вопросу о правителях фем... С. 53—54; *Nicol D.* The Despotate of Epiros. P. 15.
- ¹⁴ *Stiernon L.* Les origines I. P. 122—126.
- ¹⁵ *Ферјанчић Б.* Деспоти у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1960. С. 207.

- ¹⁶ *Guilland R. Études sur l'histoire administrative de l'empire Byzantine // REB. 1959. T. 17. P. 71, 73; Guilland R. Recherches sur les institutions byzantines. Berlin, 1967. T. 2. P. 13; Karpozilos A.D. The ecclesiastical controversy... P. 36—37; Loernetz R.-J. Aux origines du despotat d'Épire... P. 393; Varzos C. La politique dynastique des Comnènes et des Anges la prediction aima (sang) et l'heritage des Grands Comnènes de Trebizonde et de Anges-Comnènes-Doukas d'Épire face aux Lascarides de Nikee // XVI Internationaler Byzantinisten Kongress. Wien, 1982. T. 2. Hbd. 2. P. 360; Nicol D.M. Byzantium and Venice... P. 151. Note 1; Cheynet J.-C. Pouvoir et contestations... P. 472.*
- ¹⁷ MM. III. P. 58. № IX.
- ¹⁸ Ibid. P. 58—59.
- ¹⁹ Ibid. P. 58.
- ²⁰ Ibid. P. 59.
- ²¹ TT. II. P. 121. № 224.
- ²² Acrop. S. 24. 12—24; Villehard. P. 179. № 301.
- ²³ *Albricus Monachus. Chronica... S. 886.2.*
- ²⁴ Noctes. C. 250.17.
- ²⁵ MM. V. P. 14.
- ²⁶ MM. III. P. 14—15; Noctes. C. 251.3, 4, 17, etc.
- ²⁷ Noctes. C. 254.6—7.
- ²⁸ Acrop. S. 43.24.
- ²⁹ *Albricus Monachus. Chronica... S. 906.29; Chronique d'Ernoul et de Bernard de Trésorier... P. 392—393; Roberti Autissiodorensis chronici continuatio... S. 282.11—13.*
- ³⁰ *Albricus Monachus. Chronica... S. 911.41; 938.42.*
- ³¹ Ibid. S. 927.5—6.
- ³² MM. III. P. 62; Kurtz E. Christophoros von Ankyra... S. 137.3—4.
- ³³ MM. III. P. 66—67. № XIV.
- ³⁴ Acrop. S. 40.12—15; Ephraim. Coll. 300, lin. 8119; Scout. Σ. 475.14—15.
- ³⁵ MM. III. P. 62. № XV.
- ³⁶ *Historia Diplomatica Friderici Secundi... P. 586.*
- ³⁷ Ibid.
- ³⁸ *Ekthésis Néa. Manuel des pittakia du XVe siècle / Ed. crit. et comment. par J. Darrouzès. P., 1969. P. 55.19—20*
- ³⁹ Ibid. P. 56.30—31.
- ⁴⁰ MM. IV. P. 346, 347. № VII.
- ⁴¹ MM. III. P. 69. № XVI.
- ⁴² Ibid. P. 68—69. № XVI.
- ⁴³ *Angold M. Byzantine government in exile... P. 15—16.*

- ⁴⁴ *Theodori Ducae Lascaris Epistulae...* P. 320, 324.106—108.
- ⁴⁵ Pachym. P. 115.19—117.2 (“Μίχαηλ... βουλήν βουλευεται... πλείστας ὄσας συναθροίσας δυνάμεις καὶ τῇ πόλει προσσχών, περικαθίσαι καὶ πειραθῆναι κατασχεῖν καὶ οὕτως βασιλεὺς ἀναγορευθῆναι Ῥωμαίων”); Nicol D.M. *The despotate of Epirus*. P. 170.
- ⁴⁶ *Лухачев Н.П. Моливдовулы греческого востока...* С. 103—104. № 8. Табл. LXIII. № 8; *Марковић М. Византијске повеље...* С. 237—238. Сл.6а—6б.
- ⁴⁷ Zacos G., Veglery A. *Byzantine lead seals*. Vol. 1. P. 72. №115; *Oikonomides N. A collection of dated Byzantine lead seals*. P. 105—106. № 132.
- ⁴⁸ *Лухачев Н.П. Моливдовулы греческого востока...* С. 219. Сл.2а—2б.
- ⁴⁹ Zacos G., Veglery A. *Byzantine lead seals*. Vol. 1. P. 94. №104.
- ⁵⁰ *Ibid.* P. 96. №107.
- ⁵¹ Seibt W., Zarnitz M.L. *Das Byzantinische Bleisiegel...* S. 40—42. №1.1.10.
- ⁵² Zacos G., Veglery A. *Byzantine lead seals*. Vol. 1. № 117—118; Seibt W. *Die Byzantinische Bleisiegel in Österreich*. Wien, 1978. Teil 1. Kaiserhof. S. 108—111. № 30. Taff. 3. № 30.
- ⁵³ Hendy M.F. *Coinage...* P. 268. Pl. 37.3,4; P. 269. Pl. 37.10—12; P. 269—270. Pl. 38.1,2; etc.
- ⁵⁴ *Ibid.* P. 112. Pl. 13.1—4; 114—115. Pl. 14.1—4; P. 119—120. Pl. 17. 5—8; P. 120. Pl. 17. 9—16.
- ⁵⁵ *Ibid.* P. 143—145. Pl. 20.1—11; P. 116. Pl. 14.10—13.
- ⁵⁶ *Ibid.* P. 152. Pl. 23.8—12.
- ⁵⁷ *Герасимов Т.Д. Принос към нумизматиката...* С. 392. №№33,34.
- ⁵⁸ Hendy M.F. *Coinage...* P. 111—112. Pl. 12.1—12; P. 114. Pl. 13.10—12; P. 121. Pl. 17. 17,18.
- ⁵⁹ Zacos G., Veglery A. *Byzantine lead seals*. Vol. 1. P. 72. №115; *Oikonomides N. A collection of dated Byzantine lead seals*. P. 124—125. № 132; Seibt W., Zarnitz M.L. *Das Byzantinische Bleisiegel...* S. 42—43. №1.1.11.
- ⁶⁰ Zacos G., Veglery A. *Byzantine lead seals*. Vol. 1. P. 97—98. № 108.
- ⁶¹ *Bredenkamp F. The Byzantine of Thessaloniki...* P. 129—130.
- ⁶² *Albricus Monachus. Chronica...* S. 911.41 (“...Theodorus de duce se regem constituit”).
- ⁶³ *Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 905* (“Θεόδωρος... τὴν Θεσσαλονικίην ἐλευθέρωσας τῆς Λατινικῆς τυραννίδος βασιλεὺς ἀνηγόρευται”).
- ⁶⁴ *Acrop. S. 33.19—20; Scout. Σ. 468.23—24.*

- ⁶⁵ Noctes. С. 258.14—15; Chom. S. 376.181—191.
- ⁶⁶ Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере власти преимущественно во Франции и в Англии / Пер. и комм. В.А. Мильчиной. М., 1998. С. 635; *Goschew I. Zur Frage der Krönungszeremonien und die zeremonielle Gewandung der byzantinischen und die bulgarischen Herrscher im Mittelalter // Byzantinobulgarica. 1966. Vol. 2. S. 168; Острогорский Г.А. Эволюция византийского обряда коронавания // Византия, южные славяне, Древняя Русь, Западная Европа. Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973. С. 33—42; Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в... С. 115.*
- ⁶⁷ *Nicol D.M. Kaisersalbung. The unction of emperors in late byzantine coronation ritual. 1976 // Idem. Studies in Late Byzantine History and Prosopography. I. L., 1989. P. 50; Жаворонков П.И. Избрание и коронация... С. 57; ODB. Vol. I. P. 107; Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 1998. С. 25—26; Ульянов О.Г. О времени возникновения инаугурационного миропомазания в Византии, на Западе и в Древней Руси // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов (Москва, 20—21 октября 2008 года). М., 2008. С. 133—137.*
- ⁶⁸ Chom. S. 457.14—15; Блок М. Короли-чудотворцы... С. 636.
- ⁶⁹ Поляковская М.А. Поздневизантийский чин коронавания василевса. С. 16—17; Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в... С. 116.
- ⁷⁰ Acrop. S. 24.23—25.2; Ephraim. Coll. 284, lin. 7647—7648; Scout. Σ. 460.24—27; *Γιαννής Η. Η συγκράτηση... Σ. 142.*
- ⁷¹ Acrop. S. 33.19—20; Scout. Σ. 468.23—24; *Karpozilos A.D. The ecclesiastical controversy... P. 23.*
- ⁷² *Angold M. Byzantine government in exile... P. 43, 89; Жаворонков П.И. Избрание и коронация... С. 56; Поляковская М.А. Поздневизантийский чин коронавания василевса. С. 11; Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в... С. 106—107.*
- ⁷³ Блок М. Короли-чудотворцы... С. 631.
- ⁷⁴ *Stavridou-Zafraka A. Political Ideology... P. 314; О храме св. Софии см.: Janin R. Les églises et les monastères des grand centres Byzantines. P., 1975. P. 407—411; Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Η αγία Σοφία ως μητροπολιτικός ναός και το επισκοπείο // Αφιέρωμα στη μνήμη του Σωτήρου Κίσσου. Θεσσαλονίκη, 2001. Σ. 549—560.*

- ⁷⁵ Janin R. Les églises... P. 407.
- ⁷⁶ Ibid. P. 407—408.
- ⁷⁷ Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 161—162. Подробнее о базилике св. Димитрия в Фессалонике см.: Janin R. Les églises... P. 365—372.
- ⁷⁸ Карнов С.П. После 1204 г... С. 137.
- ⁷⁹ Acrop. S. 43.23—44.1; Ephraim. Coll. 300, lin. 8118—8119; Scott. Σ. 475.13—17.
- ⁸⁰ Acrop. S.64.6—8; Ephraim. Coll. 308, lin. 8347—8349; Scott. Σ. 484.13—21.
- ⁸¹ ТТ. II. P. 120.
- ⁸² Ibid. P. 119.
- ⁸³ ММ. III. P. 59.
- ⁸⁴ Марковић М. Византијске повеље... С. 237—238. Сл.6а—6б.
- ⁸⁵ ММ. V. P. 14; Noctes. C. 250.20; CIG. Vol. 4. P. 99; Il liber Communis... P. 184.
- ⁸⁶ Noctes. C. 250.17.
- ⁸⁷ Иванов Й. Български старини... С. 36.
- ⁸⁸ ММ. III. P. 67.
- ⁸⁹ Zacos G., Vegler A. Byzantine lead seals. Vol. 1. P. 72. №115; Seibt W., Zarnitz M.L. Das Byzantinische Bleisiegel... S. 42—43. №1.1.11.
- ⁹⁰ Archives de l'Athos. T. 20... P. 15—16, 33.
- ⁹¹ Politis L. Eine Schreiberschule... S. 269.
- ⁹² Lemerle P. Trois actes... P. 417; ММ. IV. P. 345.
- ⁹³ ММ. III. P. 67; CIG. Vol. 4. P. 101. Lemerle P. Trois actes... P. 421, 422.
- ⁹⁴ Stiernon L. Les origines I. P. 117.
- ⁹⁵ Ibid. P. 119—120.
- ⁹⁶ Guiland R. Études sur l'histoire administrative... P. 74; Polemis D.I. The Doukai... P. 89—91; Nicol D.M. The prosopography of the Byzantine aristocracy... P. 82; Stauridou-Zafraka A. Political ideology... P. 316—317.
- ⁹⁷ Dölger F. Die Entwicklung der byzantinischen Kaisertitulatur und die Datierung von Kaiserdarstellungen in der byzantinischen Kleinkunst // Dölger F. Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956. S. 146—149; Idem. Zur Unterfertigung byzantinischer Chrysobouloi Logoi // SBAW. Filos.-philol. Klasse. München, 1964. Hft. 10. S. 3—15; CIG. Vol. 4. P. 339. №8736.
- ⁹⁸ Oikonomides N. A collection... P. 117—118. № 124.
- ⁹⁹ Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого востока... С. 137—138. № 13. Табл. LVI. № 13.
- ¹⁰⁰ ММ. IV. P. 13; Горянов Б.Т. Поздневизантийский иммунитет (окончание). С. 103.

- ¹⁰¹Zacos G., Veglery A. Byzantine lead seals. Vol. 1. P. 106—107. № 116; P. 175. №2755; Hendy M.F. Coinage... P. 228—229. Pl. 31.1—5; P. 258—259. Pl. 35.7—11.
- ¹⁰²CIG. Vol. 4. P. 343. №8748.
- ¹⁰³Карнов С.П. У истоков политической идеологии Трапезундской империи (О происхождении титула ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ) // ВВ. 1981. Т. 42. С. 101—105; Shukurov R. The enigma of David Grand Komnenos... P. 126—127; Κολτσιδά Α.Α. Οί σχέσεις τῶν μεγάλων Κομνηνῶν με τὴν ἐκκλησία τῆς Τραπεζούντας 1204—1461. Θεσσαλονίκη, 2005. Σ. 2.
- ¹⁰⁴Карнов С.П. История Трапезундской империи. С. 156.
- ¹⁰⁵Jordanov J. Corpus of Byzantine Seals II. №542; Polemis D.I. The Doukai... P. 154.
- ¹⁰⁶Jordanov J. Corpus of Byzantine Seals II. №351; ODB. Vol. 2. P. 1099.
- ¹⁰⁷Seibt W., Zarnitz M.L. Das Byzantinische Bleisiegel... S. 55—56. № 1.2.10.
- ¹⁰⁸Acrop. S. 43.14—15, 20; etc.
- ¹⁰⁹Шамгунова Т.А. Родственные и межклассовые связи поздневизантийской аристократии // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 355—379.
- ¹¹⁰Catalogue of Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 627. № 1.1, 1.2.
- ¹¹¹Hendy M.F. Coinage... P. 268. Pl. 37.1,2; P. 268—269. Pl. 37.5—9; Герасимов Т.Д. Принос към нумизматиката... С. 389. №18.
- ¹¹²Hendy M.F. Coinage... P. 271. Pl. 38.8,9.
- ¹¹³Ibid. P. 271. Pl. 38. 10,11.
- ¹¹⁴Ibid. P. 272. Pl. 38.13.
- ¹¹⁵Ibid. P. 282. Pl. 40.11.
- ¹¹⁶Ibid. P. 112. Pl. 13.1—4; 114—115. Pl. 14.1—4; P. 119—120. Pl. 17. 5—8; P. 120. Pl. 17. 9—16 etc.
- ¹¹⁷Ibid. P. 150—151. Pl. 22.3,5—7.
- ¹¹⁸Чеснокова Н.П. Комнины после Комнинов: династическая идея в Византии в конце XII—XIII вв. // Byzantium. Identity. Image. Influence. International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18—24 august 1994 / Ed. K. Fledelius. Copenhagen, 1995. P. 2116; Чеснокова Н.П. Византийская династическая идея... С. 198. Указания на родовые имена активно использовались в XI в., однако в XII в. вышли из употребления. См.: Шандровская В.С., Романчук А.В. Введение в византийскую сфрагистику. Екатеринбург, 1995. С. 77.
- ¹¹⁹Hendy M.F. Coinage... P. 111—112. Pl. 12.1—12; P. 114. Pl. 13.10—12; P. 121. Pl. 17. 17,18.
- ¹²⁰MM. III. P. 58.

- ¹²¹ТТ. II. P. 119.
- ¹²²Život Sv. Symeona od krále Štefana... S. 24.8—9 (“вѣста бо нѣкто
втѣ рода гречѣскааго, рода царѣска сын, именем Михаил”).
- ¹²³ММ. IV. P. 327.
- ¹²⁴CIG. Vol. 4. P. 99. (“Παῖς οὗτος ἀνδρὸς εὐτυχοῦς Ἰωάννου
σεβαστοκράτοροῦντος, ἀνθου πορφύρας / Θεόδωρος, μέγιστος ἐν
στρατηγίαις Δούκας Κομνηνός...”).
- ¹²⁵ММ. V. P. 14; Noctes. C. 251.9—10.
- ¹²⁶ММ. V. P. 15.
- ¹²⁷Ibid.
- ¹²⁸Lemerle P. Trois actes... P. 417.
- ¹²⁹Ibid.
- ¹³⁰Ibid.
- ¹³¹Ibid. P. 422.
- ¹³²Ibid.
- ¹³³Станковић В. Манојло Комнин, византијски цар (1143—
1180). Београд, 2008. С. 235.
- ¹³⁴Angold M. Introduction // The Byzantine aristocracy... P. 5; Kazh-
dan A.P., Wharton E.A. Change in Byzantine culture in the elev-
enth and twelfth centuries. Berkeley, 1985. P. 102—104.
- ¹³⁵ТТ. II. P. 120—121.
- ¹³⁶Ibid. P. 123 (“Et post decessum meum filius meus Constantinus de
singulis capitalis obseruandis debet simile per omnia facere sacra-
mentum”).
- ¹³⁷ММ. IV. P. 23.
- ¹³⁸Shukurov R. AIMA: The blood of Grand Komnenoi // BMGS. 1995.
Vol. 19. P. 167—170; Shukurov R. The enigma of David Grand
Komnenos... P. 127.
- ¹³⁹Shukurov R. AIMA... P. 162—165, 170—171, 178—180.
- ¹⁴⁰Greg. P. 13.21—14.3.
- ¹⁴¹Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 905.
- ¹⁴²Acrop. S. 161.25—163.17; Scout. Σ. 540.10—541.10
- ¹⁴³Chron. of Morea [lin. 4225—4230, 4247].
- ¹⁴⁴Chom. S. 87.127—88.128; Nicol D.M. Refugees, Mixed Popula-
tion... P. 19.
- ¹⁴⁵Il liber Communis... P. 185.
- ¹⁴⁶Setton K.M. The Papacy... P. 54. Note 45; Bredenkamp F. The Byz-
antine Empire of Thessaloniki... P. 146—147.
- ¹⁴⁷Acrop. S. 62.13—15; Scout. Σ. 485.14—15.
- ¹⁴⁸Albricus Monachus. Chronica... S. 938.43—44.
- ¹⁴⁹Nicol D.M. The despotate of Epirus. P. 142.

- ¹⁵⁰Карнов С. П. После 1204 г. ... С. 136—137; Карнов С.П. Образование Трапезундской империи... С. 26—27; Карнов С.П. В поисках новой святости... С. 63; Eastmond A. Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium. Hagia Sofia and the Empire of Trebizond. Ashgate, 2004. P. 1—9; Карнов С.П. История Трапезундской империи. С. 111.
- ¹⁵¹Жаворонков П.И. Малоазийские города... С. 58; Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καὶ Ἡπείρος... Σ. 201—202.
- ¹⁵²ODB. Vol. I. P. 191.
- ¹⁵³ТТ. II. P. 119.
- ¹⁵⁴Ἀραβαντίνος Π. Χρονογράφια τῆς Ἡπείρου. Σ. 58.
- ¹⁵⁵Παπαδοπούλου-Κεραμιέως Α.Ι. Περί συνοικισμού... Σ. 454; Ἀραβαντίνος Π. Χρονογράφια τῆς Ἡπείρου. Σ. 60; Osswald B. From Lieux de Pouvoir to Lieux de Mémoire: The Monuments of the Medieval Castle of Ioannina through the Centuries // Discrimination and tolerance in historical perspective / Ed. by G. Hálfdanarson. Pisa, 2008. P. 189; Ζήδρου Κ. Ἡ ΒΑ Ἀκρόπολη τοῦ κάστρου τῶν Ἰοάννινων // Ἡπειρώτικο Ἡμερολόγιο. 2009. Τ. 26. Σ. 303—305.
- ¹⁵⁶Chron. of Morea [lin. 8794—8802].
- ¹⁵⁷Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 60.20—21; Λαμβρόπουλος Κ. Ἰωάννη Ἀπόκαυκος... Σ. 293—294; Bartusis M.C. The Late Byzantine army.. P. 274—275.
- ¹⁵⁸Angold M. Byzantine government in exile... P. 187.
- ¹⁵⁹ODB. Vol. I. P. 668.
- ¹⁶⁰Albricus Monachus. Chronica... S. 906.29—30; Chronique d'Ernoul et de Bernard de Trésorier... P. 392—393.
- ¹⁶¹Асrop. S. 40.20—41.1; Scout. Σ. 473.21—23. Хотя по справедливому замечанию Дж.В. Баркера, в период правления Феодора I Дуки Фессалоника рассматривалась как своего рода «ступень» перед последующим освобождением Константинополя (Barker J.W. Late Byzantine Thessaloniki: A Second City's Challenges and Responses // DOP. 2003. Vol. 57. P. 14).
- ¹⁶²Fundić L. Art and Political Ideology... P. 221—224.
- ¹⁶³Жаворонков П.И. Культура Эпирского царства... С. 121—122.
- ¹⁶⁴Angold M. Byzantine government in exile... P. 63; Жаворонков П.И. Малоазийские города... С. 57; ODB. Vol. 2. P. 1268.
- ¹⁶⁵Грaбар А. Император в византийском искусстве. М., 2000 (1936). С. 23—25; Бутырский М.А., Селунская Н.А. Образы императорской власти... С. 58—60; Бибииков М.В. «Блеск и нищета» василевсов. Структура и семиотика власти в Византии // Образы власти на Западе, в Византии и на Руси: Средние века и Новое время / Отв. ред. М.А. Бойцов. М., 2008. С. 18—19; По-

- ляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в... С. 93—95.
- ¹⁶⁶Грабар А. Император в византийском искусстве. С. 25, 31; ODB. Vol. 3. P. 1703—1704.
- ¹⁶⁷Грабар А. Император в византийском искусстве. С. 23—24.
- ¹⁶⁸Мешочек из шелка, связанный с платком и наполненный землей и прахом, знак смирения императора и бренности человеческой жизни (Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в... С. 57—58).
- ¹⁶⁹Там же. С. 56—58.
- ¹⁷⁰Morrisson C., Zacos G. L'image de l'Empereur byzantin sur les sceaux et les monnaies // Le Monnaie, miroir des rois. Catalogue de l'exposition "Hôtel de la monnaie" (février—avril, 1978) / Ed. Y. Goldenberg. P., 1978. P. 57—72; Cheynet J.-C. L'usage de sceaux à Byzance // Sceaux d'Orient et leur emploi / Textes réunis par R. Gyselen. Bure-et-Yvette, 1997. P. 25—26, 29—31; Бутырский М.А., Селунская Н.А. Образы императорской власти... С. 58; Morrisson C. La numismatique, source de l'histoire de Byzance // Πρακτικά τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν. 2007. Т. 82. В'. P. 217—220.
- ¹⁷¹Grierson Ph. Byzantine coins. P. 32; ODB. Vol. 1. P. 538.
- ¹⁷²Hendy M.F. Coinage... P. 67—68; Поляковская М.А. Византийский дворцовый церемониал XIV в... С. 77.
- ¹⁷³Hendy M.F. Coinage... P. 68.
- ¹⁷⁴Magdalino P. The emperor in Byzantine art of the twelfth century. 1982 // Magdalino P. Tradition and transformation in Medieval Byzantium. L., 1991. VI. P. 169—175.
- ¹⁷⁵Даркевич В.П. Светское искусство Византии. М., 1975. С. 258—259.
- ¹⁷⁶Приложение 2. Табл. 2. № 2.
- ¹⁷⁷Там же. № 1—4.
- ¹⁷⁸Там же. Табл. 2. № 1.
- ¹⁷⁹Hendy M.F. Coinage... P. 152. Pl. 23.8.
- ¹⁸⁰Приложение 2. Табл. 2. № 3, 4.
- ¹⁸¹Zacos G., Veglery A. Byzantine lead seals. P. 99—100. № 110.
- ¹⁸²Лихачев Н.П. Молибдовулы греческого Востока... С. 258—259. Табл. LXVII. № 10—12; С. 259—261. Табл. LXVIII. № 1, 2, 3; Zacos G., Veglery A. Byzantine lead seals. P. 90—93. № 102.
- ¹⁸³Приложение 2. Табл. 2. № 5; Приложение 3. Иллюстрации. № 1.
- ¹⁸⁴Карпов С.П. История Трапезундской империи. С. 109—110.
- ¹⁸⁵Лихачева В.Д. Искусство Византии IV—XV вв. Л., 1986. С. 66, 69.
- ¹⁸⁶Приложение 2. Табл. 2.1. №№ 1—7.
- ¹⁸⁷Там же. № 8.

- ¹⁸⁸*Protonatarios P.* La monnayage du “despotat” d’Epire // RN. 1983. Т. 25. P. 88; Catalogue of Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 623—624. Pl. XLVI. El. 1.1.
- ¹⁸⁹Приложение 2. Табл. 2.2. № 1—5.
- ¹⁹⁰Там же. № 7—9.
- ¹⁹¹Там же. № 10—11.
- ¹⁹²Там же. № 12—17.
- ¹⁹³Там же. № 18—25.
- ¹⁹⁴Приложение 2. Табл. 2.3. № 1.
- ¹⁹⁵Там же. № 3.
- ¹⁹⁶Там же. № 4.
- ¹⁹⁷Там же. № 5.
- ¹⁹⁸Там же. № 6—9.
- ¹⁹⁹Приложение 2. Табл. 2.5. № 1—2; Приложение 3. Иллюстрации. № 2.
- ²⁰⁰Там же. № 3.
- ²⁰¹Там же. № 4, 5.
- ²⁰²Приложение 2. Табл. 2.4. № 1—5.
- ²⁰³*Morrisson C.* The Emperor, the Saint, and the City... P. 180.
- ²⁰⁴*Лихачева В.Д.* Изобразительное искусство // Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. С. 472.
- ²⁰⁵*Zacos G.* Byzantine lead seals. Berne, 1984. Vol. 2. P. 70—79. № 62—73.
- ²⁰⁶Приложение 2. Табл. 2.5. № 2—6.
- ²⁰⁷Там же. № 1.
- ²⁰⁸Там же. Табл. 2.6.
- ²⁰⁹Приложение 3. Графики №№ 1—5.
- ²¹⁰Там же. График № 2.
- ²¹¹Там же. График. № 4.
- ²¹²Там же. График № 5.
- ²¹³Приложение 2. Таблица 2.2. №№ 7, 8, 10, 11, 22, 23.
- ²¹⁴Приложение 3. Иллюстрации. № 3.
- ²¹⁵Catalogue of the Byzantine coins... P. 631. № 3.
- ²¹⁶*Carpe H. Ph.* Die Münzen der deutschen Kaiser und Könige des Mittelalters. Dresden, 1848. Bd. 1. S. 155. Nr. 712; *Suhle A.* Das Münzwesen Magdeburgs unter Erzbischof Wichmann. Magdeburg, 1950. S. 28
- ²¹⁷Приложение 2. Табл. 2.3. № 4; Приложение 3. Иллюстрации. № 4.
- ²¹⁸*Carpe H. Ph.* Die Münzen der deutschen Kaiser... Bd. 1. S. 155. Nr. 702. Taf. XXI. Nr. 351; S. 158. Nr. 716. Taf. VIII. Nr. 89; *Suhle A.* Das Münzwesen Magdeburgs... S. 28.
- ²¹⁹Catalogue of Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 630—631. №1.

- ²²⁰*Suhle A.* Das Münzwesen Magdeburgs... S. 28.
- ²²¹Приложение 2. Табл. 2.3. № 1—3; Приложение 3. Иллюстрации. № 5.
- ²²²*Pomero M.E.* L'iconografia dell'imperatore pteroforo nella numismatica bizantina: linee interpretative // *Bizantinistica*. 2009. Vol. 9. P. 158.
- ²²³*Ibid.* P. 159—160.
- ²²⁴*Bertele T.* L'imperatore alato nella numismatica bizantina, Roma, 1951. P. 52—68.
- ²²⁵*Grierson Ph.* Byzantine coins. P. 243.
- ²²⁶*Morrisson C.* The Emperor, the Saint, and the City... P. 186.
- ²²⁷*Papadopoulo P., Morisson C.* Symbols of Power, Symbols of Piety: Dynastic and Religious Iconography on Post-iconoclastic Byzantine Coinage // *Zwei Sonnen*... P. 85—88.
- ²²⁸*Nicol D.M.* The Despotate of Epiros. P. 207.
- ²²⁹*Pomero M.E.* L'iconografia... P. 181—182.
- ²³⁰*Pomero M.E.* Santità militare e rivendicazione della "basileia" nel despotato di Tessalonica (prima metà del secolo XIII): Nuove letture // *Polidoro. Studi offerti ad Antonio Carile / A cura di G. Vespignani*. Spoleto, 2013. P. 493—506.
- ²³¹Acrop. S. 70.20—71.4; Ephraim. Coll. 312, lin. 8469—8474; Scout. Σ. 490.9—15.
- ²³²*Nicitae Choniatae.* Orationes et epistulae... P. 45.22—26.
- ²³³*Радушев А., Жеков Г.* Каталог на Средновековни български монети IX—XV вв. София, 1999. С. 65—66. №1.3.1—1.3.2.
- ²³⁴Там же. С. 12.
- ²³⁵*Степанов Е.В.* Гербы в политической жизни Священной (Римской) империи во 2-й половине XII—1-й половине XIII в. на примере гербов Гогенштауфенов и Вельфов // *Тюменский исторический сборник / Отв. ред. З.И. Сокова. Тюмень, 1999. Вып. 3. С. 175, 177.*
- ²³⁶*Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 241.
- ²³⁷*Hendy M.F.* Coinage... P. 281; Приложение 3. Иллюстрации. № 5.
- ²³⁸*Hendy M.F.* Coinage... P. 281. Pl. 40.7; *Morrisson C.* The Emperor, the Saint, and the City... P. 168—169. Fig. 18—19.
- ²³⁹*Catalogue of the Byzantine coins*... P. 354. №31.2a—32.
- ²⁴⁰*Cappe H. Ph.* Die Münzen der deutschen Kaiser und Könige... Bd. 1. S. 157. Nr. 711. Taf. XI. Nr. 176; S. 158. Nr. 715. Taf. 9. Nr. 147; S. 158. Nr. 716. Taf. VIII. Nr. 89; *Suhle A.* Deutsche Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum XV Jahrhundert. Berlin. 1971. S. 99.

- ²⁴¹Grabar A. L'assymétrie des relations de Byzance et de l'Occident dans le domaine des arts au Moyen Âge // *Byzanz und der West*. P. 11—12; Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л., 1987. С. 50; Жаворонков П.И. Культура Эпирского царства // *Культура Византии. XIII—первая половина XV вв.*... С. 123—125.
- ²⁴²Там же. С. 134. Хотя следует отметить, что влияние византийских образцов на произведения западноевропейского искусство было более значительным (см.: *Diehl Ch. Byzantine Art // Byzantium. An introduction in Roman East civilization / Ed. by N.H. Baynes, H.St.L.B. Moss. Oxford, 1948. P. 198; Grabar A. L'assymétrie des relations...* P. 9—10, etc).
- ²⁴³Hendy M.F. Coinage... P. 294; Angold M. Byzantine government in exile... P. 16.
- ²⁴⁴Жаворонков П.И. Западные и восточные реалии... С. 208—212.
- ²⁴⁵Там же. При этом некоторые обычаи (клятва на верность императору) существовали в Византии в более раннее время и были возрождены в Никейской империи (*Svoronos N. Le serment de fidélité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle // REB. 1951. T. 9. P. 108—111*).
- ²⁴⁶Hendy M.F. Coinage... P. 224; Grierson Ph. Byzantine coins. P. 11—12; Бутырский М.Н. Византийская нумизматика (общий обзор) // *Нумизматический альманах. 1999. №3. С. 25*.
- ²⁴⁷Winfield D. Crusader art: Sir Steven was right // *Byzantine style, religion and civilization / Ed. E. Jeffreys. Cambridge, 2006. P. 170*.
- ²⁴⁸Morrisson C., Papadopoulo P. L'éclatement du monnayage... P. 139.
- ²⁴⁹Hendy M.F. Coinage... P. 71—72. Pl. 1.1—12; P. 115—116. Pl. 14.7—9.
- ²⁵⁰Как на монетах Феодора I. См.: Приложение 3. Иллюстрации. № 6.
- ²⁵¹Hendy M.F. Coinage... P. 290. Pl. 42.3,4.
- ²⁵²Ibid. P. 292. Pl. 42.11,12.
- ²⁵³Ibid. P. 292. Pl. 43.1—2.
- ²⁵⁴Ibid. P. 292. Pl. 43.3—4.
- ²⁵⁵Ibid. P. 295. Pl. 43.10.
- ²⁵⁶Schreiner P. Probleme der Gräzisierung... S. 100.
- ²⁵⁷Жолеви-Леви К. Образ власти в искусстве эпохи Македонской династии // ВВ. 1988. Т. 49. С. 153—154.
- ²⁵⁸Карнов С.П. Образование Трапезундской империи... С. 28—29; Карнов С.П. Новый идеал святости... С. 60; Колτσιда А.А. Οί σχέσεις... Σ. 40; Карнов S. The Empire of Trabizond: a rival Empire? // *Proceedings of the 21st International Congress of Byz-*

- antine Studies. London, 21—26 August 2006 / Ed. by E. Jeffreys. L., 2006. Vol. 2: Abstracts of panel papers. P. 7; *Καρнов С.Π.* История Трапезундской империи. С. 110—111; *Morrisson C., Papadopoulos P.* L'éclatement du monnayage... P. 140.
- ²⁵⁹*Hendy M.F., Bendall S.* A billon trachy of John Ducas, emperor, and John Comnenus-Ducas, despot // RN. 1970. T. 12. P. 143—148; *Герасимов Т.* Медни монети на Йоан III Ватацес с Епирски деспот Михаил II // ИАИ. 1974. Т. 34. С. 319—322; *Catalogue of Byzantine coins...* Vol. 4. Part 2. P. 630—631. №1—3. Об облачении деспота см.: *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices... P. 141.3—144.5; *Поляковская М.А.* Византийский дворцовый церемониал XIV в... С. 155—158; Приложение 3. Иллюстрации. № 7.
- ²⁶⁰*Albricus Monachus.* Chronica... S. 886.1—2 ("Michaelis... se du-cem fecit de consensu Grecorum").
- ²⁶¹Noctes. C. 259.3—8 ("...εις τὴν βασιλικὴν ἀναγωγὴν δικαιοῦμενος, ὡς στρατιώτης ἔμπυρος, ὡς ἄγρυπνος φύλαξ τὴν τῆς βασιλείας ἀντιμισθίαν ἀντέλαβεν ἐπισκοπικαῖς ὁμολογίαις καὶ λοιπῶν ἱερέων καὶ μοναχῶν καὶ στρατιωτῶν ἐπικρίσεισι καὶ πάντων τῶν χριστιανῶν"); *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 70—71.
- ²⁶²Chom. S. 372.41—45 ("...σκέψις γέγονε κοινὴ τῶν ἐν τῇ δύσει περιλειφθέντων ἀπὸ τε τῆς συγκλήτου βουλῆς καὶ τῆς ἱεραρχικῆς ναὶ δὲ καὶ σύμπαντος τοῦ στρατιωτικοῦ μυριοπληθοῦς ὄντος..."); *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 93; *Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium... P. 364.
- ²⁶³*Жаворонков П.И.* Избрание и коронация... С. 55—56, 58.
- ²⁶⁴*Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi... С. 270.22—23; Noctes. C. 292.25—26.
- ²⁶⁵Noctes. C. 272. 12.
- ²⁶⁶Там же. С. 279.8—9; 282.15; *Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi... С. 291.21, 294.1; *Loenetz R.-J.* Lettre de Georges Bardanès... P. 115.368; *Wellnhofer M.* Johannes Apokaukos... S. 62—63; *Целебичић Д.* Писма Јована Апокавка... С. 126.
- ²⁶⁷Noctes. C. 290.15.
- ²⁶⁸Там же. С. 290.6.
- ²⁶⁹*Kurtz E.* Christophoros von Ankyra... S. 134.4—5.
- ²⁷⁰*Moustoxides A.* Delle cosa Corciresi. P. XLIV—XLV.
- ²⁷¹Ibid. P. IV—VI; Chom. S. 382.30.
- ²⁷²*Hoek J.M., Loenertz R.J.* Nikolaos-Nektarios... S. 228.2.
- ²⁷³Ibid. S. 230.30—31.
- ²⁷⁴*Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi... С. 270.23; Noctes. C. 293.25—26; *Loenetz R.-J.* Lettre de Georges Bardanès... P. 112.259.

- ²⁷⁵Noctes. C. 259.12; 260.19; C. 262.10; etc; *Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 111.32.
- ²⁷⁶*Loenetz R.-J.* Lettre de Georges Bardanès... P. 115.368; *Chom.* S. 372.44—45.
- ²⁷⁷*Ibid.* S. 426.128.
- ²⁷⁸*Loenetz R.-J.* Lettre de Georges Bardanès... P. 116.380.
- ²⁷⁹*Moustoxides A.* Delle cosa Corcirese. P. V. № 3.
- ²⁸⁰*Kurtz E.* Christophoros von Ankyra... S. 134.4.
- ²⁸¹*Moustoxides A.* Delle cosa Corcirese. P. V. № 4.
- ²⁸²*Hoeck J.M., Loenertz R.J.* Nikolaos-Nektarios... S. 229.18; 230.32, 31.
- ²⁸³Noctes. C. 202.1.
- ²⁸⁴Там же. C. 293.25—26.
- ²⁸⁵*Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi... C. 258.7—8.
- ²⁸⁶*Ibid.* S. 375.146—149 (“Τί γοῦν καινὸν καὶ ἀλλόκοτον, εἰ τὸν ἐξ αἵματος ὄντα βασιλικῷ, εἰ τὸν υἱὸν τοῦ ἐστεμμένου περικλύτου σεβαστοκράτορος, εἰ τὸν τῆς πορφυρογεννήτου ἔκγονον, εἰ τὸν τοῦ αἰοιδίμου καὶ μεγάλου βασιλέως τοῦ Κομνηνοῦ κυροῦ Ἀλεξίου δισέγονον, εἰ τὸν κληρονόμον τῆς βασιλείας...”)
- ²⁸⁷*Moustoxides A.* Delle cosa Corcirese. P. VI. № 5 (“...paternae hereditatis factus dominus es”).
- ²⁸⁸*Loenetz R.-J.* Lettre de Georges Bardanès... P. 112.259.
- ²⁸⁹*Chom.* S. 381.4—6.
- ²⁹⁰*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συνοδικὰ γράμματα... Σ. 20. №3.
- ²⁹¹Noctes. C. 293.25—26.
- ²⁹²*Loenetz R.-J.* Lettre de Georges Bardanès... P.116.385; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Νίκαια καὶ Ἡπίρος... Σ. 207.
- ²⁹³*Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi... C. 266.30.
- ²⁹⁴*Loenetz R.-J.* Lettre de Georges Bardanès... P. 112.256—263; *Nicol D.M.* The despotate of Epirus. P. 96.
- ²⁹⁵*Chom.* S. 370.49—62; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Νίκαια καὶ Ἡπίρος... Σ. 216; *Stavridou-Zafraka A.* Political Ideology... P. 323.
- ²⁹⁶*Chom.* S. 434.35—36 (“...κατὰ δύσιν μέρους (τῆς) τῶν Ῥωμαίων ἡγεμονίας τὴν ἀρχὴν διεξώννυτο Θεόδωρος...”).
- ²⁹⁷*Loenetz R.-J.* Lettre de Georges Bardanès... P. 115.356—117.422; *Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Νίκαια καὶ Ἡπίρος... Σ. 207—208.
- ²⁹⁸*Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi... C. 293.20—294.31; 295.20—25.
- ²⁹⁹*Moustoxides A.* Delle cosa Corcirese. P. VI. № 5.
- ³⁰⁰Noctes. C. 266.22; *Васильевский В.Г.* Epirotica saeculi... C. 250.13.
- ³⁰¹Noctes. C. 282.15.
- ³⁰²*Chom.* S. 57.2; 363.1.
- ³⁰³Noctes. C. 268.6—7.
- ³⁰⁴*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Περί συνοικισμοῦ... Σ. 454.

- ³⁰⁵ Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καὶ Ἡπείρος... Σ. 123, 130, 135—136; Целебџић Д. Писма Јована Апокавка... С. 138.
- ³⁰⁶Noctes. С. 264.5—10.
- ³⁰⁷Там же. С. 286.10—20.
- ³⁰⁸Chom. S. 364.27—30.
- ³⁰⁹Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... С. 292.3—4.
- ³¹⁰Chom. S. 376.181—191; Macrides R.J. Subversion on Loyalty in the Cult of St. Demetrius // BS. 1990. Vol. 51. №2. P. 194—195; Macrides R.J. Bad Historian or Good Lawyer? Demetrios Chomatenos and Novel 131 // DOP. 1992. Vol. 46. P. 187—196.
- ³¹¹Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... С. 278.32—279.1.
- ³¹²Moustoxides A. Delle cosa Corciresi. P. IV—VI; Chom. S. 381.30—31.
- ³¹³Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καὶ Ἡπείρος... Σ. 107.
- ³¹⁴Noctes. С. 270.14—25; Успенский Ф.И. История Византийской империи... С. 407.
- ³¹⁵Целебџић Д. Писма Јована Апокавка... С. 135.
- ³¹⁶Там же.
- ³¹⁷Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... С. 279.13—14.
- ³¹⁸Loenetz R.-J. Lettre de Georges Bardanès... P. 113.277.
- ³¹⁹Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... С. 280.6—11 и т.д.
- ³²⁰Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Συνοδικὰ γράμματα... Σ. 15, 17, 20. №3.
- ³²¹Ibid. Σ. 17. №3 (“...καλοῦμεν γὰρ αὐτὴν καὶ νῦν βασιλεύουσαν, κἄν τὰ πρεσβεῖα τῆς ἀρχῆς περιήρηται”).
- ³²²Noctes. С. 284.15—18 (“...ἐγὼ εὐστοχῶς ὑπολογίζομαι, πάντα συμπατῆσαι ἐχθρὸν καὶ γῆν πατῆσαι τῆς Κωνσταντίνου καὶ τὴν ἐν τοῖς ἐκείσαι βασιλείαις αὐτὴν ἀκόλουθον δὲ τῷ πατήματι τούτῳ καὶ ἡ ἐπὶ θρόνον τοῦ βασιλικοῦ κάθισις καὶ ὅσα τῆ καταστάσει ταύτῃ ἐπόμενα”).
- ³²³Там же. С. 275.20—23.
- ³²⁴Васильевский В.Г. Epirotica saeculi. С. 292.30—33.
- ³²⁵Noctes. С. 275.21, 288.1—2; Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke... S. 107.31.
- ³²⁶Loenetz R.-J. Lettre de Georges Bardanès... P. 112.257—259.
- ³²⁷Noctes. С. 272.12—22; 276.11—277.15; 286.10—20; Chom. S. 57.4—6; Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καὶ Ἡπείρος... Σ. 124.
- ³²⁸Noctes. С. 266.22—269.5.
- ³²⁹Там же. С. 269.13—270.33.
- ³³⁰Васильевский В.Г. Epirotica saeculi... С. 292.2—14.
- ³³¹Noctes. С. 267.14.
- ³³²Там же. С. 270.3—5; Bredenkamp F. The Byzantine Empire of Thessaloniki... P. 67.

- ³³³*Moustoxides A. Delle cosa Corciresi. P. V; Kurtz E. Christophoros von Ankyra...* S. 134.4—5.
- ³³⁴*Черноглазов Д.А. Описания охоты в письмах Феодора Дафнопата: К вопросу о развитии охотничьих мотивов в византийской литературе // АДСВ. 2015. Вып. 43. С. 208—228.*
- ³³⁵*Noctes. С. 262.3—5.*
- ³³⁶*Там же. С. 262.25—263.5.*
- ³³⁷*Там же. С. 287.16—21.*
- ³³⁸*Там же. С. 287.24—26.*
- ³³⁹*Там же. С. 287.28—33. Вероятно, о таком же благодеянии говорится в еще одном письме митрополита, касающемся положении дел в епархии Арты (Там же. С. 279.17—23).*
- ³⁴⁰*Там же. С. 263.2—3; Chom. S. 57.19—20; Ibid. S. 127.*
- ³⁴¹*Michaelis Choniatae Epistulae...* S. 264.81.
- ³⁴²*Σταυρίδου-Ζαφράκα Α. Νίκαια καὶ Ἠπειρός...* Σ. 109—111; *Angelov D. Imperial ideology...* P. 82—83.
- ³⁴³*Ibid. P. 84, 357—359.*
- ³⁴⁴*Chom. S. 365.63—64 (“Ἡ βασιλεία δὲ χρῆμα ἐστὶ παρὰ Θεοῦ τεταγμένον πρὸς κοινόν τοῦ λαοῦ ὄφελος...”).*
- ³⁴⁵*Ibid. S. 365.75—83.*
- ³⁴⁶*Noctes. С. 254.12—25, 255.13—16. О заочных обвинениях завистников, которые остаются без ответа у правителя, митрополит говорит также в другом письме. См.: Там же. С. 289.10—21.*
- ³⁴⁷*Там же. С. 256.2—8 (“Δίκαιον δέ, ὡς εἶπερ ἐγὼ σοι τῷ κυρίῳ ἡμάρτικα, ἐγὼ κολάζεσθαι ἄξιος οἱ δ’ ὑπὸ τὴν ἐκκλησίαν πένητες διατί; οὓς ἐκτριβῆναι ἐκέλευσας καὶ ἄλλως ὄντας ἐκτετριμμένους ἐκ τῆς ἐνδείας τῶν ζωαρκῶν... Καὶ μαρτύρομαι σοι τὴν ἔφορον δίκην, ὡς ἄχρις ὀγδοήκοντα καὶ ἑκατὸν ὑπερπύρων ἢ πᾶσα τῆς ἐκκλησίας ἐστὶν ἀπαίτησις...”).*
- ³⁴⁸*Там же. С. 254.25—255.13, 256.28—33, 257.23—25.*
- ³⁴⁹*Там же. С. 263.24—25 (“Ἡμεῖς δέ, κράτιστε Κομνηνέ, οἱ μῆτε καθέδραν ἔχοντες μῆτε κλῆρον μῆτε ναόν, ὡς ἀθροίζεσθαι μὲν ἐν τούτῳ, συμφωνίας δὲ τὰ πρὸς Θεὸν ἀναφέρειν ὑπὲρ τῆς σῆς εὐοδώσεως...”).*
- ³⁵⁰*Там же. С. 250.23—251.6.*
- ³⁵¹*Там же. С. 253.28—30.*
- ³⁵²*Там же. С. 287.28—32.*
- ³⁵³*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Συμβολὴ εἰς ἱστορίαν...* С. 242.9, 245.9; *Bees-Seferlis H. Unedierte Schriftstücke...* S. 86.52; 87.72; 142.1—2.
- ³⁵⁴*Ibid. S. 87.79—80.*
- ³⁵⁵*Moustoxides A. Delle cosa Corciresi. P. V.*

- ³⁵⁶Noctes. C. 282.15—283.7.
- ³⁵⁷Там же. С. 283.7—9.
- ³⁵⁸*Loenetz R.-J.* Lettre de Georges Bardanès... P. 116.379—390.
- ³⁵⁹Noctes. C. 263.13—16.
- ³⁶⁰*Job monachi* Vita St. Theodoraе. Coll. 904—905.
- ³⁶¹Асрор. S. 34.8—12.
- ³⁶²*Ibid.* S. 24.20—21.
- ³⁶³*Patlagean E.* Une Sainte souveraine grecque... P. 455.
- ³⁶⁴*Job monachi* Vita St. Theodoraе. Coll. 904—905.
- ³⁶⁵*Nicol D.* The Despotate of Epiros. P. 192, 200—203; *Patlagean E.* Une Sainte souveraine... P. 453—460.
- ³⁶⁶*Irmscher J.* Nikäa als "Zentrum des griechisches Patriotismus" // RESEE. 1970. T. 8. №1. S. 36; *Angold M.* Byzantine government in exile... P. 60—79; *Карнов С.П., Жаворонков П.И.* Особенности социально-экономического и политического развития... С. 37—38.
- ³⁶⁷*Angelov D.* Imperial ideology... P. 116—123.
- ³⁶⁸*Карнов С.П.* Социальная борьба... С. 27—28.
- ³⁶⁹Там же. С. 28; *Меньшикова М.С.* Понтийская знать // Византия и Запад... С. 125—126.
- ³⁷⁰Noctes. C. 271.1; Chom. S. 57.4, 369.8; *Loenertz R.-J.* Lettres... P. 105.43; *Ekthesis Néa*... P. 52.34—35; *Черноглазов Д.А.* Замечания о византийском эпистолярном этикете XII в.: *Pluralis modestae* и *pluralis reverentiae* // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 94—105.
- ³⁷¹Noctes. C. 284.23—285.9; 288.17—28.
- ³⁷²Там же. С. 267.14—26.
- ³⁷³*Сметанин В.А.* Византийское общество XIII—XV вв... С. 198—199.
- ³⁷⁴Noctes. C. 275.23—25.
- ³⁷⁵Chom. S. 368.5—369.6; *Поповић А.В.* Титулатура Охридског архиепископа у писмима Димитрија Хоматијана // Византолошки институт. Зборник радова. 1999/2000. Т. 38. С. 281—284.
- ³⁷⁶*Голубинский Е.* Краткий очерк... С. 106—114; *Prinzing G.* Entstehung und Rezeption der Justiniana-Prima-Theorie im Mittelalter // *Byzantinobulgarica*. 1978. Vol. 5. S. 287; *Илиев И.Г.* Димитър, по Божия милост архиепископ на Първа Юстиниана... С. 14—15; *Iliev I.* The First Two Centuries of the Archbishopric of Ochrid // State and Church: Studies in Medieval Bulgaria and Byzantium / Ed. by V. Gjuzelev, K. Petkov. Sofia, 2011. P. 238.
- ³⁷⁷*Литаврин Г.Г.* Феофилакт Болгарский (Охридский) и пастырский долг // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сб. ст.

- κ 80-летию академика В.Л. Янина / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2009. С. 633—643; *Prinzing G.* The Authority of the Church... P. 143.
- ³⁷⁸*Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae / Texte crit., introd. et note par J. Darrouzès.* P., 1981. P. 152—153; 371—372.
- ³⁷⁹*Снегаров И.* Солунъ въ българската духовна култура. С. 8; *Nicol D.M.* The Despotate of Epiros. P. 65; *Angold M.* Greeks and Latins after 1204. The perspective of exile // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean... P. 82; *Dragoilović D.* Archevéché d'Ochrid... P. 51—52; *Patlagean E.* Les États d'Europe centrale et Byzance... P. 841; *Prinzing G.* A quasi-patriarch in the state of Epiros... P. 173—180.
- ³⁸⁰*Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2005. С. 209.
- ³⁸¹*Acrop.* S. 34.1—5. (“Ο δὲ Βουλγαρίας ἀρχιεπίσκοπος Δημήτριος τὸ βασιλικὸν περιδιδύσκει τοῦτον διάδημα, ὡς ἔφασκεν, αὐτόνομος ὢν καὶ μηδενὶ εὐθύνας ὀφείλων δόναι, καὶ διὰ ταῦτα ἐξουσίαν ἔχειν βασιλέας χρίειν οὓς τε ἂν καὶ ὅπου καὶ ὅτε βούλοιο”). *Scout.* Σ. 468.28—30; *Miliaraki A.* Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου... Σ. 163—164; *Λάμπας Ν.Αθ.* Πολιτικὴ Ἱστορία τοῦ κράτους τῆς Ἠπείρου... Σ. 126.
- ³⁸²*Chom.* S. 376.198—377.225. (“Εἰ γοῦν τὰ προνόμια τοῦ πάπα ἐν τῇ καθ’ ἡμᾶς ἐπάρχια κεκτήμεθα, τί καινόν, εἰ καὶ ἡμεῖς βασιλέα ἐχρίσαμεν, ὃ δὴ καὶ ὁ πάπας ποιεῖ;”).
- ³⁸³*Васильевский В.Г.* *Epirotica saeculi.* C. 288.21—24. (“...ἡμῖν τοῖς ὑπὸ τὸν πατριαρχικὸν τῆς Κωνσταντίνου πόλεως θρόνον δυτικοῖς μητροполίταις καὶ ἀρχιεπισκόποις καὶ τοῖς ὑφ’ ἡμᾶς ἐπισκόποις, ἔτι δὲ καὶ τῇ κατὰ Βουλγαρίαν αὐτοκεφάλῃ ἀρχιερατικῇ ἐξουσίᾳ καὶ τοῖς ὑπ’ αὐτὴν ἐπισκόποις...”).
- ³⁸⁴*ODB.* Vol. 3. P. 1681.
- ³⁸⁵*Васильевский В.Г.* *Epirotica saeculi.* C. 293.5—295.25.
- ³⁸⁶*Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke... S. 242.1—243.36.
- ³⁸⁷*Oikonomides N.* Cinq actes inédits... P. 121—124; *Laurent V.* *Regestes.* P. 6—7. № 1207; *Karpozilos A.D.* The ecclesiastical controversy... P. 22—23.
- ³⁸⁸*Васильевский В.Г.* *Epirotica saeculi.* C. 294.20—26.
- ³⁸⁹*Pétridès S.* Jean Apokaukos... C. 28.8.
- ³⁹⁰Там же. С. 15.6—8 (“Εγὼ δὲ ὑπεράγαμαι τὴν τοῦ Δρυινοπόλεως ἀντίληψιν καὶ ὡς ὁ Ναύπακτου οὐδὲ ἴσος παρ’ ἡμῖν τῷ Δρυινοπόλεως, ἀλλ’ οὐ ταῦτὸν τὸ πλάσμα τῷ πλάσαντι οὐδὲ τῷ κεραμεῖ ὁ κεράμος ἴσος”). В данном случае имелось ввиду то, что именно синод, возглавляемый Навпактским митрополи-

том, рукоположил епископа Дринополья, а значит он не должен оспаривать главенство Иоанна Апокавка.

³⁹¹Там же. С. 15.8—12.

³⁹²*Васильевский В.Г.* *Epirotica saeculi.* С. 294.26—27.

³⁹³*Chom.* S. 367.4—5.

³⁹⁴В письме к епископу Пелагонии. См.: *Ibid.* S. 431.36.

³⁹⁵*Ibid.* S. 54.25, 59.4, 69.3, etc.

³⁹⁶*Ekthesis Néa...* P. 56.31—32; 74.15—19; 81.2.

³⁹⁷*Chom.* S. 54.25, 90.231—232, 163.12—13, etc; *ODB.* Vol. 2. P. 697; *Prinzing G.* *The Authority of the Church...* P. 147.

³⁹⁸*Ibid.* P. 143.

³⁹⁹*Chom.* S. 121.93.

⁴⁰⁰*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* *Συνοδικὰ γράμματα...* Σ. 23. № 8.

⁴⁰¹*Каждан А.П.* *Византийская культура (X—XII вв.)...* С. 247; *Куц Т.В.* *Эпистолярная практика...* С. 7—15; *Черноглазов Д.А.* *Laus epistulae asserptae: Об эволюции византийского эпистолярного комплимента // ВВ.* 2010. Т. 69 (94). С. 174—186. Популярность «дружеских писем», по мнению А.П. Каждана, свидетельствует об актуализации дружеских связей, приданию им особого значения (*Каждан А.П.* *Византийская культура (X—XII вв.)...* С. 247).

⁴⁰²*Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* *Συμβολὴ εἰς ἱστορίαν...* С. 233.1.

⁴⁰³Там же. С. 237.25—26.

⁴⁰⁴Там же. С. 236.10.

⁴⁰⁵Там же. С. 236.5.

⁴⁰⁶Там же. С. 236.4—20.

⁴⁰⁷Там же. С. 235.4—6 (“Ἄλλ’ ὁ ἐμὸς Βουλγαρίας οὐ μόνον ἐστὶ τῶν ἱερῶν κανόνων ἀκροατῆς, ἀλλὰ καὶ τοῖς ἄλλοις πάντως τούτῳ διδάσκαλος”).

⁴⁰⁸Там же. С. 233.23—25.

⁴⁰⁹*Васильевский В.Г.* *Epirotica saeculi...* С. 251.18—19.

⁴¹⁰Там же. С. 248.20.

⁴¹¹Там же. С. 257.36—37.

⁴¹²Там же. С. 256.27.

⁴¹³Там же. С. 256.32.

⁴¹⁴Там же. С. 257.2.

⁴¹⁵*Chom.* S. 357.41.

⁴¹⁶*Ibid.* S. 356.30—31.

⁴¹⁷*Bees-Seferlis H.* *Unedierte Schriftstücke...* S. 124.92, 97.

⁴¹⁸*Ibid.* S. 144.6.

⁴¹⁹*Ekthesis Néa...* P. 51.12—14; 53.47—49.

⁴²⁰*Васильевский В.Г.* *Epirotica saeculi...* С. 257.34—258.2.

⁴²¹*Noctes.* С. 258.11—13.

- ⁴²²Там же. С. 268.6—7.
- ⁴²³Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Συνοδικὰ γράμματα... Σ. 6.
- ⁴²⁴Иванов Й. Български старини... С. 35.
- ⁴²⁵Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι. Βυζαντινὰ Ἀνάλεκτα // ВЗ. 1899. Bd. 8. S. 76, 77; Снегаров И. История на Охридската архиепископия... Т.1. С. 281.
- ⁴²⁶Seibt W., Zarnitz M.L. Das Byzantinische Bleisiegel... S. 197—198. № 5.2.10.
- ⁴²⁷Schlumberger G. Sigillographie l'Empire Byzantin. P. 175 (“Ἐπρὸν τὸν ὑπέρτιμον ἢ σφραγὶς φέρει”).
- ⁴²⁸Ibid (“ἡ δ' αὖ γραφή καὶ κλῆσιν αὐτοῦ μηνύει”).
- ⁴²⁹Ekthesis Néa... P. 51.12—15; 80.20—22.
- ⁴³⁰Laurent V. Le Corpus des Sceaux... P. 338—339. №464. Pl. 63. №464.
- ⁴³¹Spieser J.-M. Inventaires et vue d'un recueil des inscriptions historiques de Byzance. I. Les inscriptions des Thessalonique // ТМ. 1973. Т. 5. P. 166. №17 (“τῆς ἀγιωτάτης μητροπόλε] / ως Θεσσα[λονίκης καὶ τοῦ] / παναγιωτά[του ἀρχιεπίσ] / κοπου τούτης [Κωνσταντίνου Μεσο] / ποταμίτου”). Несмотря на то, что печать и надпись датируются концом XII в. они все же были рассмотрены как источники по самоидентификации митрополита, которая, вероятно, не изменилась в 1224—1227 гг.
- ⁴³²Catalogue of Byzantine lead seals at Dumbarton Oaks collection and in the Fogg museum of art. Washington, 1991. Vol. 2. South of the Balkans, Islands, South of Asia Minor / Ed. Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. P. 17—18. №5.3.
- ⁴³³Laurent V. Le Corpus des Sceaux... P. 621. №804.
- ⁴³⁴Catalogue of Byzantine lead seals... Vol. I. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. P. 80. №18.85; P. 81. №18.87 (печати фессалоникийских митрополитов XI—XII вв.).
- ⁴³⁵Ibid. P. 81. №18.88.
- ⁴³⁶Ibid. P. 45—46. №12.16.
- ⁴³⁷Laurent V. Le Corpus des Sceaux... P. 562—563. №738; Catalogue of Byzantine lead seals... Vol. 2. P. 56—57; Λεοντιάδης Ι.Γ. Μολυβδόβουλλα Μουσείου Βυζαντινού Πολιτισμού Θεσσαλονίκης. Θεσσαλονίκη, 2006. Σ.130—132. №45.
- ⁴³⁸Как на печати митрополита Эфесского и экзарха Азии Николая Месарита (Jordanov J. Corpus of Byzantine Seals... №454).
- ⁴³⁹Laurent V. Le Corpus des Sceaux... P. 621. №804; Catalogue of Byzantine lead seals... P. 17—18. №5.3
- ⁴⁴⁰Moustoxides A. Delle cosa Corcirese. P. VI. № 4.

- ⁴⁴¹ *Laurent V. Le Corpus des Sceaux... P. 630. №803; 674. №866; 675. №868; Catalogue of Byzantine lead seals... Vol. 2. P. 18. №5.4.*
- ⁴⁴² *Laurent V. Le Corpus des Sceaux... P. 620. №803.*
- ⁴⁴³ *Ibid. P. 334—335. №459—460; P. 337. №463.*
- ⁴⁴⁴ *Илиев И. Охридският архиепископ Димитър Хоматиан... С. 145—147.*
- ⁴⁴⁵ *Cotsonis J. Saint & Cult Centers: a Geographic and Administrative Perspective in Light of Byzantine Lead Seals // Studies in Byzantine Sigillography. 1995. Vol. 5. P. 25—26.*
- ⁴⁴⁶ *Catalogue of Byzantine coins... Vol. 4. P. 686—687. № 20.1—20.9.*
- ⁴⁴⁷ *Каждан А.П. Об аристократизации византийского общества // ЗРВИ. 1968. Вып. 11. С. 53; Kazhdan A.P., Wharton E.A. Change in Byzantine culture in the eleventh and twelfth centuries. Berkeley, 1985. P. 104, 109.*
- ⁴⁴⁸ *Грујић Р. Три хиландарске повеље... С. 4.*
- ⁴⁴⁹ *Там же. С. 4.*
- ⁴⁵⁰ *Иванов Й. Български старини... С. 35—36; Снегаров И. История на Охридската архиепископия... Т.1. С. 9.*
- ⁴⁵¹ *Лихачев Н.П. Моливдовулы греческого востока... С. 137—138. Табл. LVI. №13.*
- ⁴⁵² *Nicol D.M. Symbiosis and integration... P. 135.*
- ⁴⁵³ *Ibid. P. 133.*
- ⁴⁵⁴ *ММ. IV. P. 345, 346, 347.*
- ⁴⁵⁵ *Ibid. P. 345.*
- ⁴⁵⁶ *Ibid. P. 347.*
- ⁴⁵⁷ *Ibid.*
- ⁴⁵⁸ *ММ. IV. Vol. IV. P. 375. О Николае Малиасине см.: PLP. Nr. 16523; об Иоанне Малиасине см.: Ibid. Nr. 16522.*
- ⁴⁵⁹ *ММ. IV. P. 347 (“...καλῶς διεξάγεσθαι καὶ θεοφιλῶς κατὰ τὸν φιλευσεβῆ τρόπον αὐτοῦ”).*
- ⁴⁶⁰ *Job monachi Vita St. Theodoraе. Coll. 905—908.*
- ⁴⁶¹ *Charanis P. On the social structure... P. 102.*
- ⁴⁶² *ММ. IV. P. 346.*
- ⁴⁶³ *Treu M. Manuil Holobolos... S. 550.4—6 (“ἡ μέγας εὐφυῆς κλάδος ρίζης Κομνηνῶν”).*
- ⁴⁶⁴ *Ibid. S. 550.7—9 (“ὁ τόκος καισαρόπαιδος πορφυροβλάστου, γαμβρὸς Μιχαὴλ δεσπότης, τὴν ἀξίαν ἐπωνυμίαν Ἀγγέλλου προπαππότην ταῖς τῶν ἀγαθῶν ιδέαις ἐστεμμένος”).*
- ⁴⁶⁵ *Ibid. S. 550.10—26.*
- ⁴⁶⁶ *Каждан А.П. Византийская культура... С. 243. Аналогичные процессы наблюдались в Никейской империи: Жаворонков П.И. Представления Георгия Акрополита... С. 95—96.*

- ⁴⁶⁷Hoeck J.M., Loenertz R.J. Nikolaos-Nektarios von Otranto... S. 235.24.
- ⁴⁶⁸PLP. Nr. 1253.
- ⁴⁶⁹Ibid. Nr. 12037.
- ⁴⁷⁰Hoeck J.M., Loenertz R.J. Nikolaos-Nektarios von Otranto... S. 235.20.
- ⁴⁷¹Pétridès S. Jean Apokaukos... C. 18.29—30.
- ⁴⁷²Ducellier A. La façade maritime... P. 170, 191, 193.
- ⁴⁷³Dölger F. Aus den Schatzkammern... S. 331. №121.2; *Oikonomides N.* A collection... P. 129—130. №318.
- ⁴⁷⁴Seibt W., Zarnitz M.L. Das Byzantinische Bleisiegel... S. 139—140. №3.3.4. (“Ὡς ἀσπίδι σε τῷ μολ(ύ)βδω ν(ῦ)ν γράφω κ(αί) Θεόδωρον Φραγγόπωλον ἀσπίσαις”).
- ⁴⁷⁵PBW. Boulloterion. №3941 / [Электронный ресурс]. Доступ свободный. URL: <http://db.pbw.kcl.ac.uk/id/boulloterion/3941> (дата обращения 24.01.2013): “Επισφραγίζου Μανουήλ Μονομάχου πράξεις Θεοῦ χεῖρ εἰς τέλος ταύτας μένειν”.
- ⁴⁷⁶Ibid. №1687 / [Электронный ресурс]. Доступ свободный. URL: <http://db.pbw.kcl.ac.uk/jsp/index.jsp> (дата обращения 9.02.2015): “Ὁ ἅγιος Θεόδωρος. / Κύριε βοήθει Θεοδώρῳ σεβαστῷ τῷ Διαβατηνῷ”.
- ⁴⁷⁷Acrop. 81.26—82.7; Scout. Σ. 496.17—20.
- ⁴⁷⁸Morris R. The Political Saints in the Eleventh Century // *Byzantine Saint*. University of Birmingham. Fourteenth Spring Symposium of Byzantine Studies / Ed. S. Hackel. L., 1981. P. 50; Cutler A. Art in Byzantine society: Motive forces of byzantine patronage. 1989 // *Idem*. Imagery and ideology in Byzantine Art. L., 1992. XI. P. 760—763; Kaplan M. Le saint, le village et le cite // *Le saints et leur sanctuaire à Byzance: Textes, images et monuments* / Publ. par C. Jolivet-Lévy, M. Kaplan, J.-P. Sodini. P., 1993. P. 93—94; Eastmond A. “Local” Saints, Art and Regional Identity in the Orthodox World after the Fourth Crusade // *Speculum*. 2003. Vol. 78. № 3. P. 707—749.
- ⁴⁷⁹Prinzing G. Spuren einer religiösen Bruderschaft in Epirus um 1225? Zur Deutung der Memorialtexte im “Codex Cromwell” 11 // *BZ*. 2008. Bd. 101. Ht. 2. S. 751—772.

Заключение

Возникновение Эпирского государства и связанный с ним процесс формирования правящей элиты происходили в контексте дезинтеграции Византийской империи, наступившей после 1204 г. Как и многие другие провинции, Эпир, власть в котором принадлежала группе лиц, представлявших местную администрацию и крупную землевладельческую аристократию, отнюдь не стремился к отделению от центра, признавая в 1203—1204 гг. Алексея IV. Последующее падение Константинополя и утверждение латинского владычества на Балканском полуострове лишило власть наместника Сенахерима легитимности. Это дало Михаилу I Дуке возможность оформить свой статус локального правителя Эпира и представителя династии Комнинов, установившего необходимые контакты с местной элитой.

Дальнейшее становление политической элиты Эпирского царства, происходившее в 1205—1230 гг., было во многом связано с политической практикой XII столетия. Как и византийские императоры из династии Комнинов и Ангелов, эпирские государи сконцентрировали в своих руках высшую административную, судебную и военную власть. Проблема ее распределения внутри династии Дук, обусловленная династическим кризисом конца XII в., была решена при помощи системы наместничеств, главы которых обладали широкими административными и военными функциями, носили титул деспота, а также

выступали в качестве наследников престола. Данная практика во многом явилась следствием существовавшей в XII в. формы пожалования земель представителям царствующей династии в управление.

Эпирские Дуки были связаны родственными отношениями с представителями трех крупных аристократических родов (Петралифов, Малиасинов и Мелисинов), основным условием пребывания которых в составе правящей элиты являлось заключение новых браков с Дуками и подтверждение лояльности государю. Также к правящей элите относились главы этнических областей (албанской, влашской, славянской), часть из которых входила в круг родственников правителя, часть служила ему на основе личной верности. Еще одну группу составили представители менее знатных родов, не располагавшие значительными земельными владениями (Горианитов, Плитов, Кавасилов) и обладавшие ключевыми должностями в административном управлении. Их положение было связано со службой правителю.

Контроль за деятельностью Церкви со стороны Дук создание церковной автономии привело к появлению в составе правящей элиты царства более или менее большой группы клириков, которые пользовались значительным авторитетом среди населения возглавляемых ими диоцезов. Основным условием пребывания архиереев в составе данной группы являлось, как и в предыдущих случаях, подтверждение лояльности правителю.

Для формирования политической элиты царства характерна высокая вертикальная мобильность, обусловленная процессом становления государства на основе провинции и включением в состав правящих

кругов местной аристократии. Преодолению этой мобильности во многом способствовала консолидация представителей элиты, происходившая на почве широкого развития родственных (включая брачные) отношений, дружеских и патронатных связей, духовного наставничества. Некоторые роды, составлявшие элиту, были представлены как в церковном управлении, так и в светской администрации, что являлось надежным инструментом сохранения собственного положения.

Формирование политической элиты в 1205—1230 гг. исходило из традиций XII в. и обнаруживало сходство с процессами, наблюдаемыми в других греческих государствах: Никейской и Трапезундской империях.

Однако развитие правящих кругов в период 1230—1261 гг. является более специфичным и характеризуется некоторой степенью деконсолидации. Речь идет, прежде всего, о становлении согласно договору, заключенному в конце 1230-х гг., системы отдельных владений, принадлежащих представителям династии Дук, в основе которой находились наместничества, сложившиеся в 1205—1230 гг. Новая система подразумевала наличие устойчивых связей между представителем правящей династии и местной элитой, которые стали основой для создания «уделов». Развитие «удельной» системы показало, что в некоторых областях данные связи оказались устойчивыми, в других — распались под влиянием внешнеполитических факторов. Не в последнюю очередь их разрушению способствовала политика эпирских правителей периода 1205—1230 гг., состоявшая в расширении привилегий крупной землевладельческой аристокра-

тии, глав этнических областей и верхушки городов, проводимая в некоторых случаях за счет остальных групп населения.

Данная ситуация значительно отличает эфирскую элиту от никейской и трапезундской, действовавших в рамках представлений о единой власти императора.

Несколько иное положение характерно для другой части элиты — эфирского духовенства, «отделение» которой от власти патриарха не выходило за рамки автономной Церкви. После 1230 г., в период деконсолидации аристократии, эфирское духовенство, напротив, признало всю полноту власти патриарха, отказываясь от идеи автономии, в отличие от Трапезундской империи, где церковная независимость была юридически признана Вселенским патриархом.

Перечисленные процессы формирования правящей элиты царства обусловили выработку принципов легитимации власти эфирскими правителями и самоидентификацию представителей духовенства и аристократии.

Принципы легитимации, представлявшие собой симбиоз универсалистской концепции и идей регионализма, подразумевали обращение как к элементам традиционной политической византийской идеологии, так и использование элементов, представляющих «местную» власть Дук. Эфирские правители на протяжении периода 1205—1261 гг. позиционировали свою власть как наследственную и распространяющуюся на строго определенную территорию. Принятие титула императора или деспота происходило в зависимости от конкретных внешнеполитических условий и являлось своего рода добавлением к сложившейся теоретической основе власти. Именно это обстоятель-

ство, разделяемое представителями политической элиты (высшим духовенством и аристократией), задавало основной вектор развития царства, прошедшего путь от «удела» к империи, а затем — к системе «уделов», объединившихся позднее в одну область.

Эпирское духовенство, обладая развитой системой самоидентификации, сочетавшей как традиционные византийские представления, так и установки, отмечающие связь с местным сообществом и право на автономию, рассматривало себя как часть единой Церкви, признавая старшинство патриарха. Стремление к автономии также наложило отпечаток на взгляды аристократии: представители крупных родов рассматривали себя в качестве «младших» членов династии, обладающих наследственными правами власть и признающих главенство рода Дук. Как и духовенство, эпирская аристократия позиционировала себя как часть местного сообщества, что получило выражение в выборе святого — покровителя сообщества и защитника знатного человека.

Список условных сокращений:

- БАН — Българска Академия на Науките
ВБ — Византийская библиотека
ВВ — Византийский временник
ВО — Византийские очерки
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗРВИ — Византолошки институт. Сборник радова
ИАИ — Известия на Археологически Институт
ИАН — Известия Академии Наук
ИРАИК — Известия Русского археологического общества в Константинополе
САНУ — Српска академија на науките и уметности
BF — Byzantinische Forschungen
BMGS — Byzantine and Modern Greek Studies
BS — Byzantinoslavica
Byz — Byzantion
BZ — Byzantinische Zeitschrift
CFHB — Corpus Fontium Historiae Byzantinae
CIG — Corpus Inscriptorum Graecorum
ΔΙΕΕ — Δελτίον της Ίστορικης και Έθνολογικης Έταιρείας της Ελλάδος
DOP — Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ — Έπιτερις Έταιρείας Βυζαντινών Σπουδών
MGH — Monumenta Germaniae Historica
PBW — Prosopography of Byzantine World
PG — Patrologiae Cursus Completus. Series Graeca
PL — Patrologiae Cursus Completus. Series Latina
REB — Revue des études Byzantines
RESEE — Revue des études sud-est européennes
RIS — Rerum Italicarum Scriptores
RN — Revue Numismatique
SBAW — Sitzungsberichte Bayerischen Akademie der Wissenschaften
SK — Seminarium Kondakovium
SOF — Südost Forschungen
TIB — Tabula Imperii Byzantinae

Библиографија

Источници

АКТИ

- Грујић Р.* Три хиландарске повеље // Зборник за историју јужне Србије и суседних области. Скопље, 1936. Књ. 1. С. 1—26.
- Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosisch et I. Müller. Vindobonae, 1860. Vol. I. Acta patriarchatus Constantinopolitani. T. 1.
- Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosisch et I. Müller. Vindobonae, 1855. Vol. III. Res graecas italiasque illustrantia.
- Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosisch et I. Müller. Vindobonae, 1871. Vol. IV. Acta et diplomata monasterium et ecclesiarum orientis. T. 1.
- Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. / Ed. F. Miklosisch et I. Müller. Vindobonae, 1887. Vol. V. Acta et diplomata monasterium et ecclesiarum orientis. T. 2.
- Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia / Ed. L. Thállóczy, K. Jiriček, Em. Sufflay. Wien, 1913. Vol. I.
- Actes d'Athos. V. Actes de Chilandar / Publiés par le R.P. Louis Petit et B. Korablev // ВВ. Приложение к XVII тому. СПб., 1911. 368 с.
- Archives de l'Athos. T. 20: Actes de Chilandar / Ed. par. M. Živojnović, V. Kravari, Ch. Giros. P. 1. P., 1998.
- Carile A.* Partitio terrarium Imperii Romaniae // Studii Veneziani. 1965. T. 7. P. 168—305.
- Dölger F.* Aus den Schatzkammern des Heiligen Berges. München, 1948. 363 S.
- Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reiches von 565—1453. Teil. 3. Regesten von 1204—1282 / Bearb. von P. Wirth. München-Berlin, 1932. 77 S.
- Dölger F.* Regesten der Kaiserurkunden des Oströmischen Reich. 4. Teil. Regesten von 1282—1341 / Bearb. Von F. Dölger. München-Berlin, 1960. 165 S.
- Ekthésis Néa. Manuel des pittakia du XVe siècle / Ed. crit. et comment. par J. Darrouzés. P., 1969. 127 p.

- Ex Gregorii IX registro // MGH. Epistulae saeculi XIII e registis pontificum romanorum selectae / Ed. C. Rodenberg. Berolini, 1883. 786 S.
- Hendrickx B.* Régestes des empereurs latins de Constantinople (1204—1261/1272) // Βυζαντινά. 1988. T. 14. P. 7—222.
- Historia Diplomatica Friderici Secundi / Coll. J.L.A. Huillar-Brécho-lis. P., 1858. T. 5. Pt. 1. 644 p.
- Hoeck J.M., Loenertz R.J.* Nikolaos-Nektarios von Otranto, Abt von Casole: Beiträge zur Geschichte der ost-westlichen Beziehungen unter Innozenz III. und Friedrich II // Studia patristica et byzantina. Ettal, 1965. Hft. 11. S. 146—235.
- Il liber Communis detto anche plegiorum. Regesti / Ed. R. Predelli // Archivio Veneto. Venezia, 1872. T. 3. P. 2. P. 184—185.
- Les regestes des actes du patriarcat de Constantinople. Vol. I. Les actes des patriarches. Fasc. IV. Les regestes de 1208 à 1309 / Par. V. Laurent. P., 1970. 634 p.
- Lemerle P.* Trois actes du despotate d'Épire Michel II cocernant con-nus en traduction latine // Ελληνικά. T. 4. Προσφορά εις Στ. Π. Κυριάκδην / Επ. εκδ. Ι. Κακρίδης. Θεσσαλονική, 1953. P. 405—426.
- Notitiae Episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae / Texte crit., introd. et note par J. Darrouzès. P., 1981. 521 p.
- Perrat Ch., Lognon J.* Actes relatifs à la principauté de Morée (1289—1300). P., 1967. 243 p.
- Prinzing G.* Der Brief Kaiser Henrichs von Konstantinopel vom 13. Januar 1212 // Byz. 1973. T. 43. P. 395—431.
- Ρωμάνος Ι.* Ἀνδηγαυϊκόν δίπλωμα τοῦ Ταραντίνου ἡγεμόνος Φιλίππου τοῦ Β' περιέχον μετάφρασιν χρυσοβούλλου Μιχαήλ τοῦ δεσπότης Ἡπείρου // ΔΙΕΕ. T. 2. P. 594—597.
- Solovjev A.V.* Un inventaire de documents byzantins de Chilandar // SK. 1938. Вып. X. С. 31—47.
- Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων / Ὑπὸ Γ.Α. Ῥάλλη, Μ. Ποτλή. T. 5. Ἀθήνασιν, 1855. 638 σ.
- Tafel G.L.M., Thomas G.M.* Griechische Original-Urkunden zur Geschichte des Freistaats Ragusa. Wien, 1851. 31 S. II Taff.
- Urkunden zur älteren Handels und Staatsgeschichte der Republik Venedig / Hgb. G.L.F. Tafel, G.M. Thomas. Theil II (1205—1255). Wien, 1856. 496 S.

Πисьμα

- Vasiljevskij V.G.* Epirotica saeculi XIII // BB. 1896. T. 3. C. 233—299.
- Παναδοπουλο-Κεραμεως Α.Ι.* Noctes petropolitanae. СПб., 1913.
- Bees-Seferlis H.* Unedierte Schriftstücke aus der Kanzlei des Johannes Apokaukos des Metropolitens von Naupaktos (in Aetolien) // BNJ. 1976. Bd. 21. S. 56—247.
- Buchon J.A.C.* Recherches et matériaux pour servir à une histoire de la domination française aux XIIIe, XIVe et XVe siècles dans les provinces démembrées de l'empire grec à la suite de la quatrième croisade. P., 1840. T. 2.
- Δελημάρη Ι.Κ.* Ἄπαντα Ἰωάννου Ἀποκαύκου. Ναυπάκτος: Αδελφότης Μεταμορφώσεως τοῦ Σωτήρος Ναυπάκτου, 2000. 496 σ.
- Demetrii Chomateni* Ponemata diaphora // CFHB. Vol. 38 / Rec. G. Prinzing. Berolini; Novi Eboraci, 2002. 532 S. 3 Taff.
- Innocentii III Romani pontificis* regestorum sive epistolarum (1209—1213) // PL / Ed. J-P. Migne. P., 1875. T. 216. 1312 coll.
- Λαμπρός Σ.* Κερκυραϊκά ανέκδοτα. Ἀθήνα, 1882. 84 σ.
- Loenetz R.-J.* Lettre de Georges Bardanès, mètropolite de Corcyre, au patriarche oecumenique Germain II 1226—1227 // ΕΕΒΣ. 1964. T. 33. P. 104—118.
- Μανάφης Κ.Α.* Ἐπιστολή Βασιλείου Πεδιαδίτου, μητροπολίτου Κερκύρας πρὸς τον πάπαν Ἰννοκέντιον Γ' καὶ ὁ χρόνος πατριαρχείας Μιχαὴλ Δ' Ἀντωρειάνου // ΕΕΒΣ. 1975—1976. T. 42. Σ. 429—440.
- Michaelis Choniatae* Epistulae // CFHB. Vol. 41 / Rec. F. Kolovou. Berolini; Novi Eboraci, 2001. 396 S. 2 Taff.
- Moustoxides A.* Delle cosa Corciresi. Corfu, 1848. 696 p.
- Oikonomidis N.* Cinq actes inédits du patriarche Michel Autôreianos // REB. 1967. T. 25. P. 113—145.
- Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Κερκυραϊκά. Ἰωάννης Ἀποκαύκος καὶ Γεώργιος Βαρδάνος // BB. 1907. T. 13. C. 334—351.
- Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Περί συνοικισμού τῶν Ἰωαννίνων μετὰ τήν φραγκικὴν κατάκτησιν τῆς Κωνσταντινουπόλεως // ΔΙΕΕ. 1891. T. 3. Σ. 451—455
- Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συμβολὴ εἰς ἱστορίαν τῆς ἀρχιεπισκοπῆς Ἀχρίδος // Сборник статей, посвященных В.И. Ламанскому. СПб., 1907. Ч. 1. С. 227—250.
- Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Συνοδικὰ γράμματα Ἰωάννου τοῦ Ἀποκαύκου // Βυζαντίς. 1909. 1. Σ. 5—47

- Pétridès S.* Jean Apokaukos, letters et autre documents inédits // ИРАИК. 1909. Т. XIV. Ч. 2. С. 1—32.
- Pressuti P.* I regesti del pontifice Onorio III dall'anno 1216 all'anno 1227. Roma, 1884. Vol. 1. 483 p.
- Theodori Ducae Lascaris* Epistulae CCXVII / Ed. N. Festa. Firenze, 1898. 414 p.
- Nicetae Choniatae.* Orationes et epistulae / CFHB. Vol. 3 / Rec. I.A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1972. 280 S. 2 Taff.

Хроники, мемуары, исторические сочинения

- Albricus Monachus.* Chronica Albrici Monachi Trium Fontium // MGH. 1925. Bd. 23. S. 631—950.
- Andreae Danduli Ducis venetiarum* Chronica per extensum descripta aa. 46—1280 d. C. / A cura di E. Pastorello // RIS / Ord. de L.A. Muratori. Bologna, 1938. T. 12. P. 1. P. 9—327.
- Annae Comnenae Alexias* // CFHB. Vol. 40/1 / Rec. D.R. Reinsch, A. Kambylis. Berolini; Novi Eboraci, 2001. 505 P. II Taff.
- Ansbert.* De expeditione Friderici imperatoris // MGH. 1928. Bd. 5. S. 1—115.
- Henri de Valenciennes.* Histoire de l'empereur Henri de Constantinople / Publ. par J. Longnon. P., 1948. 136 p.
- Georgii Acropolitae Opera* / Rec. A. Heisenberg. Editio stereotypa editionis anni MCMIII corrector cum P. Wirth. Stuttgart, 1979. 366 S.
- George Acropolites.* The History / Trans. with introd. and comment. by R. Macrides. Oxford, 2007. 440 p.
- Georges Pachymérès.* Relationis historiques / CFHB. Vol. 24. P. I / Ed. par A. Failer. Berolini; Novi Eboraci, 1984. 325 p.
- Ἐφραιμίου χρονικοῦ Καίσαρες* // PG / Ed. J.-P. Migne. P., 1891. T. 143. Coll. 12—380.
- Εὐθυμῖος.* Χρονικὸν ἀνέκδοτον Γαλαξειδίου // Χρονικὸν ἀνέκδοτον Γαλαξειδίου: ἡ Ἱστορία Ἀμφίσης, Ναυπάκτου, Γαλαξειδίου, Λοιδορικείου καὶ τῶν περιχώρων ἀπὸ τῶν ἀρχαιοτάτων μέχρι τῶν καθ' ἡμᾶς χρόνων / Εκδ. Κ.Ν. Σάθα. Ἀθήνα, 1865. Σ. 192—227.
- Nicephori Gregorae* Byzantina historia / Ed. J. Schopen. Bonnae, 1829. Vol. I. 568 p.
- Nicetae Choniatae.* Historia // CFHB. Vol. 11. P. I. / Rec. I.A. van Dieten. Berolini; Novi Eboraci, 1975. 656 S.
- Nicephorus Blemmydes.* Curriculum vitae et carmina / Ed. A. Heisenberg. Lipsiae, 1896. 136 p.

- Rycardi de Sancti Germano notarii chronica* // MGH. 1925. Bd. 19. S. 321—384.
- Σύνοψις χρονική // Μεσαιωνική Βιβλιοθήκη / Εκδ. Κ.Ν. Σάθα. Βενέτια, 1894. Σ. 1—556.
- The Chronicle of Morea* / Ed. J. Schmit. L., 1904. 640 p.
- Villehardouin Geoffroi de. La conquête de Constantinople avec la continuation de Henri de Valenciennes* / Ed. par M.N. de Wailly. P., 1882. 616 p.
- Chronique d'Ernoult et de Bernard de Trésorier* / Par M.L. de Mas Laitre. P., 1861. 387 p.

Трактаты

- Pseudo-Kodinos. Traité des offices* / Introduction, texte et traduction par J. Verpeux. P., 1966. 420 p.

Агиография

- Job monachi Vita St. Theodorae* // PG / Ed. J-P. Migne. T. 127. P., 1864. Coll. 902—907.
- Život Sv. Symeona od krále Štefana. Z rukopisu XIII. století* / Vyd. P.J. Šafařík. Praha, 1868. S. 1—30.

Сфрагистические и нумизматические коллекции

- Герасимов Т.Д.* Принос към нумизматиката на Солунската империя // Изследования в чест на М. Дринов. София, 1960. С. 381—398.
- Иванишевић В.* Остава «електрон» трахеја Теодора Анђела из Нишке области // ЗРВИ. 2003. Т. 57. С. 47—62.
- Лихачев Н.П.* Моливдовулы греческого востока. М., 1991. 359 с.
- Радић В.* Византијски новац из Народног музеја у Београду. Београд, 2006. 232 с.
- Марковић М.* Византијске повеље Дубровачног архива // ЗРВИ. 1952. Т. 1. С. 205—264.
- Мушмов Н.А.* Монетите и печатите на българските царе. София, 1924. 186 с.
- Радушев А., Жеков Г.* Каталог на Средновековни български монети IX—XV вв. София, 1999. 251 с.
- Carpe H.Ph.* Die Münzen der deutschen Kaiser und Könige des Mittelalters. Dresden, 1850. Bd. 2.

- Catalogue of Byzantine lead seals at Dumbarton Oaks collection and in the Fogg museum of art. Washington, 1991. Vol. I. Italy, North of the Balkans, North of the Black Sea / Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. 253 p; Washington, 1991. Vol. 2. South of the Balkans, Islands, South of Asia Minor / Ed. by J. Nesbitt, N. Oikonomides. 233 p.
- Ceramissini-Oeconomides M.* Contribution à l'étude du monnayage de Michel II d'Épire // XIV Congrès international des études byzantines. Bucarest, 6—12 septembre. Actes / Publ. par les soins M. Berza, P. Stănescu. Bucarest, 1974. T. 3. P. 187—189.
- Catalogue of the Byzantine coins in the Dumbarton Oaks and in the Whittemore collection / Ed. by A. Bellinger and P. Grierson. Vol. 4. Alexius I to Michael VIII / Ed. by M.F. Hendy. Washington, 1999. 443 p.
- Grierson Ph.* Byzantine coins. L., 1982. 411 p.
- Hendy M.F.* Coinage and money in the Byzantine Empire (1081—1261). Washington, 1969. 453 p.
- Jordanov J.* Corpus of Byzantine Seals from Bulgaria. Sofia, 2006. Vol. 2: Byzantine Seals with Family Names. 546 p.
- Laurent V.* Le Corpus des Sceaux de l'Empire Byzantin. T. 5: L'Église. P. 1. P., 1965. 538 p.
- Λεοντιάδης Ι.Γ.* Μολυβδόβουλλα Μουσείου Βυζαντινού Πολιτισμού Θεσσαλονίκης. Θεσσαλονίκη, 2006. 240 σ.
- Lianta E.* Late Byzantine Coins (1204—1453) In The Ashmolean Museum University of Oxford. London, 2009. 333 p.
- Oikonomides N.* A collection of dated Byzantine lead seals. Washington, 1986. 179 p.
- Schlumberger G.* Sigillographie de l'Empire Byzantin. P., 1884. 700 p.
- Sear D.R.* Byzantine coins and their values. L., 1987. 526 p.
- Seibt W.* Die Byzantinische Bleisiegel in Österreich. Wien, 1978. Teil I. Kaiserhof. 350 S. 12 Taff.
- Seibt W.-Zarnitz M.L.* Das Byzantinische Bleisiegel als Kunstwerk. Katalog zur Ausstellung. Wien, 1997.
- Stavrakos Ch.* Die byzantinischen Bleisiegel mit Familiennamen aus der Sammlung des Numismatischen Museums Athen. Wiesbaden, 2000. 447 S.
- Suhle A.* Das Münzwesen Magdeburgs unter Erzbischof Wichmann. Magdeburg, 1950. 53 S.
- Suhle A.* Deutsche Münz- und Geldgeschichte von den Anfängen bis zum XV Jahrhundert. Berlin, 1971. 557 S.
- Wroth W.* Catalogue of the coins of the Vandals, Ostrogoths and Vandals and of the Empires of Thessalonica, Nicaea and Trebizond in the British museum. L, 1911. 344 p.

Zacos G., Veglery A. Byzantine lead seals. Basel, 1972. Vol. 1. P. 1—3. 1999 p.

Zacos G. Byzantine lead seals. Berne, 1984. Vol. 2. 573 p.

Эпиграфический материал

Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1931. 703 с.
Corpus Inscriptorum Graecorum. Berolini, 1877. Vol. IV. 662 p.

Spieser J.-M. Inventaires et vue d'un recueil des inscriptions historiques de Byzance. I. Les inscriptions des Thessalonique // ТМ. 1973. Т. 5. P. 145—180.

Литература

Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1991. 448 с.

Ангелов Д. Принос към народностните и поземелни отношения в Македония (Епирский деспотат) первой половины XIII в. // Известия на Камарата на народната култура. Сер. IV. Хуманитарни науки. 1947. №3. С. 19—34.

Ангелов Д. К вопросу о правителях фем в Эпирском деспотате и Никейской империи // BS. 1951. Vol. 12. С. 53—74.

Ангелов П. Демографският облик на град Охрид (XII—XIV в.) // Векове. 1981. №5. С. 16—22.

Андреева М.А. Очерки по культуре византийского двора. Прага, 1923. 180 с.

Бажилев И., Гюзелев В. История на Средновековна България. София, 1999. Т. 1: VII—XIV в. 704 с.

Баришић Ф. Грчки натписи на монументалном живопису // ЗРВИ. 1967. Т. 10. С. 47—58.

Бибииков М.В. Историческая литература Византии. СПб., 1998. 315 с.

Бибииков М.В. Проблемы генезиса и эволюции византийской аристократии // Он же. Очерки средневековой истории, экономики и права. М., 1998. С. 155—172.

Бибииков М.В. Византийские этнические, родовые и династические генеалогии // Восточная Европа в древности и Средневековье. XIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 11—13 апреля 2001 г.). Материалы конференции. М., 2001.

Бибииков М.В. «Блеск и нищета» василевсов. Структура и семиотика власти в Византии // Образы власти на Западе, в

- Византии и на Руси: Средние века и Новое время / Отв. ред. М.А. Бойцов. М., 2008. С. 11—14.
- Блок М.* Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере власти преимущественно во Франции и в Англии / Пер. и комм. В.А. Мильчиной. М., 1998. 712 с.
- Браунинг Р.* Византийская Фессалоника — уникальный город? // ΓΕΝΝΑΔΙΟΥΣ. Сб. ст. к 75-летию Г.Г. Литаврина / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2001. С. 23—38.
- Бутырский М.А., Селунская Н.А.* Образы императорской власти в контексте византийской нумизматической иконографии // Власть, право и религия: Взаимосвязь светского и сакрального в средневековом мире / Отв. ред. Н.А. Селунская. М., 2000. С. 55—79.
- Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философии и государственного устройства. Л., 1931 (СПб., 2008). 535 с.
- Васильев А.А.* Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1205—1261). Пг., 1923. 76 с.
- Васильевский В.Г.* Обновление Болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II // ЖМНП. 1885. Т. 238. № 3. Отд. 2. С. 1—56.
- Византийская литература / Отв. ред. Л.А. Фрейберг, Т.В. Попова. М., 1974. 300 с.
- Вин Ю.Я.* Обычное право и знать в изображении Димитрия Хоматиана // Элита и этнос Средневековья / Отв. ред. А.А. Сванидзе. М., 1995. С. 251—258.
- Герасимов Т.* Медни монети на Йоан III Ватацес с Епирски деспот Михаил II // ИАИ. 1974. Т. 34. С. 319—322.
- Голубинский Е.* Краткий очерки истории православных церквей Болгарской, Сербской и Румынской или Молдо-Влашской. М., 1871. 734 с.
- Горянов Б.Т.* Византийское крестьянство при Палеологах // ВВ. Т. 3. 1950. С. 19—45.
- Горянов Б.Т.* Крупное феодальное землевладение в Византии в XIII—XV вв. // ВВ. 1956. 10. С. 111—132.
- Горянов Б.Т.* Поздневизантийский иммунитет (окончание) // ВВ. Т. 12. 1957. С. 21—34.
- Горянов Б.Т.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962. 502 с.
- Грбар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000. 328 с. (1 ed. P., 1936).
- Грегоровиус Ф.* История города Афин в Средние века (от Юстиниана до турецкого завоевания). М., 2009. 767 с.

- Гурулева Н.Н. Монеты Трапезунда конца XI—начала XII в. в собрание Государственного Эрмитажа // ВВ. 1991. Т. 52. С. 233—236.
- Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском цезаропапизме. СПб., 2010 (1-е изд.: Р., 1996). 480 с.
- Даркевич В.П. Светское искусство Византии. М., 1975. 350 с.
- Целебцић Д. Писма Јована Апокавка Теодору Дуке // ЗРВИ. 2008. Т. 47. С. 125—140.
- Целебцић Д. Друштво у Епирској држави прве половине XIII века. Докторска дисертација. Београд, 2012. 313 с.
- Дринов М. О некоторых трудах Димитрия Хоматиана как историческом материале // ВВ. 1894. Т. 1. Вып. 2. С. 319—340; 1895. Т. 2. Вып. 1—2. С. 1—24.
- Жаворонков П.И. У истоков образования Никейской империи (оценка деятельности Константина XI Ласкаря) // ВВ. 1977. Т. 38. С. 30—37.
- Жаворонков П.И. Малоазийские города периода Никейской империи // АДСВ. 1990. Вып. 25. С. 54—60.
- Жаворонков П.И. Культура Никейской империи // Культура Византии. XIII—первая половина XV вв. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 47—85.
- Жаворонков П.И. Культура Эпирского царства // Культура Византии. XIII—первая половина XV вв. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 121—137.
- Жаворонков П.И. Состав и эволюция высшей знати Никейской империи: элита // ВО. М., 1991. С. 83—90.
- Жаворонков П.И. Представления Георгия Акрополита о знатности и структуре никейской знати // ВВ. 1998. Т. 55 (80). Ч. 2. С. 93—99.
- Жаворонков П.И. Западные и восточные реалии в социально-политической и духовной жизни Никейской империи // Византия между Западом и Востоком: Опыт исторической характеристики / Под ред. Г.Г. Литаврина. СПб., 1999. С. 207—219.
- Жаворонков П.И. Из истории родственных отношений между Никейской империей и Албанией в середине XIII в. // ВВ. 2003. Т. 62. С. 92—96.
- Жаворонков П.И. Комментарий к «Истории» // Георгий Акрополит. История / Пер., вступ. ст. и приложения П.И. Жаворонкова / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. СПб., 2005. С. 155—308.
- Живојиновић М. Спартини. Прилог просопографии // ЗРВИ. 1989. Т. 27/28. С. 177—184.

- Жолеви-Леви К.* Образ власти в искусстве эпохи Македонской династии // ВВ. 1988. Т. 49. С. 143—161.
- Заборов М.А.* История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977. 272 с.
- Златарски В.* История на българската държава през средните векове. Т. 3: Второ Българско царство. България при Асеневци (1187—1280). София, 1972 (1-е изд.: София, 1940). 655 с.
- Иванов С.А.* Формы легитимации верховной власти в Болгарии XI—XIII вв. // Славяне и их соседи. М., 2008. Вып. 12. Анфологион: Власть, общество и культура в славянском мире. К 70-летию Б.Н. Флори. М., 2008. С. 66—75.
- Илиев И.Г.* Димитър, по Божия милост архиепископ на Първа Юстиниана и на цяла България // ИП. 2004. №1—2. С. 3—40.
- Илиев И.* Охридският архиепископ Димитър Хоматиан и българите. София, 2010. 336 с.
- Каждан А.П.* Источники // История Византии. / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1967. Т. 3. С. 5—14.
- Каждан А.П.* Византийская культура (X—XII вв.) / 2-е изд-е. СПб., 2000 (М., 1968). 208 с.
- Каждан А.П.* Об аристократизации византийского общества // ЗРВИ. 1968. Вып. 11. С. 47—53.
- Каждан А.П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974. 293 с.
- Каждан А.П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи XI—XII вв. Ереван, 1975. 191 с.
- Каждан А.П.* Центробежные и центростремительные силы в византийском мире (1081—1261) // XVe congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. Athènes, 1976. Т. 1: Histoire. С. 1—28.
- Карпов С.П.* Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII—XV вв. // ВВ. 1975. Т. 34. С. 154—163.
- Карпов С.П.* У истоков политической идеологии Трапезундской империи (О происхождении титула ΜΕΓΑΣ ΚΟΜΝΗΝΟΣ) // ВВ. 1981. Т. 42. С. 101—105.
- Карпов С.П.* От фемы Халдия — к империи Великих Комнинов // АДСВ. 1982. Вып. 19. С. 54—61.
- Карпов С.П., Жаворонков П.И.* Особенности социально-экономического и политического развития греческих земель в эпоху политической раздробленности и латинского владычества // Культура Византии XIII—XV вв. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1991. С. 12—45.

- Карнов С.П.* После 1204 г.: Трапезунд — второй Константинополь? // Рим, Константинополь, Москва: сравнительно-историческое исследование центров идеологии и культуры до XVII в. VI Международный Семинар исторических исследований «От Рима к Третьему Риму» (Москва, 28—30 мая 1986). М., 1997. С. 135—143.
- Карнов С.П.* Образование Трапезундской империи (1204—1215 гг.) // ВВ. 2001. Т. 60 (85). С. 5—29.
- Карнов С.П.* Причерноморье и Византия до и после IV Крестового похода // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами): Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 26—27 мая 2004 года. М., 2004. С. 80—81.
- Карнов С.П.* В поисках новой святости: Греческое Причерноморье после 1204 г. // Международная церковно-научная конференция «Православная Византия и латинский Запад: (К 950-летию разделения Церквей и 800-летию захвата Константинополя крестоносцами)» (Москва, 26—27 мая 2004 г.). Сборник материалов. М., 2005. С. 59—65.
- Карнов С.П.* Социальная борьба в Трапезундской империи: от династических смут к гражданской войне // ВВ. 2006. Т. 65 (90). С. 6—28.
- Карнов С.П.* История Трапезундской империи. СПб., 2007. 624 с.
- Коледаров П.* Политическа география на Средновековната Българска държава. София, 1989. Т. 2. 159 с.
- Курьшева М.А.* Византийцы и норманны: Проблемы симбиоза // ВВ. 2006. 65 (90). С. 150—162.
- Куц Т.В.* Эпистолярная практика в поздней Византии // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39. С. 5—15.
- Куц Т.В.* Роль интеллектуалов в придворном мире поздней Византии // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4 (66). С. 238—244.
- Лебедев А.П.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до середины XV века. СПб., 1998. 383 с.
- Лебедев А.П.* История Византии (842—1453). М., 2005. 783 с.
- Левченко М.В.* История Византии. М.-Л., 1940. 263 с.
- Литаврин Г.Г.* Внешнеполитическая борьба на Балканском полуострове и в Малой Азии. Латинская империя, Никея, Эпир

- и Болгария (1205—1261 гг.) // История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1967. Т. 3. С. 50—71.
- Литаврин Г.Г.* Социально-экономический и политический строй Никейской империи, Эпирского царства и Трапезундской империи // История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1967. Т. 3. С. 29—49.
- Литаврин Г.Г.* Византийское государство в VII—XII вв. // Раннефеодальные государства на Балканах VII—XII вв. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 1985. С. 99—131.
- Литаврин Г.Г.* Византийская империя во второй половине VII—XII вв. // Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. / Отв. ред. З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин. М., 1989. С. 11—35.
- Литаврин Г.Г.* Политическая теория Византии с середины VII—до начала XIII в. // Культура Византии. Вторая половина VII—XII вв. / Отв. ред. З.В. Удальцова, Г.Г. Литаврин. М., 1989. С. 59—88.
- Литаврин Г.Г.* Этапы эволюции верховной власти и ее репрезентации в Византии VII—XII вв. // Репрезентация верховной власти в средневековом обществе (Центральная и Восточная Европа). Тез. XXII научной конференции «Славяне и их соседи». Москва. 14—16 мая 2004 г. / Отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 2004. С. 46—50.
- Литаврин Г.Г.* Феофилакт Болгарский (Охридский) и пастырский долг // Великий Новгород и Средневековая Русь: Сб. ст. к 80-летию академика В.Л. Янина / Отв. ред. Н.А. Макаров. М., 2009. С. 633—643.
- Лихачева В.Д.* Искусство Византии IV—XV вв. Л., 1986. 155 с.
- Максимовић Л.* Димитрије Хоматијан и «варварска власт» у Северној Македонији // Зборник филозофског факултета. Београд, 1994. Т. XVIII-а. С. 93—99.
- Медведев И.П.* Правовая культура Византийской империи. СПб., 2001.
- Медовиков П.* Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849. 179 с.
- Меньшикова М.С.* Понтийская знать // Византия и Запад (950-летие схизмы христианской церкви, 800-летие захвата Константинополя крестоносцами): Тезисы докладов XVII Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 26—27 мая 2004 года. М., 2004. С. 125—126.
- Морозов М.А.* Структура социальной элиты Никейской империи // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы: Материалы 11-й международной конференции молодых ученых.

- Санкт-Петербург, 27—30 декабря 2000 г. СПб., 2000. С. 312—317.
- Морозов М.А.* Монастыри средневековой Византии. СПб., 2005. 174 с.
- Николов Г.Н.* Самостоятелни и полусамостоятелни владения във възобновеното Българско царство (края на XII—средата на XIII в.). София, 2011. 255 с.
- Нистазопуло-Пелекиду М.* О византийской дипломатике в период Никейской империи // ВВ. 1987. Т. 48. С. 64—72.
- Острогорский Г.* К истории иммунитета в Византии // ВВ. 1958. Т. 13. С. 55—106.
- Полуэктова О.С.* К вопросу о сущности церемониала в связи с императорской идеей // Византийское государство в IV—XV вв.: Центр и периферия. Тезисы докладов XV Всероссийской научной сессии византинистов (Барнаул, 29 мая—2 июня 1998 г.). Барнаул, 1998. С. 60—62.
- Поляковская М.А.* К социальной характеристике поздневизантийского общества: Кавасилы // ВВ. 1999. Т. 58 (83). С. 37—46.
- Поляковская М.А.* Поздневизантийский чин коронования василевса // ВВ. 2009. Т. 68 (93). С. 5—24.
- Поляковская М.А.* Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «Театр власти» / Науч. ред. Т.В. Куш. Екатеринбург, 2011. 334 с.
- Поповић А.В.* Титулатура Охридског архиепископа у писмима Димитрија Хоматијана // ЗРВИ. 1999/2000. Т. 38. С. 279—285.
- Радић Р.* Обласни господари у Византији крајем XII и у првим деценијама XIII век // ЗРВИ. 1986. Т. 24—25. С. 151—289.
- Радошевић Н.* Епистолографија Јована Апокавка // ЗРВИ. 1991. Т. 29—30. С. 155—167.
- Сметанин В.А.* Эпистолография. Свердловск, 1970. 181 с.
- Сметанин В.А.* Теоретическая часть эпистологии и конкретно-исторический эфармосис поздней Византии // АДСВ. 1979. С. 58—93.
- Сметанин В.А.* Византийское общество XIII—XV вв. по данным эпистолографии. Свердловск, 1987. 288 с.
- Снегаров И.* Солунъ въ българската духовна култура. София, 1937. 523 с. 9 илл.
- Соколов И.И.* Крупные и мелкие властели в Фессалии // ВВ. 1923—1926. 24. С. 35—44.
- Соколов И.И.* О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии. Вселенские судьи в Византии / Вступ. ст. Г.Е. Лебедевой. СПб., 2003. 272 с.

- Станковић В. Манојло Комнин, византијски цар (1143—1180). Београд, 2008. 307 с.
- Степанов Е.В. Гербы в политической жизни Священной (Римской) империи во 2-й половине XII—1-й половине XIII вв. на примере гербов Гогенштауфенов и Вельфов // Тюменский исторический сборник / Отв. ред. З.И. Сокова. Тюмень, 1999. Вып. 3. С. 172—178.
- Удальцова З.В. Византия и Западная Европа: Типологические наблюдения // ВО. М., 1977. С. 6—65.
- Ульянов О.Г. О времени возникновения инаугурационного миропомазания в Византии, на Западе и в Древней Руси // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской научной сессии византинистов (Москва, 20—21 октября 2008 года). М., 2008. С. 133—137.
- Успенский Ф.И. Очерки истории Трапезундской империи. М., 2010 (1-е изд.: М., 1927). 112 с.
- Успенский Ф.И. Центробежные и центростремительные силы в истории Византии // ИАН СССР. Отд. обществ. наук. 1931. Сер. VII. № 4. С. 455—470.
- Успенский Ф.И. История Византийской империи XI—XV вв. Восточный вопрос. М., 1997 (1-е изд. — М., 1948). 829 с.
- Успенский Б.А. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. 680 с.
- Ферјанчић Б. Деспоти у Византији и јужнословенским земљама. Београд, 1960. 226 с.
- Ферјанчић Б. Породица Малиасина у Тесали // Сборник Филозофског факултета. Београд, 1963. Т. VII. Ч. 1. С. 241—248.
- Ферјанчић Б. Поседи породице Малиасина у Тесалији // ЗРВИ. 1966. Т. 9. С. 33—48.
- Ферјанчић Б. Солунски цар Манојло Анђео (1230—1237) // Сборник филозофског факултета. Београд, 1979. Т. XIV—I. С. 93—101.
- Ферјанчић Б. Племяство у Епирској држави прве половине XIII века (1205—1261) // Глас САНУ. Отд. истор. наука. 1986. Кн. 5. С. 131—178.
- Ферјанчић Б. Севастократори у Византији // ЗРВИ. 1986. Т. 11. С. 141—192
- Ферјанчић Б. Тесалија у XIII—XIV веку. Београд, 1974. 308 с.
- Чекалова А.А., Поляковская М.А. Интеллектуалы и власть в Византии // ВО. 1996. С. 5—24.

- Черноглазов Д.А. Laus epistulae acceptae: Об эволюции византийского эпистолярного комплимента // ВВ. 2010. Т. 69 (94). С. 174—186.
- Черноглазов Д.А. Замечания о византийском эпистолярном этикете XII в.: Pluralis modestae и pluralis reverentiae // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 94—105.
- Черноглазов Д.А. Описания охоты в письмах Феодора Дафнопата: К вопросу о развитии охотничьих мотивов в византийской литературе // АДСВ. 2015. Вып. 43. С. 208—228.
- Черноусов Е.А. Из византийского захолустья XIII века. Харьков, 1913. 15 с.
- Чеснокова Н.П. Комнины после Комнинов: династическая идея в Византии в конце XII—XIII вв. // Byzantium. Identify. Image. Influence. International Congress of Byzantine Studies. University of Copenhagen, 18—24 august 1994 / К. Fledelius. Copenhagen, 1995. P. 2116.
- Чеснокова Н.П. Византийская династическая идея эпохи Комнинов и Ангелов (конец XI—начало XIII в.) // Восточная Европа в древности и Средневековье. 2002 год. Генеалогия как форма исторической памяти / Отв. ред. И.Г. Коновалова. М., 2004. С. 189—198.
- Чичуров И.С. Политическая идеология Средневековья (Византия и Русь). М., 1991. 176 с.
- Шамгунова Т.А. Родственные и межклассовые связи поздневизантийской аристократии // АДСВ. 2003. Вып. 34. С. 355—379.
- Шандровская В.С., Романчук А.В. Введение в византийскую сфрагистику. Екатеринбург, 1995. 110 с.
- Шукуров Р.М. Великие Комнины и Восток (1204—1461) / ВВ. СПб., 2001. 448 с.
- Юзбашян К.Н. Внешнеполитическое и внутреннее положение Византии в конце XII в. Четвертый крестовый поход и захват Константинополя // История Византии / Под ред. С.Д. Сказкина. М., 1967. Т. 3. С. 331—346.
- Якобсон А.Л. Закономерности в развитии средневековой архитектуры. Л., 1987. 236 с.
- A Chronology of the Byzantine Empire / Ed. by T. Vennig. N.Y., 2006. 817 p.
- Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'empire Byzantin. P., 1975. 158 p.
- Andrea A.J. Contemporary Sources for the Fourth Crusade. Brill: Leiden; Boston, 2008. 346 p.

- Angelomatis-Tsougarakis H.N.* Women in the society of the despotate of Epirus // XVI Internationaler Byzantinistenkongress (Wien, 4—9 Oktober 1981) / Hrgb. von H. Hunger. Wien, 1982. T. 2. Hbd. 2. P. 453—462.
- Angelov D.* Imperial ideology and political thought in Byzantium. Cambridge, 2007. 453 p.
- Angold M.* Byzantine government in exile: Government and society of Nikaea under Lascarids. Oxford, 1975. 332 p.
- Angold M.* Introduction // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries / Ed. M. Angold. Oxford, 1984. P. 1—9.
- Angold M.* The Byzantine Empire 1081—1204. A political history. L; N.Y., 1984. 334 p.
- Angold M.* Greeks and Latins after 1204. The perspective of exile // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204 / Ed. B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. L, 1989. P. 63—86.
- Angold M.* Church and Society in Byzantium under the Comneni 1081—1261. Cambridge, 1995. 604 p.
- Angold M.* The road to 1204: the Byzantine background to the Fourth Crusade // Journal of Medieval History. 1999. Vol. 25. № 3. P. 257—278.
- Angold M.* Byzantie politics vis-à-vis the Fourth Crusade // Urbs Capta: The Fourth Crusade and Its Consequences / Ed. by A.E. Laiou. P., 2005. P. 55—70.
- Angold M., Whitby M.* Church. Structures and administration // The Oxford Handbook of Byzantine studies / Ed. by E. Jeffreys, J. Halton, R. Cornack. Oxford, 2008. P. 571—582.
- Angold M.* The rump Greek states and recovery of Byzantium // The Cambridge history of Byzantine Empire / Ed. by J. Shappard. Cambridge, 2008. P. 731—758.
- Angold M.* Byzantium in exile // New Cambridge Medieval History. Vol. 5: c. 1198-c.1300 / Ed. E. Abulafia. Cambridge, 2008. P. 543—568.
- Βάρζος Κ.* Ἡ γενεαλογία τῶν Κομνηνῶν. Τ. 1. Θεσσαλονικὴ: Κέτρον Βυζαντινῶν Ἐρευνῶν, 1984. 757 σ; Τ. 2. Θεσσαλονικὴ, 1984. 896 σ.
- Barker J.W.* Late Byzantine Thessaloniki: A Second City's Challenges and Responses // DOP. 2003. Vol. 57. P. 5—33.
- Bartusis M.C.* The Late Byzantine army: Arms and Society. Philadelphia, 1992. 438 p.
- Bartusis M.C.* Land and Privilege in Byzantium. The Institution of Pronoia. Cambridge, 2013. 697 p.
- Beck H.G.* Kirche und Klerus im Staatlichen Leben von Byzanz // REB. 1966. Bd. 24. S. 1—24.
- Beck H.G.* Geschichte der orthodoxen Kirche im Byzantinischen Reich. Göttingen, 1980. Bd. 1. 275 S.

- Bertele T.* L'imperatore alato nella numismatica bizantina, Roma, 1951. 114 p.
- Böhlig G.* Untersuchungen zum rhetorischen Sprachgebrauch der Byzantiner. Berlin, 1956. 278 p.
- Brand Ch.M.* Byzantium confronts the West, 1180—1204. Cambridge, 1968. 394 p.
- Bredenkamp F.* The Byzantine Empire of Thessaloniki (1224—1242). Thessaloniki, 1995. 295 p.
- Breyer A.* The Fate of George Komnenos: Rule of Trebizond (1266—1280). 1973 // *Idem.* The Empire of Trebizond and Pontos. L., 1980. IV. P. 332—350.
- Brezeanu S.* La fonction de l'idée d'Imperium unicum chez les Byzantins de la première moitié du XIIIe siècle // RESEE. 1978. Vol. 16. №1. P. 57—64.
- Charanis P.* On the social structure and economic organization of the Byzantine Empire in the thirteenth century and later // BS. 1951. Vol. 12. №1. P. 91—153.
- Cheyne J.C.* Pouvoir et contestations à Byzance (963—1210). P., 1990. 485 p.
- Cheyne J.-C.* L'usage de sceaux à Byzance // Sceaux d'Orient et leur emploi / Textes réunis par R. Gyselen. Bure-et-Yvette, 1997. P. 23—40.
- Cheyne J.-C.* Recruter les officiers à Byzance // Actes des congrès de la Société des historiens médiévistes de l'enseignement supérieur public (29e, Pau, 1999) / Ed. G. Claude. P., 1999. P. 21—31.
- Cheyne J.-C.* Aristocracy and its inheritance. 1998. // *Cheyne J.-C.* The Byzantine Aristocracy and its Military Function. L., 2006. IV. P. 1—35
- Cheyne J.-C.* Le aristocratie byzantine (VIIIe—XIIIe siècle) // Journal des savants. 2000. Vol. 3. P. 281—322.
- Cheyne J.-C.* Bureaucracy and aristocracies // The Oxford Handbook of Byzantine studies / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cornack. Oxford 2008. P. 518—526.
- Cheyne J.-C.* Les Xèroi. Administrateurs de l'empire // Studies in Byzantine Sigillography / Eds. J.-C. Cheynet, C. Sode. Berlin, 2012. Vol. 11. P. 1—34.
- Cheyne J.-C.* Patriarches et empereurs: de l'opposition à la révolte ouverte // Zwei Sonnen an Goldenen Horn? Kaiserliche und patriarchale Macht im byzantinischen Mittelalter / Hg. M. Grünbart, L. Rickelt, M.M. Vutečić. Berlin, 2013. Tbd. 2. P. 1—18.
- Cotsonis J.* Saint & Cult Centers: a Geographic and Administrative Perspective in Light of Byzantine Lead Seals // Studies in Byzantine Sigillography. 1995. Vol. 5. P. 9—26.

- Cutler A.* Art in Byzantine society: Motive forces of byzantine patronage. 1989 // *Idem.* Imagery and ideology in Byzantine Art. L., 1992. XI. P. 759—787.
- Darrozès J.* Les discours d'Euthyme Tornikès (1200—1205) // *REB.* 1968. T. 26. P. 49—121.
- Diehl Ch.* Byzantine Art // *Byzantium.* An introduction in Roman East civilization / Ed. by N.H. Baynes, H.St.L.B. Moss. Oxford, 1948. P. 166—199.
- Dölger F.* Die Entwicklung der byzantinischen Kaisertitulatur und die Datierung von Kaiserdarstellungen in der byzantinischen Kleinkunst // *Dölger F.* Byzantinische Diplomatie. Ettal, 1956. S. 135—151.
- Dölger F.* Zur Unterfertigung byzantinischer Chrysobouloi Logoi // *SBAW.* Filos.-philol. Klasse. München, 1964. Hft. 10. S. 3—15.
- Dölger F., Karayannopulos J.* Byzantinische Urkundenlehre. München, 1968.
- Dragoilović D.* Archevêché d'Ochrid dans la hiérarchie des Grandes Églises chrétiennes // *Balkanica.* 1991. Vol. 22. P. 43—56.
- Du Cange C.F.* *Historia Byzantina.* Parisiis, 1680. 372 p.
- Ducellier A.* La façade maritime de l'Albanie au Moyen Age. Thessaloniki, 1981. 702 p.
- Ducellier A.* Les albanais dans l'empire byzantin: de la communauté a l'expansion // *Οι Άλβανοί στο Μεσσαιώνα / Έκδ. Χ. Γασπαρής. Αθήνα,* 1998. Σ. 17—45.
- Ducellier A.* Balkan powers: Albania, Serbia and Bulgaria (1200—1300) // *The Cambridge history of Byzantine Empire / Ed. by J. Shappard.* Cambridge, 2008. P. 779—802.
- Dujčev I.* Le grand tournant historique de l'an 1204 // *ЗРВИ.* 1975. T. 20. P. 63—68.
- Eastmond A.* "Local" Saints, Art and Regional Identity in the Orthodox World after the Fourth Crusade // *Speculum.* 2003. Vol. 78. № 3. P. 707—749.
- Eastmond A.* Art and Identity in Thirteenth-Century Byzantium. Hagia Sofia and the Empire of Trebizond. Ashgate, 2004. 208 p.
- Failler A.* Les insignes et la signature du despote // *REB.* 1982. T. 40. P. 171—186.
- Finlay G.* A History of Greece from its conquest by the Romans to the present time. Oxford, 1877. Vol. 3.
- Finlay J.H.* Corinth in the Middle Ages // *Speculum.* 1932. Vol. 7. №4. P. 477—499.
- Fundić L.* Art and Political Ideology in the State of Epirus during the Reign of the Theodoros Doukas // *BYZANTINA ΣΥΜΜΕΙΚΤΑ.* 2013. T. 23. P. 217—250.

- Garland L.* Byzantine Empress: Women and power in Byzantium (527—1204). L., 1999. 343 p.
- Geanokoplos D.* Greco-Latin relations on the eve of the Byzantine restoration: The battle of Pelagonia // DOP. 1953. 7. P. 105—140.
- Γιαρένης Η.* Η συγκράτηση και η έδραϊωση της αυτοκρατορίας της Νικαίας. Αθήνα, 2008. 410 σ.
- Gibbon E.* History of the Decline and Fall of the Roman Empire. Basil, 1782. Vol. 6. 718 p.
- Glykatzi-Ahrweiler H.* La politique agraire des empereurs de Nicée // Byz. 1959. T. 28. P. 51—66.
- Goschew I.* Zur Frage der Krönungszeremonien und die zeremonielle Gewandung der byzantinischen und die bulgarischen Herrscher im Mittelalter // Byzantinobulgarica. 1966. Vol. 2. S. 145—168.
- Grabar A.* L'assymétrie des relations de Byzance et de l'Occident dans le domaine des arts au Moyen Âge // Byzanz und der West: Studien zur Kunst des europäischen Mittelalters / Hgt. I. Hutter. Vienna, 1984. P. 9—24
- Gregory T.E.* A history of Byzantium. Oxford, 2005. 382 p.
- Grierson Ph.* Byzantine coinage. Washington, 1999. 76 p.
- Guilland R.* Études sur l'histoire administrative de l'Empire byzantin: Le despote, δεσπότης // REB. 1959. T. 17. P. 52—89.
- Guilland R.* Recherches sur les institutions byzantines. Berlin-Amsterdam, 1967. T. 2. 397 p.
- Haldon J.* Warfare, State and Society in the Byzantine World, 565—1204. L., 1999. 389 p.
- Haldon J.* Social Élites, Wealth and Power // A social history of Byzantium / Ed. J. Haldon. Wiley-Blackwell, 2009. P. 168—211.
- Hendy M.F., Bendall S.* A billon trachy of John Ducas, emperor, and John Comnenus-Ducas, despot // RN. 1970. T. 12. P. 143—148.
- Hendy M.F.* Byzantium 1081—1204: The Economy revisited, Twenty years on // *Hendy M.F.* The Economy Fiscal Administration and Coinage of Byzantium. Northampton, 1989. III. P. 1—48.
- Herzberg G.F.* Geschichte Grieschenlands seit dem Absterben des antiken Lebens. Gotha, 1877. Bd. 2. 605 S.
- Histoire generale du IV-e siecle à nos jours / Ed. E. Lavissee, A. Ramboud. P., 1893. T. 2. 973 p.*
- Hoffman J.* Rudiemente von Territorialstaaten in Byzantinischen Reich (1070—1210). München, 1974. 182 S.
- Holmes C.* Political-historical survey, 800—1204 // The Oxford Handbook of Byzantine studies / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cornack. Oxford 2008. P. 264—279.

- Hopf K.* Geschichte Griechenlands von Beginn des Mittelalters bis auf unsere Zeit // Allgemeine Encyclopädie / Erst. S. Escher, G. Gruber. Leipzig, 1867. Bd. 85. S. 210—297.
- Hrochová V.* Byzantská města ve 13—15 století. Praha, 1967. 118 s.
- Hunger H.* Die Hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner. München, 1978. Bd. 1. 542 S.
- Hunger H.* Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden // Wiener byzantinische Studien. Wien, 1964. Bd. 1. S. 49—83.
- Hussey J.M.* The Orthodox Church in the Byzantine Empire. Oxford, 1990. 415 p.
- Τδρωμένος Α.Μ.* Συνοπτική ιστορία της Κερκύρας. Κερκύρα, 1893. 133. σ.
- Iliev I.* The First Two Centuries of the Archbishopric of Ochrid // State and Church: Studies in Medieval Bulgaria and Byzantium / Ed. by V. Gjuzelev, K. Petkov. Sofia, 2011. P. 237—252.
- Irmscher J.* Nikäa als “Zentrum des griechisches Patriotismus” // RE-SEE. 1970. T. 8. №1. S. 33—47.
- Jacoby D.* La féodalité en Grèce Médiévale. Les “Assises de Romaine”: Sources, application et diffusion. P., 1971. 358 p.
- Janin R.* Les églises et les monastères des grand centres Byzantines. P., 1975. 605 p.
- Jervis H.* History of the Island of Corfu. L., 1852. 323 p.
- Kaldellis A.* Hellenism in Byzantium. The Transformations of Greek Identity and the Reception of the Classical Tradition. Cambridge, 2008. 468 p.
- Kaplan M.* Le saint, le village et le cite // Le saints et leur sanctuaire à Byzance: Textes, images et monuments / Publ. par C. Jolivet-Lévy, M. Kaplan, J.-P. Sodini. P., 1993. P. 81—94.
- Karlsson G.* Idéologie et cérémonial dans l'épistolographie Byzantines. Textes du X-e siècle, analysés et comments. Uppsala, 1962. 157 p.
- Karpov S.* The Empire of Trebizond: a rival Empire? // Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies. London, 21—26 August 2006 / Ed. by E. Jeffreys. L., 2006. Vol. 2: Abstracts of panel papers. P. 6—7.
- Karpozilos A.D.* The ecclesiastical controversy between the kingdom of Nikaea and the principality of Epiros (1217—1233). Thessaloniki, 1973. 108 p.
- Karpozilos A.D.* The Date of Coronation of the Theodore Doukas Angelos // Byzantina. 1974. Vol. 6. P. 251—261.
- Kazdan A.P., Ronshey S.* L'aristocrazia byzantina dal principio dell'XI alla fine del XII secolo. Palermo, 1997. 431 p.

- Kazhdan A.P., Constable G.* People and power in Byzantium. An introduction to modern Byzantine studies. Washington, 1982. 218 p.
- Kazhdan A.* The aristocracy and imperial ideal // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries / Ed. M. Angold. Oxford, 1984. P. 43—57.
- Kennedy G.A.* Greek rhetoric under the Christian emperors. New Jersey, 1983. 333 p.
- Koder J., Hild F.* Hellas und Thessalia / TIB. Wien, 1976. Bd. 1.
- Koïčeva E.* The Comnenian Dynasty and the Assenides // Byzantium and its neighbours from the mid-9th till the 12th centuries. Papers read at the International byzantinological symposium. Bechyně, September 1990 / Ed. V. Vavřínek. Prague, 1993. P. 127—133.
- Κολτσιδά Α. Α.* Οί σχέσεις τών μεγάλων Κομνηνών με τήν ἐκκλησία τής Τραπεζούντας 1204—1461. Θεσσαλονίκη, 2005. 190 σ.
- Krumbacher K.* Geschichte der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des oströmischen Reiches (527—1453). München, 1897. 495 S.
- Kyritses D.* The Byzantine Aristocracy in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries. Cambridge, 1997. 461 p.
- Laiou A.E.* Addendum to the report on the role of women in byzantine society. 1981. // *Idem.* Gender, Society and Economic Life in Byzantium. Adelshot, 1992. Ia. P. 198—204.
- Laiou A.E.* Contribution à l'étude de l'institution familiale en Epire au XIIIème siècle. 1984 // *Idem.* Gender, Society and Economic Life in Byzantium. Adelshot, 1992. V. P. 275—323.
- Laiou A.E.* Observations on the life and ideology of Byzantine women. 1985 // *Idem.* Gender, society and economic life. II. Adelshot, 1992. P. 59—102.
- Laiou A.E.* Mariage, amour et parenté á Byzance aux XIe—XIIIe siècles. P., 1992. 208 p.
- Laiou A.E.* Use and Circulation of Coins in the Despotate of Epiros // DOP. 2001. Vol. 55. P. 206—211.
- Laiou A.E.* Political-historical survey, 1204—1453 // The Oxford Handbook of Byzantine studies / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cornack. Oxford 2008. P. 280—294.
- Λαμβρόπουλος Κ.* Ίωάννη Απόκαυκος. Συμβολή στην έρευνα του βίου και του συγγραφικού έργου του. Αθήνα, 1988. 311 Σ.
- Λάππας Ν.Αθ.* Πολιτική Ιστορία του κράτους της Ηπείρου κατά τον 13 αι. Θεσσαλονίκη, 2007. 364 σ. 3 χάρτ.
- Laurent V.* La succession Épiscopale de la métropole de Thessalonique dans la premiere moitié du XIIIe siecle // BZ. 1963. Bd. 56. Ht. 2. S. 284—296.

- Laurent V.* La chronologie des patriarches de Constantinople au XIIIe s. (1208—1309) // REB. 1969. T. 27. P. 129—150.
- Lausberg H.* Handbuch der literarischen Rhetorik. München, 1960. Bd. 1. 601 S.
- Lilie R.-J.* Byzanz. Geschichte des Oströmischen Reiches. München, 1999. 128 S.
- Longnon J.* L'Empire Latin de Constantinople et de la Principauté de Morée. P., 1949. 368 p.
- Longnon J.* La prise de Salonique par les Grecs en 1224 // Actes du VIe Congrès d'études Byzantines. P., 1950. Vol. I. P. 141—146
- Loernetz R.-J.* Aux origines du despotat d'Épire et de la principauté d'Achaïe // Byz. 1973. T. 43. P. 360—394.
- Loud A.G.* The Crusade of Frederick Barbarossa. The History of the Expedition of the Emperor Frederick and Related Texts. L., 2010. 225 p.
- Macrides R.J.* Subversion on Loyalty in the Cult of St. Demetrius // BS. 1990. Vol. 51. №2. P. 189—197.
- Macrides R.J.* Bad historian or Good Lawyer? Demetrios Chomatenos and Novel 131 // DOP. 1992. Vol. 46. P. 187—196.
- Magdalino P.* A neglected authority for the history of the Peloponnese in the early thirteenth century: Demetrios Chomatianos, Archbishop of Bulgaria // BZ. 1977. Bd. 70. Hft. 1—2. S. 316—323.
- Magdalino P.* The Byzantine Holy Man in the Twelfth Century // Byzantine Saint. University of Birmingham. Fourteenth Spring Symposium of Byzantine Studies / Ed. S. Hackel. Birmingham, 1980. P. 51—66.
- Magdalino P.* The emperor in Byzantine art of the twelfth century. 1982 // *Idem.* Tradition and transformation in Medieval Byzantium. L., 1991. VI. P. 115—183.
- Magdalino P.* The Byzantine aristocratic oikos // The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries / Ed. M. Angold. Oxford, 1984. P. 92—105
- Magdalino P.* The literary perception of everyday life in Byzantium // BS. 1987. 47. P. 28—38.
- Magdalino P.* Between Romaniae: Thessaly and Epirus in the Later Middle Ages // Latins and Greeks in the Eastern Mediterranean after 1204 / Ed. B. Arbel, B. Hamilton, D. Jacoby. L., 1989. P. 87—110.
- Magdalino P.* The empire of Manuel I Komnenos (1143—1180). Cambridge, 1993. 557 p.
- Magdalino P.* The empire of the Komnenoi (1118—1204) // The Cambridge history of Byzantine Empire / Ed. by J. Shappard. Cambridge, 2008. P. 627—663.

- Magdalino P.* Court, Society and Aristocracy // A social history of Byzantium / Ed. J. Haldon. Wiley-Blackwell, 2009. P. 212—232
- Maksimović L.* The Byzantine provincial administration under the Palaiologoi. Amsterdam, 1988. 308 p.
- Maksimović L.* La Serbie et les contrées voisines avant et après la IVe croisade // *Urbs Capta: The Fourth Crusade and Its Consequences* / Ed. by A.E. Laiou. P., 2005. P. 269—282.
- Miliaraki A.* Ἱστορία τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας καὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἡπείρου 1205—1261. Ἀθήναι, 1898. 514 σ.
- Miller M.A.* The Latin in the Levant. A History of Frankish Greece (1204—1566). New York, 1908. 675 p.
- Morris R.* The Political Saints in the Eleventh Century // *Byzantine Saint*. University of Birmingham. Fourteenth Spring Symposium of Byzantine Studies / Ed. S. Hackel. Birmingham, 1981. P. 43—50.
- Morrisson C., Zacos G.* L'image de l'Empereur byzantin sur les sceaux et les monnaies // *Le Monnaie, miroir des rois*. Catalogue de l'exposition "Hôtel de la monnaie" (février-avril, 1978) / Ed. Y. Goldenberg. P., 1978. P. 57—72.
- Morrisson C.* The Emperor, the Saint, and the City: Coinage and Money in Thessaloniki from the Thirteenth to the Fifteenth century // *DOP*. 2003. Vol. 57. P. 173—203.
- Morrisson C., Papadopoulo P.* L'éclatement du monnayage dans le monde byzantin: apparence ou réalité? // 1204, la quatrième croisade. De Blois à... Constantinople / Ed. I. Vilella-Petit. P., 2006. P. 135—141.
- Morrisson C.* La numismatique, source de l'histoire de Byzance // *Πρακτικά τῆς Ἀκαδημίας Ἀθηνῶν*. 2007. Τ. 82. Β'. P. 211—236.
- Μουστοξύδης Α.* Περί τινῶν πονηματίων καὶ ὑπομνημάτων ἀναφερόμενων εἰς τὴν ἱστορίαν τῆς Ἡπείρου, Αἰτόλιας, Ἀκαρνάνιας καὶ τῶν παρακειμένων νήσος // *Ἑλληνομνημῶν ἢ σύμμικτα ἑλληνικά: σύγγραμμα ἑλληνικόν*. 1843. Τ. 1. Σ. 41—59.
- Mullet M.* The classical tradition in byzantine letter // *Byzantium and the classical tradition* / Ed. M. Mullet, R. Scott. Birmingham, 1979. P. 74—93.
- Mullet M.* Rhetoric, theory and the imperative performance in Byzantium and now // *Rhetoric in Byzantium: Papers from the thirty-fifth spring symposium of Byzantine studies*, Exeter College (University of Oxford, March 2001). Oxford, 2003. P. 151—170.
- Muralt E.* *de Essai de chronographie Byzantine*. St. Petersburg, 1871. Vol. II. 939 p.
- Nicol D.M.* Byzantium and Venice. A study in diplomatic and cultural relations. Cambridge, 1988. 465 p.
- Nicol D.* The Despotate of Epiros. Oxford, 1957. 220 p.

- Nicol D.M.* Kaisersalbung. The unction of emperors in late byzantine coronation ritual. 1976 // *Idem.* Studies in Late Byzantine History and Prosopography. L., 1989. I. P. 37—52.
- Nicol D.M.* Symbiosis and integration. Some Greco-Latin families in Byzantium in the 11-th to 13-th centuries. 1974 // *Idem.* Studies in Late Byzantine History and Prosopography. L., 1989. VI. P. 112—145.
- Nicol D.M.* Refugees, Mixed Population and Local Patriotism in Epiros and Western Macedonia after the Fourth Crusade. 1976 // *Idem.* Studies in Late Byzantine History and Prosopography. L., IV. 1989. P. 3—33.
- Nishimura M.* Propaganda and Denominations of the Byzantine Successor States and the Crusader States (1205—1261): An Essay on the Political History of the Empire in Exile // *Mediterranean world.* 2006. Vol. 18. P. 197—209.
- Oikonomidès N.* La décompositon de l'Empire Byzantin à la veille de 1204 et des origines de l'empire Nicée: a propos de la Partitio Romaniae // XVe congrès international d'études byzantines. Rapports et co-rapports. T. 1: Histoire. Athènes, 1976. P. 4—28.
- Oman C.W.C.* The Byzantine Empire. N.Y., 1908. 364 p.
- Osswald B.* Citizenship in Medieval Ioannina // *Citizenship in historical perspective* / Ed. by S.G. Ellis, G. Hálfdanarson, A.K. Isaacs. Pisa, 2006. P. 97—105.
- Osswald B.* From Lieux de Pouvoir to Lieux de Mémoire: The Monuments of the Medieval Castle of Ioannina through the Centuries / *Discrimination and tolerance in historical perspective* / Ed. by G. Hálfdanarson. Pisa, 2008. P. 187—199.
- Ostrogorsky G.* Geschichte des Byzantinischen Staates. München, 1963. 569 S.
- Ostrogorsky G.* Observations of the aristocracy in Byzantium // *DOP.* 1971. 25. P. 1—33.
- Oxford dictionary of Byzantium* / Ed. A.P. Kazhdan, A.-M. Tallbot. Oxford, 1991. Vol. 1—3.
- The Oxford Handbook of Byzantine studies* / Ed. E. Jeffreys, J. Halton, R. Cornack. Oxford, 2008.
- Papadopoulo P., Morrisson C.* Symbols of Power, Symbols of Piety: Dynastic and Religious Iconography on Post-iconoclastic Byzantine Coinage // *Zwei Sonnen an Goldenen Horn? Kaiserliche und patriarchale Macht im byzantinischen Mittelalter* / Hg. M. Grünbart, L. Rickelt, M.M. Vutečić. Berlin, 2013. Tbd. 2. P. 75—98.
- Papadopoulo P.* Coinage and Economy at the End of the Twelfth Century: An Assesment // *Byzantium, 1185—1204. "The sad Quarter of a Century?"* / Ed. by A. Simpson. Athens, 2015. P. 179—194.

- Παπαδοπούλου-Κεραμέως Α.Ι.* Βυζαντινά Ἀνάλεκτα // BZ. 1899. Bd. 8. S. 66—82.
- Patlagean E.* Une Sainte souveraine grecque: Theodora impératrice d'Épire (XIIIe siècle) // BS. 1995. Vol. 46. №2. P. 453—460.
- Patlagean E.* Les États d'Europe centrale et Byzance, ou oscilation des confins // Revue Historique. 2000. T. 616. P. 825—865.
- Pétridès S.* Le moine Job // EO. 1912. T. 15. P. 40—48
- Polemis D.I.* The Doukai. A Contribution to the Byzantine prosopography. L., 1968.
- Pomero M.E.* L'iconografia dell'imperatore pteroforo nella numismatica bizantina: linee interpretative // Bizantinistica. 2009. Vol. 9. P. 157—184.
- Pomero M.E.* Santità militare e rivendicazione della "basileia" nel despotato di Tessalonica (prima metà del secolo XIII): Nuove letture // Polidoro. Studi offerti ad Antonio Carile / A cura di G. Vespignani. Spoleto, 2013. P. 493—506.
- Popović M.* Zur Topographie des spätbyzantinischen Melnik // JÖB. 2008. Bd. 58. S. 107—119.
- Prinzing G.* Die Bedeutung Bulgariens und Serbiens in den Jahren 1204—1219 in Zusammenhang mit der Entstehung und Entwicklung der byzantinischen Teilstaaten nach der Einnahme Konstantinopels infolge des 4. Kreuzzuges / Miscellanea Byzantina Monacensia / Hgb. von H.-G. Beck. München, 1972. Hft. 12. 204 S.
- Prinzing G.* Socialgeschichte der Frau im Spiegel der Chomatenos-Akten // XVI Internationaler Byzantinisten Kongress (Wien, 4—9 Oktober 1981) / Hrgb. von H. Hunger. Wien, 1982. T. 2, Hbd. 2. S. 473—480.
- Prinzing G.* Studien zur Provinz und Zentralverwaltung im Machtbereich der epirotischen Herrscher Michael I und Theodoros Dukas (Teil I) // Ἡπειρωτικά χρονικά. 1982. № 24. S. 73—120.
- Prinzing G.* Studien zur Provinz und Zentralverwaltung im Machtbereich der epirotischen Herrscher Michael I und Theodoros Dukas (Teil II) // Ἡπειρωτικά χρονικά. 1983. № 25. S. 48—103.
- Prinzing G.* Epiros 1204—1261: Historical Outline — Sources — Prosopography // Identities and Allegiances in the Eastern Mediterranean after 1204 / Ed. J. Herrin, G. Saint-Guillain. L., 2011 (1st ed. — 1988). P. 81—100.
- Prinzing G.* Historisch-geographische Bemerkungen zu Carev dvor und Malaina // BS. 1988. 49. S. 221—231.
- Prinzing G.* Das Kaisertum im Staat von Epeiros: Propagierung, Stabilisierung und Verfall // Πρακτικά Διεθνούς Συμποσίου για το Δεσποτάτου της Ηπείρου (Άρτα, 27—31 Μαΐου 1990) / Εκδ. Ε. Χρύσος. Άρτα, 1992. S. 17—30.

- Prinzing G.* Das byzantinische Kaisertum im Umbruch: zwischen Regionaler Aufspaltung und erneuter Zentrierung in den Jahren 1204—1282 // *Legitimation und Funktion des Herrschers* / Hgs. R. Gundlach, H. Weber. Stuttgart, 1992. S. 146—182.
- Prinzing G.* Das Verwaltungssystem im epirotischen Staat der Jahre 1210- ca. 1246 // *BF*. 1993. Bd. 19. S. 113—124.
- Prinzing G.* Epirus und die ionnischen Inseln in Hochmittelalter // *SOF*. 1997. Bd. 56. S. 1—25.
- Prinzing G.* Das Papsttum und der orthodoxe geprägte Südosten Europas 1180—1216 // *Das Papsttum in der Welt des 12. Jahrhunderts* / Hgb. von E.-D. Hehl, H. Ringel, H. Seibert. Stuttgart, 2002. S. 137—184.
- Prinzing G.* A quasi-patriarch in the state of Epiros: The autocephalous archbishop of “Bulgaria” (Ochrid) Demetrios Chomatenos // *3PBI*. 2004. T. 41. C. 165—182.
- Prinzing, G.* Patronage and retinues // *The Oxford Handbook of Byzantine studies* / Ed. by E. Jeffreys, J. Haldon, R. Cornack. Oxford, 2008.
- Prinzing G.* Spuren einer religiösen Bruderschaft in Epirus um 1225? Zur Deutung der Memorialtexte im “Codex Cromwell” 11 // *BZ*. 2008. Bd. 101. Ht. 2. S. 751—772.
- Prinzing G.* The Authority of the Church in Uneasy Times: The Example of Demetrios Chomatenos, Archbishop in Ochrid. in the State of Epiros, 1216—1236 // *Authority in Byzantium* / Ed. by P. Armstrong. Farnham, 2013. P. 137—150.
- Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit* / Ert. E. Trapp. Wien, 1976—1996. Fasc. 1—12
- Protonatarios P.* La monnayage du “despotat” d’Epire // *RN*. 1983. T. 25. P. 83—99.
- Radošević N.* L’Oecumène byzantine dans les discours imperiaux du XIe et XIIe siècle // *Byzantium and its neighbours from the mid-9th till the 12th centuries. Papers read at the International byzantinological symposium. Bechyně, September 1990* / Ed. V. Vavřínek. Prague, 1993. P. 156—161
- Ρωμάνος Ι.* Περὶ τοῦ Δεσποτάτου τῆς Ἠπείρου. Κερκύρα, 1895. 175 σ.
- Runciman S.* Women in Byzantine aristocratic society // *The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries* / Ed. M. Angold. Oxford, 1984. P. 10—22.
- Σαββίδης Α.Γ.Κ.* Ιστορία της αυτοκρατορίας των Μεγάλων Κομνηνών της Τραπεζούντας (1204—1461). Θεσσαλονίκη, 2009. 408 σ.
- Schreiner P.* Byzanz. München, 1986. 226 S.

- Schreiner P.* Probleme der Gräzisierung des Bulgarisches Reiches im 13 und 14 Jahrhundert // *Schreiner P.* *Studia byzantino-bulgarica.* Wien, 1986. S. 83—94.
- Segur L.F.* *Histoire du Bas-Empire.* P., 1826. T. 4. 470 p.
- Setton K.M.* *The Papacy and the Levant (1204—1571).* Vol. 1: *The Thirteenth and Fourteenth Centuries.* Philadelphia, 1976. 512 p.
- Shawcross T.* *The Chronicle of Morea: Historiography of Crusader Greece.* Oxford, 2009. 401 p.
- Shukurov R.* AIMA: The blood of Grand Komnenoi // *BMG.* 1995. Vol. 19. P. 161—181.
- Shukurov R.* The enigma of David Grand Komnenos // *Mésogeios.* 2001. T. 12. P. 125—136.
- Simon D.* Byzantinische Provinzialjustiz // *BZ.* 1986. Bd. 79. Ht. 2. S. 310—343.
- Simonsfeld H.* *Andreas Dandolo und seine Geschichtswerke.* München, 1876. 178 S.
- Sinogowitz B.* Zur Eroberung Thessalonikis im Herbst 1224 // *BZ.* 1952. Bd. 45. Hft. 1. S. 28.
- Soustal P.* *Nikopolis und Kephallenia / TIB.* Wien, 1981. Bd. III. 325 S.
- Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Συμβολή στο ζήτημα τής αναγόρευσης του Θεόδωρου Δούκα // *Αφιέρωμα στον Ε. Κριαρά. Θεσσαλονική,* 1988. Σ. 39—62.
- Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Νίκαια και Ήπειρος τόν 13ο αιώνα. Ίδεολογική αντίπαράθεση στην προσπάθεια τούς νά ανακτήσουν την αυτοκρατορία. Αθήνα, 1991. 234 σ.
- Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Ή αυτοκρατορία τής Θεσσαλονίκης επί Μανουήλ Δούκα (1230—1237). Ή εξωτερική πολιτική // *Πρακτικά του ΙΓ΄ Πανελληνίου Ίστορικού Συνεδρίου.* 29—31 Μαΐου 1992. Θεσσαλονική, 1993. Σ. 159—178.
- Stavridou-Zafraka A.* *The Empire of Thessaloniki (1224—1242). Political Ideology and Reality // Byzantiaka.* 1999. Vol. 19. P. 211—222.
- Σταυρίδου-Ζαφράκα Α.* Η αγία Σοφία ως μητροπολικός ναός και το επισκοπείο // *Αφιέρωμα στη μνήμη του Σωτήρου Κίτσου.* Θεσσαλονική, 2001. Σ. 549—560.
- Stavridou-Zafraka A.* *Political Ideology in the State of Epiros // Urbs Capta: The Fourth Crusade and Its Consequences / Ed. by A.E. Laiou.* P., 2005. P. 311—323.
- Stavridou-Zafraka A.* *The Relations between Secular and Religious Authorities in the State of Epiros after 1204 // Church and Society in Late Byzantium / Ed. by D. Angelov.* Kalamazoo, 2009. P. 11—24.

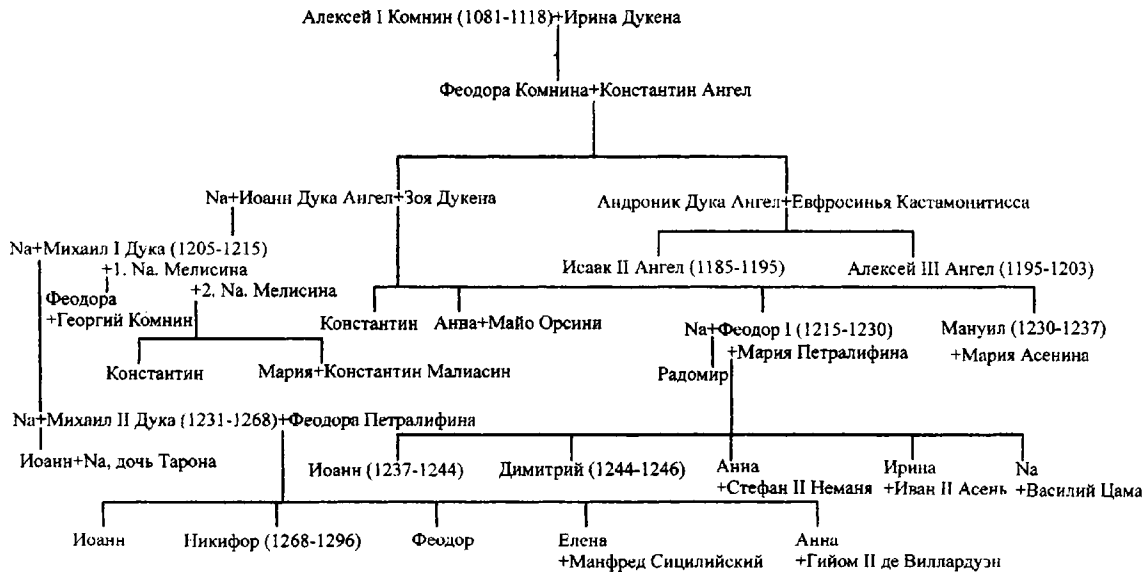

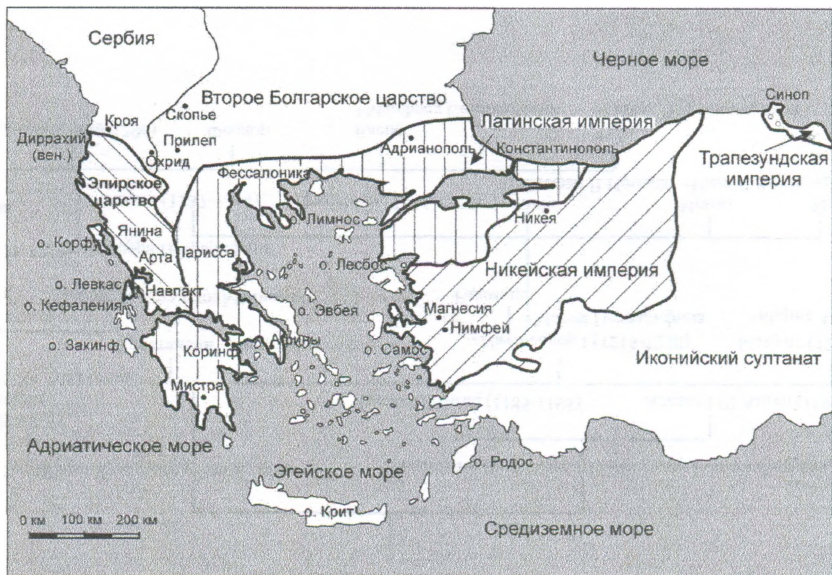
- Stephenson P.* Byzantium's Balkan Frontier. A Political Study of the Northern Balkan (900—1204). Cambridge, 2004. 352 p.
- Stiernon L.* Les origines du despotat d'Épire // REB. 1959. T. 17. P. 90—126.
- Stiernon L.* Les origines du despotat d'Épire // Congrès international des études byzantines. XIIe. Ochride. Actes. Ochride, 1961. T. 2. P. 197—202.
- Svoronos N.* Le serment de fidélité à l'empereur byzantin et sa signification constitutionnelle // REB. 1951. T. 9. P. 106—112.
- Sykutris J.* Epistolographie // Paulys Real Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1930. Supplbd. 5. S. 185—220.
- Takács S.A.* Ancient Rome and Byzantium. The Rhetoric of Empire. Cambridge, 2009.
- Tallbot A.-M.* Introduction. Life of Saint Theodora of Arta // Holy women of Byzantium: Ten Saint's Lives in English Translation / Ed. By A.-M. Tallbot. Washington, 1996. P. 323—325.
- Tinnefeld F.* Byzantinische auswärtige Heiratspolitik vom 9. zum 12. Jahrhundert. Kontinuität und Wandel der Prinzipien und der praktischen Ziele // Byzantium and its neighbours from the mid-9th till the 12th centuries. Papers read at the International byzantinological symposium. Bechyně, September 1990 / Ed. V. Vavřínek. Prague, 1993. S. 21—28.
- Tinnefeld F.* Zum Entstehung von Briefsammlungen in der Palaiologenzeit // Πολύπλευρος Νοῦς. Miscellanea für P. Schreiner zu seinem 60 Geburtstag / Hgb. C. Schulz, G. Markos. München, 2000. S. 365—381.
- Τωμαδάκη Ν.Β.* Οἱ λόγιοι τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἡπείρου // ΕΕΒΣ. 1957. Τ. 27. Σ. 45—52.
- Τωμαδάκη Ν.Β.* Οἱ λόγιοι τοῦ δεσποτάτου τῆς Ἡπείρου καὶ τοῦ βασιλείου τῆς Νικαίας. Θεσσαλονικὴ, 1991. 114 σ.
- Treadgold W.* A History of Byzantine State and Society. Stanford, 1997. 1019 p.
- Tricht F. van* La politique étrangère de l'empire de Constantinople, 1210 à 1216 (1re partie) // Moyen Age. 2001. Vol. 107 (9). P. 219—238.
- Tricht F. van.* The Latin Renovatio of Byzantium. The Empire of Constantinople (1204—1228). Brill; Leiden; Boston, 2011. 535 p.
- Tricht F. van.* The Byzantino-Latine Principality of Adrianople and the Challenge of Feudalism (1204/6—ca.1227/1228) // DOP. Vol. 68. 2015. P. 1—18.
- Vacalopoulos A.E.* A history of Thessaloniki. Thessaloniki 1972. 153 p.
- Varzos C.* La politique dynastique des Comnènes et des Anges la prédiction aima (sang) et l'heritage des Grands Comnènes de Trebi-

- zonde et de Anges-Comnenes-Doukas d'Épire face aux Lascarides de Nikee // XVI Internationaler Byzantinisten Kongress. Wien, 1982. T. 2. Hbd. 2. P. 470—475.
- Verpeaux J.* Contribution à l'étude de l'administration Byzantine: ho mesazon // BS. 1955. Vol. 16. P. 270—296.
- Verpeaux J.* Les oikeioi. Notes d'histoire institutionnelle et officielle // REB. 1965. Vol. 23. P. 89—99.
- Wassiliou-Seibt A.-K.* Der Familienname Pegonites auf byzantinischen Siegeln und in anderen schriftlichen Quellen / Realia Byzantina / Byzantinisches Archiv / Hg. S. Kotzabassi, L. Mavromatis. B.; N.Y., 2009. Bd. 22. S. 303—320.
- Wellnhofer M.* Johannes Apokaukos, Metropolit in Aetolien. Freising, 1913. 69 S.
- Winfield D.* Crusader art: Sir Steven was right // Byzantine style, religion and civilization / Ed. E. Jeffreys. Cambridge, 2006. P. 158—173.
- Ζήδρου Κ.* Ἡ ΒΑ Ἀκρόπολη τοῦ κάστρου τῶν Ἰοάννινων // Ἑπειρότικο Ἡμερολόγιο. 2009. Τ. 26. Σ. 287—380.

Приложение 1

Генеалогическая таблица. Эпирские Дуки

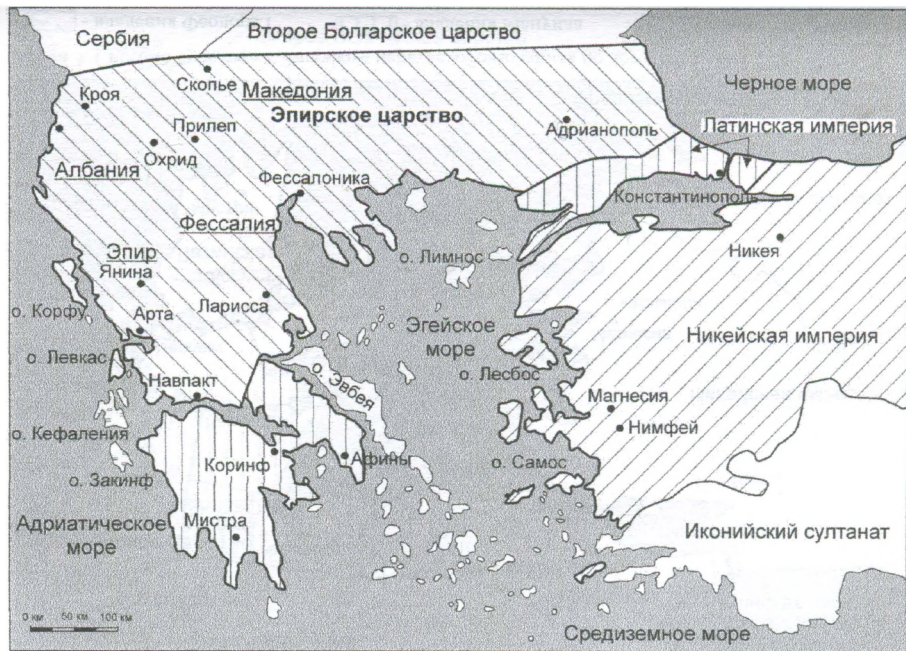
Карта 1. Политическая карта Византии к 1214 г.

 - территория Эпирского царства

 - территория Никейской империи

 - территория Латинской Романии

 - территория Трапезундской империи

Карта 2. Политическая карта Балканского полуострова к 1230 г.

	- территория Эпирского царства		- территория Никейской империи
	- территории, зависимые от эпирских Дук		- территория Латинской Романии

Карта 3. Система «уделов» в Эпирском царстве, образованная по договору конца 1230-х гг.

- владения Феодора I	- владения Мануила	- владения Михаила II
- владения Иоанна	- владения Константина	

Карта 4. Политическая карта Балканского полуострова к 1261 г.

 - территория Эпирского царства

 - территория Никейской империи

 - территория Латинской Романии

Примечания к приложению 1

Представленные карты взяты:

- 1) карты 1 и 2 из: История Византии. Т. 3. Карта 2.
- 2) карта 3 - из: Λάπλας Ν.Αθ. Πολιτική Ιστορία του κράτους τῆς Ἠπείρου... Χάρτης. 2
- 3) карта 4 - из: Жаворонков П.И. Комментарий к «Истории» // Георгий Акрополит. История... Карта 2.

Генеалогическая таблица приведена по: Жаворонков П.И.

Комментарий к «Истории» // Георгий Акрополит. История... С. 346-347.

Приложение 2

Таблица 1.1. Представители землевладельческой и "этнической" аристократии, вошедшие в состав элиты

№	служба правителю	родовое имя	собственное имя	локализация
1	Михаил I	Мелисин	N	Эпир
2	Михаил I, Михаил II	Малиасин	Константин	Фессалия
3	Феодор I	Петрالیф	Андроник	Македония
4	Феодор I	Мелисин	Константин	Эпир (Янина) Македония
5	Феодор I	Литовой	Георгий	(Мельник)
6	Феодор I	Орсини	Майо	Кефаления
7	Феодор I	Цама	Валос	Фессалия (Веррия)
8	Феодор I	Комон	Григорий	Албания
9	Феодор I	Комнин	Георгий	Македония (Скопье)
10	Михаил II	Малиасин	Николай	Фессалия
11	Михаил II	Петрالیф	Феодор	Фессалия
12	Михаил II	Тарон	Иоанн	Фессалия
13	Михаил II	Глав	N	Македония (Кастория)
14	Михаил II	Гулам	N	Албания

Таблица 1.2. Роды, представляющие двор/светскую администрацию и церковное управление

№	род	обладали титулом/должностью в светской администрации	обладали церковным саном	наличие членов рода в составе элиты XII в.
1	Апокавки	1	1	+
2	Варданы		1	-
3	Вестархи	1		-
4	Горнаиты	3	1	-
5	Диаватини	1		+
6	Дисипаты	1	1	+
7	Кавасилы	2	2	+
8	Каматиры	1		+
9	Кастамониты	1		+
10	Команы	1		-
11	Костомиры	1		+
12	Ксиры		1	+
13	Куналисы	1		-
14	Лампсты	1		-
15	Макры		2	-
16	Месопотамиты		1	+
17	Мономахы	1	1	+
18	Педиадиты	1	1	+
19	Плиты	1		-
20	Стасы	1		-
21	Хаввреты	1		+
22	Хоматианы	1	1	-
23	Хонивты	1	1	+

Таблица 1.3. Распределение дружеских, патронатных связей и отношений наставничества в среде политической элиты царства

№	Персона	Иоанн Апокавк	Димитрий Хоматиан	Георгий Вардан	должность	локализация
1	Василий Педиадит	д	д		митрополит	о. Корфу
2	Георгий Вардан	д	д		митрополит	о. Корфу
3	Димитрий Хоматиан	д			архиепископ	Охрид
4	N	д			митрополит	Ларисса
5	Николай	д			митрополит	Фессалоника
6	Ефимий Горник	д			клирик	Дринополь
7	Георгий Химара	д			епископ	Вондица
8	Климент Мономах	д			настоятель монастыря	Арта
9	Димитрий	д			епископ	Бутринт
10	N	д			протоветиарий Феодора I Дуки	неизвестно
11	Георгий Хониаг	д			протоветиарий Мануила Дуки	Ларисса
12	Георгий Дисипат	д			логарнаст	Ангелокастр
13	Докиан	д			митрополит	Диррахий
14	Ксен Таронит	д			кастрофилакс	Ангелокастр
15	Иоанн Плит		д		месадзон и дука	Веррия
16	Григорий Комон		д		архонт Албании	Кроя
17	Феодор		д		епископ	Скопье
18	Костантин	д	д		епископ	Кастория
19	Николай Горианит	н			дука	Фема Ахелой
20	Никифор Горианит	н			месадзон и дука	Фема Ахелой
21	Константин Маркопул	н			архонт	Арта
22	Иоанн Пасхалий	н			архонт	Арта
23	Никифор Гостилапул	н			архонт	Арта
24	Феодор Ватац	н			епископ	Яннина
25	Никита Хониаг	п			клирик	Афины
26	Николай	п			епископ	Вондица

Таблица 1.3. Распределение дружеских, патронатных связей и отношений наставничества в среде политической элиты царства

27	Михаил Мардоний			д	протовестиарий Михаила II	неизвестно
----	-----------------	--	--	---	------------------------------	------------

д - дружеские отношения

н - духовное наставничество

п - патронатные связи

Таблица 2. Портреты эпископских правителей на печатах

Тип портрета	Правитель	№ портрета	Описание	Ссылка
Одиночный	Михаил I	1	Правитель представлен увенчанным короной и облаченным в тунику и лор, расшитый узором в виде панелей и относящийся к упрощенному типу. В правой руке правитель держит скипетр, завершающийся лабарумом, в левой – державу, увенчанную патриаршим крестом	<i>Марковић М.</i> Византијске повеље... С. 244. Сл. 6.
	Манул Дука	2	Правитель представлен увенчанным короной и облаченным в тунику, оплечье (маниакий) и лор, расшитый узором в виде панелей и относящийся к упрощенному типу. В правой руке правитель держит лабарум, закрепленный на длинном древке, в левой – державу	<i>Марковић М.</i> Византијске повеље... С. 219. Сл. 2.
	Иоани Дука	3	Правитель изображен в стемме, облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, расшитый узором в виде панелей и относящийся к упрощенному типу. В правой руке держит скипетр, завершающийся крестом, в левой - анексикакию	<i>Seibt W.-Zarnitz M.L.</i> Das Byzantinische Bleisiegel... С. 42-43. №1.1.11.
	Михаил II	4	Изображение, аналогично № 3	<i>Марковић М.</i> Византијске повеље... С. 238. Сл. 4.
Вместе с небесным покровителем	Иоани Дука	5	Правитель представлен вместе со св. Димитрием, который держит руку на плече правителя. Правитель представлен увенчанным короной и облаченным в тунику, оплечье (маниакий) и лор, расшитый узором в виде панелей и относящийся к упрощенному типу.	<i>Oikonomides N.</i> A collection... P. 124-125, № 132.

Таблица 2.1. Портреты эфирских правителей, повторяющие изображения византийских императоров XII в.

Правитель	№ портрета	Описание	Ссылка	Аналогии	Ссылка
Иоанн Дука	1	император изображен коронованным Богоматерью. Правитель облачен в лор, украшенный узором в виде панелей, тунику и оплечье (маниакий), в правой руке держит лабарум, закрепленный на длинном древке, в левой руке – анексикакию	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 281. Pl. 40.6.	Иоанн II Комнин	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 327. № 2.1-2.22
Феодор I	2	император и св. Димитрий держат с двух сторон патриарший крест, правитель в стемме облачен в тунику и хламиду	Hendy M.F. Coinage... P. 269. Pl. 37.7-9.	Мануил I	Hendy M.F. Coinage... P. 115-116. Pl. 14.7-9.
	3	император увенчан короной и облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу. Правитель держит в руках державу и лабарум на длинном шесте	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 272. Pl. 38. 12.	Мануил I	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 327. № 16.1-16.11
	4	облачение правителя аналогично вышеописанному. В правой руке правитель держит скипетр, заканчивающийся крестом, в левой - державу	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 272. Pl. 38. 13.	Мануил I, Алексей III	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 307-308. № 11.a1-11a4, 11b1-11b7; P. 427. № 6.
	5	облачение правителя аналогично вышеописанному. В правой руке правитель держит скипетр, заканчивающийся лабарумом, в левой - державу	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 272. 38. 14,15.	Мануил I	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 329-331. № 18.1-18.23

Таблица 2.1. Портреты эфирских правителей, повторяющие изображения византийских императоров XII в.

Феодор I	6	правитель и св. Феодор держат с двух сторон патриарший крест. Правитель в стемме и облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный драгоценными камнями прост типа, держит в правой руке меч в ножнах, обращенный вниз	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 269-270. Pl. 38. 1, 2.	Мануил I	<i>Catalogue of the Byzantine coins...</i> Vol. 4. Part 2. P. 298-300. № 4a1-3, 4b1-3, 4c1-4, 4d
Мануил Дука	7	император изображен коронованным Богоматерью. Правитель облачен в лор, украшенный драгоценными камнями, тунику и оплечье (маниакий), в правой руке держит скипетр, завершающийся лабарумом, в левой руке – анексикакию	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 274-275. Pl. 39. 1.	Мануил I	<i>Catalogue of the Byzantine coins...</i> Vol. 4. Part 2. P. 296. 2a-b.
Михаил II	8	император в стемме, облачен в тунику (и, возможно, панцирь) и саккос. Держит в правой руке лабарум, закрепленный на длинном древке, в левой – державу с крестом	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 280. Pl. 40.3.	Мануил I, Иоанн II	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 121. Pl. 17. 19, 20; <i>Catalogue of the Byzantine coins...</i> Vol. 4. Part 2. P. 264-265. № 9
Иоанн Дука	9	император в стемме, облачен в тунику и хламиду. В правой руке держит скипетр, завершающийся лабарумом, в левой – державу с крестом	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 283. Pl. 41.10	Мануил I	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 116. Pl. 14. 10-13; P. 117. Pl. 15. 5-10.

Таблица 2.1. Портреты эпирских правителей, повторяющие изображения византийских императоров XII в.

Иоанн Дука	10	<p>император в стемме, облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу.</p> <p>В правой руке правитель держит скипетр, завершающийся крестом, в левой – анексиакию. Изображение Божьей руки в верхней правой части поля монеты</p>	<p>Hendy M.F. Coinage... P. 283. Pl. 41.9</p>	Исаак II	<p>Hendy M.F. Coinage... P. 144. Pl. 20. 9-13, Pl. 21. 1-7.</p>
	11	<p>правитель изображен увенчанным короной и облаченным в тунику, лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к традиционному типу. В правой руке держит скипетр, завершающийся крестом, в левой – анексиакию. В правом верхнем поле монеты изображена Божья рука</p>	<p><i>Ceramissini-Oeconomides M. Contribution à l'étude...</i> P. 188. Fig. 3.</p>	Исаак II	<p>Hendy M.F. Coinage... P. 144. Pl. 20. 9-13, Pl. 21. 8.</p>
Михаил II	12	<p>правитель изображен вместе со св. Константином, держащими с двух лабарум на длинном древке с треугольным обрамлением. Правитель в стемме, облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу. Правитель держит в руке скипетр, завершающийся крестом</p>	<p>Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 628-629. № 1-2.</p>	Алексей III	<p>Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 405-407. № 2.</p>

Таблица 2.2. Портреты эпирских правителей, схожие с портретами византийских императоров XII в.

№ портрета	Правитель	Описание	Ссылка	Схожее изображение	Ссылка	Отличие портрета эпирского правителя
1	Феодор I	император изображен вместе с Богоматерью, держащими с двух сторон патриарший крест. Правитель в стемме, облачен в саккос и лор, украшенный узором в виде панелей, туннику и оплечье (маниакий), держит в правой руке скипстр, завершающийся крестом. В верхней части композиции изображена Рука Божья	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 270-271. Pl. 38.6,7.	Иоанн II Комнин	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 255-256. № 1a-b	на монете Иоанна II отсутствует саккос, в правой руке правитель держит анексикакию
2	Феодор I	правитель коронован св. Димитрием и облачен в лор, украшенный узором в виде панелей, и относящийся к упрощенному типу, туннику и оплечье (маниакий), держит в правой руке державу, в левой – анексикакию	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 269. Pl. 37.	Иоанн II Комнин	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 258-259. № 3	на монете Иоанна II Комнина императора коронует Богоматерь
3	Мануил Дука	правитель в стемме, облачен в туннику и лор украшенный узором в виде панелей, держит в левой руке державу с крестом, в правой – меч острием вниз	<i>Герасимов Т.В.</i> Принос... С. 392. №33.	Иоанн II Комнин	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 265-267. № 10	на монете Иоанна II император облачен в оплечье (маниакий) и держит в правой руке скипстр, завершающийся крестом
4	Иоанн Дука	император изображен вместе с Богоматерью, держащими с двух сторон патриарший крест. Правитель в стемме, облачен в саккос и лор, украшенный узором в виде панелей, туннику и оплечье (маниакий), держит в правой руке анексикакию. В верхней части композиции изображена Рука Божья	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 279. Pl. 40.1.	Иоанн II Комнин	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 304. № 8	на монете Иоанна II отсутствует саккос

Таблица 2.2. Портреты эпирских правителей, схожие с портретами византийских императоров XII в.

5	Иоанн Дука	правитель коронован св. Димитрием и облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный узором в виде панелей и относящийся к упрощенному типу, в правой руке держит лабарум, в левой – анексиакию	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 279-280. Pl. 40.2.	Иоанн II Комнин	<i>Catalogue of the Byzantine coins...</i> Vol. 4. Part 2. P. 256-258. № 2	на монете Иоанна II Комнина императора коронует Богоматерь
6	Феодор I	правитель и св. Димитрий держат с двух сторон крест в круге на длинном шесте. Правитель в стемме и облачен в тунику и хламиду, в правой руке держит анексиакию	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 269. Pl. 37.7-9.	Мануил I	<i>Catalogue of the Byzantine coins...</i> Vol. 4. Part 2. P. 304. № 8	на монете Мануила изображен лабарум на длинном шесте
7	Мануил Дука	правитель и св. Димитрий держат между собой лабарум, украшенный треугольником на длинном шесте. Правитель в стемме и облачен в тунику и хламиду, в правой руке держит обнаженный меч, опущенный острием вниз	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 275. Pl. 39.2.	Мануил I	<i>Catalogue of the Byzantine coins...</i> Vol. 4. Part 2. P. 304. № 8	на монете Мануила император в руке анексиакию
8	Иоаня Дука	Изображение, аналогичное предыдущему	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 275. Pl. 39.2.			
9	Михаил II	император изображен коронованным Богоматерью. Правитель в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный камнями простого типа и саккос. В правой руке держит скипетр, завершающийся крестом, в левой – анексиакию	<i>Catalogue of Byzantine coins...</i> Vol. 4. Part 2. P. 624, 629. Pl. XLVI. B. 3.	Мануил I	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 112. Pl. 13.1-13.2.	на монете Мануила I император держит в правой руке скипетр, завершающийся лабарумом
10	Феодор I	император изображен коронованным Иисусом Христом. Правитель облачен в саккос и лор, украшенный узором в виде панелей, тунику и оплечье (маниакий), держит в правой руке скипетр, в левой руке – анексиакию	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 270. Pl. 38.5.	Андроник Комнин	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 132. Pl. 18.9,10.	на монете Андроника Комнина император держит в руках скипетр, завершающийся лабарумом, и державу

Таблица 2.2. Портреты эпирских правителей, схожие с портретами византийских императоров XII в.

11	Мануил Дука	изображение, аналогичное предыдущему	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 275. Pl. 39.3.			
12	Феодор I	правитель, увенчанный короной и облаченный в тунику, лор (тип неопределен) и саккос, держит в правой руке скипетр, завершающийся крестом, в левой – анксикакию. В верхней правой части поля монеты изображена Божья рука, подающая ему часть неба. В верхней части поля также имеется изображение, напоминающее щит	Там же. С. 389-390. №21.	Исаак II	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 144. Pl. 20. 9-13, Pl. 21. 1-7.	наличие щита
13	Мануил Дука	правителю передаст меч в ножнах св. Димитрий. правитель в стемме и облачен тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу. В верхней части изображения, представлено облако со звездой в центре, а также Рука Божья, коронующая императора	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 277. Pl. 39.9.	Исаак II		на монете Исаака II правитель изображен вместе с архангелом Михаилом
14	Мануил Дука	правителя одной рукой коронует архангел Михаил, другой рукой передает ему частично обнаженный меч. Правитель в стемме и облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу.	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 276-277. Pl. 39.8	Исаак II	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 144. Pl. 20. 5-8; P. 143. Pl. 20. 1-4.	Портрет Мануила Дуки является контаминацией двух портретов Исаака II

Таблица 2.2. Портреты эпирских правителей, схожие с портретами византийских императоров XII в.

15	Иоанн Дука	правителю передает меч в ножнах св. Димитрий. Правитель в стемме и облачен тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный узором в виде панелей и относящийся к упрощенному типу. В верхней части изображения, представлено облако со звездой в центре, а также Рука Божья, коронующая императора	<i>Герасимов Т.В.</i> Принос... С. 394. №44.	Исаак II	на монете Исаака II правитель изображен вместе с архангелом Михаилом, император облачен в лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу
16	Михаил II	правитель представлен увенчанным короной и облаченным в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу. В правой руке держит скипетр, завершающийся крестом	<i>Grierson Ph.</i> Byzantine coins. P. 258. Pl. 80. №1278.	Исаак II	на монетах Исаака II правитель изображен держащим в правой руке скипетр с лабарумом, в левой - державу
17	Михаил II	правитель изображен увенчанным короной и облаченным в тунику, лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к традиционному типу. В правой руке держит скипетр, завершающийся лабарумом, в левой - анексихакию. В правом верхнем поле монеты изображена Божья рука	<i>Ceramissini-Oeconomides M.</i> Contribution á l'étude... P. 188. Fig. 3.	Исаак II	на монетах Исаака II правитель изображен держащим в правой руке скипетр, завершающийся крестом.
18	Михаил II	правитель коронован архангелом Михаилом и облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный камнями простого типа. Архангел передает правителю частично обнаженный меч в ножнах. В правой руке держит скипетр, завершающийся крестом.	<i>Ceramissini-Oeconomides M.</i> Contribution... P. 187-188. Fig. 1, 1a.	Исаак II	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 144. Pl. 20. 5-8; P. 143. Pl. 20. 1-4. Портрет Михаила II является контаминацией двух портретов Исаака II

Таблица 2.2. Портреты эпирских правителей, схожие с портретами византийских императоров XII в.

19	Феодор I	правитель увенчан короной и облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный узором в виде панелей, и саккос; держит в правой руке скипетр с лабарумом, в лсвой – державу, увенчанную двойным крестом. В верхней правой части поля изображена Рука Божья	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 271. Pl. 38. 8, 9.	Алексей III	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 152. Pl. 23.8.	наличие саккоса и державы, завершающейся двойным крестом
20	Мануил Дука	правитель изображен в стемме и облачен в лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу, сидит на троне и держит в правой руке скипетр, завершающийся крестом, в левой – державу	<i>Герасимов Г.</i> Принос... С. 391. №31.	Алексей III	<i>Grierson Ph.</i> Byzantine coins... P. 270; Pl. 77. №1244.	на монете Алексея III император держит в правой руке скипетр, завершающийся лабарумом
21	Мануил Дука	правитель изображен вместе со св. Константином, держащими с двух сторон патриарший крест. Правитель в стемме, облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный узором в виде панелей. Правитель и святой держат в руках по небольшому кресту	<i>Герасимов Т.В.</i> Принос... С. 391. №28.	Алексей III	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 150. Pl. 22. 1-3.	на монете Алексея III император облачен тунику и хламиду, в правой руке держит анксискакию
22	Мануил Дука	правитель изображен вместе со св. Димитрием, который подает ему державу. Правитель в стемме и облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу. В правой руке он держит скипетр, завершающийся крестом. Святой Димитрий облачен в хламиду и тунику держит в левой руке копье	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 280. Pl. 40. 4,5; P. 281. Pl. 40.7. P. 283. Pl. 41. 5,6 etc.	Алексей III	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 407-409. № 3a1-3a9, 3b1-3b2, etc.	на монете Алексея III император держит в правой руке скипетр, завершающийся лабарумом, вместо св. Димитрия изображен св. Константин
23	Иоанн Дука	изображение, аналогичное предыдущему	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 276. Pl. 39.6.			

Таблица 2.2. Портреты эфирских правителей, схожие с портретами византийских императоров XII в.

24	Иоанн Дука	правитель изображен в стемме и облачен в лор, украшенный узором в виде панелей относящийся к упрощенному тилу, сидит на троне и держит в правой руке скипетр, завершающийся крестом, в левой – державу	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 281-282. Pl. 40.9, 10.	Алексей III	<i>Grierson Ph.</i> Byzantine coins... P. 270; Pl. 77. №1244.	на монете Алексея III император облачен в лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу, держит в правой руке скипетр, завершающийся лабарумом
25	Михаил II	правитель изображен вместе со св. Константином, держащими с двух сторон патриарший крест. Правитель в стемме, облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный узором в виде панелей. Правитель держит в руке скипетр, завершающийся крестом	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 624, 629. Pl. XLVI. № 2.1.	Алексей III	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 151. Pl. 22. 4-7.	на монете Алексея III император и святой держат в руках скипетры, завершающиеся крестами

Таблица 2.3. Портреты эфирских правителей, содержащие элементы германской иконографии

Правитель	№ портрета	Описание	Ссылка	Аналогии	Ссылка	Отличия
Иоанн Дука	1	правитель изображен с крыльями, увенчанным короной и облаченным в лор, украшенный узором в виде панелей и относящийся к упрощенному типу. В правой руке держит скипетр, завершающийся лабарумом, в левой – анексикакию	Ibid. P. 285. Pl. 41.17.	Иоанн II	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 272-274. № 17	на монете Иоанна II отсутствуют крылья
Иоанн Дука	3	правитель изображен с крыльями, увенчанным короной и облаченным в тунику, оплечье (маниакий) и в лор, украшенный драгоценными камнями простого типа, держащего в правой руке скипетр, увенчанный лабарумом, в левой – анексикакию	Hendy M.F. Coinage... P. 284. Pl. 41. 15,16.	Мануил I	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 329-331. № 18	на монете Мануила отсутствуют крылья
Иоанн Дука	4	правитель изображен в стемме и облачен в тунику, оплечье (маниакий), лор, украшенный камнями (традиционный тип). Правитель держит в правой руке штандарт, украшенный двумя крестами в круге, в левой – крест на длинном шесте	Ibid. P. 284. Pl. 41. 12,13.	Андроник Комнин	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 351. № 21	на монете Андроника Комнина вместо штандарта император, облаченный в лор упрощенного типа, держит в левой руке анексикакию
Иоанн Дука	5	правитель в стемме, облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный камнями простого типа, держит в правой руке скипетр с крестом, в левой - анексикакию. Сзади него изображена сводчатая арка с двумя башнями по краям	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 595. № 36	Исаак II	Hendy M.F. Coinage... P. 144. Pl. 20. 9-13, Pl. 21. 1-7.	на монете Исаака отсутствует сводчатая арка

Таблица 2.3. Портреты эпирских правителей, содержащие элементы германской иконографии

Иоанн Дука	6	правитель в стемме и с крыльями над городской стеной. Держит в правой руке анексикакию	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 595. № 35	из-за неясно читаемого облачения правителя, поиск аналогий затруднен
------------	---	--	---	--

Таблица 2.4. Портреты правителей, державших модель города

Правитель	№ портрета	Описание	Ссылка	Аналогии	Ссылка	Отличия
Феодор I	1	правителю передает модель города из трех башен архангел Михаил. Правитель в стемме и лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу, держит в правой руке скипетр, завершающийся лабарумом. В верхней центральной части композиции, изображена Рука Божья	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 270. Pl. 38. 3,4.	Алексей III	<i>Catalogue of the Byzantine coins...</i> Vol. 4. Part 2. P. 407-409. № 3.	на монете Алексея III вместо архангела Михаила представлен св. Константин, подающий императору державу
Феодор I	2	правителю передает модель города из трех башен св. Димитрий. Правитель в стемме и облачен в лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу. Одна рука находится на груди правителя. В верхней центральной части композиции, изображена Рука Божья	Герасимов Т.В. Принос... С. 390. №27.	Алексей III	<i>Catalogue of the Byzantine coins...</i> Vol. 4. Part 2. P. 407-409. № 3.	на монете Алексея III вместо св. Димитрия представлен св. Константин, подающий императору державу, в правой руке император держит скипетр, завершающийся лабарумом
Мануил Дука	3	правитель и св. Константин держат с двух сторон патриарший крест. Правитель в стемме и облачен в тунику, оплечье (маниакий) и лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу. В правой руке правитель и св. Константин держат по пальмовой ветви	<i>Ibid.</i> P. 276. Pl. 39.7.	Алексей III	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 151. Pl. 22. 4-7.	на монете Алексея III император и святой держат в руках скипетры, завершающиеся крестами

Таблица 2.4. Портреты правителей, державших модель города

Иоанн Дука	3	правителю передает модель города из двух башен св. Димитрий. Правитель в стемме и облачен в лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу и саккос.	<i>Hendy M.F. Coinage... P. 283. Pl. 41. 7, 8.</i>	Алексей III	<i>Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 407-409. № 3a1-3a9, 3b1-3b2, etc.</i>	на монете Алексея III вместо св. Димитрия представлен св. Константин, подающий императору державу, в правой руке император держит скипетр, завершающийся лабарумом, в облачении отсутствует саккос
Иоанн Дука	4	правитель изображен в стемме, облачен в тунику (и, возможно, панцирь) и саккос. Держит в правой руке - меч на плече, в левой – модель города с тремя башнями	<i>Ibid. P. 284. Pl. 41. 12-14.</i>	Иоанн II, Мануил	<i>Hendy M.F. Coinage... P. 121. Pl. 17. 19, 20; Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 264-265. № 9</i>	на монетах Иоанна II и Мануила император держит лабарум на длинном древке и державу
Мануил Дука	5	правитель и св. Димитрий сидят на тронах. Святой передают правителю модель города. Правитель в стемме и облачен в тунику, оплечь (маниакий) и лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу. В правой руке правитель держит скипетр с крестом	<i>Герасимов Т.В. Принос... С. 390. №22.</i>	Алексей III	<i>Grierson Ph. Byzantine coins... P. 270; Pl. 77. № 1244.</i>	на монете Алексея III представлено одиночное изображение правителя, который в правой руке держит скипетр, завершающийся лабарумом, в левой руке держит державу

Таблица 2.5. Портреты эпирских правителей, имеющие в основе портреты императоров XI-начала XII вв.

Правитель	№ портрета	Описание	Ссылка	Аналогии	Ссылка	Отличия
Мануил Дука	1	Правитель и архангел Михаил держат с двух сторон патриарший крест. Правитель в стемме и облачен в лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу.	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 275-276. Pl. 39. 4,5.	Михаил IV (1034-1041)	<i>Grierson Ph. Byzantine coins. L., 1982.</i> P. 99. Pl. 51. №909.	на монете Михаила IV представлено "зеркальное" обратное расположение правителя и архангела, держат лабарум, император облачен в хламиду
Феодор I Дука	2	Правитель и св. Димитрий держат между собой патриарший крест, украшенный полумесяцем и шаром. В основании креста - три ступени. Император увенчан короной и облачен в лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу. В левой руке держит анексикакью.	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 271. Pl. 38. 10, 11.	Алексей I Комнин	<i>Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 211-212. № 13</i>	на монете Алексея I отсутствует шар и основание креста из трех ступеней, также в руке правителя отсутствует анексикакия
Иоанн Дука	3	Правитель и св. Димитрий держат между собой патриарший крест. Император увенчан короной и облачен в лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу.	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 280. Pl. 40.4.	Алексей I Комнин	<i>Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 211-212. № 13</i>	отличий нет
Иоанн Дука	4	Допоясное изображение правителя и св. Димитрия, держащих между собой патриарший крест на основании из трех ступеней. Император увенчан короной и облачен в лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу.	<i>Hendy M.F. Coinage...</i> P. 281. Pl. 40.7.	Алексей I Комнин	<i>Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 211-212. № 13</i>	на монете Алексея I представлено изображение императора и святого в полный рост, отсутствует основание креста из трех ступеней.

Таблица 2.5. Портреты эмирских правителей, имеющие в основе портреты императоров XI-начала XII вв.

Иоанн Дука	5	Допоясное изображение правителя и св. Димитрия, держащих между собой крест, завершающийся шаром. Правитель в стемме и облачен в лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу.	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 283. Pl. 41. 5, 6	Алексей I Комнин	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 211- 212. № 13	на монете Алексея I представлено изображение императора и святого в полный рост, отсутствует шар.
Иоанн Дука	6	Допоясное изображение правителя и св. Димитрия, держащих между собой крест в круге с треугольным обрамлением. Правитель в стемме и облачен в лор, украшенный драгоценными камнями и относящийся к упрощенному типу. Святой держит крест двумя руками	<i>Hendy M.F.</i> Coinage... P. 283. Pl. 41. 5, 6	Алексей I Комнин	Catalogue of the Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. P. 211- 212. № 13	на монете Алексея I представлено изображение императора и святого в полный рост, отсутствует обрамление.

Таблица 2.6. Доля обращений к портретам XII в. от общего числа портретов эфирских правителей

	Иоанн	Мануил	Андроник	Исаак II	Алексей III
совокупное число обращений	7 (13)	11 (20)	3 (5)	10 (18)	13 (23)
Феодор I	2 (14)	5 (36)	1 (7)	1 (7)	3 (21)
Мануил Дука	1 (9)	2 (18)	1 (9)	2 (18)	5 (45)
Иоанн Дука	4 (18)	3 (14)	1 (5)	3 (14)	3 (14)
Михаил II		1 (20)		4 (44)	2 (22)

Приложение 3

количество обращений
к портретам (в %)

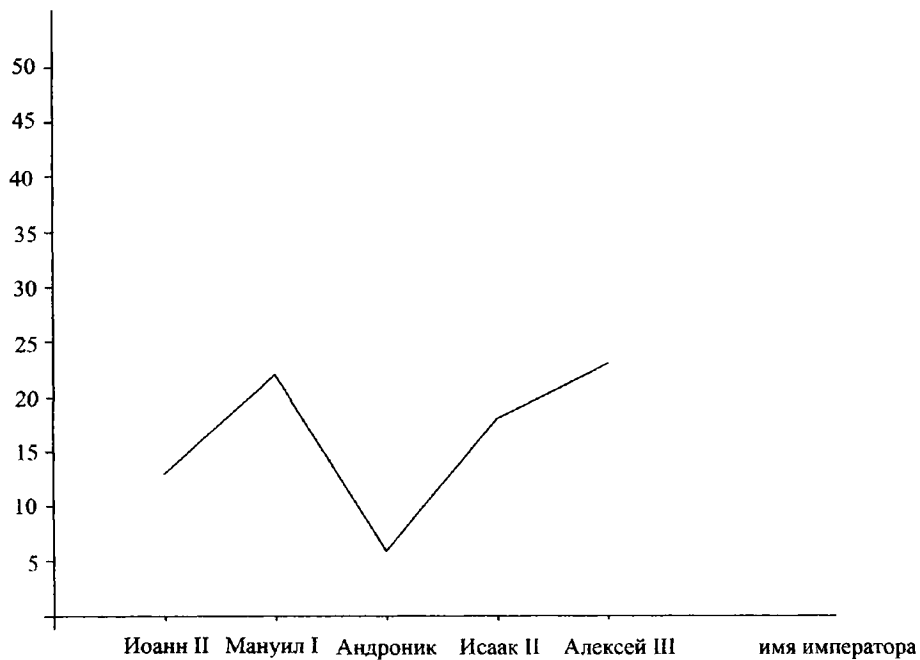

График № 2. Обращение к портретам Иоанна II

количество обращений
к портретам (в %)

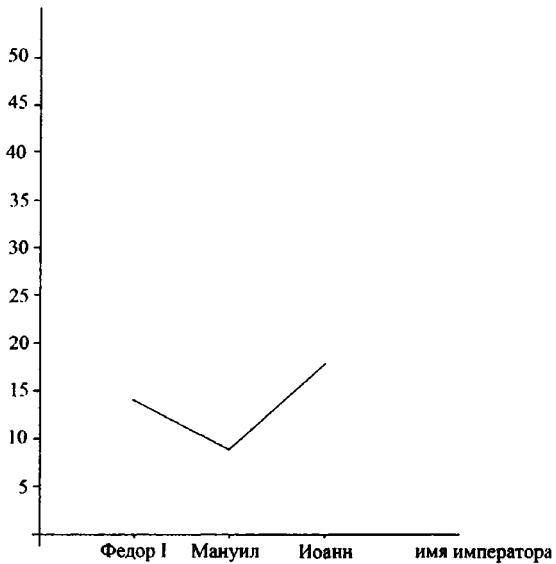
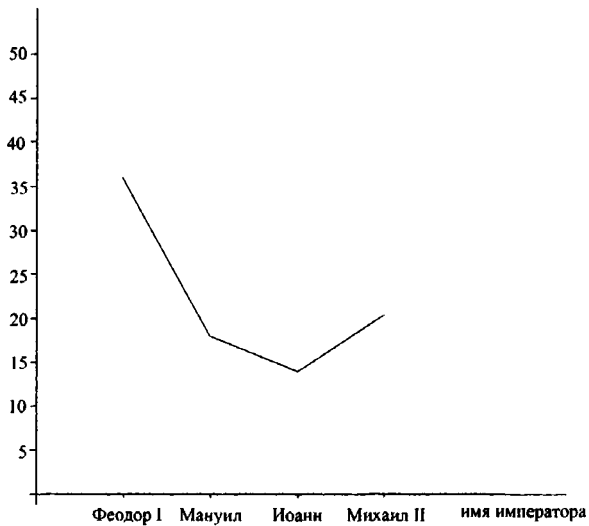

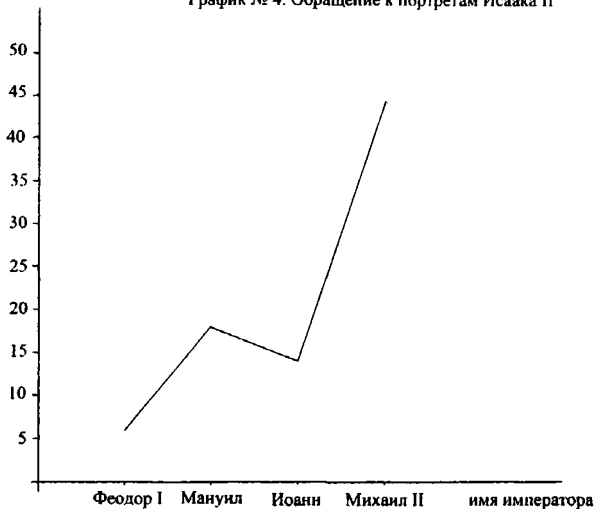
График № 3. Обращение к портретам Мануила I

количество обращений
к портретам (в %)

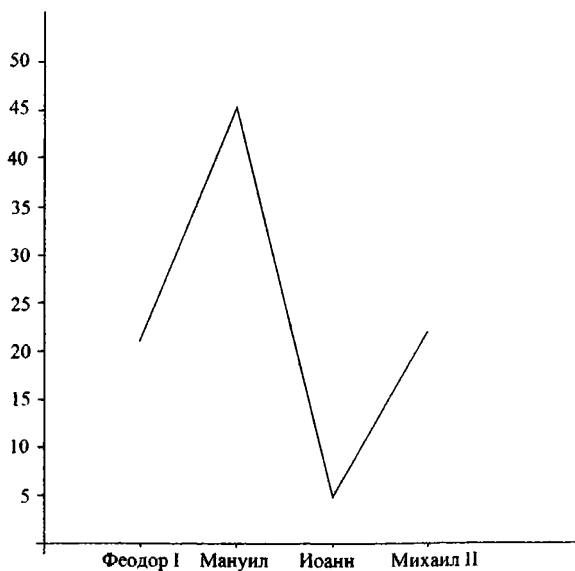
количество обращений
к портретам (в %)

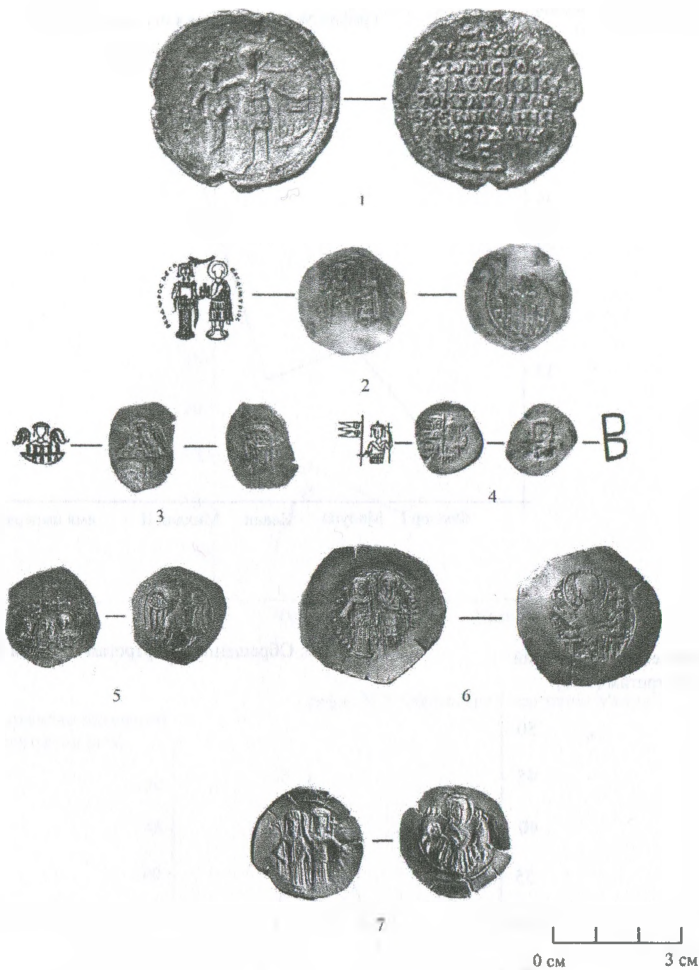
График № 4. Обращение к портретам Исаака II

количество обращений
к портретам (в %)

График № 5. Обращение к портретам Алексея III

Иллюстрации. Фотографии и прорисовки печати и монет эфирских правителей (1 - печать Иоанна, 2, 6 - номисмы Феодора I, 3-5 номисмы Иоанна, 7 - номисма Иоанна III Дуки Ватаца). Иллюстрации взяты: 1-4 - из статьи С. Морриссон (*Morrisson C. The Emperor, the Saint, and the City... III. 7, 15, 21, 24*), 5-7 из каталога М.Ф. Хенди (*Catalogue of Byzantine coins... Vol. 4. Part 2. Pl. XXXVIII. 2a.2; Pl. XLII. 8; Pl. XLVIII. 2*).

Summary

The Fourth crusade founded the new period in the history of Byzantium. Fall of Constantinople and establishment of Latine Empire became an impulse for creation of several Greek states: Principality of Epirus, Nicaean Empire and Trebizond State. Leaders of these centers fought against crusaders for the Byzantine lands, and actively competed with each other for the right to become the emperor. Fight between them meant not only rivalry for the throne, but also opposition of the different political systems which were within the Byzantine tradition. One of the strongest participants of this fight was Principality of Epirus established in 1205 by Michael I Doukas on the west of the Balkan Peninsula. Skillfully manoeuvring between Venice, Rome and Latine Empire he could considerably expand his ownerships. His brother, Theodore I has liberated Thessaloniki where has been crowned in 1227. However, defeats from the Bulgaria (1230) and the Nicaean Empire (1259) have not allowed Doukai to mount the throne in Constantinople. Despite open opposition with the Nicaean Empire, the Principality of Epirus remained integral part of the Byzantine political history and culture. Therefore the main attention in this work is drawn to its political elite (upper class of the aristocracy and clergy which representatives possessed the public power) as a bearer of traditions of the Byzantine Empire. In Epirus they were from highest circles of aristocracy and clergy connected with ruler by the kindred relationship, honored with titles and/or holding the highest positions in

secular and church administration (despots, sevastokrators, metropolitans, mesazons, imperial grammars, eparchs etc.).

The chief goal of research is the defining degree of the political and public importance of elite in Principality of Epirus, her places as the mediator between ruling dynasty and other society.

In Chapter I "Sources and historiography" are considered sources and an historiography of the specified problem. A circle of sources make: 1) acts of Michael I, Theodore I, Manuel and Michael II Doukai; 2) letters belonging to epirote highest clergy: Demetrios Chomatianos, Ochrid archbishop, John Apokaukos, metropolitan of Naupaktos, George Bardanos metropolitan of Kerkyra; 3) historical chronicles and compositions of the Byzantine and Western European authors: "History" by George Akropolites, the Chronicle of Morea written by the unknown author, "The Conquest of Constantinople" of Geoffroi de Villehardouin, "The Roman history" by Nikephoros Gregoras, "History, beginning with John Comnenos reign" by Niketas Choniates, "Story about Michael and Andronicus Paleologoi" by George Pachymeres, etc.; 4) sphragistic and numismatic collections, epigraphical material.

The previous researchers (F.I. Uspensky, D.M. Nicol, A.D. Karpozilos, G. Prinzing, B. Ferjančić) have taken up questions of the relations in the upper class of epirote society, their role in government and formation of ideology. However these aspects have been investigated separately that doesn't allow to study the main processes of generation and development of political elite in Epirus.

In Chapter II "Generation of political elite's structure in Principality", we considered the following aspects: 1) distribution of power among ruler and his close relatives;

2) composition and functions of ruler's retinues; 3) kindred relationship, friendship and patronate ties.

In Chaptres III "Deconsolidation of political elite" are considered: 1) desintegration of Empire and establishment of power by Michael I; 2) development of "appanage" system among the Doukai; 3) manoeuvring of local elite between epirotes and nicaeans rulers; 4) setting apart among metropolises and eparchies.

In Chapter IV "Legitimation of power by the Doukai of Epirus" we considered: 1) titles of rulers, 2) their family and territorial belonging; 3) iconography of epirotes Doukai and their heavenly patrons; 4) permission from elite; 5) self-identification among high clergy and aristocracy.

Conclusion contains following results. Generation of political elite's structure in Principality was going in the context of desintegration of Byzantium after 1204. Population of Epirus, where, as in other provinces, power have belonged to local administration and landed aristocracy, didn't wish to separate from centre, recognizing in 1203—1204 power of Alexios IV. After the fall of Constantinople the power of local ruler Senachereim were recognized illegal. This factor, as well as ties with Comnenoi and local aristocracy, permitted Michael I Doukas to establish in Epirus his own state.

The generation of elite in 1205—1230 was tied with Byzantine practice of XIIth century. Epirotes rulers, as well as Comnenoi and Angeloi, owned highest administrative, judicial and military power. The problem of power's distribution among ruler and his close relatives, wich was tied with dynastical crises in XIIth century, was solved by the system of "appanages", which rulers have wide administrative and military functions, owned titles «despot» and succeeded the epirote throne. The generation of such practice

was tied with practice of land domains, belonging to descendants and relatives of emperor in XIIth century.

Doukai have kindred relationship with three large aristocratic kins: Petraliphai, Maliasenoi and Melisenoi, whose being in political elite were on term of loyalty to Doukai. Beside large aristocratic kins, to political elite belonged ethnical rulers (albans, vlachs, slavs), who partly were relatives of ruler, partly — served to Doukai on the basis of personal fidelity. Other group consisted of less noble and rich aristocracy (Gorianitoi, Plytoi, Kabasilai), who have key posts in administration.

Control under the Church on ruler's part and creation of church autonomy led to emergence as a part of ruling elite the group of eparchs who held considerable authority among the population of the diocese headed by them. The main condition of their being in this group was, as well as in the previous cases, loyalty to the ruler.

For the generation of epirote elite is characteristic high vertical mobility, which was caused by process of state's formation on the provincial basis and inclusion local aristocracy in the ruling circles of Principality. Overcoming this mobility was promoted by the consolidation of elite on the basis of kindred relationship, friendship and patronate ties. Some kins were presented both in Church, and in secular administration that was the real tool to keep their positions.

Generation of political elite in 1205—1230 proceeded from traditions of the XIIth century and found similarity to the processes in other Greek states: Nicaean Empire and Trebizond Empire.

On the other hand development of ruling circles during 1230—1261 was more specific and was characterized by some extent of deconsolidation. First of all, it is

system of the separate possession belonging to Doukai, which was formed according to the contract signed at the end of the 1230th on the basis of “appanage” system. The new system meant existence of firm ties between the ruling dynasty and local elite. Development of this system showed that in some areas these ties were steady, in others — broke up under the influence of foreign states. Not least, destruction of these communications was promoted by the policy of Doukai in 1205—1230 consisting in extension of privileges of landed aristocracy, heads of ethnic areas and a top of cities, which were carried out in certain cases at the expense of other social groups.

This situation considerably distinguishes epirote elite from nicaean and trebizond, acting within ideas of uniform power of emperor.

A bit different situation is characteristic for the epirote clergy which “separation” from the power of patriarch was not beyond autonomous Church. After 1230, during deconsolidation of aristocracy, epirote clergy, on the contrary, recognized all completeness of patriarch’s power, refusing the idea of autonomy, unlike the Trebizond Empire where church autonomy was legally recognized by the Ecumenical patriarch.

The listed processes caused the principles of legitimation of power by the Doukai and self-identification of highest aristocracy and clergy.

The principles of legitimation representing symbiosis of the universal idea and the idea of a regionalism meant the address, as to elements of traditional political Byzantine ideology, and use of the elements representing the “local” power of Doukai. Epirotes rulers in 1205—1261 positioned their power as hereditary and extending to strictly certain territory. Acceptance of title “emperor” or

“despot” depended on foreign policy and was addition to the theoretical basis of the power. This circumstance divided by representatives of political elite (highest clergy and aristocracy) set the main vector of development of the Principality which passed a way from “appanage” to the Empire and then — to the system of the separates territories which united later to one area.

Epirote clergy possessed the system of the self-identification combining both traditional Byzantine and local representations. Eparchs marked their right for autonomy, but at the same time considered himself as a part of Church, recognizing the patriarch’s supremacy. The aspiration to autonomy also left a mark on representations of aristocracy: large aristocratic kins considered themselves as the “younger” members of a dynasty, who have hereditary rights for the power and recognize supremacy of Doukai. The same as clergy, aristocracy represented itself as a part of local community that received expression in the choice of the Saint, the patron of community, as the defender of the notable person.

Illustrative part of research is presented in attachments 1—3. Attachment 1 contains genealogical stemma of Doukai and maps of the Principality of Epirus at four moments: 1214, 1230, end of 1230th and 1261. In attachment 2 are placed tables, which demonstrate composition of elite, its ties with Doukai and among itself, and also generation and development of Doukai’s iconography. In attachment 3 there are graphs, which characterize some tendencies in iconography and plate, which illustrates portraits of Doukas and their heavenly patrons on sphragistic and numismatic material.

Contents

Introduction	7
Part I. Sources and historiography	19
Part II. Generation of political elite's structure in Principality	
§ 1. Distribution of power among ruler and his close relatives.....	67
§ 2. Composition and functions of ruler's retinues	80
§ 3. Forces of consolidation among ruling elite (kindred relationship, friendship and patronate ties).....	121
Part III. Deconsolidation of political elite	
§ 1. Desintegration of Empire and establishment of power by Michael II	162
§ 2. Development of "appanage" system among the Doukai	181
§ 3. Manoeuvring of local elite between epirotes and nicaeans rulers.....	188
§ 4. Setting apart among metropolises and eparchies.....	198
Part IV. Legitimation of power by the Doukai of Epirus	
§ 1. Titles of rulers	220
§ 2. Family and territorial belonging.....	230
§ 3. Iconography of epirotes Doukai and their heavenly patrons.....	242
§ 4. Permission from elite	258
§ 5. Self-identification among high clergy and aristocracy.....	276
Conclusion	320
List of abbreviations	325
Bibliography	326
Attacment 1—3.....	355

Научное издание

Сергей Александрович Денисов
Политическая элита Эпирского царства
в 1205—1261 гг.

Макет и оформление Ю.В. Балабанов

Редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный
адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 1.02.2017. Формат 84×108/32. Заказ № 149.
Тираж 500 экз. 25 п.л. 16,0 уч.-изд. л.

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«**Центр гуманитарных инициатив**»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему
спектру гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики,
истории, социологии и политологии.

Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих
научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2017 г. в рамках серии
предполагается опубликовать:

А.Ю. Серегина

**Английское католическое сообщество
XVI–XVII вв.: виконты Монтепо**

Монография представляет собой первый в мировой историографии труд, исследующий механизмы, делавшие возможным сосуществование религиозного меньшинства — английских католиков — с протестантским большинством в Англии второй половины XVI—начала XVII в. Католическое сообщество рассматривается в его взаимосвязях с английским социумом на разных уровнях: от прихода и графства до двора, парламента и Тайного Совета, а также и с католическими сообществами за пределами страны. Работа следует принципам микросоциального исследования и сфокусирована на детальном анализе политических, социальных и религиозных аспектов жизни одной из структурных единиц английского католического сообщества, а именно, окружения виконтов Монтепо из графства Сассекс.

Книга основана на обширном корпусе источников, полностью охватывающем все тексты, как архивные, так и опубликованные, которые связаны с историей семьи Монтепо и ее окружения.

Для историков, культурологов, специалистов в области истории религии, и широкого круга читателей.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Серия MEDIAEVALIA

Средневековье как историко-культурный феномен.

Основана в 2015 г.

Составитель и главный редактор А.К. Гладков

В 2017 г. в рамках серии
предполагается опубликовать:

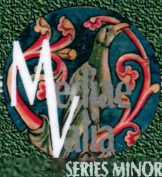
С.А. Польская

**Христианнейший король: образы
власти в репрезентативных стратегиях
французской монархии (IX–XV вв.)**

В монографии рассматривается актуальный для современной исторической науки комплекс проблем репрезентации высшей политической власти в средневековой Франции на протяжении длительного времени: от позднекаролингского периода до окончания Столетней войны. Исследование построено на анализе разнообразных источников (коронационных *ordines*, законодательных документов и актового материала, юридических, политических, исторических и богословских трактатов, реестров и описей аббатств), в том числе протоколов инаугурационных церемоний французской монархии, благодаря привлечению которых удалось рассмотреть итоги реализации ее публично-правовой функции. Особое внимание в работе уделено анализу символов и образов власти, а также становления и развития королевского культа, опыта понимания его сакральной природы вплоть до наступления эпохи абсолютизма, матримониальных стратегий и трансформации французской модели за пределами королевства.

Для историков-медиевистов, политологов, юристов, культурологов, а также широкого круга читателей.

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com
или электронный адрес издателя: unikniga@yandex.ru

Падение Константинополя под ударом крестоносцев в 1204 г. стало тяжелым испытанием для Византийской империи. Потеря столицы превратила державу ромеев в отдельные центры, лидеры которых боролись с латинянами и соперничали между собой за право носить императорский титул. Представленная работа посвящена истории одного из таких центров — Эпирского царства, располагавшегося на западе Балканского полуострова и являвшегося одним из главных участников борьбы за византийское наследство. В монографии рассматриваются вопросы, характеризующие его политическую элиту, сконцентрировавшую в своих руках государственное управление и стоявшую за победами местных правителей. Исследуется распределение власти внутри правящей династии, состав и функции приближенных правителя, факторы их консолидации, формирование и рецепция ими государственной идеологии

